

АРИСТОКРАТЫ

БАСА

Родилась в известной на весь мир семье...ах да... это уже было.

Восемнадцать лет под личиной Аристократки сделали из меня прекрасную, уважаемую всеми леди, а последние четыре месяца показали насколько мерзкое, отвратительное существо жило внутри.

Теперь предстояло узнать, какое из отражений в зеркале настоящее.

А так ли это важно, кто главная Аристократка или Бастард? Важно одно — я не в состоянии забыть своего врага.

Глава 1 "Оживший труп"

Глава 1

POV Хаски

Когда смотришь на мир свысока, все кажется ничтожным, невзрачным. С малого возраста, сидя в корпорации, смотрел из этих окон, занимавших целую стену. Поначалу с отцом, а потом все чаще один и один. Когда выключал свет, мир с пятьдесят пятого этажа казался никчемным, жалким, пустым клочком — эта мнимая красота, яркие огни города на фоне беспросветной тьмы. И эти красивые вспышки меркли, поглощенные чернотой.

Все это перед глазами — пустое, но оно в моих руках. Мог раздавить, сжав в пальцах, мог передать благодать. Но никто не достоин одобрения, лишь тот, кто смог пойти против моего мнения.

Знал, что займу место отца, не давали права выбора, первый по старшинству наследник, если раньше не сдохну, то получу эту тьму под окнами.

В кабинете ни единого света, в корпорации глухая тишина, давно поздний час. Изредка слышны шаги охранников по коридору. Подпер стул к окну, ноги положил на второй, сидел и смотрел на этот мир, а спутник планеты, сегодня особенно крупный, жег яркостью глаза.

В сотый раз протер уставшие веки, но закрываться те не желали, несмотря на поздний час. Будто какой-то урод насильно придерживал в одном положении.

Кабинет насквозь пропах сигаретами, ненавидел курить в помещении. Это омерзительно.

Встал со стула. О спинку невольно притронулся ладонью, ноги подкосились от резкого поднятия. Бастард подери! Крепко ухватился пальцами, до легкой ломоты в конечности. Надо было так нажраться...

Какой-то неожиданный и громкий стук донесся до помутневшего сознания, щелк? Стук? Как будто что-то назойливо стучало в мозг. Какой противный звук.

Сконцентрировал взгляд предположительно на том месте, откуда доносилось это что-то непонятное.

В окно со всего размаху темная точка небольшая, как баскетбольный шар, врезалась и поспешно отлетела назад. Нечто порхало крыльями на фоне сверкавших звезд. Разлетелось и опять щелкнуло в окно, похоже клювом.

Только этого не хватало.

Я руку отсоединил от спинки стула и почти трезвой походкой дошел до окна. Стекло разобьет ведь, повернул ручку впуская черное, небольшое существо.

Ворон, кажется, или кто он сегодня. Хорошо, не орел.

Вдохнул прохладный воздух в легкие, так лучше, чем ощущать гниль табака в помещении.

Развернулся и увидел, что на мой стул между прочим уселся, а мне куда? Сидел черный ворон и смотрел черными бусинками глаз пристально в глаза.

— Если нотации пришел читать, катись вон туда! — указал пальцем приблизительно себе за спину, чуть в глаз не ткнул. А пернатое существо сидело на мягком стуле и головой крутило то чуть вверх, то вниз. — И как ты нашел?

Смирился, что побыть одному не дадут, обреченно рухнул на стул возле окна, где ноги

мои располагались раннее, брюки испоганю. А похерррр... все похерррр...

Курить, срочно курить, а лучше отрубиться. Где сигареты? Обвел помещение пьяным взором. На столе, это далеко. Не дойду.

— А зачем читать нотации, ты сам неплохо справляешься с этой целью, — голос-то человеческий.

Жуткое зрелище, когда мелкие, корявые лапы пернатого существа начинали изменяться, удлинялись, становились крупнее и приобретали форму человеческих ног, голые стопы коснулись пола. Затем тело проходило трансформацию, хрустели кости, обрастали мышцами, вздувались вены, наливались кровью.

Самое уродливое зрелище — человеческое огромное, обнаженное тело, по сравнению с малюсенькой, черной головой вороны.

Моргнул и передо мной — Виталик.

— В шкафу возьми что-нибудь, — кивнул вбок, там моя одежда на всякие случаи жизни висела. Дорадо прошел, только голого мужика не хватало, лучше бы бабу привел голую. Работа не отвлекала, алкоголь тоже, может баба какая отвлечет, правда отчего?

Вернулся друг, вполне одетый, в шорты, правда в разы большие, чем сам.

И почему не спит, скоро рассвет.

— Какого надо? — огрызнулся. Мой стул заняли и я хотел побыть один.

— Чем занимаешься? — как же хотелось выкинуть Виталика в окно, с пятьдесят пятого этажа, причем без трансформированного тела, а вот таким.

— Развлекаюсь, — насмешливо ответил, ладонями указал по обе стороны от себя — одной к шкафу, другой к столу. — Видишь, гуляю, баб трахаю, развлекаюсь по полной.

Перестал резко строить из себя клоуна, это не мое амплуа.

Точно, забыл, я же могу пачку со стола ветерком к себе вернуть. Взмахнул ладонью, прищурившийся одним глазом. Пепельница с бычками с жестким стуком ударилась о деревянный пол. Превосходно. Пепел рассыпался рядом на красный ковер. Великолепно. Я раздраженно хлопнул по ляшкам ладонями.

Промахнулся, попытка номер два — взмахнул одним пальцем в сторону белкой пачки, и она в руках.

— Долго будешь буравить? Мне одному неплохо, — сквозь зажатую в зубах сигарету я пробубнил другу. В этот момент, как раз подставил большой палец правой руки с легким огоньком и прикурил. Очень удобно без зажигалки, забываю иногда в других штанах, а тут палец подставил и готово.

Виталик опять молчал. Бесило внимание и молчаливый укор во взгляде. И я зучал внимательно смотрящего на меня друга.

— Что выпиваешь? — этого вопроса не ожидал услышать от Виталика, я был готов огрызаться.

— Не помню. Начал с легких напитков, заканчиваю чем покрепче.

— Я думал сегодня будешь в поместье? Вроде, была назначена встреча с мамой?

— Не в состоянии улыбаться ей, а не буду улыбаться, будет переживать, — ответил я.

Хочу отрубиться, заснуть. Закрыл глаза, надеясь, что благодатное состояние покоя возьмет в свою обитель хоть сейчас.

— Скажи зачем? — сквозь мутный, сонный поток расслышал в темноте.

— Зачем продал Бастарда? — усмехнулся, открывая глаза. — За-тем. Шлюха должна знать свое место... я ее взял...я... она должна судьбу благодарить, что я... обратил на нее

внимание...

Пальцем указал на грудь, где зажгло внезапно, какое странное ощущение. Каждый раз, как вспоминал уродливого Бастарда, перевернувшего мой мир горело, полыхало пламя. Оно жгло изнутри. Никогда не знал боли ожогов, а сейчас в его реве глож, особенно сегодня рядом с Ними двумя. Продолжал говорить, пытаюсь остудить пламя в груди:

— Я...слышишь... она моя была... а она... она...сука неблагодарная... передо мной строила оскорбленную невинность вечно... заставляла себя облизывать, как какую-то Аристократку великую, а на деле... шлюха и та чище! Пока со мной трахалась попутно и Трески развлекала!

Бычок с трудом швырнул себе за спину, попал, кажется, в окно, потому что в спину угольков от сигареты не прилетело.

— Ну это? по крайней мере? имеет хоть какой-то смысл, — поджал губы Виталик, и продолжил делать вид, что слушает. Я махнул раздраженно рукой, о чем говорить. Много чести — попользовались и забыли.

— Проверенная хоть информация? — долго напрягать мозг будет, лучше бы Польски пришел, его бы послал.

— Мои глаза — лучше всяких доказательств. Мне она всегда говорила НЕТ! Всегда! А ему... слушай, хватит. Я здесь пью и если тебе нечем заняться ранним утром, то поддержи компанию, только мне встать лень, — показал на бутылку на столе.

Энергия вряд ли поможет, сигареты с трудом переместил, а алкоголь точно уроню.

Виталик молчаливо прошел уверенной, твердой походкой к столу, я так вряд ли смог бы.

Когда я засну все-таки? Хочу отрубиться, чтобы мозг вырубил, перестали мысли раздирать изнутри, вытащить их из черепа, больше никаких напоминаний о Бастарде. Прочь из моей памяти, мелкая тварь.

Мне очень хотелось бы узнать, зачем я здесь? Солнце в глаза светило невероятно, приходилось отворачиваться спиной к окну и прятать голову в сложенных руках на парте. Лопатки жгло особо настырно, периодически раздраженно поднимался. А преподавательница монотонным бубнением мешала спать. Слева Виталик повторял точно мою позу.

Это была его глупая идея с утра пойти на лекции, мы закончили пить два часа назад.

Меня как будто в мясорубку завернули и раз десять перевернули в ней, почти в фарш превратили. Это так похмелье сказывалось или что? Отчего-то хреново.

— В первом тысячелетии Бастарды занимали чуть больше половины страны, пятьсот лет назад противостояние двух видов достигло апогея... — и здесь Бастарды. Их всего пять тысяч, зачем столько о них говорить? — Более того, их постоянные эпидемии сказывались и на нашем благополучии...

Еще можно найти миллион причин. Ответ прост — мы не хотели делить власть. Мы — сила, они — слабое звено, которое слишком много требовало внимания. Чтобы возвысить наш вид надо было уничтожить их — тех, кто тормозил наше развитие.

Я, наконец, в последний раз разогнул спину, выпрямляясь на стуле, и громко прервал вдохновенную речь преподавательницы:

— Да. да... поэтому мы их, как крыс, собрали в огромной яме и распылили вирус, глядя как они медленно подымают, день за днем перестают дышать, умирают от заражения крови, — я улыбнулся женщине, мою речь не смели перебить.

— Да. Это же вы отдавали приказ, ваша семья, Дмитрий Сергеевич?

— Мы, Вильмонт и еще десятки семейств убивали низшую расу, — может ну его лекцию, лучше на работу? Телефон разрывался от сообщений, хотя мозг в состоянии желе, и вряд ли что-нибудь дельное наработаю.

Настроение — отвратнее, чем вовремя реабилитации, когда руки пришивали. Три дня не вставая, ощущал постоянную, ноющую боль от наращивания мышц, вен, кожи на обрезанную плоть рук в районе плеч. Казалось с ума сойдешь от адского шума боли во всем теле, больше не в состоянии был ни на что отвлечься. Это были самые долгие дни. И самые запоминающиеся.

И в тот момент понял одну важную для себя вещь — если не ты, то тебя. Поэтому я никогда не сожалел о содеянных поступках, делал так, как было нужно.

Дверь в аудиторию открылась немного скрипуче. Зажмурился от этого звука — сегодня мой персональный ад, что ли.

Трески!? Только его рожи не хватало, раньше надо было уходить.

— Доброе утро, извините, ночка выдалась жуть, какая напряженная! — с довольной мордой это существо поднималось по направлению нашего последнего ряда. Виталик слева от меня поднял лицо, у него на правой щеке отпечаток линии от тетради. Смешно, только смеяться ни хрена не охота.

Догадался сесть не к нам за длинный ряд, а спереди на шестой. И развернулся, спиной к преподавательнице, пока та продолжила лекции. Руки этот урод положил на спинку стула и смотрел, тварь, на меня, как будто умыкнул из-под носа добротную жилу или какой-то важный договор.

Я пальцами не хотя забарабанил по столу, на что Виталик отреагировал, чуть вздрогнул слева.

— Что надо? — разговаривать я заново научился, ночью не мог связать и двух слов.-

— Да так, — насмешливо ответил Макс, поиграл брови, приподнимая вверх-вниз. Клоун на выгуле.

Но Трески не отвернулся от нас, достал телефон из кармана, изучил насмешливо экран и внезапно нагнулся ко мне. Протянул предмет связи перед лицом. — Оживший мертвец — Вильмонт? Слышал? — уточнил, ткнув в меня свободным пальцем.

Вырву, если не перестанет указывать в мою сторону пренебрежительно. С удовольствием возьму его хлипкие пальцы и заставлю жалкие кости хрустеть, а суставы выкручиваться.

— И что? — глухо спросил я, пальцами перестал стучать по столу, самого стало раздражать. — Мне срать, что там с Вильмонт.

Макс засмеялся, чем привлек наше удивленное внимание с Виталиком и даже преподавательницы. Через несколько секунд вроде перестал смеяться, и озвучил, правда с жутким прищуром узких глаз:

— Ты свою девочку не научил групповым игрищам?

Когда придавило грудину стальной плитой и разорвало селезенку такого шквала эмоций не получил. С трудом сидел с непроницаемым лицом. Я мастер переговоров был не в состоянии найти подходящую для диалога фразу.

А Макс со смешком продолжил давить, сука, плитой на грудь:

— Она поначалу сильно кричала, плакала... — почесал свой нос собеседник, по которому хотелось с ноги ударить, разбить в мясо. — Кстати тебе звала... но потом ничего,

вроде привыкла... Сладкая девочка... пришлось зашивать с утра, к врачу ехать.

Легко, спокойно, без надрыва я встал с места, стул чуть скрипнул, отъезжая назад. Нормально, как адекватный человек, без лишних слов и действий прошел мимо Виталика, тот молчаливо проводил взглядом мое перемещение.

Очень вальяжно я покинул аудиторию перед глазами преподавательницы, но кто бы знал каких трудов стоило не выбить к Бастардам эту дверь позади себя!

Вышел в пустой коридор поднял руки, хотел взлохматить волосы, а там почти лысо, забыл, что подстригся. Ладони все в каплях пота, запястья, все тело стало влажным, липким. Брезгливо сморщился от собственного отвратного, должно быть вида. Пора успокаиваться, приводить себя в порядок.

POV Вильмонт

Это второй день, когда я дома. И только сейчас стояла перед зеркалом в душе, под ухом шумела вода, пар застилал глаза и периодически приходилось протирать зеркало тыльной стороной руки, а второй — держала желтую губку и терла.

Терла. Терла до покраснения, аккуратные уголки нарисованной наклейки, стирала каждое за ветвление, каждую черточку, что связывала с Арзонтом. Любое напоминание о нем. Об этом городе.

Нажимала с такой силой, что кожа начинала болеть вокруг глаза, синяков не боялась только бы избавиться от любого напоминания о том месте и том времени в обличии Бастарда. Я, наверное, пыталась губкой пробраться в голову через висок и очистить память о прошедшем времени. Напрочь. Чтобы ничего и никого не помнить.

Искал меня Трески или пыл его остыл? Буду надеяться на лучшее, что больше никогда не встретимся.

Наклейка почти стерлась.

После душа в ванной комнате было очень душно и жарко. Кожа распарилась, стала красноватой, и я не понимала от чего то ли от того, как натерла, то ли от температуры воздуха. В одном полотенце, закрученном вокруг талии, было жарко.

Я бы могла стоять и голой, но мне противно смотреть на это тело. Его трогали, над ним издевались. Его использовали. Трахали только мое тело, его брали в плен и возвращали спустя некоторое время. Оно противное, чужое. Не хотелось за ним ухаживать, как раньше, незачем больше.

Донеслись три коротких стука. Похоже на аккуратистку Алису, но младшая сестра должна быть в школе.

— Водоплавающая рыбка! — громко позвал нахальный голос старшей. А Саша что здесь забыла? Она уехала в семь утра, вроде съемки нижнего белья очередные. Папа называл ее работу порнухой.

— Что? — глухо отозвалась, расческу кладя на туалетный столик рядом с собой. Под руку поближе. Волосы свисали до ляшек, мокрыми завитками касались обнаженной кожи. А последние минут пять я их просто гладила, чтобы, наверное, привести мысли в порядок.

— Открой? Не удобно стоять под дверью и орать, — ответил голос под дверью.

Я запоздало оглядела себя в зеркало. Там, где была раньше тату: вся область глаза, щека, висок — все красное, раздраженное.

Я бодро открыла дверь, по возможности нарисовала искреннюю улыбку на лице. Потеряла дар улыбок, больше не могла приносить радость людям, как раньше.

Александра — двадцать три года, старшая из нас, безупречная женщина с точки зрения красоты. Как уже рассказывала длинноногая блондинка. Красный диплом Вышки с прошлого года, хоть и блондинка, но сообразительная. Правда сестренка у меня трусливее мыши. И как Хаски мог бросить...? Нет. Хватит. Я забуду обо всем. Забуду до конца.

— Что за кошмар вернулся вместо моей сестры? Смотреть страшно, — вздохнула она громко, при этом закатила глаза к потолку.

Саша никого не боялась обидеть. Да, я тоже не боялась, а теперь сто раз подумаю, прежде чем что-то сказать. Я такая стала трусиха, сломленная трусиха.

На ее реплику улыбнулась, мне совсем не обидно. Так даже лучше никому не нравиться, чтобы никто меня не хотел, не пользовался, как посудомоечным средством. Использовал и смыл в раковину.

— Тебе нужно отдохнуть, мелкая, — сестра зашла в ванную комнату, встала возле порога. Оглядела пространство. Что выискивала интересно? — У Айвзович в субботу девичник. Она присылала приглашение, но кое-кто больше не заходит в соц сети. Оживший труп желают поприветствовать.

— Времени не было, — пожалала плечами. — У меня планы на выходные...

— Какие? — хмыкнула она. — Сидеть в четырех стенах и смотреть любовные сопли?

С трудом сдержала лицо бесстрастным: больше никаких соплей, никакой романтики, никакой любви. Я не желала о ней знать и видеть рядом с собой. Никаких влюбленных голубков, никаких мужчин рядом.

— Нет поверь. Никаких соплей розовых. Просто мне необходимо время, чтобы вернуться в привычное русло. Не хочется никого видеть, — сестра плечом разлеглась на косяке двери, возвышаясь надо мной. Она очень высокая модель. Сестра скептически оглядела меня с ног до головы.

— Тебя, как будто, убили в Арзонте, а сюда вернули бездыханный труп, — она усмехнулась, но попала в очко. — Кончай, киснуть. Давай, как раньше тусанем на выходных. Ты, я и парочка неоперившихся, наивных юношей на задних лапках возле нас?

Я пожалала плечами равнодушно, улыбнулась, как бы не говоря ни да ни нет, а потом озвучила:

— Как скажешь, только дай время взвесить все.

— Ты цемент разгружала? Взвешивать она собралась, двинься...

Сестра обошла меня сзади и, деловито вцепившись руками в плечи, пододвинула не сопротивляющееся тело к зеркалу. Взяла расческу и прядку волос. Погладила. Всегда она любила делать прически.

— Что с твоими волосиками? — ужаснулась Саша, подняв поближе к глазам прядку. — Посмотри, они секутся. Тебе нужно срочно к Марине записаться, а то скоро лысой останешься, а это что за обрубки? — подняла мою руку в воздух, внимательно разглядывая.

Ногти. Там приходилось обходиться минимальным маникюром, срезать почти на максимум и подпиливать. В любой момент могла понадобиться способность обороняться.

Я лишь натянуто раздвигала губы в улыбке и не знающе пожимала плечами.

— Я тебе... я тебя запишу на выходные к Маринке. Правильно, нечего высший бомонд пугать чучелом.

Сестра не со зла, я знала. И впервые, как приехала улыбнулась не потому что надо, а потому что хотела — в зеркало. Хоть сестра этого и не заметила, а только трещала, как птичка, не переставая вокруг меня.

— Аня, поговори с матерью... — это было после того, как возмущенные возгласы по поводу неудовлетворительного облика завершились. — Она поклялась отцу разводом. А он гордец, как ушел так и не приходил. Только тебя мама слушает. И в конце концов, поговори с отцом, поблагодари — он же спасал тебя.

Меня? Меня он спасал? Лучше бы и вправду умерла припадении ПБ-ов. Я и не знала, за что благодарить. Пока не в состоянии испытать благодарность, сейчас злилась, изнывала от гнева и ненависти в груди, по причине того, что отдали в руки извергам.

Глава 2. "Макс Трески"

POV Макс Трески

Крайне необходимо было попасть сегодня к Баллийцам, вылет через полчаса, по времени успевал точь-в-точь.

А вообще обожаю Баллийцев — славные ребята, территория, конечно, меньше нашей Немийской раза в два, зато там круглый год тепло, как в Арзонте. У нас, собственно, один курорт Арзонт с морем, а у тех вся жизнь подстроена под развлечения для туристов на воде.

Баллийцы в ус не дули, когда впервые столкнулись две расы, ничего не потеряли, ничего не приобрели. А вот наша жизнь пошла под откос. Ублюдки Баллийцы подышали на нас и заразили вирусом Бастардов. Это вторая теория, что именно из-за них в нашей крови поселился этот страшный вирус, который губил людские жизни. Как могли мы теперь сражаться с ним, еще на этапе нахождения в утробе матери.

У них Баллийцев Председатель правления — мужик по кличке Барс. В молодые годы наворовал у Немийцев, а потом сбежал за границу с кучей денег. Теперь властвовал, в жарком мире Баллийцев.

С недавних пор высокопоставленным особом запрещен въезд на их территорию, только по специальному разрешению. А я не высокопоставленная особа, мог с легкостью пересечь границу.

Со спортивной сумкой, перекинутой через плечо, обводил равнодушным взглядом собравшуюся толпу людей в здании аэропорта. Жарко, глубоко вздохнул, поправил ворот сорочки, часы на запястье, сверился со временем. Туфли идеально-черные блестели.

Впереди официальная встреча с Барсом — крылья, мне нужны их крылья. Если Хаски не желали принимать это нововведение, то нам как-то с высокой колокольни на их мнение.

Мы занимаемся строительством многоэтажных домов, под шестьдесят этажей бывало. Не выгодно, нанимать на работу исключительно людей, обладавших способностью к полетам, таким нужно платить больше, чем обычным разнорабочим, они еще ухитрились бастовать.

Поэтому нам нужны крылья, нанимаем обычных работников со специальностью строитель, надеваем крылья и всё. У нас в Арзонте круглый год солнце, заряд у прибора никогда не кончится, если только ночью.

Так что отец, дал важное задание — слетать к Баллийцам и встретиться со старшим Барсом. Это очень ответственное дело и если провалю... сам себе не завидую.

Не заметно подошла моя очередь. Показал документы девушке на стойке регистрации, поставил сумку на багажную ленту.

— Доброе утро! — вежливо улыбнулась работница аэропорта, немного старше моего возраста, стрельнула глазками, этакий оценивающий взгляд моей персоны. Пялься женщина — только не съешь, я предпочитаю более аппетитных, таких, чтобы было за что ухватить. Вот Ананина, ничего, аппетитная девочка, жаль сбежала, ну да ладно. Не будем о грустном.

Поставил локти на стойку перед собой, включил немного обаяния:

— Доброе! А побыстрее никак, я очень, очень спешу. Хотелось бы покончить с официальной частью и отдохнуть в зале ожидания. Понимаете, работы много...

— Конечно, — ответила служащая, глаза спрятала в компьютере перед собой, стучала

по клавишам громко и раздраженно. А я подпер ладонью голову. И долго здесь стоять?

— Эмм... Максим Игоревич? — спросила вдруг женщина.

— Да? — устало вздохнул.

— Загвоздка небольшая...

— Какая?

В ответ женщина подняла взгляд на меня, а потом в бок за плечо. Инстинктивное чувство опасности, желания сохранить жизнь подсказало обернуться.

Как подсказывало сознание, так и поступил.

Охо-хо-хо! Я даже не выдержал немного рассмеялся, чтобы конечно не подумали, что совсем туго с головой.

Передо мной три КМД-ника — команда мгновенного действия, в серых, просторных костюмах и черных сапогах, без ружей, без надобности. Только в масках на лице.

— Максим Игоревич, вам запрещено покидать пределы Немии, — по центру мужик протянул руку с несколькими бумажками.

Я расслабленно спиной оперся о стойку позади себя, мы начинали собирать, кажется, любопытную толпу.

Сам же принялся изучать бумаги перед глазами: документы охранника с его положением и мой запрет на выезд. Никак улыбка не сходила с лица.

Я вернул документы и изучил троих спецов перед собой. Вместо костей — сталь, никакого ощущения боли для них не существовало, вместо крови яд, не дай всевышним силам, попадет на кожу, разъест. Эмоций у них нет, существовали посредством фамильных колец Вильмонт и Хаски.

И секретом разработки этих тварей обладали единственные в истории две известные семьи.

А самое главное вот этот урод передо мной сейчас может приказать мне перестать дышать, и я это сделаю. КМД-ки и КМЗ-ки воздействовали гипнотически на наш мозг — идеальный представитель правоохранительных органов не находите?

Мы долго изучали друг друга. Пока гипнотического воздействия военные не применяли, я бы почувствовал, но это весело!

Сука! Как же я обожаю этого расчетливого урода! Никогда не предупреждает — сразу бьет с размаху в болевую точку.

Два дня назад вытащил из-под носа у моей семьи поставщика, отец орал до пены во рту, а я-то знал из-за чего прикрыли. И сейчас — финальный удар поддых. Отец голову открутит за эту промашку с Баллийцами.

КМД-ники внимательно смотрели за моими действиями, а я не спеша достал из брюк телефон и набрал знакомый номер, абонент взял трубку почти сразу и глухо ответил:

— Алло...

— Жду три дня, а потом продам ее какому-нибудь извращенцу — старикашке.

Тишина была ответом, и я довольный оборвал связь. Подмигнул КМД-никам, подхватил обратно сумку с багажной ленты и пошел на выход из аэропорта.

Обожаю Хаски, мы друг друга стоим.

Отец за провал миссий лишал акций одной из организаций. Дело в том, что я младший сын, при рождении каждый ребенок получал по три процента акций с каждой организации нашей семьи. Старший наследник — естественно после отца будет управлять всем бизнесом,

но меня не лишит доходов никак. На мои акции мне ежегодно капали дивиденды в течение жизни, на это и существовал.

Но у отца жесткая политика воспитания, провалил задание — минус три процента одной организации. Так что, Хаски здорово меня пнул, ну что же я сильнее его пну...

Всю жизнь дружил с тем, с кем надо, но и ругался редко. В ответном звонке Хаски через час не сомневался. Дружбы крепкой никогда не было, лишь взаимовыгодное партнерство.

Теперь следовало по максимуму воспользоваться сложившимися обстоятельствами, что я намерен осуществить в полной мере. Выдерну по максимуму из наследника Хаски.

Я нашел его слабость. Такая глупая, мелкая слабость, о существовании которой тот и не подозревал сам. Глупый наследник, надо же как попался.

Как чувствовал, что можно поиграть на этом фронте с Ананиной. Там прижать ее в углу у Хаски на глазах. И главное, чтобы тот слышал. Не подошел вовремя разговора на яхте, слушал, наматывал на ус, а Ананина, будто под мои карты играла.

Наведаться в «пианино», когда Хаски не было, хоть и Ананиной не было, не важно. Зачатки подозрений уже родились. Там преврать, что Ананина глазки строила и наследник в бешенстве подозревает. Подколоть насчет эмоций. И Хаски готов. Зол сам на свои эмоции и на Ананину.

Придурок продал, такого проявления идиотизма ни разу у него не видел. Даже смешно стало, Ананину не искал — без надобности. Теперь легко поймать Хаски на крючок.

Подумать только Дмитрий Сергеевич пришел в офис на оборонную промышленность в другой конец города. К обычным трудягам в шум и гам изготавливаемого оружия в жару, появился в костюме с решительным выражением лица.

— Разговор, — коротко поведал, заходя внутрь одного из самых приличных мест-кабинета управленцев. В мой кабинет. — Оставьте нас!

Приказал работникам. Моим работникам. Даже тут оставался диктатором. Пока трое подчиненных менеджеров покидали рабочие места, сидел в кресле удобно и крутился вокруг своей оси, как мальчишка. Влево на девяносто градусов и обратно. Карусель началась.

— Чем обязан? — тщательно следил за триумфом в голосе, не должен проскочить.

— Ты знаешь чем, — пока народ не весь вышел Хаски присел напротив в кожаном кресле. — Условия?

Улыбка все равно напрашивалась на уста, какая прелесть! Какое глупое, слабое место. Такая редкость. Впервые за двадцать один год — а стоп, через неделю у него День Рождения, Хаски повержен и ведь не показывал виду.

Пальцы сами забарабанили по столу от предвкушения. Попался, глупый наследник!

— Ничего особенного. Глупости. Твои акции, — стрельнул указательным пальцем в направлении «друга». — Колчака...

— Колчак? — вопросительно озвучил, но по выражению лица не понятно, что подумал, а мне собственно все равно. — Предполагаешь я идиот продать своих КМД-ов? У тебя ум от радости вытек из ушей? К тому же, я не вступил в права наследования, если не помнишь? После марта Колчак мой...

— Не...не... не... — махнул рукой. — Не бойсь, я не претендую на 49 %, мне бы три твоих от рождения?

— Три!? И все!?

— И все, — кивнул я, какое отличное настроение, как будто на каруселях, на мертвых

петлях катался и остановиться не мог от адреналина в крови. Он меня изнутри сжирал. — А нет... еще поставщика верни моему отцу, он рвет и мечет!

Я привстал со стула, на котором раскачивался. Напротив Хаски, разделенные деревянным рабочим столом, а тот просчитывал варианты, пытался проанализировать мои поступки.

— Правда, я Ананину немного с парнями потрепал. Ты уж извини, твой клад мне понравился, грешно было не воспользоваться.

Пока говорил, отодвинул ящик в столе с моей стороны, тем самым скрывал улыбку на лице и доставал документы. Теперь поднял бумажки перед нами вверх.

— Настрочил на радостях? — спросил Хаски, а я швырнул ему на другой конец стола.

— Валяй. Ставь закорючку и на Ананину больше не претендую, — ответил.

В тексте так и звучала строчка: «Права на Бастарда такого-то не имею». Хаски изучал договор внимательно, а у меня руки от предвкушения подрагивали под столом. Бесперывно штормило на мертвых петлях, и распирало от желания увидеть финал поездки.

Рядом с ящиком на столе находилась маленькая, непримечательная, красная кнопка. Нажал на нее, неведомо для Хаски. Через десять секунд будет охрана, как раз вовремя.

Хаски поставил закорючки на листах.

Столько лет выискивал слабости в его жизни, мечтая мордой опустить в грязь, этого зажавшегося наглого ублюдка. И тут появляется это чудо-Ананина! Да кто бы мог подумать. Хаски — ты труп!

— Где Ананина? — со смехом не смог бороться.

Поездка на каруселях закончилась. Я жив, во мне бурлил адреналин, буйствовал. И я не сдержался положил ладонь на стол, второй сгреб документы. И смеялся, смеялся, с победой в руках, ощущая, как удовольствие лилось по крови, фонтанировало едва не от оргазма. Победа, сладкая, щемящая разлилась по телу.

Хаски медленно встал с места. И в этот момент в дверь ворвалась охрана с ружьем, прицелившись в посторонних в помещении, а лишний — Хаски. Его энергетическая аура не числилась в штате.

— Не знаю, где Ананина. Ищи, где хочешь. На нее не претендую, но где она знать не знаю. Она сбежала из твоего клуба, не пожелала быть моей девочкой! Верна тебе была до конца!

Наследник дернулся в моем направлении, гамма эмоций взорвалась в его глазах и жестах. Хотел направиться ко мне, но отпрянул едва получил тычок в спину от оружия.

— Нарушение общественного порядка, господин, — заметил военный в маске, направляя дуло в лопатки постороннего. — Вы на охраняемом объекте!

Бинго. Хаски получил первое в своей жизни поражение, и я ему свидетель. Мой триумф!

Глава 3 " Поиск-прятки"

POV Вильмонт

Шесть дней. Спокойных, мертвых дней. Что делать? Смотреть телевизор — не было желания, с кем-нибудь поговорить. С кем? Друзей близких никогда не было. О чем рассказать?

Есть не хотелось, спать опасалась. Боялась заснуть и проснуться от тех рук, которые всегда будили посреди ночи, владели мной, трогали везде и всюду, как будто стирали любые упоминания о прошлых ласках, полученных кем-то до него.

Одна мысль билась в голове, как мои девочки и всё ли с ними хорошо? Только это возвращало к жизни на несколько секунд, а потом опять темный туман.

Ела, когда совсем загибалась от скулящего живота, а так валялась трупом в комнате и смотрела вверх. Как покойник сложила руки под грудью и изучала омерзительный, тошный цвет потолка. Дурацкие лампочки, и даже по ночам повторялась эта картина. Пустые глаза в потолок, где отражались тени корявых ветвей дерева из окна.

Что-то нарушили внутри, целостность какой-то конструкции, надломили прочный стебель и его не склеить, не сшить, не сплавить, ничего не сделать. А осколки в сердце по-прежнему кровоточили внутри, как и шесть дней назад, у Ирины.

Не хотела находиться в этом доме, здесь всё напоминало о проклятом дне четыре месяца назад, когда бежала от Пб-ников. В этот каменный дворец не успела вернуться, прежде чем жизнь подставила подножку.

Через километр невидимая граница со Страдовцами, река — Гробница и дом некогда Анны Ананиной и Ивана. Я даже его фамилию не узнала.

Усмехнулась потолку отвратительно-белому, а я до не возможности грязно-черная. Во мне ничего хорошего, как прежде. Во мне — гниль.

Есть охота, но встать лень... После часа борьбы с голодом все-таки решила встать.

Прошла по прохладному темно-коричневому паркету по направлению к туалетному столику справа от кровати.

И вот она я. Нет татуировок, родинка маленькая под глазом, темные волосы, если не расчесать после ванной кудрявились. А в голубых глазах — истинный страх, водоворот презрения к самой себе. Блеклый какой-то взгляд.

И краситься не хотелось, и одеваться не для кого, ходила в старых потертых джинсах, и кофте с длинным рукавом. Присела на пуфик, справа на туалетном столике — три ящика. Отодвинула самый верхний и оглядела аккуратное содержимое. Видимо, после моей кончины, мама привела в порядок ящики.

Самый главный документ — прямоугольный в голубой обертке, который давал право жить Аристократкой. Раскрыла и изучила свое лицо на первой странице. Кажется на той фотографии совершенно другой человек, беззаботный, улыбчивый, там есть намек на улыбку. Хохотушка, заводила Анна Вильмонт. А я кто теперь? В отражении зеркала больше не тот человек.

Захлопнула документ, вернула в ящик и отправилась на выход. По коридору прошла, мимо дверей остальных членов семьи.

По ощущениям дома никого: лишних шагов нет, темнота везде. Включила свет в коридоре и направилась к лестнице.

Звонок внизу от входной двери заставил немного прибавить шаг. Поскольку охранники пропустили на территорию, значит кто-то из хороших знакомых, но без ключей.

Приоткрыла входную дверь, сердце обрадованно пропустило удар.

Это как радуга после обильного дождя, красивая, разноцветная, приковывающая взгляд своим великолепием.

Это как чудо-волшебник, что аккуратно вырвал шипцами осколки из моего сердца:

— Привет, Вильмонт, я захватил твоих любимых червячков-мармеладок и вишневый сок. Как насчет посидеть на улице и потрепать обо всем подряд? — Лёнька присвистнул для наглядности. — Вспомним молодость, начнем сексом заниматься. И дождемся твоего отца, может на этот раз он мне яйца отстрелит?

Шмонт держал на весу пакет, а в другой руке небольшой букет желтых цветов. И где раздобыл в январе месяце?

Я только — только научилась просыпаться и не плакать по утрам. Последние шаги, глядя в глаза этому человеку преодолела вслепую, сквозь плотную пленку слез. Дыхание приостановилось на некоторое время.

Мне не хватало этой без башенной улыбки, мальчишки — проказника. При виде которого всегда поднималось настроение, и я могла часами смеяться. И не чувствовать тишины этой. Как только его не стало рядом — постоянно плакала.

Пакетом Лёнька чуть спину не проломил, когда обхватывал, принимая в теплые, любимые объятия, где было комфортно и уютно.

— Не знал, как и подойти к тебе, — мне на ухо в волосы прошептал, а я со всей силой вжалась в его грудь. Щекой почесалась о колючую бородку, даже ради меня не сбрил. Я всегда черпала в мужчине свои силы.

Любимый, знакомый одеколон, наверное, от его резкости в глазах стало мокро. Просила ведь сменить запах, очень настырный. А Лёня тем временем продолжал шептать на ухо:

— Мне начинать развешивать сопли, как я чуть без тебя не сдох?

Те же салатовые, покрашенные стены прихожей, та же дверь входная светло-коричневая, которую я яростно ненавидела отмывать от грязи сапог. Те же плечи и шея, в которую уткнулась с благодарностью. И знала, что Шмонт никогда не причинит вреда. Я никуда больше не хочу и никогда. Это мое место, здесь с ним. И если кому отдам в подчинение свою жизнь, то только ему.

Почти сразу решили выйти на улицу. Спустились по крыльцу. Перед нами пустая земля, без травы, серое грозное небо, и на непокрытую голову падал небольшой снежок. Здесь гораздо холоднее, чем в Арзонте, правильно, там жарило солнце, а здесь его нет. Оно больше не обжигало. Нехотя отогнула рукава зимней, пуховой куртки, на запястьях больше не было ожогов, они почти сразу прошли после той ночи в Белесье, а в тот день казалось, что до костей сжег.

Хватит, Аня!

Я взяла под руку Лёньку, тот ответно улыбнулся мне.

— В наше любимое место? — спросил и после молчаливого кивка с моей стороны мы отправились по тротуару из красной плитки, мимо «лысых» газонов и голых маминых любимых яблонь без единого листочка. Там в отдалении возле забора небольшая каменная беседка, для плохой погоды. А у нас почти каждый день то дождь летом, то снег зимой.

Поэтому бывшая страна Гнета — это и есть вода. Если Страдовцы — это солнце, то мы, наверное, вода.

Вечер был прекрасным. Я давно не смеялась, сидя на нашем гамаке, валялись, как дети, и ни о чем старалась не думать. Ленька первый кому удалось это сделать — отвлечь от Хаски. Или по крайней мере затолкать поглубже мысли внутрь, может они там спрячутся и больше никогда не появятся?

Так приятно покачиваться. Ноги перекинула через колени Шмонта, а он сидел, как примерный мальчик, и поддерживал конечности, чтобы я не свалилась. Ну и раскачивал нас до кучи, а я курила — плохая девочка.

И пялилась на хмурое небо и плевать на холод. Многое Ленька рассказывал, а я молчала иногда смеялась над его историями. Вероятно, они были вымыслом, но пусть так. Пустая болтовня отвлекала.

— А ты ничего не хочешь рассказать, Ань? — позвал он.

Я отвлеклась от созерцания облаков над головой. Потеряла пушистую кучку в небе, которое рассматривала. Оно было похоже на треснувшее зеркало — на горсть осколков.

— Я хочу забыть, а не рассказать. Я сама мечтаю не знать. То, что было — это было не со мной, а с другим человеком. Не со мной, — как мантру повторяла я.

Заклинала себя этим, чтобы забыть. Забыть, как плохой сон. Мое больное воображение. Словно целый год прошел, а не неделя с момента, как я его больше не видела. Будто целая жизнь нас разделила.

— Если не хочешь — не рассказывай. Надеюсь, ты была хорошей девочкой? — с долей юмора спросил Ленька.

Я услышала подозрительную тишину между нами. Он спросил ведь о том, о чем я подумала? О моей верности????

— Молодежь, не помешал? — я вскочила с гамака с сетки, приподняв туловище.

— Вечно вы в пикантные моменты приходите, — попенял друг отца.

Я успела пока бычок затушить. Отец сопровождал мое действие очень долгим и внушительным взглядом. Да, я обещала бросить. Помню.

Второй раз видела отца с тех пор, как вернулась. Он привез от Ирины. Достал мое уставшее тело из машины и открыл дверь, больше ничего не сказал. Молчал пока мама плакала, пока Саша орала. А я стояла столбом не в силах поверить, что вновь дома и больше не увижу Хаски. Я спасена была.

Мама что-то кричала, ругалась, а я не слышала. Смотрела сквозь нее и сдерживала вновь слезы, как уже делала много раз. Сражалась с собой.

Значит мать отца выгнала!? А он не стал ничего ей объяснять, как впрочем и обычно. Слишком низко оправдываться для него.

— Пойдем в дом, — отец немного наклонил голову в бок. — Хочу с вами со всеми поговорить.

Сама серьезность. На лбу появились задумчивые морщинки. Мы с Леной озадаченно переглянулись, что не скрылось от отца.

— Ничего страшного, не пугайтесь. Пойдем, — папа приобнял за плечи и повел по тропинке.

Я не сопротивлялась, хотя раньше может быть почувствовала дискомфорт, когда отец ко мне прикасался и излишне проявлял любовь. А сейчас — с наслаждением пригрелась к его бочку. Он не такой высокий, как остальные Вильмонт. Коротышка. Конечно, со мной не

сравнится, я совсем маленькая.

В зале сидела почти вся семья: Паша, Алиса, мама. Откуда взялись, ведь дома никого не было, как мы, надеялись со Шмонтом. Мама в черном, длинном платье, обтягивающем фигуру, стояла возле окна, видимо, смотрела за нашим приближением. Когда мы зашли, то обернулась, шалью закутав руки. Смотрела на меня, отца взглядом не удостоила. Пустое место.

Паша, сидя за столом, махнул рукой, улыбаясь как мальчик-одуванчик. Слащавая моська брата и особенно его аура обаяния сбивала с ног всех представительниц прекрасного пола от десяти лет до восьмидесяти. Таких людей не возможно не любить, он много болтал и всегда говорил то, что на уме. И ненавидел, когда рядом с ним кто-то грустил.

— Привет, сестренция! Почему ко мне не зашла? А с этим отщепенцем успела пообщаться? — показал Паша пальцем на Шмонта.

— А я не виновата. Он сам пришел... — направились ко столу медленным, неспешным шагом. К брату поближе, там стулья пустовали возле стола.

— Прочь бездомный! — демонстративно Паша замахал рукой, будто прогоняя. — Ходит по чужим домам, будто своего нет.

— А как же проходите — чувствуйте себя, как дома, — Леня дышал в затылок, перемещался вслед за мной, по той же траектории.

— Ни капли не скучал по тебе, бездомный, — попенял Паша. Он у меня ревнивый братец. — Вновь пропишешься у нас в доме? — брат схватил мандарин со стола перед собой и принялся его очищать чересчур старательно. Наверное, представлял чью-то голову и волосы или череп и кожу. Какие у меня кровожадные мысли.

— Как получится, — улыбнулся Шмонт и выхватил из ладони Паши увесистый кусок мандарина.

Папа неожиданно грубо прервал обоих:

— Любезностями обменяемся чуть позже. Аня? — посмотрел пристально в глаза. Я только собиралась присесть за стул рядом с братом, но остановилась. — Как твоя жизнь?

Затем отец поплотнее прикрыл двери из гостиной, давал время подготовиться к ответу. Потом присел за стул напротив Паши и меня, рядом с молчаливой Алисой.

И все взгляды, как прочные нити, растянулись от меня к ним, а я готовилась к выступлению великая актриса.

— А..аа, — это все, что могла сказать. О чем сказать? Рассказать о том во, что я превратилась? Явить это чудовище перед своими самыми близкими людьми? Никогда, я не желала, чтобы они узнали о моем страшном прошлом. — Всё отлично...как на каникулах, — подмигнула первому, кто попался — Паше. — Никакой ответственности, сплошные гулянки.

— Ну вот...это другое дело, — брат поймал мою ладонь и по-дружески помассировал пальчики, а потом положил к себе на плечо.

— Это хорошо, — принял отчет отец, обвел сидящих людей внимательным взглядом. — Как вы поняли, на Аню было совершенно три покушения.

Мама что-то пыталась сообразить: морщила лоб, хмурила брови, но не могла понять сути. Карие глаза мелькали беспокойством слева-направо, рассматривая гостиную. Папа садист не мог ей объяснить?

Я наблюдала за материнской реакцией, пока она безотрывно смотрела и изучала мужа.

— Нападения? Три? Я думала одно, — мать подала, наконец, голос. Не выдержала. — Ничего не хочешь объяснить?

Теперь мы все переглянулись. Поиграли в гляделки. Только эти двое вели себя, как дети. Женаты лет... сколько там двадцать пять, а порой их отношения выбивали из колеи.

— Алла, с тобой мы потом поговорим, если разрешишь в комнате и без свидетелей.

Мы потупились в пол, словно предметы декора. Я ожидала бурного протеста, все-таки мой характер взят от мамы. Но к моему удивлению, она промолчала, беспомощно рухнула на стул, так что ножки закрипели по полу. Скрип резанул по ушам, из-за чего обитатели комнаты вздрогнули.

Я до сих пор не понимала любит папа маму или нет. Иногда думала, что да, а теперь... боялась размышлять об этом чувстве. Местами да, местами нет. Мое понятие любви не совпадало с их чувствами. Хотя, кто я такая чтобы судить? Пересмотрела романтические фильмы, а на деле?

Вот она любовь, Аня. Ты любила Шмонта давно, а изменяла ему с Хаски. Хвостом крутила в Белесье перед ним. Флиртowała, вела себя, как зазнавшаяся Вильмонт, которой ножки целовали поклонники. Ведь я действительно засматривалась на Хаски до той ночи в Белесье, и мне невероятно льстило внимание мужчины. И на кухне дала себя поцеловать не сопротивлялась, и если бы не его замечание по поводу груди не смогла бы отказать. И, наверное, на том кухонном столе я бы...

Всевышние силы, о чем я думаю!?

Вернемся к теме любви

Шмонт вроде как любил меня, но своих фотомоделей — коллег по работе тоже любил часто и по ночам. Таковы Аристократы. Это мои проблемы, что не видела смысла в этом лживом чувстве.

— Мне нужно узнать о дальнейших планах Ани, прежде чем улечу в Арзонт по делам, — отец оторвал взгляд от лица мамы и обратился ко мне, вернув вновь сюда на землю от раздумий. — Какие планы? Что дальше? Анна Ананина? — будто ножом пырнули в грудную клетку.

Задохнулась от наплыва воспоминаний, потерялась в них. Они ослепили и оглушили на мгновение, пока я собиралась с силами, чтобы ответить.

— Планирую поступить в Академию Права, — решение моментально сформировалось в голове, хоть и не успела поразмыслить на досуге о дальнейшей судьбе. На первом месте пока стоял вопрос выжить, а не загнуться от жалости к себе. Как и предполагалось ответ взбудоражил каждого.

— В смысле? — Паша демонстративно засмеялся. Наигранно. — Права!? На другом конце Гнетовцев? Ань, ты там была? Скука смертная...

Мне все равно: лишь бы подальше отсюда, подальше от границы со Страдовцами. Чтобы не видеть той границы. Не помнить. Забыть. Все забыть. Каждый кустик, по которому бежала, наивная дурочка, в тот день — четыре месяца назад.

— Я помню, Паша. У меня нет амнезии, — спокойно ответила я. — Хочу заняться законодательными правами. Вы же в курсе, какой я борец за справедливость?

— А Военка? — отец удивил. Раньше был против, а теперь пошел на попятную.

— Меня не пускали в том году. Думаешь в этом году глаза стали лучше видеть? — теперь я вовсе мечтала ослепнуть. Отец неопределенно пожал плечами.

— Я могу помочь... — будто в том году, не мог помочь. Догадывалась, что это он был против поступления в институт для военных.

— Нет, спасибо, — твердо ответила. — Я не хочу никаких войн. Никаких проблем.

Рукой не заметно стала отсекать воздух вовремя произнесения речи. Эмоции взяли вверх:

— Никаких забот, никаких разборок, драк... ничего. Спокойствие и умиротворение... — голос дрогнул.

Гребаный Бастард! Только бы не разрыдаться. Как на меня не похоже.

Внимание семьи безумно напрягало, как на ярмарочного уroda смотрели.

— Достаточно... приключений, — пояснила спокойно, собравшись с мыслями и собственным сердцем.

— Как пожелаешь, — не охотно отец смирился.

Даже речи не может быть, чтобы я вернулась в Арзонт. Туда, где есть он. Где могла его встретить нечаянно.

Он узнал, кто я или не узнал? В любом случае лучше перестраховаться — Анна Ананина должна умереть и об этом стоило поговорить с отцом.

POV Хаски

Они должны быть благодарны, что я сам пришел сюда, а не выгацил на улицу — стадо уродов.

Четыре ряда Бастардов выстроены ровно в линию. Сонные в воскресное утро, не умытые, кто в халате, кто в трусах — мужчины. Потирая глаза, молчаливо вопрошали друг у друга о причине пробуждения.

На меня, только что поднявшегося по лестнице смотрели с подозрением и опаской. Это их зал — комнатуха с телевизором два на два, вот здесь стадо и стояло. Я подпирал стену, смотря за действием.

— Чего зеваешь! — подзатыльник отрезвил одного из парней и Бастард в момент застыл, от вида разъяренного Глена.

Это имя у каждого на устах, его безжалостного, скользкого взгляда, боялись все. И Бастард не был исключением.

Утро давно светило в окна общежития, но в выходной день многие позволяли себе поспать немного подольше. Бастарды спят в разы больше нашего. Нам достаточно и четырех часов, а Ананина всегда так мило отрубалась в кровати после секса, когда устраивал ей ночные марафоны. Совершенно незащитная, обнаженная и податливая.

Где мой Бастард? Даже стадо уродов не испортят настроение сегодня с утра.

Я до усрачки рад, что малышка сбежала от Трески. Моя девочка.

А Макс пусть поживет, меня с такой легкостью нагнуть, это достойно похвалы. Этот урод вероятно еще пригодится.

Самые позорные две сделки, которые заключил за время работы. Если отец узнает о трех процентах акций Колчака, нотаций будет много. Дело в том, что Колчак — это медицинский институт, где как раз-таки производили наших «зверят» КМД-ников. Руки пришивали мне там же.

Акции Колчака разбросаны по огромному количеству людей. У нас в общей сложности сорок девять, раньше было пятьдесят два до продажи за Ананину, но я сомневаюсь, что это станет большой проблемой.

Глен выровнял взгляд по всем рядам, окинул внимательным взором Бастардов. Я стоял сбоку, не привлекал внимания. Подчиненный, видимо, вошел в роль, отчего не заметил моего появления.

— Где Ананина? Кто последним ее видел? — Глен ходил, пока никого не выделял из толпы, тем более подруг. Минута тишины раздражала. — Я со стенкой общаюсь. Я спросил, кто видел Ананину?! — голос разрезал молчание скальпелем. В момент все вздрогнули, как от рассечения плоти.

— Эмм... я видела примерно воскресенье, она была с подругами на занятиях... — Глен подошел к девушке, вымолвившей фразу. Улыбнулся, что было несвойственно ему.

— Гениально. А полгода назад ты ее не видела? — спросил мягким тоном, а потом резко поднял голос. — Я спрашиваю, в последние несколько дней ее кто-нибудь видел?

Подчиненный прошел сквозь стройные ряды микробов по направлению к известным трем девушкам.

— Вот вы? — обратился Глен к Кристине — первой стоявшей в ряду. — Когда последний раз видели?

— Давно, — потупив взгляд в пол, ответила та.

— Когда?

— Шесть дней назад на занятиях...

— А телефон. Созванивались?

— Нет, — ответила Кристина.

Какой телефон? Глупышка оставила его в клубе.

Внезапная пощечина и дальнейший захват челюсти мужскими пальцами вывел Кристину из состояния спокойствия. Та испуганно вцепилась рукой в захват Аристократа.

— Точно? — сжимая Кристине щеки по максимуму, спросил Глен. — А если врешь? — даже не сопротивлялась, моргала голубыми глазенками.

— Т...то. чно, — промямлила девушка.

Я решил нарушить бесполезный треп, Глен их только бездумно пугал, а по сути ничего не делал:

— Как дела?

Вышел на середину зала, Глен вздрогнул, а я остановился напротив любопытной троицы.

— Не отвечают, — поведал скромно подчиненный, почти трусливо, убирая руку от щеки Кристины. — Подруги молчат.

— Кристина? — вопросительно озвучил. — Давай без насилия решим вопросы. Меня интересует местонахождение Ананиной? Хоть какие-то варианты.

При этом я не забывал включать режим обаятельного, улыбчивого человека.

— Клянусь всевышними силами, не видела ее шесть дней.

Кристина не смотрела в глаза при общении. Трусость это называется, а моя Ананина сейчас сожгла бы взглядом за «плохое» поведение.

— Хорошо, — улыбнулся Кристине. — Успокойся.

Придержал за подбородок, пальцами поглаживая, как бы в успокаивающем жесте, но Бастард испугалась, нервно вздрогнула. Жила на шее заметно подрагивала.

— Волчица? — скосил взгляд чуть в бок, где за спиной Кристины стояла светловолосая высокая девушка. — Мы не любим друг друга, но предлагаю рассказать, где твоя сбежавшая подруга. Мне ее жутко не хватает, — с сарказмом поведал.

Тишина забавно окунула в водовороте, не давала вдохнуть полной грудью, никто не мог сделать шаг или излишне громко сказать.

— Не видела. На телефон не отвечает, — почти смело ответила шавка. Я приподнял

бровь, вышагивая сквозь ряды. Кто-то же должен знать, где скрывался мой личный Бастард?

— Верю, — с сарказмом так же озвучил. — Глен, всех из группы Ананиной запереть в спортзале, пока совместными усилиями не выведем местоположение необходимого объекта. Ведь общественными умами должны вычислить? Правда?

Представил очевидцам обманчиво-добрую улыбку и хлопнул ладонями друг об друга.

— Вперед, Глен! — после затишья поторопил.

И в миг рабочая сила — Бастарды были препровождены в необходимое место, по лестнице вниз. А я смотрел и наблюдал, внутри начинал закипать, как котел, от жара который буйствовал в груди.

Ее нет почти неделю. Но она в мозгу жила, дышала, мучила мелкий Бастард. Почему не вернулась под мою защиту? Найду ведь, весь Арзонт поставлю на ноги, если понадобится. Всех Бастардов проверю!

Следующий шаг — наведаться в медицинский центр, там должна быть ее кровь, из-под земли достану, всех проверю без исключения. Никуда не денется.

Она — моя!

Два. Два дня Глен не мог выведать информацию из двадцати мелких, испуганных Бастардов?

Пока каникулы в университете посетителей почти не бывало, и спортивный зал представлен в наше исключительное пользование.

У меня недотрах, у меня очень много времени нет секса, а когда я не удовлетворен, то срывался на других. Я привык к регулярному сексу, мне необходима, мать вашу, ласка, ее прикосновения к телу. От них чувствовал удовлетворение, когда ласковые, маленькие пальчики не охотно дотрагивались до меня.

Я хочу, чтобы ее мысли сейчас были заняты мной, чтобы ни о чем другом не могла думать. Только обо мне.

Она зла? Обиделась?

Это спонтанное решение, я был зол на ее безотказность, она могла сказать, что Макс предлагал ей связь. Я давал ей шанс в машине, спрашивал. Если сбежала от него из клуба — значит не хотела ведь этой связи? Это правильно, малышка, это правильно. Владеть... тобою... должен... только...я

Дверь противно скрипнула, когда вошел в спортзал, когда-нибудь эту дверь смажут?

Глен с Глистой и парочкой парней вытащили одну из лавочек и поставили по центру. Вот там и сидели затюканные Бастарды. Некоторые девушки сидели очень близко, инстинктивно прижавшись друг к другу, возможно в приступе страха или от изнуряющей усталости, наверное, не давал спать.

Глен может несколько дней бодрствовать, та еще выносливая тварь, он как и Виталик — обертывши. Примерно пять процентов населения Немийцев имели склонность к обертыванию, в любое необходимое создание, хоть живое, хоть неодушевленное. Этим очень полезен Глен, как подчиненный — пролезет в любую щель, мышью, тараканом, или будет стоять бокалом с водой и выведывать необходимую информацию.

Правда, такие вещи не срабатывали, если владелец здания устанавливал «0 энергию» в помещении, там где законы силы не применимы. У меня в машине и в пианино 0 энергия, никто не проберется.

Глиста смеялся, у него очень громкий, надрывной смех, как будто шавка выла на луну.

При моем появлении отвлеклись от занятий, но я кивнул, чтобы продолжали. Сам в стороне ожидал дальнейших действий.

— Глянь, вены как надулись! Не переборщи, — озвучил Глиста. О, понятно.

Вяло, не охотно двинулся поближе к событиям. На стуле по центру со связанными руками Колдун или, как его малышка называла. Этаким боров для Бастарда. За спинкой стула перевязаны запястья прочным ремнем, кожа сгорбилась от натуги, будут ссадины после зажима. Эх, не жалел, он их видно. Не жалел.

А я ведь обещал своему Бастарду, что никто не пострадает, но она сама виновата, надо было вернуться, а не убегать. Придется заново наш договор подписывать и на этот раз очень долго, и вырубиться ей не позволю...залюблю до смерти, пока не взмолится о пощаде, но и тогда не остановлюсь. Хочу быть в ней, ощущать свою власть.

Я не мог раньше, а сейчас тем более не в состоянии контролировать эту жажду. Моя холодная вода. Еще сильнее хочу её.

Отвлекся на смех подчиненных.

— Дыши, дыши парень, — Глиста хлопнул по плечу Колдуна, на моих глазах снял с головы парня простой полиэтиленовый пакет и со смешком продолжил: — Ну как? Глюки, да? — улыбался своими кривыми зубами.

— Уйди! — коротко приказал Глен. — Колдун, как не вспомнил?

Тот кажется отрицательно покачал головой, лицо покраснело, вены надулись на шее, висках, глаза налились красными прожилками. Дышал грубо и очень глубоко, словно с силой пропихивая воздух внутрь глотки.

— И что же они такие упертые! — надсадно выпалил и вскинул рукой Глиста. — Что дальше? — обратился, видимо к Глену.

— Не знаю, у меня фантазия закончилась. Какие-то новые приемчики не знаешь?

Шушукались, как я уже говорил, подобно двум гомосексуалистам. Есть у нас такие в университете.

— Твои приемчики, стары, как Немия, такие давно на убийцах не применяют. Можно было и поэкспериментировать с чем-нибудь поинтереснее. Учись пока я жив — обматываешь тело полностью чем-нибудь не дышащим, тем же пакетом к примеру, голову оставляешь свободным. Это лучший вид пытки. Рот при этом свободен, а вот без дышащей кожи все равно задохнется, если не ответит на вопросы.

Подчиненные замолкли, внимательно слушали. Достал из закромок одно из личных воспоминаний.

Стадо испуганных животных и проку от них мало.

— Я приступлю с вашего разрешения! — ответил Глен.

— Оставь, — грубо оборвал. — Если за два дня эти жалкие трусы ничего не сказали, то и дальше не скажут. Сомневаюсь, что у них хватило бы смелости скрывать правду. Я расширил поиски по всей стране, скоро найду итак.

Толку от этих Бастардов никакого, нет до них дела, как и до остальных. Никто не нужен.

Развернулся на выход. Только одно существо хотел иметь в своей власти. Моего маленького Бастарда.

Ров Вильмонт

Отец всегда держал обещания, этого не отнять. Мужик сказал — мужик сделал. И если обещал заблокировать карточки — он это сделает, прямо перед самым выпускным, когда

надо купить платье и украшения к вечеру. И оказываешься ты в результате с носом.

Ну ничего, я нашла выход из положения, выклянчила у Саши деньги на покупку платья, правда она тоже рисковала быть лишенной временно своих акций, если бы папаня узнал. Поэтому пришлось пригрозить ей немного — мол, расскажу, кто сломал отцовскую любимую розу. Он ее голыми руками сажал, заботливо ухаживал за прекрасным цветком, хвалился гостям, что это он — великий садовник вырастил прекрасную бело-желто-оранжевую розу. Цвет был действительно потрясающий. А Саша возвращалась и спяну наступила на цветок, а мы с Ленкой в беседке сидели в ту ночь — целовались.

Так вот пришлось, Саше одолжить мне денежку под угрозой казни от отца, и я была прекрасна на выпускной вечер.

К чему я вспомнила? Точно. Отец позвонил куда надо, и мою тушку ожидали в Академии Права, пока каникулы я могла перевестись на второй семестр. Туда, надеюсь не потребуются документы из Вышки!? Всевышние силы, у меня даже такой мысли не возникало, а если действительно?

Интересно, мой маскарад раскрыли? ОН теперь знает, кто я?

Я должна поступить в это академическое право. В конце концов, это не столь престижное место для поступления и проходной бал, судя по прошлым результатам достаточно низок. Я должна пройти.

По моему возвращению отец запустил в СМИ раздутую, единогласную мысль, что лечилась в медицинском центре. О том, что была на территории Арзонта молила промолчать. Так облегчила бы свои поиски.

Как и говорил Паша. Это место — маленький город с десятью тысячами жителей. Одна большая дорога пролегла от начала до конца, несколько светофоров, редкие прохожие в утренние часы.

Спокойствие и тишина, правда дорога покрыта тонким слоем льда, и мы путешествовали пол ночи, пока добрались до сюда.

Это место подойдет вполне.

В машине пока заняться было нечем, решила наконец-то кое-что сделать. Мой телефон белого цвета со стразами по корпусу, как по-девчачьи.

Нашла в себе силы включить его, как будто тем самым связывала себя настоящую с прошлой. Пыталась вновь вернуться в то тело. Сердце подрагивало от беспокойства, пока загружала агрегат. Как будто воришка пришла на дело в ювелирный магазин, готовилась украсть кольцо и понимала, что поймают в любом случае.

Чего я боялась? Это же я. Это мой телефон. Я Анна. Анна Вильмонт — Аристократка по происхождению.

«Добрый день, Анна!» — нарисовалась волнистая надпись на экране. Телефон загружался после ответного приветствия. Реагировал на мой голос. И как посыпались, запиликали сообщения о звонках. Да. Это моя жизнь, и пора возвращаться.

Изучила список звонков за прошедшее время, сообщения от кого. Многие неизвестные номера, наверное, от каких-нибудь «мнимых» поклонников, которым нужна не я, а естественно власть.

Меня этим не проймешь, никогда не велась на сопливых идиотов, предполагавших, что скажут комплимент, и я растекусь перед ними податливой, резиновой куклой для сексуальных утех. А одно сообщение чем-то привлекло внимание, возможно тем, что отсутствовала тема в нем. Развернула — чистый белый цвет на экране. Сообщения не было.

Номер неизвестный.

Я совсем забыла, об этом досадном недоразумении, вылетело из памяти.

Как уже говорила, периодически поклонники звонили, дышали в трубки, какую-то ахинею несли, но вот этот человек, никогда не говорил. В основном присылал пустые сообщения с разных номеров, после того, как прочитывала, сообщение исчезало их списка неведомым образом. Два раза он звонил, в трубке на мои «Алло» была слышна только тишина, человек был явно в помещении, дышал очень хрипло, в горле у него словно кровь бурлила или воздух. И дышал он очень громко, нервно, после этого я сразу сбрасывала звонок.

Я тогда помню очень перепугалась, хотела отцу сказать, но Саша уверила, что ей не только хрипло дышат в трубку, но еще и стонут иногда. Я и успокоилась.

Он меня помнил этот человек. Вышла из сообщения и конвертик удалился. Адресат получит ответное сообщение, что я прочитала. Невидимые, ледяные пальцы прикоснулись к затылку, хотелось скинуть с тела это неприятное чувство. Точно также чувствовала себя в ловушке, когда встретила с Пб-ками.

Незаметно подъехали к университету, который оказался на центральной площади. Сопровождал меня в путешествии Шмонт, а куда без него?

Я с растянутыми губами во все лицо выходила из кабинета. Обычное тестирование по основным вопросам заняло не более часа. Шмонт сидел одиноко на стульчике в черных очках — что поделать знаменитый мальчик. Читал телефон, очередное, наверное, признание в любви. Улыбнулся, сняв очки с переносицы.

— Сдала, — прошептала одними губами, но он понял, кивнул на замечание. Женщина вышла за мной:

— Анна Сергеевна, пройдем-те я вас провожу, — вышла заведующая на лидирующую позицию и направилась налево, показывая, куда следовало пойти.

Сквозь бело-голубой пустой коридор. Почти по пустому университету изредка проходили студенты. Мы поднялись на второй этаж и остановились возле белой двери. Постучала преподавательница и вошла, а я за ней.

— Вадим Викторович, потенциальная студентка. Проверьте ее по всем параметрам.

Что это? Зашла в стерильно-белый кабинет и поняла, что в медпункте. Остановилась при входе. Замерла, как перед прыжком хищника в мою сторону. Женщина улыбнулась, поправила свою длинную до колен строгую юбку и закрыла дверь, оставив нас с мужчиной наедине.

Что это за осмотр? На каком основании? Анализы я должна буду сдать до начала второго семестра, какая, собственно разница, где сдать, здесь или у знакомого семейного врача. Я же не совсем Аристократка, показатели хуже.

— А что это? — настороженно спросила. — И зачем? Меня от чего-то прививают? А можно я лучше у лечащего врача?

У мужчины на столе аккуратно стояли различные флакончики, упаковки таблеток, шприцы. Вот один из них и взял, разорвал упковку и на моих глазах стал устанавливать иглу. Я боязливо схватилась за ручку двери, готовая рвануть на край света.

Знаете, когда ты Бастард, который притворяется Аристократкой всегда настороженно относишься к любому вмешательству в организм. Любой анализ крови выдаст с потрохами принадлежность к другому виду.

— Вы не переживайте, Анна Сергеевна, это обычная проверка. В последнее время

участились случаи незарегистрированных Бастардов. Обычная формальность подойдите, мне велено. Немийцы ведут точный подсчет Бастардов по стране.

Мужчина поманил пальцем, шприц с иглой сверкнул на свету, даже сквозь такое расстояние.

— Простите, но я жутко боюсь крови, — на ходу солгала. — А без него никак? Папа передаст результаты крови. Пожалуйста, я очень боюсь.

Когда я жалостливо молила, все сдавались. Кроме Хаски. Опять о нем вспомнила, чтоб его.

И сегодня понадеялась, на свой талант, но видимо программа дала сбой. Врачу меня тоже не жаль.

— Извините, Анна Сергеевна, это в инструкции написано — строго соблюдать. Мне место еще дорого. Вы не волнуйтесь, отвернитесь и я быстро сделаю укольчик, — мужчина встал с кресла, а я ни минуты не сомневаясь, распахнула дверь и побежала обратно, вниз на первый этаж.

Перепись Бастардов с чего бы вдруг? И отец забыл упомянуть.

— Уходим, — махнула Шмонту и плевать на документы, которые подавала выскользнула на солнечный свет. Как некстати солнце вылезло из-за серых грозовых туч, пока шли по парковке.

— Что случилось? — Шмонт догнал возле машины. Я бежала, словно чувствовала на спине дыхание Хаски.

— У них перепись Бастардов. Отец почему-то не упомянул....

— Он в Арзонте. Должно быть не предал значения, — Леня галантно открыл дверцу на пассажирском сидении, дожидаясь пока плюхнусь в кресло. А я едва не с головой спряталась в кресле, вжала плечи вниз, оглянулась по парковке. Пусто почти, редкие машины. Манья преследования опасна для здоровья.

Зачем я Хаски? Я же ему наскучила? Разве что Макс решил поймать добычу, которая убежала, еще и молнией в ответ стукнула?

Шмонт тем временем обогнул машину и уселся с лучезарной обращенной ко мне улыбкой:

— Твоя глупая идея провалилась? Слава всевышним! Я об этом молился вчера и сегодня, когда узнал что мы сюда едим. Ну ты выдумала. Поступать в эту клоаку. Ты здесь была бы похоронена живьем от скуки, — поведал с усмешкой и начал движение по парковке.

Меня сгрызло ощущение, что это перепись Бастардов не с проста. Если память не изменяла — перепись никогда не устраивалась. Им присваивали номера на этих карточках-документах, но не перепроверяли. По крайней мере, не слышала.

Не нравились выводы, которые приходили на ум. Нет. Не может быть. Мне везде мерещилась слезка. Да. Хаски постоянно следил за мной, как за псинкой, которая могла сбежать от хозяина. После университета обязательное условие домой с его шофером. Шаг влево, шаг вправо — расстрел. О! А как-то раз нас задержали на десять минут, долго доказывала, что я не верблюд и не виновата.

Хватит, Аня. Ты теперь свободна, вдохни полной грудью.

Леня иногда бросал на меня взгляды, отрываясь от руля. Солнце слепило глаза. Мы прятали их за очками. От кондиционера волосы метались по всей машине, едва Лене в глаза не лезли, я пыталась их скрутить в узел, чтобы не летали. Отрежу к Бастардам!

Помнится Хаски нравились накладные волосы. Ставил на колени — на четвереньки,

брал сзади, грубо наматывал на кулак волосы и притягивал назад мою голову к себе. Даже ухитрился целовать каким-то неведомым образом, настолько прогибал в спине. А если бы Хаски увидел настоящие волосы? Накладные доходили едва до поясницы, а эти спускались до ляшек. Понравилась бы ему брюнетка? Он вроде фанат блондинок.

Ооооо...нет... ни за что я не должна его встречать в этом образе. Никогда не желаю видеть!

Сразу позвонила отцу. Без лишних приветствий, едва услышала его голос озвучила:

— Пап, что это за перепись бастардов. Меня пытались просканировать только что.

— И в чем проблема? — тон отца был досадлив, будто отвлекла от важных дел. — Ты боялась сдать кровь?

— А как же моя принадлежность к Бастардам? — не поняла я. — Ты что предусмотрел это?

— Что предусмотрел? Ты проходишь, как Бастард, в летописи перечисления. Я никогда не скрывал твоей природы.

— А в Аристократах? — с подозрением спросила. Не понравился отцовский ответ, неприятно зажгло в горле.

— Счет Аристократов ведется более безалаберно. Их гораздо больше и не возможно сказать точной суммы. В Аристократах ты тоже числишься по последним данным, потому что у тебя есть паспорт, — я вела двойную жизнь отлично. Хотя, давно этим промышляла. — Почему кровь не хочешь сдать?

Промолчала на вопрос, вместо этого разглядывала машины в боковое зеркало. Солнце слепило немного.

— Пап, я хочу чтоб ты убил Ананину. Так на всякий случай... — он тоже замолчал.

— Это важно? — отец никогда лишнего не спрашивал, с ним легко иметь дело.

— Да. Важно. Иначе бы не просила.

— Хорошо, маме привет, — не дождавшись ответа, папа положил трубку.

А я некоторое время постукивала телефоном по ладони, нервно, но не замечала, пока Шмонт не отвлек:

— Я сейчас что-то не то услышал? Может поподробнее? — Леня отвернулся от руля на очень долго, что даже забеспокоилась.

— Слушай, смотри за рулем. А то я сяду! — показала рукой на дорогу, перед нами множество машин и мы как раз одну из них обходили, опасно маневрируя по серпантину. — О чем ты, вообще? — раздраженно закончила.

— Ну я... по поводу твоего разговора с отцом. Зачем убить? — Шмонт говорил очень настороженно, неверующе, как будто боялся своих слов или веры в них.

— Лёёёёень, — усмехнулась я. — Ты что? — махнула рукой.

Он действительно подумал, что я кого-то убрать хотела и так спокойно об этом отца попросила при нем?

— Я Ананину имела ввиду убить. Себя, — показала пальцем на грудь. — Хочу чтобы все в Арзонте, кто меня знал — думали, что я умерла.

— Зачем?

— Затем, что я умерла. И Ананиной больше никогда не буду. А соединить две жизни в одну у меня не получится никогда...

— Почему же? — перебил Леня со смешком. — Восемнадцать лет удавалось совмещать, причем неплохо, — я поймала его улыбку, почувствовала руку, которой он накрыл мою

ладонь и твердо пожал, как бы поддерживая.

Дорога длинная до дома, зря Леньку вытащила. Не по мне это административное право, я правда там окочурюсь от скуки.

Глава 4 "Что-то не так"

Это повтор эпилога

С пристани или откуда-то с уровня берега хорошо виден мост, один из крупнейших в мире, но пока не достроенный до конца. В длину он более двадцати километров, практически завершен. Его строили не один год и поначалу умалчивали о истинной цели — соединении острова Хаски и Вильмонт с Арзонтом.

Мост почти достроен, огромный, в высоту достигал нескольких километров, стальная конструкция, прочная высокотехнологичная, предназначенная для проезда самых разных видов транспортов. Ярко-алым сегодня горели фонари на самом верху ферм — стальных тросов, удерживавших всю тяжелую махину. И океан становился не прозрачно-бирюзовым, а в темноте приобретал оттенок необычно-фиолетовый, не естественный цвет воды.

С берега это новое явление в Арзонте считалось одним из самых романтичных, парочки со всего города лежали на пляжу, наблюдали за необычным океаном, предаваясь любовному лепету на ушко и нежной ласке. Но сегодня цвет сменился.

Сначала, лежа на гамаке, пара молодых людей увидела странное. Резко прочный стальной канат на середине мосту оторвался откуда-то сверху и упал вниз на воду. Подняв брызги. Затем прошло дрожание по земле, и даже пара, лежавшая на весу в гамаке, почувствовала вибрацию от деревьев.

Наблюдатели успели приподняться в удивлении.

— Ты видел, Дань? — спросила девушка, не отнимая взгляда от произошедшего на горизонте, боясь что-то произойдет. И оглушительный взрыв накрыл звуковой волной.

Девушка зажмурилась от громкости, закрывая глаза. В голове произошел беспорядок, стало очень звонко и громко, захотелось эти звуки убрать из себя, выкинуть, но в голове по-прежнему звенело. Когда стихла какофония шума, глаза можно было раскрыть и увидеть вместо прежнего приятного фиолетового оттенка океана, как столп сероватой пыли распространился по всему мосту. А опора по самому центру, не сдерживаемая стальным канатом, без поддержки рухнула на мост, пробивая асфальтовую конструкцию. Белое полотно летало по воздуху, а последствия шума, эхо еще немного времени раздавались возгласами.

Тишина на миг. А потом сигналы автомобилей на многие километры, движение заблокировано на мосту точно по середине.

Мост раскололся точно на двое.

Говорят всевышние силы не желают объединения рода Хаски и Вильмонт. Сама Немийская земля против перемирия двух врагов...

Ров Хаски

Какая жара, не реально. Мое тело научилось поддерживать температуру, гораздо выше, чем привычное состояние, чтобы в случае необходимости поделиться теплом с той... с Бастардом. А теперь никак не мог вспомнить, как понизить эту температуру. Бесило.

Нашел мяч небольшого диаметра и все утро стучал им по стенам и полу. Что-то не так. Рука порой вздрагивала, и я промахивался. Не прикасаясь к мячу водил ладонью, представлял, как отбиваю его. Сейчас, например, в сторону стены рядом с телевизором.

Махнул ладонью резко вбок, стараясь попасть ниже телевизора примерно на уровень розеток. С вибрацией лицо неизвестного политика пошло рябью пониже середины экрана. Сам телевизор покачнулся, но продолжил работать в прежнем темпе. Опять промахнулся.

В обратном жесте по направлению к себе подал ладонь. Мяч, скакавший на полу послушно нырнул в руку. Сжал твердо округлый предмет и прислонил ко лбу. В этом положении и застал Польски, как всегда появившийся, когда его не ждали.

— Диман! Тут? — нет, я сдох и летал на облаках в виде ангела. Тебе так ответить?

Скептически олядел веселящуюся рожу, потом занялся подкидыванием мяча. Так по крайней мере меньше раздражающих факторов. Подкидывал мяч вверх и ловил внизу на расстоянии пары сантиметров от носа.

— Долго будешь валяться и ничего не делать? — а что я должен еще сделать? Покорить мир? Заработать очередной миллион и очередную головную боль? За каким спрашивается счастьем? — А игнорировать долго будешь?

— На тупые вопросы не отвечаю, поэтому приходится молчать.

— Ты опять не в духе, — подвел итог Санек, глядя на меня.

— По делу или херней пострадать?

— По делу. Взорвали мост. Охрана Вильмонт стояла в тот час, у нас был пересменок. Может начнешь напрягаться? — ого. У Санька раздраженный голос, даже прекратил чеканить мяч об потолок, приподнялся с дивана на локтях и улыбнулся.

— Прикольно. Ты злишься, — прокомментировал и улегся обратно на лопатки. — Давно не видел у тебя таких эмоций. Я тебя раздражаю?

— Нет. Твоя секретарша, прелестный одуванчик с пирожками и горячим чаем... — усмехнулся про себя. Сарказм из него пер. — Поехали, КМД-ники нас ждут. До тебя видите ли не дозвонишься, как до твоего папашки, когда он трудится на благо своего члена. Я подумал и ты занят, — продолжительное молчание.

Если не слепой, то сделает вывод, что я здесь один, не считая Гретты. А о той грешно подумать в подобном русле даже самому прожженному убийце и извращенцу. Нечестивец заплачет у нее на коленях, стоя и моля о прощении за помыслы грешные.

— А без меня никак? Результат ссообщишь по телефону. Я не спец по уликам...

— Поднимай свой зад и поехали на мост. Заколебал. Ты в прошлый раз так говорил. Я повелся, а потом три дня не мог найти тебя нигде.

Польски обнаглел сделал я вывод, когда друг взял за руку и попытался поднять. Силач нашелся. Может ударить ему в уголки глаз для быстреего прихождения в норму? Руку вырвал, но приподнялся.

— Как вы мне надоели! — пробубнил с тяжелым вздохом, поднимаясь в полный рост. — Надоели ваши долбаные звонки. Выключил телефон, — указал гневно на столик маленький, прозрачный, где лежал телефон серебристый. — Чтобы вы не доставали! Знакомиться с будущими родственниками не желаю! Выбирать обои для нового жилья — не собираюсь! — голос повышал силу. — Твои сраные звонки Польски — заебали! Твой вид, твоя рожа. Отцовская рожа — Виталик — вы все отвалите от меня. Почему от меня столько всего хотят? Почему Я должен?! Да пошло оно нахер!

Взмахнул раздраженно руками, наверное, хотел в чью-то шею вцепиться. Ветер пронесся из рук в направлении телефона и столика, оттуда пролетел торпедой в окна из трех стеклопакетов.

Грохот, звон, заглушил мою дальнейшую речь. Столик, перевернутый вверх ногами, с

треском разбил окна. Одно за одним как карточный домик стали рушиться. В окно улетел телефон, в другое пепельница. И в кабинете только наступила секундная тишина — как следующий звук — тяжелый грохот вновь привел меня в мысли.

Черный пятнадцатикилограммовый тонкий телевизор от удара мяча, не сползший со стены, теперь же рухнул вниз экраном, а сверху на него упали осколки от лампочек на потолке.

Что-то тут не так.

— Ее труп нашли на том мосту... — что? Развернулся на ходу. Осколки посыпались на спину и плечи. Откуда столько колющих предметов и меня не задевали, хотя ветер сильный бил в окно на пятьдесят пятом этаже.

— Дмитрий Сергеевич, на вас напали? — вошла секретарь, окидывая взглядом необычную обстановку.

На весь кабинет и здание заорала сирена, сигналившая о нарушении безопасности здания корпорации X.

Что-то определенно не так...

POV Польски.

Я не жаловался никогда на наличие шеи, прекрасно когда есть чем пошевелить из стороны в сторону. Это великолепно, что можно посмотреть и налево, и направо.

Сейчас я шел по светло-бежевому коридору одной организации, которая обязана спасти мою шею от полнейшего отсечения ее от тела!!!

Пятый этаж одного из высотных зданий, в рабочем районе Арзонта. Синее стекло вместо стены. Пока шел по коридору, разглядывал сквозь голубоватое помутнение жаркое огромное солнце. Тридцать градусов в январе, слишком яркий год.

Справа стена закончилась резко.

— Здравствуйте, здравствуйте! — поклонился девушкам на стойках регистрации. Это не те, продолжил шагать, громко стуча каблуками по коридору, разглядывал попутно коричневый ковер.

Вот оно — справа вновь проем и там эмблема на стене, изображавшая две ладони мужская и женская, скрещивающиеся между собой.

«Доверие» — точно не знаю, чем они занимались, кажется помогали богатеньким Аристократам тратить кредиты. Кто они по специальности — психиатры или психологи в душе не ведал, я их называл всегда мозгоправами.

— Девушка! — возле белой огромной стойки во всю ширину углубления, как раз-таки одна из представительниц прекрасного пола. — Девушка, помогите!

Локти поставил на стойке перед ее рабочим местом.

— Здравствуйте! — запоздало ответила моя жертва, но на меня продолжала смотреть чуть испуганно. — Что вы хотели? Какого рода помощь?

— Имина. Срочно! Где ваша сотрудница Имина? У меня с ней договоренность!

— Ааа, — протянула более спокойно, успокоившаяся сотрудница организации. — По коридору направо — первая дверь. Они там втроем сидят! Вы ее жених, наверное.

Я резко отсоединился тело от стойки и пробубнил себе под нос:

— Очень похож на жениха...

В черном костюме чувствовал себя клоуном, я такой и есть, бегом с самолета. Кто же знал, что папаша Хаски вознамерится прилететь в Арзонт на день города!? Две недели до даты X. И кто знал, что Диман проигнорирует звонок от отца, искренне желавшего поздравить с Днем Рождения своего наследника! И кто знал, что мост разрушится? И кто же знал, что Диман разгромит собственный офис в корпорации и потеряет связь с энергией!?

Я в полной клоаке...

Дверь с ноги открыл, у меня есть объяснение такому поведению, я не виноват. Маленькая комнатуха. Оглядел трех девушек на рабочих местах, остановился на любимой подруге. За ее спиной приоткрытое окно впускало в помещение лучи солнца. Имина располагалась в белой, рабочей рубашке, на груди ворот колыхался от дуновений ветра, из-под стола виднелись ножки на высоком каблуке. На остальных девушек время не тратил.

— Милая моя, — буквально взлетел к месту напротив стола Имины, спиной к другим любопытным. Наверное, сюда садились потенциальные клиенты. У подруги на столе стояла маленькая чашечка с блюдцем, судя по запаху кофе. Остальная часть мебели в бумажках,

канцелярских предметах.

— Спаси! А? — попросил я.

Имина поджала недовольно губы, взяла чашку с кофе в ладони, погрела, при этом меня игнорировала, и смотрела на стол и бумажки перед собой.

— Ты должна меня спасти! — ткнул пальцем ей в документы, валявшиеся перед нами. Подруга молчаливо посмотрела на руку, отставила чашку на блюде в бок и подняла взгляд, наконец, крайне недовольно. Как будто готовилась взорвать одними глазами, слава всевышним, силы у нее такой не имелось.

— Должна! — поднял палец от бумаг и вновь ткнул обратно, если бы умел резать, непременно и стол бы проткнул.

— Я должна вот этот документ изучить, — кивнула на мою руку.

— Ну, пожалуйста, — нахмурил брови. — Ну красотулечка, хочешь на колени встану, вон смотри, — указал пальцем на ее коллег за спиной, даже корпус тела чуть повернул назад. — Девочки в нетерпении, жаждут моего унижения! Я тебя прошу, солнышко!

— Фу, Польски! — сморщила лоб Имина и отвернулась от моего вида, будто я плохо пах. Хорошо я пах, мылся с утра.

А я продолжил нагнетать атмосферу:

— Если не поможешь, я продолжу в том же духе, поверь, я еще не такие словечки знаю! Ну пожалуйста! — взял ее худенькие ручки в свои ладони, мягко обхватил, аккуратно. — Спаси меня и мою шею! Покопайся в мозгу нашего наследника. Если к встрече с отцом я не подготовлю Димана, вменяемым с мозгом в голове, а не в штанах, моя шея слетит к ХЕРАМ! (здесь по идее слово к БАСТАРДАМ)

Рукой изобразил, как ладонью или каким-нибудь мечом отрежут шею и выбросят в окно позади Имины, причем пинком от моей туфли.

Очень долго красотулечка молчала, я приготовился к финальному трюку пустить мужскую, скупую слезу.

— Хорошо!

— Правда? — крепко пожал ее пойманные ладошки, чуть не раздавил от вселенского счастья, что накрыло в ту чудесную минутку. Моя шея почти жива. — Правда, Правда?

— Правда. Отдай руки, — выдернула из захвата Имина. — После работы на парковке встретимся, кое-что проверим.

— Фух! — я разлегся на стуле расслабленно, ноги протянул в свободный проход. — Я счастлив!

Сделал вид, что стер рукой пот со лба. Встал со стула не спеша, улыбка так и просилась на лицо.

— Девочки, отлично выглядите! — стрельнул взглядом на коллег Имины и подмигнул. Работницы оценили, хихикнули довольно. Эх, женщины! Ближе к двери услышал обращение от подруги, это заставило невольно застопориться, подошвы дорогих туфель приклеиться к полу.

— Весельчак? — повернулся к Имине с вопросом в виде крайне озадаченной брови, приподнятой вверх. — Если бы не твоя искренняя забота о самочувствии друга, я бы послала тебя бабочек ловить в окне! А теперь можешь идти, мистер я крутой!

Сказала громкую фразу Имина и спрятала глаза на бумагах в столе. Как скажет, так вырубит.

Сколько энерговиков развелось!!!

— Что ты сказал? — вопрос подруги опять озадачил, я успел уже дверь приоткрыть, готовился свалить отсюда.

— Я вроде ничего не говорил, — в недоумении пожал плечами.

Подруга ручкой указала в моем направлении с ехидно-довольной улыбкой. Это также неожиданно, когда в школе ребята предложили «по доброте душевной» мне первому исследовать великие, тайные захоронения на стройке. Да только потом я понял, что они трусили идти первыми. Я после этого исследования три дня дерьмо собственноручно вымывал с джинсов, мать велела. Кто же знал, что на стройке обнаружится канализационный люк, и я туда с головой провалюсь.

После такого я подобные ехидные улыбочки очень настороженно воспринимал.

— Я когда настраиваюсь на эмоции нужного человека, могу и мысли прочесть, — как я и думал Имина огорошила этим замечанием.

— Всевышние силы, ты опасна для мирного населения! — успел сказать ей сквозь дверной проем и выбежать, как будто за мной смерть летела следом. И эту смерть именуют не иначе, как Сергей Хаски.

Вечером опять прибыл на парковку перед голубым, стеклянным зданием и ожидал подругу. Переоделся из жаркого, черного костюма, в джинсы и футболку. Опирался бедром на дверь водительскую, задумчиво потирал подбородок, а непокорные завитки волос собрал в хвост. Я когда шел на ответственное дело волосы убирал всегда назад.

Позавчера Диман дал жару, разгромил офис и потерял связь с энергией, теперь он не мог воспользоваться силой — просто прелестно, его эмоции в раздрае.

А потом я сообщил ему прекрасную новость «труп Ананиной оказался не Ананиной, а какой-то левой девушки». И вот когда я завершил мысль, что это подстава — он меня чуть в окно разбитое не выкинул. Думал, реально выкинет... Брррр... Я прям чувствовал холодок ветра с пятьдесят пятого этажа, находясь башкой вниз. Он, наверное, забыл, что я, как Виталик, не умел трансформировать тело!!!

Сегодня у Димана День Рождения и он не нашел ничего лучше, чем сожрать кислоту — знаете, это разновидность наркотического средства, хорошо хоть не по вене. Его выпиваешь и ловишь глюки. Вот и мой обожаемый друг решил поглотить — я догадываюсь с кем он там глючит. Видите ли у него секса нет. Да благодаря, обожаемому другу я тоже нахожусь в состоянии евнуха, или боюсь скоро Хаски старший из меня сделает евнуха.

Короче, красота, кислоту выпил и перед тобой необходимый человек, на месте какой-нибудь страшной дамочки. Это самый сильный наркотик, ты перед собой видишь того, кого представляешь. Все твои желания исполняются, и не важно, что там на самом деле делает человек перед тобой.

Да если бы я знал, к чему приведет наследника знакомство с Ананиной убил не задумываясь, а теперь из-за своей халатности расплачивался.

— Давно ждешь? — в рабочей форме Имина вышагивала бодро, цокая каблучками по дороге ко мне навстречу.

Я перестал перетирать подбородок, мог мозоль натереть.

— Нет, — коротко ответил.

Открыл подруге дверь на пассажирском сидении, чтобы присела.

Всё — запах веселья улетел в трубу. Скоро мне шею отрежут по основанию, если я за шкуру не притащу Ананину к Хаски. В противном случае он отказывался вести дела, у меня

телефон разрывался от его работников.

В самом деле! Как пацан мелкий. Куколку у него отобрали и это будущий Глава Хаски!

— Куда направляемся? — поинтересовался у Имины. Она предупреждала, что мы куда-то отправимся.

— Район Асгары.

— И что мы там забыли? — спросил, но послушно поехал в направлении трассы. Запас бодрости иссяк окончательно. Меня постирали в машинке, высушили и выжали. Я устал и без сил.

— В тот день я встретила Ананину, ну в смысле в день продажи, — я обернулся на подругу. Я же сейчас точно расслышал смысл текста? Пакета на голове, препятствовавшего звукам нет, я не под водой, должен слышать хорошо.

— Ты!!!!!!! — не забыл вернуться взглядом к ней. — КАК!? Ты!?

— Вот так, — резко перебила, гордо нахмурилась Имина и отвернулась к окну пассажирскому. — Я не обязана отвечать за идиотов друзей. Ему полезно маленько понервничать, может лучше к людям начнет относиться... Хотя это вряд ли.

— Предательница, — прошипел сквозь сжатую челюсть, но ехал в направлении подсказанном Иминой.

После некоторого молчания, пока ехали по дорогам, сильно заполненным машинами, подруга начала разговор:

— Что там с мостом? Кто взорвал?

Я сделал кондиционер посильнее, чтобы отвлечься на завывания ветра от серьезных дум. Попутно ответил:

— Если бы знал, думаешь психовал? Охрана Вильмонт стояла, у нас был пересменок. Мне любопытно одно, даже сильнее, чем узнать, кто взорвал мост. Мне интересно, кто скопировал Ананину? Тело, кожа, отпечатки пальцев даже скопировали идеально, сетчатка глаз, зубы, скелет. Медик предложил проверить энергетический поток, хотя я не представлял, чем поможет. Мы же не знаем ее энергетический поток, в университете нет данных. Дорогостоящая процедура. У трупа — не было связи с энергией, а у нашей — есть. И мне интересно...

Повернулся к пассажирке, неведомо слотнул накопившуюся горькую слюну, будто она ядовитая протекла болезненно по горлу, потом развернулся к лобовому стеклу:

— Как только Диман очнется от своего недотраха, проанализирует случившиеся события и поймет, что Ананина возможно скрывается от него у какого-то богатенького придурка. Он же... Он же Арзонт к Бастардам спалит!

— Не преувеличивай, — отмахнулась подруга от нелюбезных выводов.

— А я не преувеличиваю, — шепотом ответил, будто боялся, что Диман реально услышит сейчас, даже невольно заозирался по сторонам. — Я преуменьшаю.

Еще более зловеще ответил, таким голосом детишек перед сном пугали, чтобы те спали, а то страшные звери придут за ними.

— Идея! — меня словно всевышние силы спасли, в голову нашептали великолепное решение проблемы.

Я расцвел, как прекрасный благоухающий цветок. Я прекрасен. — Имина, девочка моя! Я гениален! — иногда отрывал взгляд от дороги, здесь машин было поменьше, чем в центре. — А давай Диману Ананину — обертыша подсунем?

Пальцами побарабанил по рулю. Это гениально! И все довольны, а Диману трахай

сколько влезет.

Но Имина, видимо, решила испоганить мое внезапно подскочившее, как на пьедестал с первым местом, настроение. Это самый лучший выход из положения. И Бастарда не придется искать.

— И как ты занимаешь такой пост, Польски? С твоими куриными мозгами? — хорошенькое личико подруги исказилось от пренебрежения. Что я опять не так сделал?

— Что!?! — удивленно пожал плечами, пальцами перестал барабанить весело по рулю, дорога резко поворачивала направо. Пришло сворачивать.

— Ничего... — ответила подруга. — Обертыша он выкупит с пол пинка. А если бы сам хотел заменить ее на кого-то другого, уже бы давно сам нашел. Ты думаешь дело в сексе? Посмотри на меня...

Подруга внезапно распрямила спину гордо, продемонстрировав хрупкое, аккуратное тело и тонкие ручки с ножками. Ладони вскинула вверх в вопросительном жесте налево и направо.

— Я вообще его идеал! Я его девственности лишила. Мы восемь лет с ним периодически развлекались. Восемь! — гордо показала она пальцем вверх на потолок. — Дело в самой Ананиной. — Закончила Имина торжественно речь, убрала руки на животе скрестив, и продолжила наблюдать в окно. А я развернулся вперед.

— Так что смирись. Нам нужно достать Ананину! — услышал на ухо окончательный вердикт.

Тяжело вздохнул, обреченно, как будто меня приговорили к газовой камере и скоро я все-таки задохнусь.

Имина привела нас к красному, огромному фонтану, из него брызгали красные струи воды, вокруг небольшого сквера кольцом располагались три идентичных дома. Имина указала на один из них, туда мы и направились. К охраннику, к двери.

Встали, в ожидании когда соизволят до нас дойти. Из будки вышел охранник, весь такой крутой в черной фуражке, с дубинкой, в очках солнцезащитных:

— Молодые люди вам что-то надо? Здесь частная территория и без разрешения я не смею... — заткнулся когда увидел, как я протянул ему открытое портмоне на странице с военным положением. Потом поднял взгляд на меня и добавил другим тоном:

— Здравствуйте. Я предупрежу хозяйку. Цель вашего визита? — я вместо ответа убрал документы, но выразительно приподнял бровь. Буду ему еще рассусоливать. — По делу? — уточнил охранник.

— По делу, — подтвердил.

Небольшая заминка последовала, пока очень тихо мужчина шептал что-то в домофон-трубку. А мы стояли переглядывались с Иминой. Та невольно заметила:

— Давай как-нибудь в банк заявимся. Я уверена нам никто и слова не скажет, когда мы пару миллиардиков сопрем, — посмеялась подруга, я невольно хмыкнул над предположением.

Охранник распахнул двери перед нами, позволив войти на территорию дома. По асфальтовой дорожке добрались до небольшой крыльца. На середине дороги уже расслышали, как дверь раскрылась.

На пороге дома стояла девушка — брюнетка, прическа по плечи. Нет скорее женщина при ближайшем рассмотрении стало очевидно. Больно глаза уверенные в себе, для молодой, эта хоть немного, но повидала в жизни.

Женщина в легких, спортивных шортах и футболке, в руках позвякивала ключами. Мы встали напротив нее, приготовились начать знакомство, но ее отвлек писклявый голос из-за двери.

— Не знаю где ссапочка лозовая! — почти четко выговорила какая-то маленькая девочка. Почти. Ее не было видно, потому что хозяйка препятствовала проходу внутрь дома.

— А нечего у папы в машине оставлять. Одевай эту! — на этой фразе женщина обернулась к нам, в карих глазах очень сильно мелькала недоверчивость. Хозяйка фокусировала взгляд слишком тщательно, не моргала.

— Добрый день, — женщина поприветствовала, ключами перестала греметь раздраженно и расслабила руки по швам. — Чем могу быть полезна?

Крайне холодно прозвучала обманчиво-уважительная фраза.

— Мы можем войти? — спросил я.

— Нет. Не можете, — отрицательно помахала головой. — Гостей я не ждала. А документов, предоставляющих вам право беспрепятственно заходить в чужие дома, у вас, как я вижу нет...

Оценила наш вид с ног до головы.

— Мама! Никак не найду, — ее дочь появилась в проеме двери. Этакая черненькая кудрявая малышка-милашка, ангелок в розовом платице. — Здасти, — увидела она нас и поздоровалась.

Мы кое-как с Иминой что-то пробубнили. Я не в курсе, как общаться с детьми.

— Посмотри наверху в нашей с папой комнате, — пожелала отделаться от дочери видно хозяйка, при этом махнула рукой в сторону лестницы.

— Я устала уже искать... — закончила малышка, тряхнув кучерявыми темными волосиками.

— Анжела, марш! — такого голоса матери дочь послушалась. Девочка, понуро опустила плечики, но пошла по ступенькам, громко, недовольно топча ступеньки.

Затем женщина перед нами развернулась и вышла на улицу, прикрыв дверь плотно за собой, давая понять, что разговор состоится здесь и ни на шаг не впустит далее.

— У меня пять минут, иду с дочерью гулять. Молодые люди, что вам нужно? Мы не знакомы насколько я знаю...

— Что вас связывается с некой Анной Ананиной? — взял слово я, в атаку пошел. В лоб задавая вопрос. Ирина сложила руки под грудью в защитном жесте. Значит, вопрос ее задел, не оставил равнодушной. Мы по адресу.

— Это с тату во весь глаз? — уточнила хозяйка, пальцами показывая на висок.

— Она самая, — подтвердил я, руки спрятал в карманы джинс и постарался принять расслабленную позу. — Что вас с ней связывает?

— Много связывает. А вас это касается?

Как меня раздражали наглые брюнетки. Я и слово сказать не мог, боялся нагрублю.

— Нас интересует, где можно найти Аню? — вмешалась в разговор Имина, перебив.

Лично мне характерные брюнетки ни по чем. Могу достать документы и, как миленькая, будет по каждому пункту отчитываться, а могу забрать в отдел, посидим за чашкой кофе в камере поболтаем... Ладно, не буду раньше времени злиться, но собственная шея мне пока дорога.

— А если она не хочет чтобы ее находили? — спросила хозяйка дома.

— Нам очень нужно. Пожалуйста, — попросила подруга достаточно вежливо. Я бы так

не смог, нагрубил точно. Нужен результат, а не тупой разговор, который очень много требовал времени.

— Аня не желает быть найденной повторяю. Через меня ничего не добьетесь.

— Ирина, я не враг, — Имина взяла за локоть женщину, та сначала хотела вырваться, но приостановилась.

— Может быть ты и нет, но кто-то здорово подпортил ей жизнь... — хозяйка перевела взгляд на меня оценивающе. — Надеюсь это не ты тот мудака, который продал ее?

Я покачал отрицательно головой.

— Нет. Я не тот мудака, — ответил. — Но нам нужно, чтобы она встретилась с мудаком, который ее продал!

— Смешно. Прошу покинуть мой дом, — брюнетка указала резко рукой на выход за наши спины. Вторую плавно выдернула из захвата Имины.

— Я не сдвинусь с места, до тех пор пока не получу информацию, — отбрил я гордо. Мне пока шея еще дорога!

— Придется вызвать охрану, — женщина потянулась к домофонной трубке. И чем ей это поможет? Глупая женщина.

— Пойдите, пожалуйста, — Имина приостановила ее руку, потянувшуюся к трубке. — Выслушайте. Это сложно вам объяснить. Она очень нужна сейчас этому мужчине. Он сожалеет о содеянном. И знаю, что Аня раздавлена его поступком. Я знаю, что они оба чувствуют. Я эмпат... и вы очень любите Аню, похоже на родственные чувства...И вы должны понять, что Аню тоже съедает эта ситуация. Она не успокоится пока, не решит вопросы. Помогите встретиться с ней, пожалуйста — женщина вырвала руку, которую до сих пор держивала Имина.

В этот момент сбежала малышка с лестницы, оттянув внимание на себя.

— Извините, но мы уходим, — хозяйка повернулась вновь к нам спиной, давая понять, что разговор окончен. Через несколько секунд нерешительно обернулась, окинула пренебрежительным взглядом меня, потом Имину. — Эммм... оставьте телефон, пожалуйста, — напоследок закончила.

Имина продиктовала телефон хозяйке и вежливо поблагодарила.

И мы пошли по асфальтовой дорожке, мимо охранника, который вежливо снял фуражку, отдал мне честь двумя пальцами ото лба. Показушничества не хватало. Калитка за нами со скрипом захлопнулась, а мы не спеша пошли мимо красиво-красного фонтана, шумящего в свете уходящего дня. Начинало смеркаться.

Я приобнял рядом идущую подругу, положил ладонь на косточки ее бедра. И шли бок о бок. Я склонил губы ей чуть на ухо:

— Ты была шикарrrrrрна. Я почти слезу пустил, — изменил тональность голоса, прорычал как лев. А потом начал шепелявить, коверкая слова. — Он сожалеет, Анечке надо встретиться с ним, чтобы решить проблемы.

— Вот, что значит красный диплом высшей школы Психологии! — ответила гордо подруга.

Приостановились возле машины, я открыл ей дверцу, а она продолжила жутко довольная:

— Тепло тела всегда успокаивает человека. Когда она начинала нервничать — я притрагивалась к ней. Если она не убирала руку, значит подсознательно доверяла. А твоя агрессия сделал трюк еще удачнее — плохой и хороший представитель власти.

Имина скользнула в тепло салона с улыбкой.

— Через сколько дней позвонит? — облокотился о дверцу машины.

— День, два максимум.

— Это отлично. Если нет, то через два возьмусь всерьез за эту женщину. — улыбнулся я и захлопнул дверцу машины.

Кажется, меня минует участь попасть в газовую камеру.

Глава 6 "Страхи"

+18 в этой главе конкретно. Помним, что Аня боец и со страхами борется лоб в лоб.

Тренировочный зал для боев находился в подвале загородного поместья, в котором на самом деле никто никогда не проживал на постоянной основе. В связи с моим воскрешением семья на время собралась здесь — теперь вновь пусто и я представлена своим черным думам.

Мама — модельер, ее работа и Саши связаны, поэтому женщины отлично ладили и почти вечно болтали, как трещотки. Паша постоянно болтался по свету, то в одном городе, то в другом, насильно отцом заслан на какие-то управленческие курсы, хочу сказать они ему не помогут. Мой брат — пока «ребенок», маленький мальчик.

Но когда мое бездыханное тело ступило на порог дома, Паша первый обнял, на чьем плече я разрыдалась, как маленькая пятилетняя девочка, которая разбила коленку и лелеяла ранку. Мама вторила, Саша кричала, переходила иногда на ультразвук рядом со мной и братом.

Алиса — младшая сестра, крашенная рыжая. Кажется, она всю жизнь комплексовала рядом со мной и Сашей, она не уверена в себе, в учебе хорошистка, в спорте — ноль, по внешности — вроде и симпатичная, но мужчин боялась и обходила стороной. Даже Леньку побаивалась, хоть он и мальчик-одуванчик.

Как-то раз еще перед моей «смертью», Алиса в первый раз решила выйти с нами в свет и покрасилась в рыжую. Мы единогласно удивились ее решению, обычный цвет у нее, как у меня. Получилась вся гамма цветов — рыжая, белая и черная. Одним словом, девушки Вильмонт были заметные.

В день моего приезда Алиса даже не обняла. Она стояла в углу гостиной и не шевелилась, смотрела с расширенными глазами, а когда я распахнула ей объятия и улыбнулась сквозь слезы, она развернулась и вышла из комнаты, оставив полный зал растерянных людей.

Младшие близняшки им двенадцать лет — кудрявые блондиночки с голубыми глазками, похоже скоро отбоя у девочек не будет от кавалеров. Мы не так близки, редко видимся, дело в том, что они учились в школе искусства в другом конце Гнетовцев. Анжела и Анфиса.

Вы заметили, что у всех женщин нашей семьи, имена начинаются на «А», в честь матери, у отца бзик.

Сегодня рабочий день, у всех дела, у Алисы выпускной класс, я так и не узнала, куда она собралась поступать, на целую неделю я вероятно опять одна.

А я пыталась привести мысли в порядок — решить что делать со своей жизнью. Притвориться, что ничего не было?

Из гостиной вниз вела лестница к тренировочному залу.

Прошла по знакомым ступенькам, перебегая через одну и вот он — огромный просторный зал. В глазах зарыбило от резкого неоновых цвета. Дверь захлопнулась за мной, красная кнопка пискнула и дверь заблокировалась. Намекая, что я замурована насмерть, пока положенные два часа тренировки не пройдут, либо кто-то сверху не соизволит спасти из плена зала.

Давно здесь не была. Вдохнула полной грудью, здесь достаточно прохладно, свежо по

сравнению с температурами в остальных комнатах дома, ни одного окна, высокие потолки. Справа на стене при входе небольшой цифровой компьютер, на нем и вводили параметры тренировки.

Что мне надо сегодня?

ВЫБИТЬ ВСЁ ДЕРЬМО ИЗ КАКОГО-НИБУДЬ УРОДА!

Ринг, максимальная сложность, с ударами в болевые точки. Не вырублю, так саму вырубят и я прекращу думать.

Быстро по нажимала по клавишам компьютера. Поехали. Развернулась, по периметру помещения побежали голубоватые искры.

Надувной ринг резиновый, пять на пять, а вы попробуйте сохранить равновесие и одновременно избивать соперника. Требовало колоссальных затрат и концентрированности.

Зашла на ринг. Окинула взглядом голубовато-белое создание с намеком на мужские черты тела, без волос, без кожи, как голубоватое неживое полотно, но разрезы для глаз, рта, шеи, паха, солнечное сплетение, все возможные ударные точки перед глазами.

Робот сложил руки с перчатками, встав в боевую стойку, я повторила жест.

У меня такая жажда разорвать манекен на жалкие куски, по одному ломать пальцы и разбивать хрящи.

Я первая пошла в наступление — замахнулась с правой. От неожиданности завалилась вперед, когда манекен ушел с линии удара. Чуть позорно не растянулась. Вернула корпус тела обратно.

Отскочила от ответного удара, нацеленного явно в нос.

Плохой из меня боец, попыталась успокоить сердцебиение. Соберись, Аня.

Но, как назло, вместо этой без телесной формы — эти губы уточкой, эти голубые, ледяные, морозящие тело глаза.

Замах, опять промахнулась, отступила назад. Присела на чуть согнутых ногах, готовая к атаке робота, коли сама не могла пробиться сквозь защиту, буду контратаковать.

«Бастард...первый владелец Дмитрий Сергеевич Хаски...» — шаг назад сделала, еще назад, спину резко отогнула, когда кулак едва не размозжил мне нос.

«Право продажи закрепляется за владельцем,» — пропустила в щеку удар с левой. Защищало под глазом. Вперед. Раз замахнулась, два, должен открыться... Последовала контратака от умного робота, а я согнула корпус, спасаясь от удара.

«А мне пора восвояси встреча с маменькой, как понимаете это немного более важно, чем оргия с Бастардом...» — открыт робот после контратаки, значит моя очередь. Развернула корпус на девяносто градусов для замаха, целясь в оглушающий удар стопой в кадык. Дезориентация или возможная отключка в случае попада...

Очнулась, в глазах неприятно резало от яркости, сморщилась, проморгалась, в районе горла очень неприятное ощущение. Меня вырубил робот?

— На! — услышала знакомый голос сбоку. Повернула голову — Кирилл сидел на мягком резиновом ринге, лысая голова прямо-таки сверкала болезненно. А мне охранник протягивал бутылку ледяной воды, судя по капелькам на этикетке. Я обратно закрыла глаза, не хотелось вставать, голова немного кружилась. Проигнорировала предложенное питье. — Это был самый твой позорный бой!

— Согласна, — ладонью потрогала лоб, пальцы ледяные после отключки.

— Чтобы наносить удар с разворота для этого должен быть запас...

— Я в курсе, Кирилл, — перебила резко, но глаза не открывала.

— Времени. Противник должен быть дезориентирован. У нас много работы, пока ты решаешь свою дальнейшую судьбу нам необходимо вернуть тебя в первоначальное состояние и начать тренировки для контроля над второй энергией.

— Папаша рассказал? — все-таки пришлось открыть глаза и развернуть голову к Кириллу. Мой охранничек неспешно поднялся, в своей неизменной форме. Гад, ведь позволил попасть в меня роботу.

На безымянном пальце правой руки после возвращения теперь вновь поселилось аккуратное, маленькое кольцо с рубином. Наш родовой камень — моя связь с Кириллом восстановлена отныне. При любом резком выпаде в мою сторону будет появляться энергетическая оболочка, обхватывающая тело, либо в случае, если я сильно испугаюсь. Правда, по желанию охранника, он как бы наблюдает изнутри достоин выпад блокировки или нет.

— Анна Сергеевна! — отвлек Кирилл от очередных раздумий. — Встать!

По голове и телу стая точек разбежались в хаотичном порядке, потом резкий щелчок и перестали двигаться. Но их давление, как тяжеловесным камнем, сверху-вниз ощутила.

Резко поднялась с мягкого ринга, вскочила бойко на ноги по стойке смирно.

— Ужас! — поскулила, когда встала, в коленке что-то подозрительно хрустнуло. — Поаккуратнее нельзя?

Кирилл молчаливо прошел мимо, а потом обратно, как будто не слушал. А он, гад так часто делал, теперь будет прикидываться валенком, что ничего не слышит, пока не поднимет мой уровень обороны до необходимой планки.

— Начнем с равновесия и элементарных приемов ухода от атак...

— Может не надо? — спросила, надув губы, на мимо проходившего Кирилла. Шмонт бы повелся и купил шоколадку за милую моську, а этот — нет...

— Начнем с гимнастического бревна! Идеальная тренировка равновесия! На старт... внимания...

Я тяжело вздохнула, испуская жалобный стон, почему весь мир желал моей смерти?

Кирилл решил меня видимо убить. Всю неделю проводил экзекуции, я чуть легкие не выплюнула, нагрузки в Вышке были менее требовательные.

Концентрацию он мне восстанавливал. Какая концентрация? И учил расслабляться. Как тут расслабишься?

В результате, я бессчетное количество раз падала с бревна, стесала себе симпатичный зад, бедро слегка красноватое. Шипела я знатно, как кошка которой прищемило хвост, и материла Кирилла. Но он не остановился! Он продолжил тренировки со второй энергией.

«Расслабься Аня. Почувствуй энергетический поток в теле, ага. Рядом с кровью... слышишь как бежит по телу, по нервным окончаниям?»

Слышала, конечно, я слышала маниакальную мысль в голове, звенящую колоколом — убить Кирилла, жестоко расправиться с ним и труп в саду возле беседки закапать. Изверг!

На телефон стали изредка звонить знакомые люди, ну например одноклассница, неплохая девочка. Мы, конечно, не закадычные подруги, но иногда могли созвониться и приятно поболтать обо всем подряд. Она — «спокойная» девочка, от нее никогда не чувствовала опасности.

Неделя прошла в сплошных тренировках, прекрасное средство выбить все дерьмо из головы. Это немного помогало отвлечься, думать о чем угодно, а не о чужих руках на теле.

Где-то в среду обрадовал Леня, в поистине добром расположении духа, весь такой хохотушка, что его интересно радовало? Модель очередная?

Надо ему как-нибудь мозг на досуге вправить. Если мы когда-нибудь поженимся, рогов на голове не потерплю. Я как бы способна его удовлетворять до посинения, пока не надоест самому. Значит, смысл в любовницах отпадает.

Так вот, Леняка пригласил на свидание в субботу. В Герберте у него будут проходить съемки и вечером пригласил к себе домой, а на следующий день у него выходной. Целые сутки в нашем распоряжении.

Когда наступил этот день я валялась на бревне, жадно вырывала из воздуха кислород. Было дано две минуты передышки. Лопатками обнимала снаряд — бревно, руки спущены по обе стороны вниз. Пот по всему лицу и телу скатывался, но прогресс. Я сегодня впервые сама переместилась, правда на пару сантиметров, но это мелочи, начало положено. Главное, что удалось ухватиться, прочувствовать второй поток и отличать его от первого.

Звонок на телефон отвлек от желания умереть.

— Кирилл, дай, дай, — показала пальчиками в сторону валявшегося на полу орущего агрегата. Охранник передал со словами:

— Минута, двадцать секунд! — су...суровый охранник.

— Да, — ответила, как помиравшая птичка, которой подбили крылышко и я готовилась разбиться об землю немедленно.

— Сестренция! Я дома! Ты где? Почему пустота, как в морге?

— Я умираю в подвале, — Кирилл ходил по периметру помещения, делал вид, что не слушал. Я ладонью прикрыла трубку и себе половину лица, чтобы заблокировать звуковые волны. — Спаси меня, Сашенька. Умоляю!

Очень тихо зашептала, удостоверилась, что Кирилл не слышал.

— Пять сек! — ответили в трубке, а потом запиликали короткие звуки.

— Двадцать секунд! — озвучил громко Кирилл.

Какой пунктуальный до невозможности КМЗ-ник!

Я приподняла корпус и сидела на бревнышке, ноги по линии аккуратно положила. Бедрям не удобно, но что поделать. Где Саша, сейчас положенные секунды отдыха пройдут?

Дверь открылась в помещение. Сестра в белом, обтягивающем мини-сарафане, волосы собраны в элегантный пучок, при этом придерживала дверь открытой.

— Кирилл, привет! Дай мне Аню на пару минут...наедине, — уточнила сестра, при этом очень выразительно стрельнула глазами в него. Мужчина, видимо, понял молчаливый приказ свалить.

— Хорошо, на кухне пойду попью. Аня тебе тоже захвачу, через несколько минут вернусь, надеюсь будет достаточно! — охранник поднялся по лестнице, дверь со щелчком захлопнулась за ним, погружая нас с сестрой в неоновый, холодный свет.

— Наконец-то! — соскочила я с бревна, прыгнула на мягкие маты, рванула почти бегом, если бы силы были — бегом, а так постаралась перейти на быстрый шаг.

— За тобой должок! — поведала хитрая моська сестры.

— Ага, — прикрыла глаза, почувствовала, как Саша прикоснулась к моему плечу теплой ладонью, это хорошо, не будет заметно за футболкой капиллярной, венозной сетки. Теплые лучики коснулись меня. Энергия не холодная, она теплая обласкала плечо, пробежала по всему телу. Отлично!

Как и положено Кирилл вернулся через пять минут. Я помахала на прощание рукой

Саше, а второй конечностью вцепилась охраннику в локоть.

— Кирилл, тебе надо жену найти! — со смешком сказала. — Правда зачем?

Пожала плечами — они сексом не занимаются, не поднимается мужской орган, проверенно временем и старательностью. В шестнадцать лет нечем было заняться, как только смущать своего ненаглядного охранника. Сочувствую мысленно, но не сегодня.

Не заметно тень из-за закрытой двери скользнула в темноту коридора. Саша помахала рукой на прощание нам уходящим с Кириллом, я мельком услышала:

— Ребята не переусердствуйте!

И сестра вышла в темноту помещения, дверь громко за собой прикрыла.

А я отняла руку от охранника и направилась на то место, где была до этого.

— Продолжим, Аня! — я молча кивнула на приказ. Не знаю видел спиной или нет. Подтянулась на ладонях на бревно, удобно устроилась опять, улеглась, руки закинула за голову, и посматривала в потолок. — Теперь перейдем на ковер, на гимнастические связки!

— Ага! — сказала громко и продолжила пялиться в потолок. — Обязательно, — чуть тише добавила.

Небольшое молчание, удивленное со стороны Кирилла.

— Аня, на ковер! — повторный приказ, а я продолжила валяться и ничего не делать.

На двойников самих себя гипноз не действует, а теперь заслуженный отдых. А я настоящая уже успела сбежать с Сашей.

Моя дражайшая сестричка согласилась отвезти до автовокзала, я как и была в потных, грязных, спортивных вещах, успела паспорт захватить, с карточками, набор ключей на всякий случай и куртку пуховую напялила перед бегством. Ведь не объяснишь собственному охраннику, что у тебя свидание намечается вечером и надо успеть подготовиться к ответственному событию.

У Кирилла приказ — довезти Аню до нужной стадии.

Лишь бы не заболеть, на улице прохладно, снег почти осел на землю. А в Герберте гораздо холоднее, чем на окраине. Самая крупная река должно быть замерзла, мосты через нее соединяли противоположные стороны города. Незабываемый вид, особенно в ночи разноцветные огни на них завораживающе сверкали.

Гнетовцы не любили высотные дома, в большинстве городов небольшие — максимум этажей в пять, но в Герберте имелось несколько высотных, среди них наша корпорация, дом — основная точка сбора, где всегда семья встречалась на крупные праздники. В эту высотку я путь сегодня и держала для моральной подготовки к свиданию.

Вещи там есть, все необходимое для подготовки и никого больше, кроме тишины и спокойствия, куда мне хотелось забиться от всех подальше. Это просто свидание... свидание... с Леной. Чего мне бояться? Я в первый раз не нервничала. Ну наверное...оф же... предложит заняться...тем самым.

Я девочка большая вроде...как бы. Мне нечего бояться, Леня не ударит, силу не применит. Не возьмет за волосы и не поставит на колени, резко не войдет с силой, что невольно от этого вперед падаешь. И он не будет подхватывать твое падающее тело...

Аня, забудь!

Любые воспоминания стереть, выжечь, хоть ядом, хоть кровью, хоть болью. Мне все равно чем. Лишь бы больше не помнить всего этого. Это было с другим человеком, не с тобой.

Бабочку в районе бикини Леня не видел, так даже лучше, ее и не будет и никогда не было. Очень тщательно отмокала в ванной с пеной, чтобы ни одного намека на запах не осталось. Иногда казалось, что я чувствовала на себе запах Хаски, понимала, что это бред, но он словно оставил чернила татуировки внутри, на память под кожей.

Спустя некоторое время сборов появилось что-то похожее на Анну Вильмонт. Стояла в одной из комнат приятного фиолетового оттенка. И смотрела в зеркало в полный рост.

Красивое платье: на груди корсет приподнимал высоко грудь, волосы не стала расчесывать, решила барашком ходить. Дальше платье, как колокольчик, шелковое, голубое под цвет глаз. Ткань мягкая и парила при ходьбе, заканчивалась на середине бедер.

Вроде, красивее, чем Ананина. И улыбка милая, а не вызывающая желание перекреститься и спрятаться в страшном переулке среди убийц, лишь бы подальше от меня.

Феечка. Ленке нравились подобные невинные девочки. Ему бы Ананина вряд ли пришлась по душе. А как бы отреагировал Хаски на мой вид? Ему тоже наверное не понравилась бы я — феечка. Слишком слащавая, милая девочка.

Кажется мои две сущности никак не уместались внутри, придется все-таки выбирать, кем я буду.

Накинула белую шубу, я-то для тепла одевала, а Аристократки скорее, как красивую вещь, для статуса.

В восемь вечера прибыла к Лене на квартиру. Ужин с него.

Квартира находилась на третьем этаже в центре Герберта, из окна открывался вид на реку и на мост, подсвечивавшийся разными огоньками. Красиво отсюда.

Огромный зал, переходивший в кухню, у Хаски такая же планировка. Мода пошла — кухню совмещать с гостиной.

Красивый вид в окно на мост — это в комнате Ленки. Я там частый гость, по началу не для секса, а просто нравилось сидеть в плетеном кресле, как взрослая курить, и задумчиво наблюдать за городом. А Ленка где-нибудь на кровати валялся или телевизор смотрел, или о чем-то по телефону разговаривал.

И сегодня я не знала, как...что...делать?

Чуть позорно не сбежала возле его двери. Стояла с занесенным кулаком напротив квартиры и ждала знака свыше. Например, что дверь сама откроется и подскажет — Аня пройди и разденься перед Леной.

Мысленно встряхнула тяжесть с плеч, расправила грудь, растянула немного шубу и постучалась. Даже удалось наклеить улыбку очень крепким клеем, понадеявшись, что не отвалится по середине вечера.

— Привет! — улыбку на лице Ленки увидела быстрее, чем расслышала голос, а потом мой взгляд зацепился за его подбородок.

— Ух ты! — теперь искренняя улыбка набежала прекрасным солнышком на мои уста. — Ты побрился. Я восхищена!

Потрогала пальчиками аккуратную щеку, гладенькая, без намека на щетину и приятный запах крема. Наверное, прямо перед приходом. Я немного зависла в одном положении, когда поймала недвусмысленный взгляд Лени на моих губах, который дал время самой решить. Я опустила глаза на его губы.

Я его еще ниразу не поцеловала после воскрешения. В щеку, да, обнимала за плечи, прижималась, но в губы не целовала. Теперь следовало. Смежила веки и позволила себе поцеловать эти знакомые, родные губы. Чуть-чуть нежно, без языка, достаточно чтобы

передать и его, и мою заботу друг о друге. Лишь поцелуй приветствия.

Леня был красив — в белой рубашке и черных джинсах. Хорошее у него тело, невольно за ним хотелось наблюдать, девушки поворачивались ему вслед.

Ужинать решили в спальне. На плетенных креслах, перед нами был округлый, стеклянный столик, шторы приоткрыты, перед нами дверь на балкон и вдалеке виден самый огромный мост, километр в длину, сейчас он бирюзовый. Я вяло ковырялась вилкой в тарелке, которую придерживала ладонью в одной руке.

— Не хочешь ничего рассказать? — я помнила этот вопрос две недели назад. Он уже спрашивал. Я тогда ответила, что хочу забыть, я и сейчас мечтала забыть. Но похоже надо что-то объяснить.

— Ммм... — отставила тарелку, кусок в горло не лез. — Я имела...связь... с мужчиной в Арзонте.

Это казалось настолько ужасным, когда произносила вслух, даже на языке оседало каким-то неприятным привкусом, хотелось сплюнуть, стереть этот осадок.

Я настороженно повернулась к другу в ожидании вердикта, он вправе меня назвать как пожелает, мне и самой казалось это все ужасным. А с его стороны и вовсе не знаю.

— Я не дурак. Понял, что ты меня сторонись, будто борешься с чем-то, — Леня подпер ладонью щеку и поставил локоть на кресло. — Для тебя эта связь имеет значение?

— Имеешь ввиду мои чувства? — неловко уточнила я. Леня кивнул. — Нет. В этом плане. Я не любила его.

Пальцы заметно дрожали на коленях, не знаю почему хотелось ткань собрать, жестко сжать, успокоить это дрожание дурацкое в теле.

— Это хорошо, — Леня задорно улыбнулся, как мальчишка-проказник. — Я тоже не был святым. Главное, что ты выбрала быть здесь, сейчас, со мной. Это твоё желание. И мое. И хорошо, что они совпали.

Я невольно сама улыбнулась над его замечанием и отвернулась к темноте за окном, только яркий светильник рядом стоял и освещал стул, и нас двоих.

— С каких пор ты философ, Леня? — я не спрашивала, а скорее разбавляла напряженность между нами. Друг быстро протянул руку и ухватил за запястье, заставил привстать и направил к себе. Затем чуть надавил мне на ладонь, вынудив сесть к нему на колени.

Присела аккуратно, приобняла его за шею. И мы заглянули друг другу в глаза.

— У меня к тебе предложение, — я удивленно вскинула бровь с намеком, чтобы продолжал. — Давай традицией сделаем, раз в год я тебе буду предлагать выйти за меня замуж?

Бровь если бы могла еще дальше на макушку полезла, а так зависла, но улыбка пропала с лица.

— Перед прошлым Новым годом помнишь, предлагал выйти за меня, но кое-кто сказал, что не готов. Хочет поучиться, посмотреть на мир, погулять и не готов рожать детей. В этом году, что-нибудь изменилось?

Как будто талию сдавили пятерней руки, и я ожидала когда треснут ребра от натуги вздохнуть воздух. Что? Что тут скажешь? Когда тебя ошпаривали кипятком или выливали ведро холодной воды, похожее ощущение. В тот момент боишься потерять способность существовать.

— Не смотри таким ужасным взглядом, — Леня сверкнул приятной улыбочкой

модели, которая блистала на телевизорах. Модельки должно быть от этой улыбки валились на спины и раздвигали перед ним ноги. — Я не требую сейчас детей, пока без надобности наследники. Я и сам не знаю, когда вступлю в права наследования. Отец не торопит, спокойно занимается делами. Мне позволяет заниматься тем, чем мне нравится. А нагуляться и посмотреть мир мы можем вдвоем?

Не могла смотреть ему в глаза, до ужаса страшно, спряталась в теплых объятиях от всего мира. Год назад однозначно сказала бы, что не нужен поводырь, не нужен кто-то, кто будет частично нести за меня ответственность. На этапе беременности полностью за женщину отвечал мужчина, нет возможности управлять транспортным средством без разрешения мужа, никаких прав подписи, твоя подпись — ноль, пустой звук.

Каждый ребенок — это как дар свыше, а если он еще и с вирусным барьером, женщину разве что не на руках носят. И боюсь подумать, что сделают с решившей убить ребенка во чреве. АбORTов разрешенных не существовало, поэтому и некоторым людям приходилось рожать Бастардов, не взирая даже на то, что их потом забирали насильно, и не взирая на то, что они возможно не желанные дети, зачатые в процессе какой-нибудь ужасной оргии, и не известно, кто настоящий отец.

Так вот Ленке я, наверное, смогла бы доверить свою жизнь. В его руках тепло... не горячо, а тепло. Как и сейчас, когда друг понял молчаливый посыл, обнял за талию, пальцами мягко обхватил по бокам, погладил, а губами нашел мои, податливые, немного испуганные, но готовые перебороть эту трусость.

Его поцелуй не был невинным, как приветствие, был глубоким, пробуящим мой рот внутри, стремящимся познать глубже, сильнее, но горечь он не приносил. Безмятежное состояние, доверие и спокойствие. Я не боялась ничего, здесь сидя у него на коленях.

— Я сейчас, телефон звонит, — не слышала звонка, поэтому слегка удивилась, когда Леня заставил приподняться с его колен.

Настолько расслабилась и поплыла в сонное царство. Это хорошо. Мне легко, будто не было тяжести на сердце, его аккуратно зашивали ниточками. Осколки Леня выдернул в первый день встречи, а сейчас пытался подлатать. И я не сопротивлялась, давала возможность зашить рваные раны.

Леня вышел из комнаты в гостиную, а я поднялась и встала поближе к окну, наблюдала картину, которая всегда нравилась за окном. А сейчас пошел белый снежок, крупный и от ветра быстрый. Ветер? Да?

Ветер и огонь — торнадо из огня, которое поглотило в Арзонте.

— С работы, — расслышала голос позади себя. Кивнула отражению в стекле. Красивый вечер, и главное спокойный.

Его тело не так сильно давило сзади на спину, не стремилось вдавиться в меня, полностью поглотить очертания. Аккуратно Леня приподнял кудряшки с левого плеча, забирая их на второе. Шея под мужским контролем, в его власти.

Я отогнула голову вправо, дав свободу губам ласкать заметно вздрогнувшую от напряжения жилу. Вот так хотела...

Прикрыла глаза от наслаждения. Мне нужно это тепло его поцелуя, стереть чужие губы на шее, их остаточные воспоминания. Леня чуть жестковато обхватил на уровне ребер крепкими руками, под грудью. Сжал мое тело, как нечто дорогое и необходимое. Я не открывала глаз, так и наслаждалась ощущением других рук, не таких жгучих, как те.

Мужские пальцы пробрались на левый бок, справились с застежкой платья. Очень

медленно бегунок пополз вниз, высвободив обнаженную грудь.

Я открыла глаза — разноцветные огни родного города Герберта из окна третьего этажа, яркие вспышки сверкали призывно. А в стекле отражалось мое тело, по которому мягко скользнул материал платья, на бедрах застопорился. Леня опустил руки по бокам и потянул мягко вниз, высвободив все нижние части моего тела, помог переступить через материал. Откинул платье влево на спинку кресла.

Поймала его восхищенный взгляд в зеркале, похожий на пьяный расфокусированный. Не мог выбрать на чем лучше остановиться: на открытой груди или на кромке трусиков.

Будто щелкнуло, как перегоревшая лампочка, показалось что в отражении среди огней сверкнули голубые льдинки, как глаза. Сердце в груди бешено заколотилось. Я резко отвернулась к Ленке передом, крепко схватилась за надежные плечи, это удобнее. Встала на цыпочки и потянулась к знакомым губам. На секунду уловила мутноватые, расплавленные темные глаза, как горький шоколад по цвету. Но нет, его глаза не горькие, они теплые, и ласкающие, а не те резкие, жаждущие пищу, которые будет вкушать с наслаждением и нетерпением, лишь бы утолить плотский голод.

Нет. Я хочу эти глаза, которые успокоили молчаливо.

Легко поплыла по волнам вместе с Ленкой, наслаждаясь переплетением языков. Так и должно быть... медленно опустила ладонь на рубашку друга, пальчиком коснулась его груди, сердца, удостоверилась, что оно ускорило сердцебиение из-за меня. Довольно повела ногой ниже по ребрам, ниже, ниже до бляшки ремня, вытащила ненужный аксессуар. Задействовала вторую руку, а поцелуй не прекращала давала себя медленно облизывать, как лакомое мороженное приносящее вместо холода — горящий огонь по крови.

Повела бегунок джинс, ладонью накрыла выпиравший сквозь материал член, погладила осторожно. Ленка что-то произнес невнятно, похоже его удивила моя смелость, а я всегда была напористой девочкой, правда не настолько. А теперь я медленно приспустила его джинсы, ткань белья и достала то, что мне нужно, Бастард Подери! Мне это нужно!

— Без презервативов! — прервала поцелуй, чтобы прошептать во влажные губы, так и норовящие продолжить игру.

— Я только за, — хрипло ответил Леня, но при этом довольно резко развернул мое тело за талию прохладными пальцами и направил назад.

Ногами врезалась в спинку кровати, машинально остановилась, но мое тело мягко заставило опуститься на лопатки и ощутить ледяную ткань под спиной.

— Мне нравится такая Аня, — услышала в районе груди удовлетворенный смешок. А тот молчал и всегда поедал вкуснейшее блюдо перед собой, не тратил время на разговоры, а только непрерывно изучал, слизывал, трогал.

Пропустила момент, когда трусики легко скользнули по коленям, икрам и через поднятые высоко вверх ноги.

Леня с весьма удовлетворенный видом проводил это действие и раздвинул мои ноги, приближая наши тела. Даже не разделся, как был в рубашке, белье только спущено. Руки Леня поставил по бокам от моего лица, корпус тела наклонил вниз, подарил одобряющую улыбку. Между ног почувствовала, как головка члена медленно с любовью поглаживал мои внутренние складки. И Леня явно был готов войти в меня.

Мне это нужно! Чтобы вытравить из тела всю гниль, никакой больше бабочки, ее никогда не было там, никто не касался, кроме Ленки. И из головы необходимо убрать страшные преследовавшие по ночам глаза. И сегодня в темноте я постаралась забыться.

Темнота — союзник с недавних пор.

Прода от 08.05.2017

Спасибо всем за внимание. Извините, что долго.

Прикрыла глаза, не достаточно темно. Стереть...стереть...всё стереть, больше не хочу помнить тех касаний. Но где-то во мраке сознания опять всплыли знакомые льдинки.

— Эй... сейчас скальп снимешь, — как будто находясь в воде, расслышала глухой голос рядом с ухом.

Открыла глаза — Ленька, склоненный к кровати, задумчиво рассматривал мое лицо, руки по бокам от меня придерживали вес его тела.

Только сейчас осознала, что когтями впилась другу в шею, наверное, причиняла неудобство. Запоздало подняла ладони вверх с опаской, сама не заметила. А Ленька все смотрел и смотрел на меня, как-то странно внимательно.

— Я боялся глаза на затылок выдавишь, когда зажмурилась. В чем дело!?

Потенциальный любовник поднялся с дивана, только колено оставил на покрывале, тело было наклонено надо мной. Леня перестал немигающим взглядом рассматривать лицо, опустил ниже — мне между ног. Пальцами по-хозяйски провел по интимным складочкам тела, отчего я вздрогнула. Слишком стремительное вмешательство испугало. Согнула локти на покрывале и отползла назад, увеличив расстояние между нашими телами.

— Да в чем дело?! — редко слышала у Леньки недовольный тон. Друг поднялся окончательно с кровати, встал возле меня абсолютной голый, а сам скрыл весьма напряженный член под белье. — Ты даже ни хрена не мокрая. С ужасом вцепилась в меня.

Ленька руки упер в бока, оглянулся по сторонам раздраженно, а я молчала от стыда не знала, куда глаза деть.

Наконец, видимо друг собрался с мыслями, отпустил руки по швам. А я руками прикрыла грудь, не знаю зачем, прижала ноги к себе поближе. Как будто скрывала тело.

— Я по-твоему насиль... — Леня начал очень грозно, а потом затих подозрительно.

Я на этих словах и вовсе хотела сжаться в позу эмбриона, чтобы не трогали, а только мягко укачивали, как ребенка.

— Эй, — позвал друг. Вес тела рядом с собой на кровати почувствовала, Ленины руки сжали пониже плеч.

— Тебя что изнасиловали? — очень громко спросил Леня, никогда не слышала, чтобы он резко со мной разговаривал. Сама подивилась суженным карим глазам.

— Нет, что ты... — выдавила из себя смешок. — Что за чушь несешь? Какое насилие? Меня? — указала себе на грудь. — Кто себе позволит? В морду получит.

Леня, не моргая смотрел и ничего не отвечал, и не перебивал, тогда я позорно выдохнула и остановилась.

— Тараторишь, — одну руку Ленька отнял от меня. — А когда нервничаешь, то трещишь без умолку. Зачем от меня скрываешь?

Что ему ответить? И я не знала. Спряталась за руками, которыми вцепилась в волосы и прикрыла позорное лицо.

Леня поднялся с кровати и вышел из комнаты, оставив в одиночестве. Землетрясение началось и я в его эпицентре, как будто пол задрожал или сам дом сотряснулся от подземных толчков. Но нет. Тишина и спокойствие. Это мое тело дрожало, зубы едва не стучали друг об друга.

Руки убрала от волос, обхватила ими ноги и смотрела в окно. Такой меня Ленька и увидел, когда зашел в комнату. Без лишних слов протянул салатовый, махровый халат. Я в него едва не с головой завернулась, тщательно скрываясь, как за защитной стеной.

Леня присел сбоку, прижал к себе, а я благодарно уткнулась носом ему в шею. Ленька поглаживал растрепанные волосы, так проще не видеть осуждения в его глазах.

— Тебе противно смотреть на меня? — спросила чуть слышно.

— Ага, — со смешком ответил Ленька, — прижал мою голову сильнее к своему подбородку, легко щекой потерся об волосы. — На ширинку посмотри, увидишь насколько противно.

Я не стала удостоверяться, смотрела вскользь на столик возле окна, пока по голове чувствовала успокаивающие поглаживания.

— Ну и кто? — спросил в макушку. Я закусила губы, очень мечтала до крови разгрызть. Их целовал Хаски. — Тот же с кем была связь?

Я головой неуверенно кивнула, не знаю понял Леня или нет.

— Мне его найти?

— Не вздумай! — только сейчас глаза подняла. — Он — страшный! Прошу не лезь, я быстрее забуду.

А потом прилегла на бочок. Леня рядом на подушку опустился, и я с теплотой уткнулась в грудь мужчине. При свете ночника лежали без единого слова, пока друг легко поглаживал по плечу, как ребенка, которого обидели.

От него я получала ласку, даже от семьи редко. Ни с кем никогда бы не стала о подобном говорить, одному ему могла довериться.

Глава 7 "Закопаю — откопаю"

POV Вильмонт

Не помню, когда сомкнула глаза, но проснулась было ярко в комнате, солнце светило.

Встала раньше хозяина кровати, что удивило. Позже меня лег? Сейчас валялся, раскинувшись на подушке звездочкой, одна рука была на моем бедре, другая свисала с кровати. Я спала, укутавшись по самый нос в материал халата, будто боялась своего обнаженного тела.

Решила Ленке сделать завтрак, все-таки я его вчера оставила с носом. Помахала называется его любимыми копченными крылышками и выбросила перед удивленным взглядом в мусор. А за это полагается мгновенный расстрел без суда и следствия.

Может быть запах омлета разбудил, но Леня вышел минут через двадцать как раз к готовому завтраку. В одних шортах, верх голый, это привычно и никогда не смущало.

Я улыбнулась, чуть отвернувшись от плиты. Сегодня солнышко ярко светило в окна и хотелось улыбаться, словно с плеч я сняла, как атлант неподъемный свод. Легко несмотря на фееричное унижение вчера. Тело свободное. Грудь сама распрямилась, не хотелось больше скукожиться и спрятаться. Ленка меня понял, а это главное, не осудил и не назвал плохим словом.

— Доброе утро, — произнес друг, глаза протер со сна и слегка потянулся, на торсе потянулись мышцы. Я убрала взгляд, не пожелала сравнивать — это слишком низко. Ленка не заслужил, чтобы я рядом с ним думала о другом...о насильнике и предателе. Я, наверное, никогда до конца не забуду то время, надо научиться жить с остатками воспоминаний. Немного приглушить их или закрасить чем-то приятным.

— Доброе, — ответила с улыбкой на лице и развернулась с тарелкой в руке.

— Как ты? — спросил Леня. Мы молчаливо, как обычно, приняли решение вернуться в комнату к любимому виду за окном. Леня опустил на плетенный стул, ногу закинул на другую и смотрел вскользь.

— Я хорошо, — ответила запоздало, тоже усевшись. Улыбка больше не скрывалась, наоборот выходила на первый план.

Привычный завтрак, не помню сколько раз, похоже завтракали возле окна, глядя на мост. Сейчас он серый, обыкновенный, не красочный, как по ночам, но любоваться на него можно до бесконечности.

И аппетит появился, вчера от нервов не знала, как кушать, вилок ковырялась в тарелке. Сегодня Леня помалкивал, что ему не очень свойственно, если он не занят средствами связи. Я же молчала, как будто соломы напихали в рот, боялась если скажу что-нибудь, то почувствую неприятный вкус.

Минут через пять получила ответ, почему он помалкивал:

— Ань? — какой серьезный друг смотрел, невольно хотелось спрятаться от вопросов. Но почти смело подняла глаза, готовая услышать, что скажет. — У тебя какие-то проблемы?

Взгляд-то серьезный, а вот голос — неуверенный, срывающийся по интонации, то высокий, то низкий.

— Я в смысле? — глаза Леня прикрыл ладонью от меня. — Я в смысле? Секс? — пальцы убрал, наконец. — Ты боишься секса?

— Да нет, — вырвалось, я готовилась сгореть от стыда, вот прям взять вспыхнуть силой мысли и горсткой пепла рассыпаться под столом. Какой стыд!!!!!!! — Я вчера перенервничала... понимаешь... давно у нас не было. А тут...как бы...эээ я не боюсь твоих прикосновений. Подожди немного, ладно?

— Хорошо, — Леня неожиданно улыбнулся ободряюще. Тарелку отставил на стол и меня опять ухватил за ладонь. Заставил присесть к себе на колени, и обхватил меня за бедра. Он успокоился стало понятно. — Не хотелось бы, чтобы собственная невеста шарахалась от меня.

Ооууу! Я забыла, кажется. Молчание — знак согласия, а я вчера вроде, как согласилась стать его женой!? Звучит страшно, и в мыслях — тоже.

— А может сходишь к психам? Они тебе шестеренки вставят на место? — Леня покрутил пальцами правой руки вокруг виска.

Я руки сложила под грудью, друг машинально бросил взгляд на приподнявшиеся формы в разрезе халата. Эх, мужик... забыл, что хотел сказать, потом после молчания вернул взгляд мне в глаза. Соображал, соображал и выдал:

— А то мне не понравилось по ночам под ледяным душем стоять, до полного атрофирования конечностей. Я еще молод и хочу тррррахаться!

— Я из тебя сейчас психа сделаю! У меня все нормально с мозгами, — сделала вид, что обиделась.

Встала с его колен. В этот момент расслышала отдаленно какую-то музыку и поняла, что это в зале. Музыка громкая, точно, телефон мой в шубе.

Пошла к двери, сзади расслышала не естественно-грубый, жестковатый голос Лени:

— Аня, как только узнаю, я его закопаю живьем.

Возле двери остановилась, не решившись выйти или повернуться к другу. Страшное прошлое затерялось в моих глазах и мне до сих пор тяжело их поднимать навстречу людям.

— Я..хочу забыть. Не лезь не в свое дело. Если засунешь свой нос туда, я с тобой не буду разговаривать, — сказала громко, чтобы расслышал за спиной друг.

POV Хаски

На телефон пришла смс «Машина подъехала на парковку».

Не поеду же за рулем, с таким амбре?

Два дня пить — это жестоко. Чуть не сдох, думал легкие или печень выплуну. Целый день отходил от Дня Рождения с кислотой. Это тайна должна, сдохнуть в могиле с червями. Если хоть одна живая или мертвая душа узнает... сука узнаю и повторно убью, если понадобится. Лишь один свидетель моего позора — и это Польски.

Хоть на трахался, мозги встали на место, но одно злачное «но». Это не моя Ананина!

Где моя Ананина?

Я три недели ее выискиваю? Понимаете? Три! Это нереально либо она невидимка, но у нее не имелось подобной силы? Либо?... я не знаю. Какие еще либо? Я ее из-под земли способен достать. Из неба, из воды, земли, откуда угодно. С любой точки Немии... Стоп, а я не задумывался о Баллийцах. Ну нет, не могла быть Ананина от Баллийцев.

Одно я понял точно. Ананина — не Ананина. Рыжая дамочка Бастард — не моя Ананина, та умерла давным давно. Ее труп мы нашли. А моя Ананина, что-то неизвестное Она врала очень умело, что даже «Я» не распознал, не вычислил.

И я в предвкушении, очнулся как от длительного сна, бодрый и готовый к новым

свершениям. Предчувствовал получить мой сбежавший приз, однажды потерял его по глупости, а теперь верну и уже ни одной живой душе не отобрать его.

Правда сначала когда заполучу обратно, завалю на кровать задницей кверху, спущу эти дурацкие, черные штаны с ее потрясной задницы и отхлестаю ремнем, пока кричать не начнет. Хотя в случае с Ананиной, вероятнее материться начнет.

Я хочу...свой...приз. Сейчас! И меня бесит, что не могу вернуть ее.

Как много успел подумать, пока добирался до работы.

Застеклили офис за два дня. Шустрые ребята. В корпорации всегда спокойно, здесь чувствовал себя уверенным, решительным и в своей стихии. Как птица в небе расправлял крылья и летал, наслаждаясь полетом, свободой и могуществом.

Но сегодня что-то не так с мозгами. Никак не мог отрешиться от мыслей, оставить на фоне, раз за разом в голову врывались воспоминания, распахивались, как двери и не закрывались.

Не один раз ловил себя на мысли, что не способен сосредоточиться на разговоре между членами совета.

К моему огорчению, отчет который вчера делал остался в ноутбуке в общежитие. А вы попробуйте с сильного похмелья от алкоголя и кислоты попутно вспомнить, что надо взять?

И я приехал пустой. Что вспомнил то и сказал, а остальное проходило мимо.

На меня поглядывали заинтересованно, удивленно. Секретарь — тетушка Гретта, чтобы без нее делал. Отличная женщина, добрая понимающая и главное души во мне не чаяла, постоянно заботилась о состоянии моего здоровья. У нее к сожалению детей не получилось заиметь с мужем, теперь осталась на старости лет одна.

Хорошая женщина, правда обожала за щеки трепать. Это ее главный минус. Не надо трепать за щеки, как маленького ребенка. Ненавижу, когда меня трогают, разве что Ананина. Она пусть трогает за щеки, хотя... предпочту чтобы трогала не там...далеко не там.

Презентация чего-то там на стене, кажется крылей Баллийских. Они достали подсовывать — я сказал, что нам не нужны их крылья, хоть сколько расписывайте их плюсы. Это детский сад.

Мужчина тыкал указкой на проектор, графики строил. А у меня вместо таблицы перед глазами...

Ее лицо, закрытые глаза, она на коленях передо мной, податливая в моей власти. Или я в ее...это все равно. Просовывает язык меж губ и аккуратно прикасается к головке члена, придерживает рукой твердо, а мне хочется чтобы она перестала медлить, дразнить. Хочу, чтобы открыла рот и проглотила по максимуму. Ее нежные губы, обхватывающие мягко член, глядящие языком по всей длине. Сука, какой у нее язык...

Я никогда до конца не понимал, кто в чьей власти? Она, стоявшая на коленях? Или я, не способный оторвать взгляда от нее?

— Дмитрий Сергеевич? — что? Пальцами подпирал подбородок, после неожиданного вопроса убрал от лица. За озирался по сторонам, люди смотрели, а я — на экран, кажется. Какой вам нужен ответ? Своих мозгов не хватает?

Через полчаса явление доброй секретарши я воспринял, как благодать от всевышних сил.

— На сегодня закончим? — Гретта видимо поняла по состоянию, как мне все надоело. И напыщенный индюк Сорхад — гнилой старичок, который сидел на посту и ничего не делал, давно бы сыну передал управление акциями, толку от него хоть сколько-нибудь было

бы. И даже Ивлич своим подхалимством достал. Так и хотелось рожу ему набить. Что-то я не сдержан в проявлении эмоций. Огрызнулся один раз на Ивлича, бедняга побагровел от стыда.

В своем кабинете закрывшись, уселся в кресло. Хотя, кожаный белый диван манил своей мягкостью и горизонтальным месторасположением. Включил компьютер и понеслась. Двадцать не прочитанных писем — электронная почта. Горы бумаг, стопочкой ровно стоявшие на краю стола. Это Гретта скорее всего аккуратно поставила их. Незаменимая секретарша. А теперь все чисто и аккуратно.

Первым делом надо новости просмотреть. Потер виски, прогоняя усталость. Откуда взялась усталость, если последние дни не работал совсем, а сегодня день начался три часа назад.

Необходим мой личный антидепрессант. Хочу!

Послышался стук от двери, на мое согласие Гретта с самой ангельской улыбкой вошла в кабинет с подносом в руке.

— Дмитрий Сергеевич, это поможет, — поставила поднос на стол перед лицом. Одинокий стакан воды с шипучими пузырями. Всевышние силы, и здесь ассоциация с Ананиной — холодная вода.

— Проверено лично, — шепотом добавила Гретта. — Однажды после дня рождения сестры думала не встану,

— Спасибо, — послушно опустошил напиток до дна. Приятная освежающая прохлада с запахом лимона.

Женщина оставила вновь наедине с мыслями, но вот телефон помешал. Раздалась мелодия звонка — Санек. И что ему надо?

— Алло, — устало ответил, прикрыв глаза пальцами. Очень яркий день.

— Жив?

— Сдох, — ответил коротко. Пальцем повел по монитору, оглядывая список новостей и количество писем.

— Жаль, — с сарказмом озвучил Санек. — Виталик предложил сгонять в субботу в Белесье. Лыжи, сноуборд, куча девочек — отвлечешься...

Белесье?! Ну нет... Только не Белесье. Это же первая ассоциация — Ананина секс. Разозлила до трясучки в последнюю ночь. Мало того, что посмеялась со своими заказами, а потом оказалось намеренно страшила из себя строила. Со мной нельзя играть.

— Обойдусь, — взгляда не отрывал от экрана компьютера, стараясь понять новости. — Что с мостом и Ананиной?

— Ты никогда не пробовал кислоты. Ты никогда не спал с Бастардами. Ты не искал еще никогда с таким остервенением сбежавшую девушку. Ты вообще их не ищешь. Отпускаешь. Отпусти ее пока не поздно, Диман. И я боюсь вывода, который приходит на ум по поводу твоего отношения к ней. Отпусти Ананину, ты заиклен на ней. Это не к добру...

На вопрос промолчал. Если я что-то решил сделать — я это делал. Неужели Санек забыл о таких вещах?

— Делай свою работу. Мои мысли оставь в покое, — подвел черту. На том конце связи Польски вздохнул.

— Хорошо. Сам знаешь, что делаешь. Походу ты по уши в дерьме...

— Короче... Мне лекции читать удумал? Может отец позвонил?

— Нет. Я хотел уберечь тебя от правды, которую мы вот-вот нащупаем. На нашей

территории не можем найти ее. Даже я не могу, — подчеркнул Польски. — Значит, она с территории Гнетовцев. И кто-то там ее прикрывает. Кто-то влиятельный... Вот и делай выводы стоит ли копать могилу, наполненную червями, или позволить Ананиной умереть спокойно?

Я молчал и раздраженно щелкал по мышке пальцами. Мысли ускользали, не давали покоя и сосредоточенности. Словно в непролазном тумане кругом. Мебель, люди, весь мир, как однотонное, бессмысленное пятно. Но сквозь дымку тумана я видел одну Ананину. Больше никого.

Глава 8 "Михаил Ангельский"

POV Вильмонт

Звонок на телефон от отца испортил планы посмотреть кино с Лёнкой. Папа попросил подъехать на встречу с ним. Леня на это сообщение пожелал мне сдохнуть где-нибудь в кратере извергающегося вулкана, потому что я предательница и совсем о нем не думала. Видите ли целый день свободный, а я его бросала. Ну что поделывать, приказ свыше!

Пришлось заехать домой переодеться в нашу высотку, не в платье же путешествовать. На меня в шубе и в платье итак соседи Лёни посматривали, как на девушку легкого поведения. В спину изучали бинокли вместо глаз. Я не проститутка и не удалялась с вызова ранним утром.

Отец приехал из Арзонта на пару дней и изъявил желание со мной повидаться. Великая честь, однако уготована свыше. Ни с кем не виделся, к Саше не заезжал, со мной одной пожелал встретиться.

Оделась попроще: кроссовки теплые, джинсы и кофта теплая на замке, пуховик не забыла накинуть и волосы убрала в пучок. Иногда не хотелось выглядеть Аристократкой, чем проще, тем лучше. А может влияние Ананиной.

Отец назначил встречу в тридцати минутах езды от нашей высотки, почти на окраине Герберта. Пока ехала в такси помолилась, чтобы не разбиться, очень плохая погода, морозно, в результате на асфальте образовалась скользкая корочка. Думала грешным делом исчезнуть, но вот беда на длинные дистанции не научилась переноситься. Пару метров предел.

Вылезла из такси с еле трепыхавшимся в груди сердцем, оно видимо готовилось вовремя поездки навсегда остановиться, заснуть мертвым сном. Водитель — сумасшедший ездок!

Несмотря на ужасное путешествие после сегодняшней ночи стало как-то спокойно, легко на душе. Я начинала забывать весь ужас Арзонта. Прошедшие события казались безжизненной картиной, которую нарисовали темными красками. Я ее видела, но чувствовала, что она ненастоящая. И Арзонт, и Дмитрий — все его поступки по отношению ко мне, убийство и насилие все это не со мной, а с другой девушкой.

Странное дело, но сны почти не снились, может настолько себя морально изводила, боялась, что там встречу с ним, один на один. А это слишком для душевного спокойствия.

Девочки... вот этого я не могла вырезать из памяти, подруги были на переднем плане в картине. Я оставила их одних, узнали они кто я? Или думали, что умерла? Скоро начнется новый семестр и девочкам в одиночку придется противостоять Аристократам. Меня больше нет рядом.

Окраина города — река закончилась, мостов живописных нет, небольшой лес и единственное белое здание, сделанное в виде купола, возвышалось на три этажа, на фоне серых, однотипных домов.

При входе здания стоял охранник, проверил паспорт, скорее для виду и мордой под кирпич пропустил по лестнице на верх. Женщина в строгом деловом костюме встречала в холле с обязательной улыбкой на лице.

— Анна Сергеевна, добрый день! — лучи добра мне в лицо пихала, а я сквозь зубы

повторила ее наклеенную мимику. Чуть губы не разорвала, растягивать в разные стороны.

— Доброе! — ответила ей в тон.

Женщина направилась по плитке холла, затем по однотонному серому коридору, при этом ладонью указывала движение. Я послушно следовала за стуком шпилек среди абсолютной тишины.

«Мелан» — медицинский институт. Здесь меня формировали еще в утробе, меняли по возможности зачатки генов и в дальнейшем прививали организм от смертельных болезней.

— Апчхи! — невольно вырвалось, не успела прикрыть рот и очень громко чихнула среди идеальной тишины.

Погода оставляла желать лучшего, низ джинс намок, у кроссовок вроде подошва высокая не должна намочить. Когда намокали ноги — всё Аня несколько дней в состоянии бревна на постели, а вокруг заботливые родственники прилетали из любых точек планеты и носились взад-вперед, перебивали друг друга, и исполняли мои жалостливые приказы. Комедию я любила ломать. Прикольное детство было.

А сейчас женщина передо мной обернулась, но шагать не переставала.

Смотри на повороте носом в стену не врежься, эх, жаль успела повернуться до столкновения. Вселенский ужас заgrimировал женщину. Худое лицо мне кажется на несколько сантиметров вытянулось вниз. Ты еще помолишься всевышним силам! Мысленно послала ее напряженной спине.

Микробы для нее не заразны, чего бояться? Это я сейчас должна переживать, как бы не заболеть.

Пока шли по коридору видела застекленные стены, сквозь них — мужчин-работников в очках, какие-то непонятные приборы железные, производственные роботы, вспышки, искры. Много непонятных кабинетов прошли вдвоем, прежде чем остановились возле двух белых дверей.

Женщина озвучила:

— Сергей Андреевич вас встретит, просьба подождать, — я встала возле стены и послушно ждала, разглядывая серые стены. Больше ничего интересного рядом не было. И зачем отец притащил сюда?

Через пару минут с другого бока, противоположного откуда пришли с тетенькой, появился отец. Как и всегда на нем черный, дорогой костюм, рука в кармане брюк, другая с часами болталась по бедру во время ходьбы. В темных волосах легкая седина.

Улыбался папа открыто, руки распахнул для меня. Красавец он, я бы сама лужицей растеклась. Нырнула к нему в объятия. Так и быть, почти простила за то, что отдал извергам.

Цель была благая — спасение меня.

— Какими судьбами, чужестранец? — спросила, пока грелась на груди отца.

— Дела, — ответил папа. — Пойдем кое-куда зайдем.

Отец приобнял за спину, на плече оставил ладонь, кивнул тетеньке в costume. Та молчаливо удалилась, а мы сопроводили ее перемещение по коридору очень долгим взглядом. Надеюсь, это не очередная его любовница? На отца с подозрением посмотрела, но он решил проигнорировать очевидное любопытство.

Затем также в обнимку приблизились к двери. Отец прислонил ладонь к панели, подсвечивавшейся ярко-красной кнопкой, та пикнула и поменяла цвет на зеленый.

Отец открыл двери. Как стерильно-бело, в глаза раздраженно отсвечивало. Большое помещение передо мной, металлические конструкции, похожие на рук из железа

передвигались в воздухе, прикрепленные к стенам и потолкам. Опять голубоватые искры по воздуху, они откуда-то выбивались.

Отец оставил одну, а сам прошел по белоснежному полу к группе мужчин в серых костюмах и специальных белых очках.

Я пока с любопытством оглянулась. Внимание привлек объект слева — возле очередных стекол-стен. Чье-то тело лежало, я любопытная моська не спеша пошаркала кедами в том направлении. Изучила объект перед собой.

Руки, ноги, покрытые кожей, но головы не было, на месте шеи — игла толстая и длинная. Ага. Мужчина, судя по нижним голым девяносто. Глаза подняла наверх по телу, подальше от бедер.

Мое любопытство прервало появление папы.

— Очередной? — спросила, кивнув на тело перед нами на столе.

— Да, — коротко ответил отец. — Кое-что обсуждали. Не хочешь посмотреть, как их создают?

— Если честно, не очень. Страшно находиться даже рядом с Ик-вирусом. А то мало ли вдохну, — насмешливо ответила. Вместо крови в трупы людей — Аристократов вживляли Ик — вирус. Не знаю, что входило в его состав, но на Бастардов он действовал убийственно, на Аристократов — естественно не действовал.

Отец пару лет назад впервые притащил сюда и долго рассказывал об особенностях производства КМЗ-ков. Войти в это помещение имеет право один он и кучка без памятных рабов, в мозг которых вживлен мини-чип, рот откроют — и трупы.

Стоять... я медленно повернула голову, а если я открою рот и кому-нибудь расскажу.

— Пап!??? А если я расскажу про вирус??? — отец улыбнулся на заданный вопрос.

— Ты, как и я, ничего не можем сказать. Язык не повернется в прямом смысле, — успокоил отец, я вздохнула облегченно. Зачем спрашивается тогда рассказывал?

И зачем постоянно притаскивает сюда?

— Совсем не интересуешься важными вещами, — сделал замечание отец. — Это важно.

— Почему для меня важно? — задала непонятный вопрос. Отвлеклась, когда увидела резкое движение справа за отцом, обернулась в ту сторону. Жесть. Лучше бы не смотрела.

Металлические конструкции в виде рук резко сделали выпад и впились иглами в кожу трупа на столе. Мужчины- работники следили за действием, пока жужжали громко приспособления. Создавалось впечатление будто внутрь тела робота проталкивали какую-то жидкость.

— Когда-нибудь будет важно, — расплывчато ответил отец, на это я отвлеклась. — Поехали дальше. Мне нужно на другую встречу, а мы с тобой в машине поболтаем.

Я пожалала плечами, занятой человек понимаете, нет у него времени для семьи. Урывками и общаемся в перебежках между делами.

Когда вышли из Мелана, невольно оглянулась по сторонам, пусто здесь, малоллюдно на улице.

В черной, тонированной машине папа, наконец, решился на разговор, видимо для которого и позвал:

— Аня, тебе предстоит встреча с Ангельским сегодня вечером. Он заедет. — Я находилась с отцом рядом на заднем сидении, чувствовала ветер из кондиционера в плечо и шею, причем довольно сильный.

— Зачем встречаться с Ангельским? — удивилась внезапному заявлению, мало того без

меня решенному. — И почему я? С какой целью?

— Хочет поприветствовать тебя ожившую, — усмехнулся папа, не отрывая взгляда от дороги, видневшейся в лобовом стекле.

Руку отец положил правую на переднее сидение и был развернут ко мне боком.

— Анна, тобой интересуется мужчина, никак не женится. И Ангельский старший очень обрадовался, что ты ожила, халявные материалы нашел внезапно у себя на складе. Дурочкой, не будь, по улыбайся, пофлиртуй и по махай ручкой на прощание. Мужчинам немного нужно для счастья. Будь мягче, — папа у меня жесть. Пользуется всеми и каждым. Да он бы своей жене такое посоветовал сделать, если бы поспособствовало бизнесу.

Есть единственный вариант, как отказаться.

— Лёня опять сделал предложение и я согласилась, — разнервничалась от собственных слов. Фраза звучала инородно, странно, непривычно. С трудом срывалась с языка.

Сначала различила боковым зрением внимательный взгляд на себе, а потом расслышала ответ:

— Я не вижу кольца и не назначена дата помолвки, договор тоже не составлен. А разговоры разговаривать вы можете долго, — как отрезал папа. Ну это он прав.

— Во сколько? Где? — без вариантов. Долг — есть долг.

Иногда казалось, что я стану наследницей Вильмонт, а не Паша. С него не требовали ничего. Мальчику надо погулять, потом за ум возьмется. А ты — Аня, батрачь с малолетства.

Отец — это что-то. Недовольно ворчала про себя, покидая пределы машины возле нашей высотки. Пару светофоров перейти по грязным, зимним улицам и буду дома, в относительном спокойствии после услышанного.

Ангельский Михаил — сын алмазного магната у Баллийцев, денег у него тьма насколько знаю. Очередной богатенький сынок, правда таковым по характеру не являлся или я его плохо знала. При мне никогда не пользовался властью, как один урод, не давил на людей, не использовал. Был человеком.

Мой брат чуть младше Хаски. Помню лет шестнадцать мне было, когда Паша закончил школу, решил слетать отдохнуть к Баллийцам, и пригласил с собой.

Баллийская территория потрясающе живописная по сравнению с нашей.

У Немийцев два разделения по климату. У Страдовцев — жара в основном, у Гнетовцев — холод.

Также у Баллийцев разделение — одна часть страны сплошь в зелени, на высоких деревьях расположены магазины, крупные, маленькие в зависимости от толщины ствола. Дискотеки, дома на деревьях, как курицы на насестах.

Я в то путешествие с братом, так и не смогла надеть на себя крылья, скажу по секрету я небольшой трус в плане высоты, поэтому в Белесье на подъемнике немного и тормозила.

Я предпочла жить внизу в домике, не на деревьях. У Баллийцев улиц нет, как у нас, есть бесконечные тропинки, пересекающиеся между собой и куча летающих, как птицы, людей. Тошнить иногда начинало от непрерывного мельтешения над головами.

Это как стая мух, я под конец Пашиных выходных устала от точек в небе.

А вторая часть Баллийцев пришлась по душе. Это бесконечный океан, ровная голубая гладь перед глазами. Бесконечные сваи торчали, как пики, над гущей воды и на них были сооружены множественные островки с деревьями.

На этом отдыхе наши дорожки внезапно и пересеклись с Михаилом Ангельский. Брат с друзьями и подругами, полетели развлекаться на этих крыльях. Кстати, крылья не те старые,

огромные, что были в Белесье, выглядящие, как стальная конструкция в виде птичьих, а новые, не давно созданные — малюсенькие кнопочки, примагничивавшиеся к груди и запястьям, никакой тяжести на теле, легкое парение над уровнем земли. Заряжались тоже от солнца, а вот каким образом примагничивались не знаю, едва в кожу не вращались.

И в тот день молодой человек, что помогал ребятам нацепить снаряжение и объяснял правила безопасности в отправной точке на высоте двух метров от земли, попытался и меня уговорить полетать. Минут десять доставал, а я ему — нет, да нет. А он, как жвачка резиновая, приклеился и мозг выносил, что надо со страхами бороться. Как я его тактично не послала — не знаю. Наверное, возраст сыграл важную роль.

Михаилу Александровичу было двадцать пять, а мне шестнадцать. Я постеснялась посылать человека, в разы старше, чем я.

Тот день Михаил провел целую экскурсию по зеленой части Баллийцев. Я очень глупая девчонка, целый день провела с мужчиной на девять лет старше и позволила себя утянуть далеко от брата и его друзей. Но тьфу- тьфу, все закончилось хорошо, не так, как в случае с Хаски. С ним непредусмотрительность сыграла партию против меня.

А через некоторое время после отдыха я встретила с Михаилом Александровичем, когда начала выходить, что называется «в свет» у Гнетовцев. Там и узнала, что его фамилия Ангельский.

Михаил спас от незадачливого жужжащего на ухо ухажера, а я рада была до колик в животе. Ангельский раз бокальчик шампанского, потом помню второй на балкончике, а я уже веселая, заводная, смеялась, рассказывала какие-то смешные шуточки про Гнетовцев. А потом ветерок подул, а Анна Сергеевна — мерзлая девочка, на те вам пожалуйста, пиджачок мужской на плечики. А потом и обнял со спины и давай греть.

Струхнула, когда осознала, что как-то меня развели, а потом молодой человек наклонился и очень мило поцеловал. А я-то любопытная девица ни разу не целованная, замерла и позволила по любопытничать. Десять минут целовались, губы потом обветрились и опухли, перед братом устала отмазываться.

С Ангельским вроде знакомы, но за два с половиной года виделись пять раз, ну и по соц сетям были небольшие поздравления на праздники.

Надо предупредить Шмонта, что вечером пойду ему изменять.

Взяла телефон, набрала знакомый номер, переходила в этот момент дорогу:

— Да, любимый, — подколола как обычно. — Извини, но я иду сегодня тебе изменять... да... я много не буду... — посмеялась в трубку. — Так слегка... и я тебя обожа...

Я переходила дорогу, когда чуть бессмертным духом на небо не отправилась от удивления. Едва не застыла по середине пешеходного перехода, когда рассмотрела серебристую машину возле обочины с номерами хорошо известными. Волосы заправила, чтобы скрыть себя на всякий случай.

Номера ПО-...И. Номера семей Польски. Мне не показалось. Мгновенно отвернулась прячась от возможного внимания. Впереди возле обочины была припаркована машина нашего производства. С водительского места и с пассажирского открылись почти одновременно две двери и сердце привычно заныло, узнавая до боли знакомые лица. Польски и Дорадо в очках оба. Мужчины — знать. Они привлекали внимание бьющим фонтаном обаяния. О чем-то Аристократы переговаривались, разделенные крышей машины и самим транспортным средством. Не замечали никого и кажется меня.

Нужно валить срочно. Я, стараясь слиться с общим фоном, быстрым шагом направилась

через пешеход, подобралась слушая знакомую речь. Слова не слышала, но одни голоса выводили из привычного равновесия. Едва не встретились.

Как здесь оказались Польски с Дорадо!? По делам!? Или????? Папа вроде инсценировал мою смерть!?

Михаил отправил машину за мной в высотку, где я готовилась к будущему свиданию. Влажные волосы очень долго расчесывала, чтобы они стали идеально-гладкие, убрала их черным ободком назад. Одеда брюки обтягивающие и кофту без лямок, поддерживавшуюся на тонкой цепочке вокруг шеи. Конечно с верху теплую шубу не забыла накинуть на плечи.

Привезли меня к зданию, которое начинали строить еще давно, а завершили строительство, когда я была умершей. Впервые находилась у «Океана». Странное название, учитывая, что у нас океанов в районе совсем нет, одна река через весь Герберт.

"Океан" находился на десятом этаже здания из черного кирпича. Высотка для нашего города.

Длинная лестница вела ко входу в здание, по которой я и поднималась. Куталась в теплом мехе носом, пар изо рта вился вокруг меня. Жутко холодно, я бы сказала кошмарно, от чего руки прятала в карманах.

Подняла взгляд от ковра синего на ступеньках, который спасал от угрозы подскользнуться на каблуках и сломать шею на маленькой корочке льда и рассмотрела Михаила. Только бы на «вы» не обратиться.

В девять вечера редкие прохожие встречались в темное время суток. Сбоку лестницы переговаривалась молодежь, слышала их голоса.

Михаил шел на встречу в черном, длинном пальто, в брюках и туфлях, смотрелся довольно худощавым и не столь высоким, как обыкновенные привычные мужчины-Аристократы.

У нас много общего с Ангельским. Мы — оба подвержены вирусам. У Баллийцев нет разграничения на Бастардов и Аристократов, они во все времена не имели связи с энергией и не было у них вирусных барьеров. Поэтому Немийцы всегда настороженно относились к Баллийцам, также как к Бастардам. Мы с Михаилом — изгой.

Невольно улыбнулась, когда мужчина одарил доброй улыбкой и поймал мою кисть, изящно и аккуратно приподнимая ее к своим губам. Немного нарушил личное пространство, но Мише решила простить этот вольный жест. Не могу ничего отрицательного сказать о нем.

— Здравствуй, Аня. Очень рад тебя видеть, — совершенный резонанс между его внешностью и манерами, немного неряшливый. Волосы длинноватые, волнистые, налезали на лицо, глаза очень внушительные, большие. «Пучеглазик». Люблю всем клички придумывать.

А в ухе у него красивая сережка болталась: две скрещенные палочки, крест вроде. Небольшие морщинки я все же отметила вокруг глаз Ангельского, ему должно быть двадцать семь сейчас.

— И я рада, Михаил, — ответила, хотелось скрыться за шторкой от внимательного взгляда мужчины. Он будто рассматривал изменения во мне за прошедшее время. Так экспонат рассматривали на выставке, пытаюсь оценить качество проделанной работы автором. И я чувствовала себя похоже, что заставляло немного нервничать.

Наверное, не доставало галантного поведения мужчин, отвыкла от манер и что меня тоже можно считать человеком, а не грязью.

Резкий хлопок, как лопнувший бумажный пакет. Я вздрогнула от звука, попыталась обернуться, но почувствовала, как прижали к мужскому телу, крепкие руки обхватили за талию и сжали очень. Я автоматически зажмурилась, ожидая какого-то удара, но нет. Все хорошо. Я цела, нигде не болело.

— Зажравшиеся Аристократы! — нос отняла от теплого мужского пальто и обернулась на резкие выкрики, по-прежнему находясь в коконе рук. Справа от лестницы скопление молодежи и среди них явственно различила Бастардов — цепи, кольца на одеждах. Синие волосы у девушки, смуглая кожа, одежда потрепанная. Ну в точности дикарка Ананина.

Вокруг меня образовалась плотная, мутноватая оболочка, покрывшая тело, от сапог на тонком каблуке до макушки. Затем из плотной субстанции сформировался голубоватый силуэт Кирилла, который будто бы вышел из меня. В его руках небольшой ствол, направленный на группу Бастардов. Красная точка сигналила, что одному из нарушителей порядка сейчас прострелят грудь.

В руках одного из Бастардов был маленький пистолет, откуда видно и направили выстрел в нашу с Мишей сторону. Я вернулась взглядом к мужчине рядом, заметила, что мы до сих пор как бы обнимались, неловко отпрянула назад.

Мужские руки опустились по швам и на локте пальто разглядела оранжевое пятно по всей ткани. Это от пуль пистолета с краской, такими пользовались в специальных играх.

— Тебя испачкали, — заметила, приподняв локоть мужчины.

— Ничего страшного. У вас всегда так? — Михаил кивнул на группу Бастардов, те подобрались, в нерешительности остановились. А когда силуэт Кирилла поднял руку с часами и начал тыкать на табло, нарушители общественного порядка, видно осознали, что натворили, резко отмерли и разбежались в разные стороны.

— Сама первый раз вижу, — ответила, глядя на Бастардов. Я действительно впервые видела, чтобы они нагло себя вели, чтобы нарушали общественный порядок. Кирилл передал сигнал по часам и теперь голубоватая дымка вокруг вернулась внутрь моего тела.

Не везло в шкуре Бастарда, подвергалась постоянным нападениям, а теперь и в образе Аристократки. Как-то мир наш слишком взвинчен.

— Пойдем, — Михаил отвлек от раздумий и предложил чистый локоть правой руки. Согласно приняла и мы направились вверх по лестнице.

Прошли по холлу, ярко сверкавшему при ночном свете люстр, мимо случайных прохожих — постояльцев отеля, к лифту. Поднялись на десятый этаж и вышли при входе «у Океана». По ступенькам спустились в овальной форме помещение и окунулись в мир золоченных фонтанов, журчавших на всю округу забавную мелодию. Свечи вокруг, ткани на столах и стульях. Элегантная, сразу заметно породистая обстановка ресторана.

Высвободила руку, когда остановились возле одного из столиков неподалеку от центра. Официант в темно-бордовой униформе приблизился к нам, попытался нас раздеть, но Михаил предпочел удалиться в уборную, чтобы отмыть последствия столкновения с Бастардами.

Меня раздели и оставили меню. На телефоне обнаружила пропущенный от Ирины — двоюродной сестры, ну та, что принимала мое бездыханное тело, точнее тело Ананиной в Арзонте. Решила перезвонить, мы пару раз после возрождения по смс переписывались. Странное дело.

— Привет, — взяла трубку на удивление сестра сразу, как будто ждала звонка. Настолько срочно?

— Привет. Что-то случилось?

— Нет. Все нормально, — очень уж у нее наигранно-спокойный голос, нервные нотки, будто она что-то натворила и теперь боялась гнева. — Как ты, Анют? Ожила?

— Эмм. ну да...немного, — неуверенно ответила, при этом очень уж вилка перед глазами, нервировала богатством. И я не нашла ничего лучше, чем постукивать ею по столу. Нервы дело тонкое.

— А ты сегодня где? Саша вроде сказала в Герберте на свидании с Лёнью?

Я усмехнулась трубке, как будто Ирина могла рассмотреть эмоции сквозь расстояние.

— Нет. Я уже на свидании с Ангельским, — последнее сказала более тихо, потому что рассмотрела входящего в зал кавалера на вечер.

— Шустра, — вторила насмешливо сестра. — Так где вы отдыхаете?

— У Океана, — ответила, хотя не совсем поняла, зачем ей. — Решила почтить своим присутствием?

— Да нет, — отозвалась еще более странно Ирина. — Ну...отличного свидания. Я побежала, а то малышка кричит...

Я не успела ответить или попроситься, смотрела на трубку, как на диковинное создание, будто никогда прежде не видела средств связи. Михаил присел напротив.

— Выбрала? — кивнул на меню.

— Не успела. Сестра разыскивала, — телефон положила рядом с тарелкой.

Вечер начался не очень, учитывая встречу с Бастардами. Кирилл должно быть спецов вызвал, для поимки нарушителей порядка. Они же там не совсем с ними жестко? По идее обычное задержание на несколько суток.

— Поужинаем? — предложил Миша, жестом подзывая официанта. Тот, видимо, ждал знака, стоял послушно неподалеку.

Мясо. Мясо. Что-то в последнее время нет аппетита совсем. Только фрукты лезут, ну и овощи.

Поддерживая разговор и одновременно выбирая блюдо, на Мишу предпочитала не смотреть — только в меню. Заказали, поболтали ни о чем.

— Аня, — пощелкал собеседник тремя пальцами возле моего лица. Я что выпала из разговора? — Ты здесь?

— Прости, я не важный собеседник, да? — ничего не ответил мужчина, лишь промолчал.

— Ты грустная, — заметил ведь. Да, я немного не в себе. — Где та малявочка с шилом в одном месте? Ты такая осмысленная стала? Элегантная девушка. Не похоже на тебя сорванца...

Мой черед молчать. Сорванца научили жизни. Видя, что я не пожелала отвечать, Миша налил нам по бокалу шампанского.

— Не грусти, — приподнял Михаил напиток с пузырьками. — Моя жилетка в твоём распоряжении, — я кивнула и чокнулась с его бокалом.

Холодок по горлу пролился, в животе заныло от ощущения пузырьков в пустом желудке. Совсем ничего не хотелось есть. Тошно от всего.

— Знаешь, я бы хотел тебя пригласить к нам в гости, полетаем... — прозвучало двояко, на что замерла с занесенным бокалом возле губ. — Научу бороться с нерешительностью, — я резко глаза подняла в правый бок и не дрогнула ни разу, когда рассмотрела мимо проходившую пару Аристократов.

Я их со спины узнала — блондинка волосы чуть ниже плеч, в кожаной куртке коричневой и черной строгой юбке, на высоких каблуках и мужчина в брюках, волосы на голове стояли торчком.

Имина и Виталик прошли мимо, отдалялись к столику в углу, к колонне, обвитой искусственным плющом.

— Что-то не так? — отвлек Михаил от тщательного изучения прибывших. И сам посмотрел в ту же сторону.

— Знакомых увидела, — пояснила, стараясь улыбку не забывать. Как же сложно давалась эта эмоция. Она затерялась где-то среди ледников моей души.

Совпадение? Они разговаривали между собой, меня не видели. Вероятно не узнали? Так я сильно изменилась, когда стала брюнеткой и оделась прилично? Возможно они встречались с каким-то важным человеком, а я надумала себе. Телом старалась спрятаться за Михаилом, не должно быть видно, если не выглядывать с любопытством.

Успокойся, у тебя мнюха, Аня. Хаски наказал тебя, больше ты ему не интересна. Он показал, кто стоит перед ним на коленях и в какой позе. Ясно дал понять, что я для него ничтожество, тряпка перед его величеством. Забудь. Забудь всё. Иначе свихнешься. Приказывала себе в сотый раз, когда замечала, что переставала следить за разговором, а витала среди черных мыслей об этом...этом... человеке. Если его можно данным словом охарактеризовать.

Михаил продолжал рассказывать про курорт и как научит летать на крыльях. Я молчала рыбой, слова застряли где-то на уровне сердца. Там пусто и холодно от вида знакомых Аристократов, от воспоминаний, которые ветром набросились, не дали дышать спокойно. Я будто не здесь, а опять в той комнате в пианино. Один на один с ним. Его лицо в моем сердце застряло занозой, и я мечтала достать ее и всадить Аристократу в плоть. Разодрать в кровь ему орган, который бился у нормальных людей, у него же по всей видимости отсутствовал.

Моя спина рефлекторно выпрямилась. Оглянулась с беспокойством, будто он и правда здесь. На мои повороты головой Михаил обратил внимание.

— Что такое? — спросил. Я очень натянуто улыбнулась, как дешевая актриса, только-только делавшая шаги по изучению, как естественно играть, а не так, как я сейчас.

Набрала в рот шампанского и молчала. Пила и пила, лишь бы не напиться на пустой желудок.

Официант принес еду, я заняла руки ножом и вилкой. Гнетущее от меня молчание, похуже той, что бывает в преддверии сильного ливня.

— Ань, ты совсем невеселая. Улыбнись, — попросил Михаил. Я в сотый раз улыбнулась. — Нет. Это называется. Отвали, Ангельский, задрал со своими улыбками. У меня плохое настроение, пошел к Бастардам. Видишь, я изучил вашу бранную речь, — усмехнулся он, важно показав палец вверх указательный.

Ну тут я улыбнулась впервые за вечер весьма и весьма радушно. На что Мишка тоже прозрел, раскинув руки.

— Твоя лучшая улыбка, держи ее крепче, не отпускай. А то я начну вводить в краску воспоминаниями о балконе...

— Испугал!

Если бы ты знал, наверное, отвернулся от меня. Спать с тем, кто гнобит и убивает без раздумий. Кто ненавидит тебя, а только наказывает за длинный язык, за чрезмерное

самолюбие.

— Я отойду, — поднялась. Есть не могла из-за них. Из-за воспоминаний о Хаски. Как мне холодно в груди.

Ангельский привстал, как великую Аристократку провожал. Фальшь. Фальшь. Одна фальшь.

Я умывалась в туалете, смотрела на испуганные, загнанные глаза в зеркале и видела только его лицо перед собой. Не свое, а его. Каждую черточку помнила, разрез глаз. Надменность, холодность. И губы, которые жалили не раз, но и дотрагивались везде, повсюду, где они не целовали. Тело покрылось мурашками то ли от холода, то ли от страха. Опять вспоминала тот ужас.

Распахнула дверь из туалета и мельком уловила движение справа.

— Нам надо поговорить, — обозначил Виталик спокойным, добродушным тоном. Он подпирал стену плечом, Имина рядом с другом молчаливо взирала.

Если бы был выбор спрыгнуть с крыши двадцатого этажа или пойти с ними разговаривать, я бы без раздумий выбрала первый вариант. Там хотя бы умирал в большинстве случаев мгновенно от разрыва сердца, а здесь не предполагала, что ожидать в будущем.

Прошлое настигло внезапно, я не подготовилась. Хаски всегда находил, где бы не пряталась и куда не убегала.

Фонари одинокие по той лестнице, которой я шла с Михаилом под руку. А теперь, как под конвоем, шла в куртке Виталика, по доброте душевной накинул на плечи. Хотелось сорвать с плеч чужую одежду и бросить на землю и топтать, топтать безжалостно. Его доброта, как издевательство.

Возле дороги Дорадо распахнул дверь черного внедорожника, молчаливо предлагая сесть внутрь. Я нырнула в темное тонированное помещение. Там кресла располагались в форме квадрата, на одно из них и рухнула, будто ноги подпилили.

Польски напротив моего кресла.

— Добрый вечер, Аня, — сказала коротко Имина, когда следующая села в машину. Следом за ней Виталик присел внутрь автомобиля. Четыре человека молча оценили друг друга. Я их, они меня.

— Мы к тебе по делу, — Польски смотрел, как на Бастарда, как на самую мерзкую дрянь, отраву, как на Ик-вирус, что разъедал наши тела одним прикосновением.

— Я догадалась, — обратила взор, сквозь плечо Польски за окно, на прекрасный сияющий город Герберт — мое родное гнездо. Здесь не стало легче, чем было. Я не смогла спастись от его глаз. Наверное, это проклятие Хаски.

Имина меня читала, судя по импульсам, которые ненавязчиво бегали по голове и телу. Это ощущение знала, благодаря Кирилл. Его флюиды научилась распознавать, будто маленькие букашки перемещались по черепу и противно щекотали.

Хочешь узнать мои чувства? Читай... нечего скрывать. Мне больно до ужаса. Хочу удавить этот ужас.

— Вот этого никак не ожидал, — усмехнулся Польски, окинув пальцами примерно мой вид. — Брюнетка? Да ладно?

Засмеялся один среди гнетущей тишины, а потом перестал смеяться надсадно, выключил функцию весельчака и локти поставил себе на колени.

— Ананина... Ананина... кто же ты у нас? Даже я не понял, что ты с этой территории. Подарочек с сюрпризом?

— Серьезно? — закинула ногу на ногу, продемонстрировав общий свой вид, сапоги, брюки, кофточку откровенную, видневшуюся в воротах куртки. — Я тебя переоценила, ты еще не узнал, кто я?

— Он хочет тебя, — перетянула на себя удар Имина, остудив разгоравшийся, жаркий пыл ссоры.

Это все, что хотела сказать? Скептически оглядела блондинку сбоку от себя, вымучила поганую, мерзкую улыбку. Прости, Имина, это не к тебе относилось, а к монстру.

— А мне плевать...

— Откуда Ангельского знаешь? — опять влез Польски — Не советую искать защиты у мужика, Ананина, это плохо может закончиться для всех.

Опять угрозы, не пустые угрозы. Улыбнулась, скрывая плотно это удушающее чувство бессилия внутри. Я не была знакома с этой эмоцией до Хаски.

— Что вам надо? — убрала любые смешки из голоса. — Я на свидании. И вас это не касается, Польски! — подвела итог. — И не советую мне угрожать. Не знаешь на, что можешь нарваться...

— Аня, — обратила на нас свое внимание Имина. — Ему плохо без тебя, поговори с ним.

— Пфф, — очень хотелось засмеяться, но видимо отсмеялась на всю жизнь. — Да пусть он сдохнет! — подвела еще одну черту.

Никогда не смела желать смерти людям, а ему желала. Долгой, ужасной, неторопливой и очень мучительной.

Польски внезапно взял речь, но я не желала слушать. Смотрела на город сквозь темное окно и пыталась отрешиться от мыслей. Не слышать вранья.

— Ты знаешь, как я не люблю тебя. Никогда не хотел, чтобы Диман связывался тобой, особенно после того случая с Иваном... — впервые слышала тихие, неуверенные нотки в его голосе, даже перестала изучать огоньки за окном, на Пуделя посмотрела.

— Он жалеет, правда, — Саша говорил тихо, спокойно, как с душевнобольной, боясь вызвать приступ агрессии. — Он сам не свой. Потерял контроль над силой... — продолжал давить.

— Мне плевать! — оскалилась я, борясь с желанием выбежать из машины, громко хлопнув дверцей. — Слышите — плевать!

Обернулась и медленно посмотрела на каждого. Налево, потом направо.

— Я не прошу любить его, — вновь подал голос Польски теперь более четко и громко. — Я наоборот желаю, чтобы ты его ненавидела, а он тебя...

Замолчал мужчина, а Имина продолжила его разговор:

— Нам нужно вернуть ему связь с энергией. Потерял — когда узнал о твоей мнимой гибели, значит, чтобы вернуть — нужно вернуть тебя... или несчастный случай ему какой-нибудь подстроить, — как будто о походе к маникюрше рассказывала. Я заслушалась ее словами. — Но это крайний случай. Вредить ему не выгодно. Ананина, ты, вообще, слышишь о чем мы говорим?

Девушка наклонилась ко мне, наверное продолжала читать всплески эмоций, но рассказывала четко будто гипнотизировала. Какой у нее тяжелый взгляд.

— Он продал тебя, — с мерзкой улыбкой, напитанной нескончаемым ядом, который

мгновенно ужалил в самую грудь, четко как удар ножа. Имина шептала. — Продал, как животное, отдал другому для групповых утех, он брал тебя силой из раза в раз, а ты покорно принимала его игры за возможную влюбленность. Да, да... не смущайся так. Ты почти влюбилась в него, там в Белесье, как маленькая девочка купилась на его холодность и манеры, желала растопить лед. Растопила, слишком сильно зажгла огонек, он и подпалил тебя. Для него не существует людей, такой он по рождению. С этим ничего не поделаешь. Даже мы для него инструменты, но привыкли к этому. Нас это устраивает.

А теперь, Ананина, я даю тебе буквально меч в руки, а Хаски ставлю на колени перед тобой, связанного. Не воспользуешься шансом? — прошептала в самое ухо, я будто ощущала наполнение тела черной, мерзкой отравой. Этой гнилью, которая жила во мне. Она бурлила, требовала найти выход, вырваться наружу и желательно остаться, как паразит в чужом теле.

— Ты не всадишь меч ему в грудь? Он лишился своей любимой игрушки, пусть игрушка, но ты была теплом, к которому он привык и физически, и мысленно. Никто так близко не был рядом с ним, поэтому некие зачатки эмоций у него есть. Он ищет свою ВЕЩЬ!

И внезапно озарило, в голове сошлись все пазлы, болты встали в правильные пазухи. Неожиданная ужасающая, омерзительная улыбка исковеркала лицо. Должно быть страшное зрелище.

Я проснулась в холодному поту от страшного кошмара в абсолютной темноте, никого не видела, как слепая последние недели жила. Людей боялась, эмоций боялась, не жила, а существовала. А теперь кто-то заботливый включил свет и показал, что рядом моя комната, я в кровати. Это был кошмар, а я очнулась от него.

— Значит хочет меня... потерял связь с энергией. Я рада немного. Я встречусь... встречусь, — кивнула своим мыслям. — Нужна ненависть между нами? — повернулась к Польски, тот на вопрос кивнул. — Будет ненависть, обещаю. На день Города в субботу приеду в Арзонт. Раньше прошу не беспокоить!

Сняла куртку Виталика и отдала хозяину, сама открыла дверцу машины.

— Хорошего вечера, господа Аристократы! Просьба не беспокоить до следующей субботы.

Значит пожалел о продаже, значит я что-то для него значила. Глупый, мелкий Бастард затронул что-то в тебе. Это великолепно! Это превосходно!

Мне дали смысл жить. Новый!

Глава 9 "Верные псы"

Долгожданная встреча Анны и Дмитрия.

POV Вильмонт

Свидание с Ангельским закончилось на хорошей ноте, повеселела после встречи с ожившими кошмарами. Это напомнило о том, что действительно существовала, а не прозябала в жалком болоте отчаяния, в его зловонии.

А в конце вечера, когда Михаил отвез домой и попросил обдумать предложение по поводу поездки к Баллийцам и оставил одну, я сопоставила два факта — звонок Ирины и появление великолепной тройки. Сестра предала.

В тот же вечер позвонила ей, та не взяла трубку, но ничего... я настырная. Отправила с дюжину смс с очень плохими пожеланиями, а на следующий день все же дозвонилась.

Ирина в процессе разговора успела стрелки так ловко перевести на меня, что я почувствовала себя жуткой трусихой, которая боялась встретиться лицом к лицу с опасностью. Что я жалкий нытик и задолбала скулить, прятаться в Гербере. Что пора решать вопросы. На этом сестра повесила трубку, а я и слова не успела сказать.

Как малолетку отчитали.

Как будто оплеух надавали увесистых. Помнится, когда я рыдала у Ирины в ванной в тот день, наверное, надо было и тогда пощечин надавать для скорейшего прихождения в норму.

Осколки рассыпались, навсегда остались валяться под их ногами, но может быть моя душа найдет новый сосуд. Готова поверить в реинкарнацию, потому что совершенно точно не желала умирать сейчас, и ныть устала. Хаски учил — не стоит себя жалеть, а я только этим и занималась последнее время. Как маленькая девочка, спряталась в укромном уголке, который казался безопасным, а для остальных он был видным.

История в Арзонте не закончена. Если эти трое узнали обо мне, значит и Хаски в курсе. И хочет меня...А это приятно слышать, надеюсь ему жутко не хватает верной псинки, потому что куснуть я собираюсь знатно.

День города Арзонт — суббота. Пересекала границу на машине Паши, он нас с сестрами захватил из особняка. Та самая дорога, по которой ехала на автобусе с Иваном, извилистая и среди непролазных деревьев. Когда стоишь перед направленным в тебя стволом сердце медленнее колотится, а сегодня всю дорогу оно находилось в неистовом движении. Никак не могла его успокоить.

Я это делаю... делаю...по собственной воле еду в Арзонт, чтобы встретиться со своим ночным кошмаром наяву, увидеть его глаза воочию после всего ужаса.

В Арзонте есть место остановки для семьи. У нас почти по всему свету есть жилые точки, где можно остановиться с целью переночевать. Первый раз была в этой высотке — двадцать пять этажей в высоту. Два идентичных дома находились за закрытой оградой от посторонних людей, довольно далеко от центра и главное от Хаски. Его пианино в противоположном конце от центра.

Сказали они Хаски где я, откуда я и сами узнали мою фамилию или нет?

Теперь все равно.

Пора встретиться со своим прошлым глаза в глаза, чтобы расставить занозы по местам,

убрать из своего сердца.

— Дорогая, а это не слишком? — брат отнюдь не монах, но когда одеваются «так» кто-то из нас — его сестер он становился излишне скромным и растерянным. Поэтому сегодня Паша не знал, куда деть глаза при разговоре.

— В самый раз! — Саша не больно стукнула кулачком по плечу брата и отодвинула его с дороги, давая мне проход для свободного перемещения по комнате. — Она только ожила, кретин, — любим с сестрой сквернословить.

Алиса, расположившаяся за кухонным столом, читала журнал, на миг подняла глаза и молчаливо опустила обратно вниз. Не одобряла, но промолчала. Алиса ни разу не заговорила после воскрешения, не взяла трубку. Отвечала односложно привет при редких встречах. Не хотела прощать.

День города проводили в резиденции Хаски, какая честь, должно быть впервые семье Вильмонт дозволено вступить на территорию врага.

Сегодня руки подрагивали, как у девушки с явной болезнью, а еще хотелось наманикюренные ногти взять и начать кусать, кусать. Необходимо было отвлечься, иначе сошла бы с ума и позорно сбежала возле резиденции Хаски.

Я должна, обязана набраться сил и войти в логово змей, в конце концов, не смогла бы бесконечно прятаться от верхушки Арзонта.

Бойко прошлась по паркету, отбивая огромными каблуками на платформе к холодильнику у стены. Там должен быть напиток для лечения нервов. Он мне необходим. И как я не споткнулась на каблуках, ноги плохо слушались.

— Надо выпить, срочно, все равно Шмонта ждем, — вот она. Красная красивая бутылочка, заранее узнала о имеющемся алкоголе. Без него — я без ног, рук и языка.

— Это хороший разговор, — Паша внезапно забыл про мой наряд, смирился видимо и прошел к столу рядом с Алисой.

— Только не злоупотребляйте, а то, как в один трагический момент из наших хроник, приду я и три трупа на свадьбу, — мы припомнив злосчастный момент из жизни по ухмылялись друг другу.

— Конечно, командор, мы слегка! — верилось с трудом, учитывая что Сашка потеряла ручки и примостила на стул тощую попу, обтянутую супер мини-мини платьицем.

Когда зашел Шмонт, прошу заметить с неизменной рабочей улыбкой и с букетом цветов желтеньких, маленьких, мы собирались выпить. Я лично потянулась губами к лечебному напитку, а этот олух заметил:

— А почему без меня?

Ответа вопрос не требовал, поэтому я опрокинула в себя бокал не глядя, глаза чуть на лоб не вылезли, но это к лучшему. Сегодня глаза у всех вылезут из орбит.

Ленька пока разулся при входе на коврик, чмокнул первым делом меня в щеку и напоследок заценил видок сверху.

— Решила станцевать «камон» Страдовцам? — после вопроса Ленька присел на стул и приобнял спинку моего предмета мебели.

Я в это время очень часто моргала, стараясь не прослезиться и не испортить макияж.

— Обязательно, — хриплым голосом ответила. А затем добавила. — Предупреждаю всех! Меня не останавливать сегодня, не обращать внимания. НЕ влезать! Ясно? — четко проговорила особенно Алисе и Шмонту.

— Я что-то пропустил? — со смешком спросил друг.

— Несколько месяцев моей жизни, — смешно и не очень. Улыбку не забыла нарисовать на лице.

POV Хаски

Сегодня намечался праздник — День Города долго думал идти или нет, но я приглашенный гость и похоже избежать встречи вряд ли удастся.

Я опять в корпорации, в последнее время мог найти успокоение лишь здесь, отвлекался от воспоминания, которые становились отчетливее с каждым днем.

А по ночам совсем тяжело — мелкая поганка застолбила первое место не только в мыслях, но и возобладала над снами. Пару раз она появлялась в них, очень раздражающе, но при этом постоянно ускользала из рук и нагло смеялась. Как мотылек порхала в видениях, маня маленькими пальчиками и улыбкой, которую почти никогда не направляла в мой адрес. Я был достоин лишь ее холодного взгляда и пренебрежительных ответов. Всегда хотел растормошить ее, вызвать эмоции, но мелкая пакость делала вид, что ей все ни почем.

Смотрел на экран компьютера, а что видел — не понятно. Время раннее утро, Гретта не успела придти на работу, а я и не уходил. Хотя чем-то полезным занимался лишь бы не видеть Ананину, жутко раздражающую собственные эмоции.

Я не привык столько думать о людях, слишком они мелкие, ничтожные, не способные заинтересовать. Но тут я не понимал, что происходит...

Почти одновременно на почту компьютера пришло сообщение с вибрирующим сигналом и звонок на сотовый. Как сговорились — две няньки. Отец и Польски.

Взял трубку, признавая звонок важнее от отца, чем смс от Санька:

— Да?

— Я исправил твой недочет с тремя процентами, — без приветствий отец заявил как и всегда то, что больше интересовало. Состояние моего здоровья, и матери его не особенно волновало. Да, с чего я вообще об этом подумал. Наверное, он приедет в том случае, когда будем справлять к примеру мои похороны или не знаю, состояние комы в результате аварии.

— Я рад, — ответил ему равнодушно. Отцу видимо ответ не пришелся по душе, потому что ответил более резко, чем обычно:

— Благодарю всевышние силы, что за момент продажи ни одна душа не проникла в медицинскую лабораторию, камеры проверили, охранников допросили — чисто. Никто не успел добраться до секретов.

— Я рад, — повторно ответил. В этот момент было интереснее развернуть файл с сообщением и увидеть несколько слов от Санька, которые привели в большой восторг, чем известие о возврате контрольного пакета акций. Да. Был неправ. Сглупил и Макс меня сделал.

А теперь на экране высветились слова Санька:

«Я встречался с Ананиной»

Отчего-то стало тепло в грудной клетке. Желал согреть видимо мелкую и от этого повышалась собственная температура тела. Так становилось всегда рядом с девчонкой, она мерзлая, после секса когда обнимал ее, чувствовал холодные ступни и ледяные пальчики.

Мой глупый мотылек попался, который настырно маячил во сне. Подпалю крылышки, но никуда не денется от меня, заставлю порхать рядом со мной. Девочка не успела надумать глупости? Моя девочка должна быть моей и больше ничьей.

Откинулся на спинку рабочего кресла, невольно взлохматил волосы.

Наконец-то... я ее нашел.

Отец что-то говорил в трубку назойливо, как комар, который желал прихлопнуть, не знаю, как дослушал нотации до конца, наверное был слишком занят ответом Саньку.

«Почему она еще не здесь? Приведи сюда.» — плевать, что раннее утро, пусть за шкуру притащит.

Как же...я хочу...ее трогать опять.

«Она обещала встретиться с тобой сегодня»

Да ладно, засмеялся довольно. Пташка машет крыльшками и не боится, что посажу в клетку. Делает одолжение мне? Мне!? Я даже усмехнулся в трубку отцу.

— Ты чему-то рад? Это было не похоже на тебя, Дмитрий! Слишком глупая ошибка.

— Я рад, — ответил в третий раз одинаковую фразу.

— Поговорим на вечер! — на последних словах отца расслышал детский плач на фоне.

Серьезно? И этот человек учил как вести дела, когда растил сейчас полугодовалого очередного сопляка? Менял памперсы и напевал колыбельные малышу? Смешно.

Я готов премию выписать двум тысячам сотрудникам корпорации, прямо сейчас. Ананина- ты пагубно влияешь на сохранность моих финансов.

POV Вильмонт

Это был второй самый страшный момент в моей жизни, первый был — побег через границу Страдовцев. Кровавый пир начался под ускоренное сердцебиение. Навсегда запомню вероятно тот день.

Анна. Анна Вильмонт, приятно познакомиться.

Спокойно дыши, Аня. Я и дышала через раз.

Перед нами огромные ворота, распахнутые настежь. В них проезжали машины одна за одной, в том числе и мы. Огромное количество автомобилей на площадке пестрели дорогим блеском в освещении фонарей.

Паша, Саша, я и Алиса вылезли из черного, рабочего отцовского седана, Шмонт отлучился по делам, сказал будет чуть позже. Это и правильно, предпочла, чтобы он не появлялся на вечер и не видел позора.

Паша показывал дорогу прямо сквозь парковку, как будто здесь когда-то уже был. По тропинке пришли к статуе прекрасной, обнаженной женщины, со всех сторон ее прикрывали плотной листвой деревья.

Дорога раздваивалась влево и вправо. Обошли под предводительством брата вправо, некоторые гости налево. Значит, конец все равно один.

Здесь даже воздух в Арзонте другой напряженный, того и гляди рванет. И я готовилась снять чеку и подбросить огоньку. Звук каблучков отдавался эхом по всему телу.

Вновь открытая площадка, но теперь без автомобилей, огромный фонтан круговой привлекал приятным звуком журчание. Будто успокаивал, настраивал на мир.

Скопление людей при входе рассмотрела и прекрасно понимала, что хозяева приветствовали гостей.

— Дети! — расслышала мамин голос сбоку, они с отцом стояли рядом с группой людей и разговаривали. Родители при нашем появлении попрощались с собеседниками и направились в нашу сторону. Отец и мама лишь закатили глаза на мой наряд, но смолчали.

Понты — дело тонкое. Появляться надо красиво. Две семьи встречались на одном празднике и следовало показать себя во всей красе.

Негласно отец занял лидирующую позицию, Паша рядом с ним, как наследник семьи и тот, кто станет следующим главой по праву первого рожденного мужчины. Оба элегантные, но по внешности полностью отличались, да и по характеру. Отец всегда молчал и хмуро оценивал людей, Паша раздаривал улыбки налево и направо.

Следующие за ними — мать с близняшками за руку. Молоденькие все-таки девочки.

А замыкали процессию мы. Александра, слева блондинка — модель в красном мини-мини платье из тряпочек, по середине я — коротконогая Бастард в белой юбке до пят с разрезом от бедра на левой стороне, и с белой повязкой, наподобие топики без лямок со стразами на груди, пупок голый. Минимум одежды — правила Аристократов. Стеснительность не в моде нынче. А справа — Алиса в черном элегантном платье длинном до пят. Игра в цвета. Блондинка в красном, брюнетка в белом и рыжая в черном.

Шепот заставил плечи внезапно поникнуть, но я насильно подняла глаза вперед, гордо в спину матери передо мной. Сбоку множество, смех, разговоры. Какофония звуков, а я слушала как бурлила кровь по венам, бурно шумела. Один, два, три.

— Добрый вечер, Сергей! — услышала впереди мужской голос, ленивый, с хрипотцой. Таким голосом наверное прикольно нашептывать всякие непристойности. Сексуальный голос у его обладателя. — Добрый, Алла!

Это отец Хаски.

Мы остановились в последний момент, резко затормозив возле скопления народа.

Не время трусить. Вынырнула из-за середины и встала на одно из мест. Вся наша семья в одну линию, и слава всевышним я предпоследняя, дальше всех от хозяев. Как на построение в одному ряду.

Мой ужас наяву. То чего боялась, самый страшный кошмар ожил перед глазами. Он поднял взгляд на меня и замер, глядя своими стеклянными, прозрачными глазами, почти невзрачными.

— Анна, вы ожили, — насмешливо Виталик второй по старшинству брат Хаски обратился ко мне, сквозь большое расстояние, заставив многих замолчать. — Моя погибшая невеста!

— Да, Виталик, ради тебя вернулась, — проигнорировала распахнутые руки. И на миг взгляд обратила к Хаски — а его не мигающий продолжал изучать меня.

Долой вранье, поправила волосы на левой стороне щеки, привлекая внимание к нарисованной тату. Сегодня заставила Сашу несколько магазинов обежать в поисках татуировки в виде кленовых листьев.

Почувствовала себя как бабочка, попавшая в паутину пауку.

Это не его глаза. Эти плескались в воде безбрежного моря, они не гневались, они безразличны. Безжизненны. Не похоже на его прежние.

— Прощу в дом, — Виталик за нас и за брата сегодня разговаривал.

А я не против, тоже не могла говорить, губы не слушались и зубы через чур стучали. Краем глаза заметила, как Саша остановилась возле Хаски с его невестой. Та фарфоровая кукла: прекрасная, идеальная. Бледно-белая кожа, почти прозрачная, истинная Аристократка с маленьким носиком и аккуратными губками. Она почти с Дмитрия ростом, держалась за его руку не отцеплялась.

Хаски, наконец, убрал страшно-пронзительный взгляд, увлекшись Сашей, а я смогла зайти в открытые двери дома.

Виталик провожал меня, Пашу и Алису. Отец, мать и близняшки остались снаружи с

хозяевами. Нас же вели внутрь по коридору с высокими потолками.

— Мой брат немногословен, обращайтесь ко мне, если что-то понадобится, — Виталик очень словоохотлив. Полная противоположность Хаски. Тот тщательно думал прежде, чем сказать.

Из двери слева выскочил неожиданно Польски. По смешной, кудрявой прическе распознала его вид сзади. За руку он кого-то тащил за собой, едва не врезался в Пашу, который в последний момент отскочил от столкновения.

— Прошу простить, — Польски понял, что на кого-то только что чуть не наступил. Развернулся. — Павел, извини, — улыбнулся, протягивая руку для дружеского пожатия. — Не заметил.

— Пустяки, — брат понимающе хмыкнул, глядя за спину Польски в сторону новой девушки.

— Семейство Вильмонтов в сбо..? — Саша оглядел нас: Алису и меня сзади. Он не скрывал удивления и всем стало понятно, что это подозрительное молчание.

— Добрый вечер, Александр, — чтобы не было сомнений подала голос, так ведь узнаешь. Его глаза забегали по татушке на глазу, по моим волосам. — Виталик, мы идем?

— Эй! — насмешливо Павлик щелкнул пальцами возле лица Польски. — Глаза не потеряй, — это не такой интерес, Паша. Ты неправильно понял.

Оставив Санька за спиной, прошли дальше вглубь коридора, но на коже сзади чувствовала взгляд. Подобных глаз будет еще много, пора становиться чуть более раскрепощеннее.

Виталик распахнул двери перед нашими лицами и мы утонули в ярком свете от люстр. Огромные в старинном стиле, изогнутые, мерцающие сотнями свечей: красных, черных белых. Множество элегантных столиков для семейств на большое количество людей.

В зале начинали собираться гости, разговаривали по-тихому.

Шли за Виталиком, ловили любопытные взгляды. Еще бы, кто удостоен чести быть приведенным лично хозяином особняка. Мы.

Виталик провел нас к противоположным дверям распахнутым настежь. Там во дворе дома было еще множество столов и вот один из крупных, рядом с красиво вырезанным деревом в форме буквы W. Возле него и остановились.

— Это ваш, — прокомментировал Виталик и насмешливо поклонился, руками едва не пола коснулся в момент шутовского поклона. — Чувствуйте себя как дома, господа и леди! — подмигнул мне.

Какие почести. Дерево специально под нас.

— А это наш! — Виталик кивнул чуть в бок. Дерево в форме X. — Пойду встречать гостей, а то братец разорется, что я лентяй и отлыниваю от обязанностей.

Ужин назначен на восемь.

Оставалось пятнадцать минут до назначенного времени и стоило взять себя в руку. Я приготовила концерт. Придется немного по позориться, но это пустяк, лишь бы достичь результата. Всадить Хаски занозу через грудь в самое сердце, если оно у него имеется.

— Красота какая, — воодушевленно оглядев дворик, утопившийся в зелени и в буйстве красок цветов, заметила Алиса. Запахи жасмина щекотали приятно обоняние. Как будто в зеленой беседке находились. Над головами небольшие люстры освещали столы.

Молчаливо согласившись с сестрой, присела рядом с братом в удобное кресло из мягкой ткани. Алиса с другой стороны от нашего мужчины.

Перед нами стол в форме буквы П для большой семьи Вильмонт. Неизвестные Аристократы курили возле травяной изгороди, скрывающей гостей, как в ловушке со всех сторон.

Наш столик самый ближайший к небольшой площадке-возвышению, на которой было пока что пусто, но стояли прожектора и микрофоны, что означало ожидался долгий и нудный концерт.

Едва мы пришли, включили музыкальное сопровождение. Вильмонт и Хаски научились общаться? Только это не про нас с тобой, Хаски. Не про нас.

Когда зашли мать с отцом и присели за столик, я стала чувствовать себя немного лучше, увереннее. Будто дали щит и вооружили убийственной силы. Пока в зале находились представители старшего поколения, никто не посмеет выяснять отношения. Закон молодежи Аристократов. Дела старшего поколения — отдельно, дела младшего — отдельно.

Настал ужас, когда орава Страдовцев, тех кого я знала в другой жизни зашли в беседку из зелени, оглашая округу гомоном десятков голосов. Словно горло сдавила невидимая рука и сжимала, сжимала крепче, заставляя едва ли не хрипеть.

Не отводить взгляда. Ты же Анна Вильмонт. Возродившаяся Анна Вильмонт.

— По-моему Аня твое «платьице» большая ошибка, — насмешливо прошептал на ухо брат. — На нас пялятся Страдовцы.

— Наверное, им тяжело принять Бастарда — Аристократа. Эти вещи никогда не совмещались ранее, — потянувшись лениво в клатч, достала телефон, мечтая хоть туда спрятать взгляд.

— Здорова, братцы и сестры! — сзади прихлопнула по плечу тяжелая рука друга Павлика. Один из лучших друзей. Вторая рука точно также хлопнула моего брата.

— Анька, какой видок сверху! Давай скрасим сегодня наше общее одиночество! — я привыкла к этому да и он привык, что я часто посылала его по матушке, сегодня не было настроения. Без ответа оторвала правую руку и показала в лицо мужчине средний палец. Да. Бываю жестковатой.

— Мдда, — протянул очередной кабель на мою голову. — Манеры, как и раньше. Пашок у меня отличный план созрел, — и этот мистер начал бубнить нам с братом на уши. Я не слушала, глаза вперила в телефон.

Что ты чувствуешь, Хаски? Ты хотел найти пропажу, вот она я. Найденная потеря. Зачем я тебя была нужна? Неужели действительно пожалел о продаже рабыни или это очередной трюк Польски? Не похоже на уловку, если бы так, то Санек еще несколько дней назад заявился ко мне домой с целью рассекретить. Нет. Позволил самой вернуться и по всей видимости до столкновения в коридоре не знал, кто я.

За ужином было поспокойнее, люди смотрели представление. Стол Хаски с правого бока по центру, и мы не могли пересекаться взглядами даже при желании.

Мерси торжественно проговаривал заученную речь, иногда подглядывал на подсказки-карточки в руках. Награждал заслуженных людей города. «Певцов, военных, бизнесменов». И кто вы думаете самый молодой и талантливый бизнесмен?

Очень сильно в момент известия сжала челюсть на вилке, от этого зубы свело судорогой. Вздрогнула и схватилась за правую щеку, оберегая от дополнительной боли.

— Что случилось? — заботливо спросил брат.

Боясь принести лишнее неудобство челюсти, ответила очень шепеляво:

— Кто бы сомневался. Своему зятю.

— А ты про Димана, — брат приобнял спинку моего кресла и наклонился, шепча на ухо. — Он тот еще зануда. Вечно бумажки свои, планшеты, телефоны, как у него в мозгу столько информации помещается? И вообще оно ему надо? Робот, как наш папаша. Иногда подумываю, что он импотент. — еще более тихо поведал брат.

Если бы во рту был кусочек мяса и я его жевала, то вероятно подавилась, но поскольку успела до произнесенных слов проглотить пищу — осталась жива и здорова.

На плече ощутила мягкую ладонь, а на щеке поцелуй.

— Приветик, — шепотом обозначил Шмонт.

Он слегка согнулся к нам, чтобы не нарушать торжественную речь Дмитрия Сергеевича по поводу его успешной деловой карьеры. Лёня пожал руку братцу, тот с шуткой очень сильно сжал предложенную пятерню. На что Шмонт прошипел, как раненный зверек, и оскалился:

— Недоумок!

— Давай-давай, — помахал пальцами Паша, прогоняя назад друга туда, где стояли остальные столы позади.

— Вообще-то она, — ткнула мне в плечо Лёня. — Моей женой скоро будет, родственничек!

На столь ехидно сказанной фразе Шмонт удалился и оставил моего брата с вытянутым лицом.

— Я надеюсь он пошутил, Аня?

— Вроде нет, — ответила я, глаза спрятала в тарелке, в еде и пыталась жевать. Беее. Как-то нет аппетита.

Когда концерт закончился, взрослые принялись обсуждать интересующие вопросы, на самом деле, как дедки и бабки сплетничали. Демонстративно шутили, потому что среди приглашенных обязательно затерялись фотографы и видео операторы. Крупные по масштабу вечера снимались на камеры, а завтра будут транслировать обычным гражданам на всю Немию.

Лёнька пересел за наш стол, очень мило разбавлял атмосферу молчания с моей стороны. Они с Сашей обсуждали какой-то случай, с упавшей на подиуме девицей. Оба оказалось знали ее. В красках описывали, как модель растянулась с туфель на голове и задранной по самое не балуйся юбкой.

Мое время настало внезапно. Сердце начало выбивать грудную клетку изнутри, когда двери, ведущие в зал закрылись за последним представителем взрослых. Еще минут десять и парковка опустеет перед резиденцией.

— Ну наконец-то, думал никогда не свалят! — огласил Паша, чтобы слышали все в ближайшей округе. — Кажется, обещали красивых девочек! — громко озвучил брат, обратившись к соседнему столику.

— Конечно, будут, о чем речь, — Виталик Хаски вновь ответил нам.

Опять оргии, у нас не совершеннолетние есть между прочим. Моя Алиса. Я взглянула в очередной раз на нее, сестра проигнорировала, смотрела ни на кого и на всех одновременно. Она всегда витала в мыслях, молчунья по жизни, очень замкнутая девушка.

Не знаю, что мной двигало, желание отомстить, расставить приоритеты, решить все вопросы? Не знаю, но я устала прятаться. Польски рано или поздно нашел бы, если нужна Ананина. Устала, как крыса, прятаться от ответственности и жалеть себя.

Жаль одного человека, который сейчас улыбался слева, рассказывал забавный анекдот.

Должно быть после концерта он откажется от меня.

Дороги назад нет. Жизнь продолжалась, несмотря на весь прошлый ужас.

Ну все... я пошла. Встала резко, стул громыхнул противно по тротуарной плитке. Лишь бы не свалиться на огромных каблуках. Обошла наш стол.

— Ань, далеко? — любопытствовал в спину Ленька.

— Знакомиться со Страдовцами, — ответила довольно тихо, но Шмонт больше ничего не спрашивал.

Польски возле фонаря с кем-то разговаривал, но завидев меня замолчал. На что я позволила расцвести приятной улыбке на лице и подмигнуть задумчивому Пуделю.

Все пучком, парень!

Возле стола Хаски замедлила шаг. Их четверо. Хаски с невестой, Виталик и их младший брат, лет тринадцать на вид. Это основные дети-наследники от официально брака.

Провела пальцем по белой скатерти в процессе ходьбы и развернулась напротив интересовавшего объекта. Тем самым показала левое, почти оголенное бедро и татуировку на глазу в точности ту, с которой скрывалась в виде Ананиной.

— Хаски... Хаски, — еле слышно произнесла. Словила замерзший взгляд. Ты словно не ты. Мертвые глаза, у меня были похожие после тебя, как говорила Ирина.

Я подтянула одно из пустующих кресел поближе и плавно уселась. Локоть поставила на стол, ладонью сделала вид, что поддерживала щеку и смотрела.

Смотрела на мужчину, не переставая, будто он самый важный человек на этом свете.

А потом не выдержала серьезной мины и истерично от нервов выдала:

— Гребаный Бастард, видел бы ты свое лицо! — очень неприлично прозвучала фраза, все взгляды на громкую речь обратились за стол.

— Стоп. Стоп! — наигранно весело произнесла и встала со стула. — Сейчас селфи сделаем. Такое я не в состоянии пропустить, — быстро-быстро засемила к столу Вильмонт за телефоном.

— Ань, ты рехнулась? — брат шепнул, дернув больно за руку. На что я резко вырвалась с намерением продолжить концерт.

Почти бегом вернулась к тому же столу, пролезла сквозь младшего братца Хаски за спинкой его кресла, на что мальчик удивился, а я ему улыбнулась приветливо.

Остановилась за спиной старшего.

— Глянь сюда! — я подняла руку с телефоном вверх, наклонилась к мужскому плечу, чтобы наши лица были близко-близко. — Дорогая, прости, — насмешливо обернулась к его невесте, которая косилась на меня словно я внезапно обрела крылья и полетела. — Но ты в кадр не попадаешь.

Сфотографировала, посмотрела. И медленно вернулась обратно на кресло напротив мужчины.

— Ну что, дорогой, с ума не сошел без меня? — спросила ему в глаза. Озадачен, молодой человек? И я видела, как плавно отмирали глаза, целое торнадо эмоций закружилось в них.

— У вас реально какой-то бзик на Вильмонтах, — не прекращала выдавливать из себя гниль, которую ты заботливо поселил в моем теле.

Больное место. Ты ненавидишь эти истории о вашей слабости.

— Я ведь была замарашкой, а ты... несмотря на это, — руку опустила на стол и двумя пальчиками — указательным и средним медленно, медленно стала пробираться по твердой

поверхности к его кулакам, сжатым между собой. — Все равно повелся на меня. Прикольно! — насмешливо проговорила.

После того, как прикоснулась к его пальцам, резко встала с кресла. Перегнулась через стол, руки подставив под грудь. Отчего топик стал показывать еще больше, чем прежде. Что естественно приковывало всеобщее внимание, не только Хаски.

Отличный вид сзади, попа полностью оттопырена. Я еще сильнее подала корпус вперед, медленно склонившись к уху Хаски, к завиткам волос, почувствовала до ужаса знакомый запах. Он всегда в темноте мерещился и в мое тело впитался.

Я шепнула, так чтобы слышал один единственный Хаски, мое дыхание коснулось его шеи:

— Ради меня...никогда...не убивали, — с улыбкой села обратно в кресло, закинула ногу на ногу. Голое бедро перед всеобщими взглядами. Перестала улыбаться, скулы заболели. А теперь серьезно и громко закончила:

— Я сотни раз отказывала тебе, а ты не отступал, как верная псинка возвращался ко мне как на привязи, ждал моей улыбки? Вот она улыбка, — показала эту эмоцию и главное, глядя ему в глаза. — Вот мой взгляд, который жадно пытался поймать каждую ночь! Доволен?

Он не отвечал, ни разу не подал признака жизни, сидел в одном положении, пряча кулак одной руки в другой с часами. Мне кажется не моргал, но дышал судя по глубоким вздыманиям грудной клетки.

Я поднялась под затянувшееся молчание, как будто его насильно сдерживали. Ага. Я сдерживала. Концерт удался. Я рассекречена и мое страшное прошлое сошлось в настоящем.

Телефон мой где-то валялся на столе. Подняла его, подумала пару секунд и кинула прямо на стол в сторону Хаски. Со стуком телефон упал на бокал с шампанским, тот перевернулся и весь алкоголь полился по тарелке, по скатерти и вниз видно на брюки Дмитрию Сергеевичу. А Хаски не реагировал, но в его глаза огонь вспыхнул, который в будущем покарает.

— Перепрограммируешь, — сказала, памятуя о том сранном телефоне, который так снисходительно подарил.

И внезапно торнадо вырвалось наружу из его глаз. Я машинально зажмурилась, когда ударная волна хлестнула по мне. Шум, скрип ветра, звон, стекло, выкрики.

Все перемешалось в один клубок звуков, которые дрожали не переставая некоторое время. Кресло со стуком позади меня отлетело, ударившись о кафельную плитку. Мое тело стояло без движения, а вокруг голубоватое полотно — кокон мерцал и издавал специфический треск, как звук крыльев насекомого.

Потом услышала подозрительный звук, скрип, откуда-то сверху. Посмотрела вверх, пытаюсь понять, что происходило.

Люстра небольшая, подсвечивающаяся очень неестественно подрагивала из стороны в сторону. Качалась.

— Аня! — со звуком голоса брата мое тело стало безвольной тряпкой, его зажали в теплых объятиях и оттянули назад. Поняла, что меня держал крепко брат. А на расстоянии примерно двух метров от нас — там где раньше стояла, рядом с креслом со звоном разбилась люстра. Стекло задрожало на плитке, долго звенело, пока люди приходили в себя.

Я рассмотрела поле боя: травяные изгороди местами выдернулись из-под земли. Столы, кресла, кое-где перевернулись от торнадо ветра. А люди, стояли озадаченные подальше от

эпицентра событий. Только Паша и я в коконе КМЗ-ников.

Хаски не двигался, как и был. Будто не он выпустил торнадо. Не отрывал от меня взгляд, голова чуть наклонена вниз, похожим я его видела лишь однажды с пушкой в руке, когда размозжил мозги Ивану.

Знатное зрелище. День города Арзонт ознаменовался полным разрывом отношений между Хаски и Вильмонт. Наша ненависть всегда будет терзать нас.

— Успокойтесь, — Санек, как противовес между семьями, встал спиной к столу Дмитрия, к нам передом. — Вражды нам не хватало...

— Согласен, — с сарказмом расслышала сбоку.

Шмонт очень тихой, напряженной походкой, как хищник в преддверии прыжка, тело натянутое, взвинченное, угроза сочилась из его напряженных, спрятанных в карманах рук. Леня остановился возле нас с братом, передом к Польски. — Вражды не хватало.

И наши верные псы сорвались с цепи.

Глава 10 "Проблемы с женщинами"

Приятного чтения! Ах, да... много мата в этой главе)))

POV Вильмонт

Почти ни единого звука не было слышно в зеленой беседке, звон стекла давно успокоился и ветер не тревожил листву. Абсолютная, убийственная тишина.

Как дуэлянты друг на против друга, Шмонт и Польски, а я не могла ровно дышать от осознания, что действительно это сделала.

Пудель напротив в черном костюме, кулаки спрятаны в карманах, ну точно как у Шмонта.

И Леньку я никогда не видела, таким взвинченным, готовым к драке. Он в принципе мягкий человек, морды бить не любил, редко признавал необходимость применить силу, как например, когда спасал меня от трех нападавших в туалете школы. А сейчас явно готов.

Догадался, кто такой Хаски?

Я дернулась в руках брата от неожиданного, донесшегося шума. Слева на наш столик, который занимала прежде семья Вильмонт, рухнула очередная люстра. Звон, треск стекла по плитке разбудил Аристократов, как будто дали отмашку или расколдовали. Народ зашевелился, а Пудель подал голос:

— Стоим, Леонид! — редко слышала настолько серьезным Польски, тот предпочитал всегда отшучиваться. Но сейчас был серьезным, и не улыбался. — Если вся эта ситуация станет достоянием гласности, мы с тобой первые лишимся головы. Расходимся! — отдал опять приказ Польски.

Леня не двигался и почему-то мне казалось смотрел не на Саню, а вскользь за его спину в направлении Хаски, сидящим без движения за столом.

— Я сказал расходимся! — еще четче озвучил Польски, приказывая отступить. — Аня, уходи!

Польски повернул голову в бок, заглянул за спину Лени на нас с братом.

— Сам просил поговорить, — пожалала я плечами, намекая, что меня это не волновало и ничуть не касалось, вышла из объятий Паши и развернула гордо плечи. Будто не я виновница торжества.

После небольшого молчания сделала несколько шагов вперед. Каблуки громко отбивали по плитке среди давящей на нервы тишины.

Пальцами поймала левую ладонь Леньки. На мое приближение друг резко обернулся и столько невысказанного укора рассмотрела в растерянных глаза, что хотелось машинально закрыться ладонями, как за защитной стеной. Думала выдернет руку, но нет, Шмонт лишь отвел взгляд в сторону, найдя пустое место более важным, чем мой вид.

А затем Леня все-таки медленно опустил свои пальцы из моих и ушел вперед, переходя через обломки некогда кресел и сломанного дерева в форме W.

— Пошли, — кивнул головой брат назад в направлении дома. Я, стараясь ни на кого не смотреть, неуверенно пошагала на выход, но сзади слышала подозрительные стуки каблуков. Ни одного человека и не двух, а словно целой толпы. Гнетовцы шли по нашим стопам?

— Bravo! — услышала слева от себя, а потом хлопок ладоней друг об друга. Посмотрела

туда, откуда доносился звук — Имина с подругами. Аристократка перестала хлопать, когда я ее заметила, но улыбалась продолжала от души. — Браво, Ананина! Великолепно!

Не знала, что на это ответить. Она издевалась или серьезно говорила?

Гнетовцы последовали нашему примеру. Конечно, не все понимали, что произошло, но скоро история Ананиной станет достоянием гласности, а мы с Хаски — дешевыми актеришками.

Я раздавила нас обоих. Но пусть так. Я хотела раздавить именно его, пусть и во вред себе, но этот... человек...хочу чтобы он страдал. И если могу принести ему хоть каплю боли, я сделаю все ради этого.

Он сломал мой мир, взял в свои крепкие ладони, и одним махом выжал из меня, все что было доброе и хорошее. Никто и никогда так со мной не смел обращаться! Больше он меня не ранит, никогда позволю довериться этому человеку, я была слишком наивной. Хаски не достоин доверия.

В машине была до тошноты тихо, и впервые нарушать тишину не хотела, наверное, не имела права. Шмонт не мигающе смотрел на черное, кожаное сидение. Паша потирал кулаки, это нервный жест, нет он не думал кому-то накостылять, скорее стирал негодование с тела подобным образом. Алиса молчала, Саша к моему удивлению тоже. Старшая сестра не способна молчать, если она не спала, то разговаривала. Сегодня смотрела в окно, поддерживая голову ладонью, локтем опиралась на спинку сидения.

Было одно общее у Аристократов в автомобиле — меня игнорировали все. Минут через пять после начала поездки, нарушаемого лишь легким покачиванием, отмер брат первый:

— Что с тобой!? Какого Бастарда устроила!? — Паша убрал кулаки только сейчас, вовремя фразы.

Я забыла приготовить ответы на вопросы, унижение Хаски продумала, а вот что рассказать семье задумалась? Но помогла старшая сестра:

— Так это ты Бастард, с которым он месяц жил в пианино... который потом от него сбежал и... которого он потом месяц, как полоумный разыскивал?

Ответ не требовался, ведь Саша в курсе любых сплетен. Не успела я как-то отреагировать, подать признаки, что жива, хотя бы глаза поднять на людей, когда расслышала голос Леньки:

— Шеф, останови!

— Здесь же трасса? — отозвался с водительского сидения мужчина-служащий.

— Останови!

Почти сразу машина припарковалась, движение приостановилось и нас перестало плавно укачивать. Леня, не прощаясь, вышел в открытые двери машины.

— Пойду тоже прогуляюсь. Время детское, к мужу не охота возвращаться, опять какая-нибудь шваль его обслуживает под рабочим столом, — с этой фразой Саша вышла вперед за Ленькой.

Двери захлопнулись и вновь всё погрузилось во мрак. Нас осталось трое: молчаливый, злой брат, который не посмеет повесить на меня голос и Алиса, которая, наверное, впервые за время моего возрождения даровала внимательный взгляд. Да, она хотела спросить, помочь чем-нибудь, но поспешно отняла, едва поняла, что я заметила ее внимание.

Прикрыла глаза, надеясь, оказаться в темноте.

Когда Саша вышла замуж, я вздохнула с облегчением, это означало сестра действительно отпустила историю с Хаски. Ей нравился будущий муж и она верила, что тот

женился на ней, хоть не по любви, но по взаимному уважению и не из-за денег. Впервые на моей памяти она столько внимания дарила мужчине, у них было серьезно. А Саша и серьезность, это как верх — низ, земля — небо, рай — ад, весьма противоположные понятия.

Я просчиталась и сестра просчиталась, ее муж на второй день свадьбы наслаждался минетом от официантки в клубе, где молодожены отмечали праздник с друзьями. Отвратительная картина. Сестра стала невольной свидетельницей того самого группового развлечения мужчин, которые в отдельной комнате от женщин «курили табак». Муж не видел, что их засекли и до сих пор оставался в блаженном неведении.

Странно, но Саша почти не отреагировала на измену, не билась в истерике, как с Хаски, не размазывала сопли по мне. Не знала радоваться, что у сестры зачерствело сердце или бояться, что оно продолжало биться для другого человека.

И почему на развод не подала? Понимаю, что муженек оставил бы ее без нитки, слишком огромны проценты за расторжение брачного договора, тем более в богатых семьях, но я бы не смогла, наверное, продолжать делать вид, что жизнь прекрасна. А Саша делала и продолжает делать.

Втроем с Пашей и Алисой добрались до места всеобщего пребывания в высотке и разбежались, не сказав больше друг другу ни слова. Незнакомцы и те приветливее между собой. Порой казалось, что наша семья одно название. Я не могла поделиться ни с кем проблемами тем, что наболело. Шмонт? Да возможно ему, но больше и некому. Никто не поймет, а своим девочкам смогла бы рассказать любую глупость, не боясь их реакции. Они принимали меня и гнилым Бастардом.

POV Хаски

Руки прятал в кулаки, скрывая бешеную вибрацию по телу. Сплошная волна дрожи перемещалась по коже, и я не мог остановить этот никчемный процесс. Я говорил, если повышал голос — это полбеды, но если молчал — готовь саван.

Польски очень вовремя убрал из поле зрения раздражавших субъектов, пока я не проанализировал сложившуюся обстановку, их надо было держать от меня подальше. В противном случае, не стал бы медлить.

Польски буквально затащил меня с невестой в самолет, я не реагировал на действия друга, был полностью во власти непонятной дрожи. Через час у Кристины, в родном городе, в небольшом особняке, в отдалении от городских дорог я немного успокоился.

Это был правильный ход — отослать с Мерси, к женщинам я относился более лояльно, не применял физического насилия.

Ананина — это была Ананина. Она не слушалась никогда. К ней я неизменно применял третий метод воздействия, потому что подкуп, уговоры и остальное никогда не срабатывали. Непробиваемая она девушка.

Ближе к одиннадцати вернулся сам Мерси с женой, а я по-прежнему молчал, на любые попытки разговорить, отвечал односложно. Я не в настроении выслушивать людей, которые мне не интересны сегодня. А сегодня мне не интересен никто.

Мерси вызывал подсознательно доверие, улыбался искренне, всегда при пиджачке, боялся неопытным оказаться на страницах журнала, усики аккуратно загнутые к носу. В первый раз как увидел Председателя думал все-таки треснет на лице застывшее выражение безразличия. А шапочка зализанных на левый бок волос вызывала желание взлохматить

идеальный порядок на голове Мерси.

А вот Инесса — не знаю точно, настоящее ее имя или псевдоним, очень уж «мило» всегда общалась с любым мужчиной в радиусе метра. А ее обращения «Димочка»... я молчу. Я спокоен.

И когда ее открытое декольте вываливалось на стол перед нашими лицами, в первую очередь перед моим, пытался очень настойчиво не замечать.

Я, Бастард побери, на грани. И если сейчас, они не заткнутся, устрою пожар во дворе дома.

После полуночи до сих пор сидели за столом в кухонной комнате, где попивали алкоголь и рассуждали о будущих планах. Месяц остался до даты X, когда с Кристиной должны объявить о помолвке.

В кармане завибрировала знакомая музыка, вот это была, как награда за страдания. Польски, судя по мелодии звонка. Представители семейства, стали вставать со стульев, кто куда, и на данный момент времени я мог позволить себе поговорить по телефону и закурить. Мерси решил побаловать баллийскими сигарами, безумно ароматными из необычного табака.

Кристина и Инесса убирали со стола закуски.

— Что хотел? — спросил, когда взял трубку.

— Встретиться? — предложил Польски. — Я здесь тоже в городе.

Неплохая перспектива оказаться вдали от этой семьи, от вездесущей Кристины, которая ни на шаг не отдалялась.

А вот и она. Улыбаясь, вышла из кухни. Какая улыбчивая девушка. Она заметила телефон в моей руке, молча приблизилась и присела через один стул.

Какая послушная девушка. Не стала мешать, налила сока, делала вид, что не слушала разговора.

— Буду через тридцать минут на затинке, кафе Бит. Знаешь такое? — решительно ответил. Не смогла Кристина и дальше претворяться, разочарованно взглянула.

— Знаю.

— Тогда договорились, — повесил я трубку. — Мне надо уйти, — поднялся, не задумываясь. Кристина вслед подорвалась со стула.

— Дим, папа хотел показать тебе новую плазменную систему, мама хотела всей семьей посмотреть какое-нибудь кино, а ты... — она расстроено опустила глаза в пол.

Протянул руку успокаивающе прикоснулся к щеке невесты, погладил неуверенно. Это любовь? Да? Это любовь сияла в ее глазах? Эта радость, когда я прикоснулся к ней, изменила ее лицо. Расслабило мышцы. Она не посмела спросить по поводу Ананиной, ни тогда, когда я жил с ней, ни сегодня. Слухи дошли вероятно до нее.

Поначалу выбрал Кристину, потому что она являлась молодой копией матери по внешности, но теперь было мерзко видеть эту радость от моего присутствия рядом с ней.

Хотелось взять ластик и стереть улыбку, хоть до крови расчесать, но чтобы та исчезла. Убить это немое, парализующее разум обожание.

— Я ненадолго. Польски срочно нужно со мной встретиться. Часа через два буду... — на стуле висел пиджак, напялил почти мгновенно, не давая девушке опомниться. Только слез не хватало.

— Пусть он сюда придет? — похоже на недоверие. Смешно. Кристина боялась, что уйду к другой девушке. Сегодня не планировал. — Серьезно. Он же твой друг. И мне наверное,

следует с ним получше познакомиться.

= Хорошо, — внутренне старался, чтобы голос не изменился, чтобы тональность не поменялась после вспышки внутренней агрессии.

— Я перезвоню Польски, — отвернулся и стремительно направился прочь отсюда на свежий воздух.

Здесь душно, давила эта семья, обстановка, это умиротворение, тепло, которым они хотели накрыть. Жарко от этого тепла. Наоборот надо свое тепло кому-то дарить. Хотелось согреть.

Для начала внезапного гостя накормили, мама Кристины с улыбкой вновь накрыла мини-стол. Какие они улыбочивые женщины, а я мечтал взять их за шкуру, встряхнуть и заставить сказать, что у них на душе на самом деле. Сказать — не ври глядя в глаза.

А ты Кристина, как можешь сносить мои придирки? Я сказал, что не нравятся брюнетки — перекрасилась в блондинку. Сказал, что не нравятся плоские — нарастила грудь. Сказал, что не нравятся девственницы — пошла и легла под Трески. Что с тобой? Ты человек?

Польски сыпал шуточками, развлекал семью своим искрометным, будоражающим юмором, так что скорее всего уснет семейство не скоро. Инесса была покорена Саньком.

Когда женщин с намеком проводили спать, а Мерси отправили на осмотр ночных владений, мы смогли уединиться в кабинете будущего тестя.

Передо мной стол с компьютером и техникой слежения всевозможной. Сел за рабочее кресло, отодвинул максимально все агрегаты. Напротив вольготно расположился, закинув ногу на ногу, Польски.

Успели наполнить бокалы крепким алкоголем.

— Великолепная у тебя жена будет, — Санек всегда тащился от Кристины.

— Желаешь на мое место? — спросил.

— Эээ. Нет, — засмеялся друг, ноги сбросив на пол, а руки сцепил и подставил под подбородком. — Я собственно, по нашему неотложному делу. Твоей выдержке можно позавидовать. Ты очень спокоен. Я думал, все что касается Ананиной выводит тебя из привычного равновесия.

Польски опустил руку под стол, оттуда выдвинул дорожную, спортивную сумку, а я не захватил вещи.

— Я похож на сопливого юнца? — спросил я в ожидании дальнейших действий Санька, пальцами поддерживал щеку. Черная массивная папка появилась в руках Польски, которую он шлепнул со всего размаху на стол.

— Ты сам виноват, я тебя предупреждал держаться от нее подальше. Что нарыл, на скорую руку... — поведал Санек и подвинул открытую папку ко мне лицом.

Фотография молоденькой девушки во весь альбомный лист, крупный план.

— Теперь наслаждайся, твоя АНАНИНА! — с садистской улыбкой оповестил меня. Я подал корпус вперед. — На балу, с другом... с подругой... в школе... на танцах... на вечеринке... с женихом...

Санек перелистывал страницу за страницей досье, добытого на скорую руку.

Не дождавшись реакции от меня, друг вытащил телефон из кармана. Что-то набрал под звуки тишины, а затем положил сверху на папку, экраном ко мне.

Видео-ролик, который я когда-то видел. Церемония похорон. И девушка на фоне заката, которую даже, если захочешь не рассмотришь.

— Анна Вильмонт умерла при нападении Бастардов, и появилась в Арзонте Анна Ананина — Бастард, с которым ты встретился в Вышке.

Я не отвечал, а только молчал, смотря то на ролик в телефоне, то перелистывая фотографии из досье. Озорная улыбка на ее лице, ту которую после Белесья она перестала мне дарить. Чем сильнее вынуждал ее на эту эмоцию, тем тщательнее Ананина закрывалась.

Дверь неожиданно распахнулась в кабинет, и в проеме появилось милое лицо Кристины. Санек обернулся туда же и успел изобразить ненавязчивую улыбку.

— Мальчики, вы скоро? Дим, я тебя заждалась, — неуверенно, но она вошла в комнату, оставив дверь приоткрытой, впуская яркий, раздражающий свет с лестницы.

— Мы скоро, — мягко ответил Санек, поняв, что я не собирался отрываться от информации перед глазами.

— Дим, пойдем? Я тебя очень жду, — от такого голоса, сказанного приглашающим голосом, с нотками покорности и любви гомосексуалист бы пересмотрел свои взгляды к ориентации, но я... поднял лицо невесте навстречу, не успев спрятать в себе эмоции.

— Уйди... — сказал. Досье передо мной важнее, чем человек возле двери. — Немедленно! — чуть громче, чем надо подтвердил. Кристина испуганно встрепелась и отошла назад, прикрыв дверь.

Не мог перестать изучать эти моменты из жизни Ананиной, эту открывшуюся новую Ананину.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мне уйти? — задал вопрос Польски.

— Уйди, — последовал глухой с трудом слышимый ответ от меня. Я взлохматил волосы на голове, пряча глаза внизу на столе. — Скорее, пожалуйста, — просьбы от меня слышны еще реже, чем тишина на вопросы.

Мне нужно было в полной мере осознать случившееся и только что я получил прямые доказательства. Отказывался верить глазами, но сука, они не подвели.

POV Польски.

Ночь была необычно-темная, спутник планеты ярко пылал в окне, которое я тщательно изучал, как какую-то великую картину или скульптуру. А больше не на что смотреть. Скука смертная.

Было не до сна. В комнате царил полный мрак, окно приоткрыто и впускало свежие потоки воздуха. Алкоголь легко выветрился бесследно.

Как отреагирует Диман на открывшуюся правду оставалось загадкой. Хаски не предсказуем в своем гневе. Не предсказуемо ужасен и безжалостен. Особенно с Ананиной. поправочка — с Вильмонт.

Глаза не закрывались, будто и не глубокая ночь — три часа утра. Через пару часов начнет светать.

Лежал я долго, подоткнув руку под подушку, пока дверь тихонько не скрипнула и в нее не вошел Хаски. Свет из коридора освещал силуэт пришедшего, будто всевышней силы в сиянии лучей.

— Мне нужно на волю выйти, иначе что-нибудь наделаю, — глухой голос наследника, без былых искорок веселья заставил меня приподняться на локтях. А потом и вовсе

вскочить, встав в позу звезды, руки и ноги в разные стороны, в носках, майке и семейных трусахю

— А я- то всегда готов! — бодро ответил Диману.

— Одевайся, — равнодушные слова наследника охладили мой пыл. Не дадут повеселиться.

А я-то надеялся, что выйти на волю — это что-то вроде кодового слова, которое начнем использовать в новой, семейной жизни Хаски, означающее пойти по девочкам.

Какие девочки? Густой лес на окраине города. Нет. Сначала бешеная гонки под 240 в абсолютной, кремешной тьме неизвестных дорог, а потом протирание задницы на сваленном дереве и наблюдение за не унимавшимся другом.

— Сука! — удар энергии при выбросе пролетел по воздуху оранжевой вспышкой. Вырвался из руки Димана сгусток энергии и пронесся вперед огромным столбом сжигающего тумана прямо над пропастью горы. Вниз полетело выброшенное пламя и долго-долго падало, пока Хаски продолжал монолог.

— ...лядь Вильмонтская! Сука! Сука! Как провела! — очередной какой по счету выброс огня, теперь полетел в сторону огромного темно-синего неба, усыпанного звездами, словно там он мог увидеть очертания Ананиной и испепелить ее. Но огонь, поднимаясь ввысь, неизменно падал вниз и потухал постепенно.

Не сопливый юнец!? Ну да...да...охотно верю...

— А Вильмонт интересно сам приложил руку к этому делу? — повернулся ко мне на несколько секунд и опять занялся бесполезным занятием — бесполезным выбросом энергии.

— Какому? — я устало покосился на часы. Неизменная 24-часовая работы быть другом наследника Хаски. Утомительно. Пять утра, скоро рассвет.

— Подложить свою *лядь мне в постель?

— Неее... ну это бред... зачем ему? Смысл? Он же никогда не горел желанием родниться с вами. Не настаивал.

Взбешенный кидальщик огнем приостановился, взглянув на меня. Так смотрят на кусок мяса, который собираются сожрать, точнее сначала порезать, потом посыпать соль, поперчить, а в заключение поджечь.

— Тогда как он позволял так относиться к своей дочери?

Я на секунду задумался, почесав подбородок, с хлопком открыл банку алкоголя, которую чисто случайно захватил из холодильника Мерси. Не обеднеет. А мне необходим тонус, или засну.

— Скорее всего он не знает. Сосредоточие КМЗ-ником на нашей территории мы бы почуяли и начались вопросы. А его цель — была спрятать Ананину, в смысле Вильмонт, — друг продолжал слушать, но подошел размашистым, нервным шагом.

Так идут обычно на убийство или на дело какое-нибудь важное. Но Диман вопреки убийству, и слава всевышним, потому что здесь один я, и трупом быть не желаю, выдернул банку из моих рук и сделал жадный глоток. Себе бы взял из холодильника, одному мало.

— Сука! — повторил Диман и пнул пенек, на котором сидел я, от чего пошла вибрация и я едва не свалился на землю.

— Полегче! Я тут причем. Я тебя предупреждал насчет Ананиной. Не нравилась мне всегда спесивая, гордая, красавица нашлась. А динамила тебя с каким извращенным удовольствием.

Диман присел на пенек рядом и уставился задумчивым взглядом на небо, хоть перестал выбрасывать энергию, а то бы отрубился от недостатка силы и тащить мне его с холма, потом до машины, потом на машине и в заключении до кровати бездыханное тельце.

— Вот тварь мелкая! Какой же я осел!...В семействе Хаски проблемы с женщинами, что тебе приходится им угрожать? Или как она там сказанула?!!!!! — передразнил бабский голосок. А что? Прикольнo прозвучало. Невольно улыбнулся, но чтобы Диман не видел.

Наследник руками сжал пряди волос, которые отросли пока занимался поиском Ананиной. Опять друг спрыгнул с пня и начал ходить раздраженно по небольшому островку перед ямой.

— Как? Как я мог? — продолжал вопрошать у неизвестных сил.

— Ну надо сказать в твое оправдание Аня-тройка, та еще звезда по слухам... — хотел успокоить, а получилось, как и всегда. Тот опять встrepенулся словно его стукнули чем-то очень тяжелым, ну там дубиной или плитой по меньшей мере.

— Поигралась значит, — подвел итог Дима, кивнул чему-то своему. — Знала ведь, что я не привык к отказам и решила на этом сыграть. Хитрая сука!

Сколько раз за сегодняшний вечер он назвал ее этим литературным словом. Раз пятьдесят, после двадцатого я перестал считать.

— А может вместе с глупой сестричкой придумали позабавиться?

Оооо! Понеслась. Включился кретинизм по поводу любви Хаски к Вильмонтам. У негбзик на этот счет. Как он ненавидел постоянные разговоры об их слабости, а тут — конфуз сам был помешан на Ананиной. И это осознавал.

— И что теперь? — озвучил я то, что больше всего интересовало. Что будет делать Хаски, после открывшейся правды.

— А теперь... — вот это странно, друг неожиданно улыбнулся и повернулся ко мне, словно заключил вновь хорошую сделку на выгодных условиях. — А теперь... когда у нас малыш Максимка прилетает от Баллийцев? Я устал его караулить, шифруется поганец.

— Перед вторым семестром, через пару дней вроде, — ответил машинально на вопрос. — А ты как ухитрился с Ананиной переключиться на Трески? Поражаюсь твоим возможностям думать обо всем и везде.

Ох, не понравилась улыбка Димана после всплеска ярости. Мой вопрос остался повисшим в воздухе.

— И достань нормальное досье на Вильмонт, это как работа третьеклашки, не узнаю тебя, — попенял меня за некачественную работу.

Диман уселся теперь уже окончательно на сваленное дерево и замолчал, лишь нагло опять отобрал алкоголь из рук:

— Узнай всё о ней...

— Вплоть до размера трусов? — насмешливо спросил я.

— Как раз размер ее трусов я знаю.

Плохая улыбка для разъяренного гордеца Хаски.

Глава 11 "Очаги войны"

POV Вильмонт

Шесть утра или сколько? Рядом со столом на кухне есть маленький диван на два места, я на нем и развалилась. Ноги не помещались, поэтому их пришлось на подлокотник закинуть. Рукой прикрыла глаза от солнечного света, который стал тревожить в открытое окно слева. Рассвело.

Боялась если свет попадет в глаза, я бы непременно ослепла, те слишком сильно горели от недосыпа.

Отраву в груди под название Хаски опять подогрели, заставили ее двигаться по крови. Что будет дальше? Я боюсь? Нет. Его действий не боюсь, наказаний тоже. Одно интересовало — смогу ли достойно, равнодушно отвечать на выпады ненавистного Аристократа. Очень надеюсь. Не хочу, чтобы он понял, как было плохо.

Дверь входная противно скрипнула, привлекая внимание. Я поднялась на локтях, чтобы посмотреть через спинку дивана, кто там. Поймала взгляд Саши.

Алиса и брат давно спали — это я одна полуночица.

— Не спишь? — заулыбалась Саша, при этом аккуратно оперлась спиной о стену и начала снимать туфли. Затем одной из них помахала в воздухе:

— Приветик! — едва не захлопала в ладоши, как маленький ребенок, сестра и пожала плечами вверх. Когда эмоции у нее выходили из под-контроля, она приподнимала плечи и опускала. Не столь важно, плохие чувства или хорошие, так проявлялись ее нервы.

Моя сестра отнюдь не трезва.

Очень тяжелой поступью Саша пробралась к ближайшему стулу возле стола, где мы сегодня перед праздником выпивали, и плюхнулась, как мешок с очень тяжелыми костями.

Нарочито медленно сестра подняла бокал пустой, оставленный на столе, и демонстративно перевернула вниз. Ни единой капельки алкоголя. По-моему ей хватит, давно не видела ее в таком градусе.

Отставила Саша стакан на край стола, локоть поставила на твердую поверхность, и поддержала щеку ладонью. А потом очень протяжно выдохнула воздух изо рта, как будто долго его копила.

— Я тебе звонила, ты овца, слышала и не ответила! Проститутка! — выдала она. Я даже приподнялась, уселась на попу, подтянула колени к груди. Нормально!?

— Нет. Ну это надо было! — продолжала сестра. Хотя она говорила и насмешливо, но доля правды в каждой шутке. — Трахаться с моим бывшим возлюбленным. Стерва ты, Анька!

Понесся словарный ливень из сестры, пусть выскажется, а я помолчу. Главное начала говорить, а то дешевые молчаливые сопли как-то меньше меня устраивали. Пусть выскажется, а потом подеремся.

Но Саша замолчала, будто устала говорить:

— Ты из-за него невменяемая была? — более спокойно спросила она, глядя в глаза, и насквозь, как детектор лжи, улавливая сигналы моих нервов.

— Не хочу вспоминать, — отвернулась от детектора.

— Твой Шмонт бешеный, как бык-осеменитель, напился и был таков, приставал к

телкам! — ни один мускул не дрогнул на лице.

Моя вина-да? У меня правда не было выхода, как еще вылезти из этой ситуации живой и невредимой. Бесконечно скрываться всё равно бы не смогла.

Саша опять переместилась на прежнюю тему:

— Никогда бы не подумала, что кто-то сумеет пробраться к нему в пианино. Это святая святых, только Кристине дарована честь там останавливаться, когда приезжает его навещать.

— Он меня вынуждал, — ответила я.

На замечание Саша очень громко рассмеялась, пришлось запоздало шикнуть на нее, чтобы потише, а то родственников могли разбудить.

— Угрожал, для того, чтобы ты с ним жила в пианино? Чтобы ты спала с ахренительным мужиком и жила с ним? Я правильна поняла? — чуть успокоилась, но была сестра явно неадекватна.

— Чтобы я спала с ним, если быть точной. Только не надо думать, что у него какие-то там «чувства» — закатила я глаза к потолку. — Поверь, единственное его чувство — это как засунуть член мне в рот, причем прилюдно желательно. Кайфовал от унижений надо мной.

— Да я тебя умоляю, дура. Он похож на мазохиста спать с девушкой, которая ему не нравится? Мозгом раскинь! — повысила вновь голос Саша, при этом постучала пальцами себе по голове.

— Я просто не велась на его морду и деньги. Не растекалась лужей при нем, вот он и подскочил. Как же так?

— И именно поэтому он весь Арзонт перерыл, каждый кустик в поисках Бастарда, которого ненавидит. Ну тебя! — внезапно махнула рукой Сашка, не трезво приподнимаясь из-за стола. — Вечно меня обскакиваешь. Я ему глазки строила — строила. И опять нашлась! Увела у меня мужика. Бесишь! — бухтела сестра.

Я знала, что она злится. Ее гордость несколько необъятна, впрочем как и каждого из Вильмонтов и Хаски.

— Пошла я спать, а то полезу драться, а ты мне наcostыляешь и буду с фингалами ходить... а у меня через три дня съемки с обалденным мужиком, мы как раз очень милые его трусики рекламируем. Представляешь, — это она скорее стене рассказывала, а не мне.... — Мужские трусы в виде удава. Это конечно, круто, первая ассоциация со змеей, но зачем, на белье глаза змее рисовать? Я же хохотать буду если увижу мужика в этих трусах...

На этой ноте сестра меня покинула.

Вот и поговорили. Но невольно я улыбнулась, настроение неведомо стало повышаться. Копить обиду, как маленькое дите, сестра не стала, а значит нормально восприняла новость.

Потом я вроде заснула на диване, отвернувшись от солнечного света. Разбудили шаркающие шаги брата, вечно ноги не поднимал, шуршал тапками. А сон чуткий, особенно если возле меня топали.

— Потише нельзя? — буркнула недовольно.

— Нельзя! — также недовольно ответил братец.

Запах кофе учуяла, как собачка ароматный кусочек мяса, принялась и привстала. Если нальют горький напиток, так и быть готова проснуться. Протерла не выспавшиеся веки, наверное, пару часов прошло. Голова звенела, как после длительной ночной гулянки.

— Тоже хочу, — заявила нагло, разглядывая родственника в шортах и футболке. Братец обиделся, стало понятно. Теперь будет молчать, как партизан. Чем бы в него запустить тяжелым? Оглянулась по сторонам, ваза с цветком на подоконнике. Нет. Жалко красивое

лицо Паши портить, это единственное его достоинство.

— Встань и налей, — ответил брат, прошел мимо меня с дымящейся кружкой кофе и уселся за стол. В телефоне что-то напечатывал, а меня игнорировал.

— А зачем мне брат нужен? — на вопрос не ответил, поэтому пришлось вставать и наливать кофе под единственный звук — мелких глотков Паши.

Вернулась из ванной, а брат на диване телевизор смотрел.

Я тоже умею молчать. Меня не перемолчишь. Я с Хаски месяц почти молчала. Месяц! Это срок. Иногда так хотелось ему подзатыльник дать, нельзя быть таким правильным. Он кружку за собой всегда мыл. Иногда хотелось уборкой заняться, когда начинала нервничать, а он не давал, у него комната, как алтарь порядку.

А Паша? А Паша, как и предполагалось оставил на столе грязную посуду.

— Аня!? — всё, сдался. Я спрятала улыбку в кружке, пока делала глоток. — Расскажи мне какого Бастарда ты...Хаски? Хаски...ты? Я ничего не понял. Что вас вообще связывает?

— Личные дела, — коротко поведала.

— Ты с ним...того самого? — стеснялся брат о подобных вещах спрашивать у сестер. — Встречалась?

Встречалась? Я? И Хаски встречались? Вы слышали этот бред. Как бы ему поточнее объяснить. Нет, брат, знаешь он сначала силой взял, потом афродизиакom напоил и пол ночи трахал, потом мужика из-за меня убил, а под конец друзей избил, чтобы я согласилась с ним спать. Потом месяц потрахал и продал. Как-то так. Можно сказать встречались. Любовь у нас жуткая. Как бы не за любил до смерти.

Приготовилась ответить Паше часть правды в какой-нибудь завуалированной форме, открыла уже рот, но вот проблема — слова не желали слетать с языка. Потому что все, чтобы я не сказала, будет враньем.

Я была его подстилкой. Вот и вся правда, Паша.

Одновременно с братом обернулись назад мне за спину, где отворилась довольно резко дверь. В проеме возник мужчина и хорошо нам знакомый. Все вопросы оставили в подвешенном состоянии. Паша просто замолчал, а я с кружкой возле рта зависла на пару секунд. Сверилась с часами над кухонными шкафчиками — половина двенадцатого.

Что здесь забыл отец? Папа плотно прикрыл дверь, оставив охранников за пределами квартиры... Не разулся даже, матери на него нет. В кроссовках и спортивном костюме, отметила про себя. Папа занимался спортивными нагрузками!? Зачем спрашивается? Он этим бесполезным делом никогда не занимался, это мне надо форму поддерживать, чтобы нигде не вылезло. Я толстела с одной булочки, а этому ешь — не хочу. У Аристократов нет проблем с обменом веществ.

Если отец бегал — значит выпускал пар. А если выпускал пар, значит зол, потому что повышать голос никогда не любил. А зол почему? И именно сегодня с утра, после вчерашнего праздника!?

С Пашей очень выразительно переглянулись, что не скрылось от всевидящего ока отца.

Вместо приветствия папа хмуро прошел в середину комнаты и встал между диваном, где был Паша и столом, где сидела я.

— Где Алиса и Саша? — спросил. Ой, какой у него голос жутко серьезный, с подобных нот начинался курс лекций.

— Алиса с утра ушла погулять, а Саша спит, — ответил Паша.

Я на вопросительный взгляд в свою сторону утвердительно кивнула, хотя в душе не

ведала, где сестры.

— Хорошо. Начнем, — отец выдвинул стул себе и уселся. — Прошу, Паша, присоединяйся, — вежливо указал ладонью на пустовавшие предметы мебели рядом со столом. Брат послушался.

Папа в который раз внимательно изучил интересующие два объекта — сына и дочь, достал из олимпийки телефон и положил на стол экраном вверх. Опять рассмотрел нас.

Папа мастер нагнетания атмосферы и психического воздействия, мы скоро первые сдадимся и начнем рассказывать, как было дело.

Уже ясно, что информация, кажется, просочилась. Я была уверена, пятьдесят на пятьдесят, потому что к сожалению мой концерт закончился почти дракой и все Гнетовцы вслед за нами покинули Страдовцев. Это означало что-то вроде негласной войны.

Папа внезапно встал и прошел к холодильнику, взял оттуда вчерашний красный напиток и налил себе. Папа пьет алкоголь в двенадцать дня, это значит весь день насмарку. И это давало понять, что дела совсем плохи.

С очень сильным стуком отец поставил стопку на стол и не поморщился, только скрестил руки перед лицом. И опять нас, как под микроскопом, изучил.

Мурашки по голове побежали целым роем. Если бы волосы были короткие думаю они бы встали дыбом, но поскольку длинные — я морщилась от неприятного ощущения.

Мы с Пашей пытались наизусть вызубрить обстановку в комнате, то на стол смотрели пустой, то на стопку, то на телевизор, работавший на фоне. Куда угодно, лишь бы не чувствовать эти неприятные волны от отца. Боялись затопит скоро.

— Хотите расскажу, как у меня началось утро? — голос отца был предельно спокоен, вежлив.

Он никогда не кричал. Никогда. Но, видимо последние минут пять старался ор сдерживать внутри. Сейчас похоже справился с эмоциями.

Мы кивнули — два безмозглых раба. Очень было страшно посмотреть в глаза родителю.

— В восемь утра у нас со старшим Хаски брали интервью, — и отец улыбнулся. Если улыбался вовремя лекций, значит скоро последует словарный удар в болевую точку, не поддающийся блокировке или исцелению.

Отец продолжил речь:

— Всё началось хорошо. Улыбались, вешали лапшу репортерам, какие у нас прекрасные отношения, что мы почти друзья. Как полным ходом идет строительство объединенного острова W и X. Что мы вместе ищем виновника взрыва моста, и что его нашли. Хотя мы его не нашли и даже не подозреваем кто... а знаете, что дальше? — брови отца чуть-чуть надломились по середине, он нахмурился.

Одновременно с Пашей покачали головами слева-направо, наверное, синхронно.

— А дальше... — папа поднял телефон со стола и через несколько секунд положил обратно на середину. К нам с Пашей лицом, демонстрируя видео.

Шум, немного темно, а дальше я различила белое платье и свой оттопыренный зад крупным планом возле Хаски. Слов не слышно, но по поведению понятно, что там разлад среди мнимых «друзей». Секунды молчания на видео, затем я бросила телефон в стакан с шампанским, который пролился на штаны Хаски. Видео было заснято вплоть до ухода всех Гнетовцев.

Знаете, я теперь стопроцентно уверена, что после нападения Пб-ков в тот день четыре месяца назад меня прокляли, какое-то заклятие наложили. Последние минуты смотрели

видео с одной целью, чтобы подготовиться к реакции отца.

Он в очередной раз встал из-за стола, налил себе выпить красноватой жидкости. Со стаканом в руке озвучил:

— Павел, начнем с тебя. В связи с последними событиями я вынужден сделать определенные выводы. Ты, — папа указал на брата пренебрежительно пальцем. — Ты, Паша, я вижу не способен нести бремя наследника!

Это прозвучало, как приговор, поэтому мы с братом друг друга оглядели, а потом продолжили слушать монолог отца:

— Ты, мой сын, знал, как необходимо всей Немии и в особенности нашим семьям делать вид прекрасных взаимоотношений. ТЫ — ЗНАЛ! — отец повысил голос едва ли не впервые на моем веку. Его глаза опасно сверкнули. Уверена после подобного взгляда он отдавал приказ убить соперника или искалечить.

Паша опустил голову вниз к столу покаяно.

Папа перевел дух:

— Еще один промах и я лишу тебя наследства....., - от неожиданности с братом опять переглянулись. Паша хотел что-то сказать, ответить чем-то, но его перебили. — Я лучше отдам наследство своему брату, у него выросли три прекрасных, послушных сына, идеальные наследники. А ты Павел — одно назва....

— Пап, это я причина, — резко перебила, взяв весь пыл на себя. Папа любит, когда ему в глаза смотрят и не отводят взгляд. Отведи — это покажет насколько ты ничтожество. — Я виновата, Паша не виноват, он меня защищал!

Папа не отрывал заинтересованных глаз от меня, но обращался к брату:

— Последнее слово я сказал! Через два дня вылетаешь в Академию Административного права, будешь изучать права людей, то чего тебе не хватает. И оттуда не вылезешь, пока не закончишь курсы. Не выполнишь... последствия я надеюсь догадываешься какие будут. А ты Аня...А ты, моя дорогая, — папа откинулся на спинку стула. — Я надеялся на сообразительность. Всегда на тебя возлагал большие надежды, но ты... разочаровала.

Что было ответить? Оправданий не существовало. Дело сделано — теперь следовал приговор.

— Решила свою судьбу? Что с учебой? — я внутренне вспыхнула от неудобства, скоро покраснею. За своими переживаниями не подумала о дальнейшей судьбе, чем хотела бы заняться в будущем.

Я не знала, что ответить, спрятала взгляд на шторе возле окна.

— Не решила? Тогда я решаю! Ты, девочка моя, продолжишь учиться в Вышке, если другого не захотела. И улыбаешься! Улыбаешься всем Страдовцам, пока скулы не начнут болеть от натянутости. Ясно!????? — еще раз за сегодня родитель повысил голос. — У меня кто-нибудь спросил, чего я желаю? Кто-нибудь интересовался когда-нибудь моими желаниями?

Папа никогда нас не оскорблял прямым текстом, всегда находил более точные слова для морального уничтожения.

— Нас с Сергеем никто не спрашивал, чего мы желаем в жизни, — отец положил локти на стол. Голос сделал каким-то неприятно тихим-свистящим. — У меня пять вооруженных нападений на территории Гнетовцев. Пять — за последний месяц, — для наглядности продемонстрировал пальцы правой руки. Затем продолжил:

— Пять нападений Бастардов на Аристократов, с жертвами и смертями. ПБ-кое

зачистили, теперь народ обвиняет меня в первую очередь, а потом Хаски, ведь Бастардов больше никто не сдерживает и они начинают наглеть. И если произойдет разлом среди Аристократов, мы трупы! Все мы! Не только вы, я и еще куча народа. Очаги пламени войны по всей Немии, и они будут разрастаться. Вопрос времени, когда нас заживо сожгут!

По застывшей мимике и глазам поняла, что отец... боится!? Нет. Это не страх. Это кажется ужас, он не контролировал ситуацию, глаза не фокусировал на одной точке, бегло рассматривал обои, стул и о чем-то размышлял.

— Аня сделай все, чтобы Гнетовцы и Страдовцы полюбили друг друга и мне не важно, что ты для этого сделаешь. А теперь поведайте, почему вы оба сделаете, так как я сказал?

С братом вновь переглянулись, как бы решая, кто ответит:

— Почему я спросил?! — поторопил папа.

— Потому что так надо, — обреченно ответила я. — Потому что желания страны важнее, чем эгоистичные желания каждого отдельного человека!

— Хорошо, — чуть более спокойно ответил отец. — Два дня на сборы. Паша, привези сестре машину в Арзонт.

Отдал последний приказ родитель и, ушел не попрощавшись.

Глава 12 "Добро пожаловать!"

POV Вильмонт

Какой могли сделать вывод? Какая-то крыса завелась в наших рядах. Хитрая тварь ест сырок и при этом отгрызает добротный кусок у других. Допустим, что ораву Гнетовцев многие видели в тот день, выходящую из поместья Хаски, но видео кто-то снял. Вопрос, кто и зачем? Кто-то, кто меня не любит или Хаски?

Семья разъехалась, кто куда после праздника. Мне отдали квартиру на постоянное место жительства.

Второй семестр начинался сегодня — пятое февраля. Яркое солнце слепило в зеркало заднего вида, приходилось скрываться за темными очками. Боялась не вспомню, как водить машину, но кажется мастерство не пропьешь. Тело само помнило все, что надо знать.

Немного отвлекалась на знаки в процессе поездки, не выучила еще в Арзонте, ведь прошлый семестр была исключительно пассажиром, причем в машине Хаски постоянно!

Как он там озверел от моего поступка? Надеюсь гордость ему немного подравняла, хоть немножко, очень прошу! Хочу чтобы ему было плохо!

Впервые в жизни мечтала человеку сделать больно, очень больно. Если бы кто-то связал его и поставил передо мной и сказал фас, Аня. Я бы без раздумий с правой руки била и била, желая стереть надменность, холодность. Это замороженное на его лице пренебрежение к людям. Я бы разбивала, до ломоты в собственных пальцах, до крови на костяшках, пока не треснул бы этот лед. Пусть руки потом несколько дней сама не смогла бы поднять, но я бы продолжала разбивать лицо Хаски, чтобы оно стало живым, не безразличным.

Даже приятное ощущение скорости по трассе в направлении Вышки не помогало расслабиться. Я скоро вновь окажусь в террариуме змей, правда теперь ни одна гадюка, ни удав, ни жалкая ящерица не посмеет и хвостиком тронуть. Но все равно было ощущение, как будто готовилась прыгнуть с отвисной скалы в водоем к крокодилам, которые раскрыли пасть, готовые перемолоть кости. Мысленно настроилась сдохнуть от разрыва сердца или от медленного угасания от десятков ножей-зубов зеленых рептилий.

Сегодня меня не смели обливать помоями презрения, лишь провожали с любопытством новую машину. Помните, удивлялась наличию автомобиля авганки в Арзонте, у меня такая же.

Слева и справа парковочные места. Нашла себе пустовавшее местечко.

— Как? — задала вопрос лобовому стеклу и зеркалу заднего вида, в которое могла наблюдать за небольшим скоплением на стоянке. — Почему я такая невезучая?

Отстегнула ремень безопасности, погасила мотор. Осмотрела машину в поисках сумки, ключей и вещей первой необходимости, телефон одолжила у отца старый. Похоже сегодня будет тяжелый денек. Тучи весь день наплывали на Арзонт, я лично побаивалась дождика. Но больше я боялась шторма сзади.

Что он здесь пасет возле машины, заняться нечем? Пастух нашелся.

Вздыхнув полной грудью, отворила дверцу вверх и выскользнула весьма изящно из машины. Поставила на сигнализацию автомобиль и медленно пошла, стуча каблуками на высокой подошве. Что поделать приходилось вновь прибавлять рост подобным образом. Каблук сантиметров тринадцать, конечно, там еще платформа сантиметров четыре-пять, в

противном случае сломала бы себе ноги при ходьбе.

Впереди по проходу справа припаркованы машины Хаски ретс и Польски. И как следствие основное скопление четверокурсников именно там. Едва не бегом, вцепившись в сумку на плече, как за спасение, свернула налево с целью побыстрее оказаться возле дяденек в форме. Интересно, поздороваются в этом семестре? Вру, не интересно.

Как молотом по наковальни, также громко сердце ударяло о ребра и раздавалось жутким грохотом в ушах. Лишь бы ничего не сказал. Лишь бы не сказал.

Взгляд направила сквозь Аристократов в сторону охранников.

— Вильмонт, а чего мимо? — Трески не сдержался. Да..... что это за жизнь?

— Спешу, — не сбавила шагу, сейчас реально на бег перейду.

— Не. Не. Не пойдет. — нутром почуяла движение за спиной: стремительное приближение Макса и то, как обхватил за плечи.

Перед лицом рассмотрела руку Макса. Я бы ее не отметила, если бы она была нормальная, а она в гипсе. Левая рука от кулака до локтя покрыта белым бинтом, смотрелась неестественно огромной.

— Это что? — удивленно вырвалось. Максим поудобнее обхватил меня за плечи и можно сказать повис тяжелой тушей.

— А это...еду я вчера с аэропорта домой, уставший после длительного перелета, слушаю музыку и тут жесть... — Макс больной рукой сделал небольшое движение, создав колыхание воздуха.

— И что за жесть? — подтолкнула на разговор, при этом развернулась к мужчине лицом. У нас теперь не совсем страшная разница в росте. Приятно человеку не в пупок дышать. Макс тоже повернулся ко мне, рассмотрел новое лицо поближе.

— Ни че так... — сделал замечание, потом опустил глаза нарочито медленно чуть ниже мне по голой шее и открытой груди.

Я в майке белой, без рукавов, что поделать здесь жарко. И я страдала от жары, в отличие от них.

— И здесь норм, — кивнул Макс своим мыслям, или кружевной вышивке лифчика, торчащей сверху. Я майку чуть выше натянула, чтобы скрыть белье.

— Что за жесть ты встретил на дороге? — решила вернуть его к разговору.

— А Жесть? Жесть — это ровное место. На ровном месте шина взорвалась, а потом и бак вспыхнул. Представляешь, что нужно сделать, чтобы взорвался бак? — Макс приостановил нашу ходьбу. — Надо, наверное, ДИНАМИТ, туда запихнуть! — как-то очень громко Макс сказал всей парковке. Продолжил тише:

— А потом машину несколько раз перевернуло и мне прищемило руку, несколько пальцев раздробило. И это ровное место просто АХРЕНЕЛО! — он для глухих это рассказывал? Я вроде близко, поморщилась от громкого звука на ухо..

— Пожалеешь? Я бедный и несчастный и мне нужна ласка? — а улыбки в автомобильной катастрофе не растерял. Жаль губы по асфальту не стерло.

— Я скорее ровное место поблагодарю за возможность лицезреть тебя таким, — окинула его взглядом и руку, сломанную сбросила со своего плеча. — Мне некогда. К декану надо.

— Не бойся, — удержал нормальной рукой добычу. — Ананиной не съели, значит и Вильмонт не съедим. А ты сучка хитрая! Одобряю!

Макс кивнул вперед, где на расстоянии метров трех стояли его друзья-Аристократы. И

вновь целая толпа, как прежде и все против меня. Ничто не изменилось.

Наконец Макс оставил в покое. Я вцепилась рукой в сумку, чтобы отвлечь мысли. Стояла, а Аристократы рассматривали, оценивали.

— Привет, Аня! — первый отмер Виталик, подарил вновь улыбку.

Почему люди не могут быть такими, как он? Я ответила тем же, хотя страшно, как перед целой взбешенной толпой, которая будет решать закидать палками или оставить жить. Эти в живых точно не оставят.

— Привет, Виталик, — ответила ему.

— Вильмонт! — странное обращение от Имины. Мы с ней обе в джинсах и по стилю похожи. Блондинка подняла вверх большой палец правой руки. — Я твой кумир отныне! Не думала, что меня реально обмануть.

Хотела отреагировать на явный, добрый настрой со стороны девушки, но отвлеклась на ощущение на безымянном пальце. Будто что-то там ковырялось, раздражалось. Сжала пальцы в кулак. Кольцо съехало на сгиб и я чувствовала, как оно двигалось из стороны в сторону, его раскачивали, как лодку на воде. Очень неприятное жжение, будто сильно порезала кожу ощутила, когда с силой мой палец распрямился и с него слетело кольцо.

Сцепив зубы, претерпела легкую боль, а глазами проследила на полетом блестяшки. Кольцо лежало на открытой ладони Хаски. Пришлось смотреть на этого «человека».

— Кольцо дай, — приказала, глядя ему в глаза твердо, стараясь не дрогнуть. Надеюсь, он прочувствовал степень ненависти.

— Возьми, — ответил равнодушно, держа руку в приподнятом состоянии.

Я по возможности быстро преодолела метр, что нас разделял, хотела взять кольцо с охранником и промахнулась. Хаски резко убрал ладонь, сжав пальцы. Я не успела отреагировать, только взвизгнула, внезапно перекинутая через мужское плечо.

Рукой Хаски придерживал меня за ляшки.

— Что ты себе позволяешь? — спросила, приподняв спину, волосы, как помело, свисали на спину Хаски и ему на задницу, обтянутую джинсами.

— Не больше, чем раньше, — с его фразой вновь расслышала смешки, я почти не отвлекалась на яд Аристократов. Похоже у меня антидот к общественному ехидству.

Мир завертелся после этой фразы и попой почувствовала твердую поверхность. Меня посадили на черный багажник Ретса, ногами не доставала до асфальта, высокогато. А Дмитрий Сергеевич и рад, судя по презренным ямочкам-разрезам на щеках, ладони поставил по обе стороны от моих колен.

— Ну здравствуй, Вильмонт! — насмешливо сказал.

Его лицо впервые за долгое время настолько близко, что я смогла рассмотреть его ресницы, увидеть переливающиеся блики в его зрачках. Это очень близко и опасно для психического спокойствия.

— Здравствуй, Хаски! — ответила в тон.

— А где скорпион? — кинул заинтересованный взгляд на мои пальцы, которыми я очень хотела бы процарапать ему машину. Надеюсь от железных заклепок джинс я ему краску испортила или попой оставила вмятину.

— Выбросила. Я не ношу безделушек, — Хаски покивал на мой ответ.

Мне показалось с этой встречи вновь пошел какой-то внутренний отчет. Словно я спала, а сейчас проснулась от тяжелого дурмана. Обрела способность верить во что-то, что жизнь не окончена и всё плохое осталось позади.

Лицо Хаски еще ближе опустилось сверху вниз ко мне, я машинально спину отогнула назад. Я назад, а он вперед и так продолжал, направлял нас или меня в горизонтальное положение. Локтями почувствовала заднее стекло машины. Не знаю как ухитрилась не заметно для Аристократа поднять одну ногу, согнув в колене, и подошву туфли опустить ровно на ширинку Дмитрию Сергеевичу. Мой враг почувствовал, вмиг остановил приближение своего лица ко мне.

Я надавила сильнее ногой на причинное место.

— Не прикасайся больше никогда ко мне, иначе... — и я кивнула ему на ширинку. — Приготовлю свое коронное блюдо — яйца всмятку!

Засмеялся Хаски, окинул безразличным взглядом окружающую обстановку сбоку, где находились знакомые Аристократы. Потом перестал улыбаться, стал не безразлично-спокойным, а неожиданно внимательным. Затем Хаски бедрами резко повел вперед и моя нога под воздействием его силы, согнутая в колене, уперлась мне в грудь. Руки мужчины опять поставил на машину сбоку от моей талии, корпус наклонил вперед, скрывая от лучей солнца над головой.

— Ананиной ты была поскромнее. Ей я простил выходку с коленом, а вот тебе, Вильмонт, не собираюсь, — очень тихо поведал, чтобы, наверное, никто не слышал, кроме нас.

Я не отвечала и не знала, что сказать, это слишком тревожно и будило много плохих воспоминаний о времени нашей близости, пусть и не очень желанной с моей стороны. Хаски принуждал, но был всегда очень старательным в этом плане, к делу подходил с фантазией. Даже я без особого сексуального опыта, теоретически знала и видела некие фильмы эротического уклона, да и чего греха таить уже говорила, была свидетельницей оргий, могу отметить — что он старался на сто пятьдесят процентов из ста. Может для меня, может для всех женщин. Наверное, он привык быть лучшим во всем и здесь ему тоже надо было быть лучшим.

И о чем я думала, пока безотрывно смотрела в мертвые, ледяные глаза, они еще холоднее, чем прежде. Казалось бы куда сильнее, но это так. Он злился за выходку? Это хорошо, пусть.

— Аня-тройка, — словно сквозь вату в ушах расслышала его голос. — Это из-за размера груди? — Хаски кивнул на майку и колено возле него. — Не... - протянул насмешливо. — Говорят такое количество мужчин в среднем проходит через твою постель в неделю.

— А про тебя говорят, что ты жуткий обаяшка! — улыбнулась, передразнивая его, как маленькая девочка. — Но скажу тебе по секрету, слухи в твоем случае жестоко обманули.

И мы как два безмозглых овоща, которые умели только улыбаться, этим и занимались натянуто, при этом не отрывали цепких взглядов друг от друга.

— Эх, бутербродик, не попробовали, — прокомментировал Макс.

Это как разморозка после длительного остолбенения прозвучала. Хаски отогнул спину назад, моя нога вслед за его бедрами.

Я опустила взгляд ему на ширинку и удивленно рассмотрела явно напрягшийся член, который был расположен горизонтально судя по выпуклостям, ровно между моим каблуком и носком туфли. Возбужден в такой ситуации?

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты больной? — насмешливо подняла глаза на него.

— Да. Ананина несколько раз, — как будто ничего такого не произошло.

— Теперь и я говорю. Ты — больной! — на этой фразе отпустила ногу вниз по

багажнику и подняла спину. — Отдай кольцо! — повторила твердо, ладонью вверх показала.

Хаски поднял кольцо в своей руке, подумал, поглядел на украшение и подбросил высоко вверх. Очень высоко, так что солнце нещадно защипало глаза, которые я приподняла, чтобы разглядеть желтый блеск. Машинально подняла руки, надеясь схватить, но тщетно. Кольцо где-то звякнуло, поскакало по асфальту и закатилось за соседнюю машину, припаркованную возле Хаски.

Я обреченно с тяжелым вздохом подтолкнула мужчину в грудь, а он видно позволил мне.

Спрыгнула и пошла к соседней машине. Присела на корточки, попробовав нащупать металл, но не получилось. Встала и обошла с другой стороны. Нет нигде. Рухнула на колени не задумываясь, заглянула под машину.

— Вильмонт, не вставай. Дай сфоткаю, — сказал Трески громко. Мне казалось они поссорились из-за меня. Видимо, нет, блажь придуманная.

Все джинсы будут пыльные, понадеялась, что сзади белье не светится. Сбоку обнаружила туфли черные рядом со своими коленями. Чувствовала, что это Хаски.

— Ты не думаешь, что слишком легко отделалась? — я развернулась, по-прежнему находясь на коленях. Хаски сверху облокотился о чужую машину, а мне протягивал кольцо, презренно — двумя пальчиками. — Вильмонт, ты совершила очень большую глупость в своей жизни, — я поднялась с колен, отряхнула их, не желая лишний раз смотреть на ненавистного мужчину. Но кольцо взяла и надела на палец.

— Со мной, — Хаски сделал шаг в мою сторону и шепнул на ухо, склоняясь. — Нельзя...шутить... девочка...

Я выскользнула, как можно быстрее из плена, сумку поправила на плече и пошла бодрым шагом по парковке. Прочь от этих людей. Не желала ни минуты лишней здесь находиться в окружении ползучих гадов. Даже ради мира во всем мире не стану любить их, в особенности Хаски.

— Добро пожаловать в Вышку, Аристократка! — на ходу обернулась, отметила что это Виталик добродушно сказал. Нет, это не было насмешкой. Легкая ирония или попытка поднять настроение... Что-то знакомое показалось в фразе, где-то...что-то... подобное было. После нескольких секунд, воспоминание вспыхнуло молнией в сознании, озарило на миг.

— Да ладно!?! — удивленно услышала подтверждение догадки из уст Олеси, она сначала посмотрела на Дорадо, а потом на меня. — Вильмонт, это ты была!?

Как сейчас помнила момент. Перепутала благодаря деткам — Аристократам Административный блок и зал для боев. Меня швырнуло энергией на газон, тогда подошла группа студентов и среди них Олеся, та что приветствовала с хлопком по плечу:

— Добро пожаловать в Вышку, Бастард!

Виталик знал, что та я — брюнетка и Ананина — одно лицо?

Я улыбнулась и пошла к дяденькам в форме. Поразительный человек все-таки Дорадо.

прода от 25.05

Как и предполагалось пока рукой возле тела водили, проверяя есть ли что-то подозрительное, ни единого слова не произнесли охранники. Манекены и те разговорчивее.

— И вам хорошего дня, — насмешливо поклонилась перед мужчинами, когда те закончили осмотр и молчаливо отошли с намеком проходите.

Я скоро увижу девочек, не представляю их реакцию. Малейшей мысли-версии не имею,

как могут девочки отреагировать и какой информацией обо мне обладают.

Собственно, отец предлагал перевестись в группу Аристократов, но ни за что на свете, не хотела приближаться к змеям. И у Бастардов неплохо жилось, от тех не слышала ежедневных насмешек или оскорблений.

Сколько будет подколов по поводу голубой крови, которая оказалась далеко не чистой. Страдовцы не упустят момента погладить против шерсти.

Решила я продолжить обучение в той же группе с Волчицей. Скорее всего слухи растеклись стремительной волной по поводу того, что у Бастардов будет учиться госпожа Вильмонт собственной персоной. Ну и конечно, кто эта госпожа тоже не осталось загадкой.

Итак — в глазах других я мерзкая, лживая тварь, что всю жизнь обманывала всех голубой кровью и к тому же дрянь, что строила из себя никчемного Бастарда. Отловила себе Хаски (здесь есть вариант, что возможно, я кайфую от садо-мазо и делала всё с целью заполучить богатого наследника). Вроде такой мысли «госпоже Вильмонт нужно было показать, что она имеет исключительно самое лучшее». Мозги у Страдовцев могут работать во всех направлениях. Не станут они обвинять своего Хаски, я для них по-прежнему из противоборствующей страны Гнета.

Шла по тоннелю, каблуки звучали эхом и в наполненной мыслями голове и в теле боязливо отдавались. Рукой придерживала ручку сумки, теребила ее нервно.

Словно шла по неизвестному, мрачному помещению: пусто, холодно, неизвестно. В любой момент из темного угла могла появиться уродливая тварь и сожрать меня. Примерно также я себя и ощущала, готовилась мысленно к самому плохому.

Не представляла, как девочки отнесутся ко мне. Я столько времени правду скрывала, ниразу не намекнула о своем прошлом. Даже Волчица поделилась подробностями из жизни, как папа ее продал в девичестве в Амиак, а я отмолчалась на ее доверительную историю. Вряд ли подруга каждому человеку рассказывала о подробностях.

Первое здание напротив прекрасной рощицы Аристократов — наше общежитие, где я столько ночей провела, боясь прихода Хаски. Отворачивалась к стенке, закутывалась в одеяло по самый нос и боялась лишней раз раздеться. Беспокойно спала и на каждый шорох реагировала, придет Глен за мной или нет.

Я до сих пор чутко спала, реагировала на любое движение рядом. Собственно, этот страх закрепил Хаски в пианино. Дмитрий пользовался мной, когда я была и во сне. Просыпалась от его прикосновений, от того, что он во мне начинал медленные движения, обхватывал со спины мое тело крепкими ладонями и покусывал подрагивающую жилу на шеи.

Мало он когда спрашивал моего желания, состояния здоровья или хотя бы элементарного одобрения. Никогда не интресовался — хорошо я себя чувствовала, или итак была без сил и хотела спать.

Общежитие решила оставить напоследок. Пыталась собраться к встрече с девочками, а первым делом необходимо заглянуть в административный блок, заменить документы на Анну Вильмонт. Должны без очереди пропустить, папа договорился.

Как же мерзко. Вот и первые ростки ненависти встретила по дороге. Аристократы тихонечко обсуждали, шепча на ухо друг другу что-то касающееся меня. Не скрывали, что объект разговоров я.

Прошла мимо этих жалких укусов. Не впервой их сносить. Да. Да. Вы круче, чем я. Въ — голубая кровь, поздравляю, еще бы научились ценить чужую жизнь, или хотя бы начали

со своей.

Плечи не единожды попали под обстрел любопытных взглядов, покуда я передвигалась к административному блоку. Да. Я вас дурила. Да. Я — Бастард. Да. Я — Ананина, которук вы до посинения избивали за одним из учебных блоков.

Всё так и есть!

И ваша ненависть — для меня также ничтожны, как дуновение легкого ветра. Имеет ценность для меня лишь мнение девочек.

В Административном блоке я получила новые документы на имя Анны Вильмонт и вновь возвращалась по газону к общежитию.

А теперь предстояло встретиться со страхами вживую. Поднялась по знакомым ступенькам, мимо консьержки, мимо стекла-мозаики. Такое же жалкое, как и в первый день появления, но невыносимо родное место — общежитие.

Невольно улыбнулась. Сколько раз бежала в своей черной одежке, в кедах через одну ступеньку, а Волчица вслед ковыляла на высоченных каблуках и проклинала меня, когда я ее подначивала быстрее идти.

В зале общежития на нашем этаже встретила знакомых Бастардов, лишь на секунду замерла при входе, но вымучила добродушную улыбку и поздоровалась. Никакой реакции — люди продолжили разговаривать, как будто пустое место очнулось и заткнулось внезапно.

Не больно. Это нормально, я привыкла к холоду.

Прошла по коридору. Постучалась в знакомую дверь, не дав очнуться страху и поднять презренную голову изнутри, пусть сидит внутри, посажу его на цепь. Не хочу бояться.

Не дождавшись одобрения, аккуратно вошла в комнату и прикрыла дверь.

Они здесь, каждая на своей кровати. И Волчица — на моей.

Молча оглянулась на подруг на предмет изменений.

Я столько их не видела. Улыбка просилась на лицо, чему я не сопротивлялась.

— Доброе утро. Анна Сергеевна к вашим услугам, — шуткой попыталась скрыть неловкую обстановку.

Но в ответ, не получила улыбки, никакой реакции, единственно — беглое рассматривание моего нового облика.

— Вы должно быть ошиблись комнатой, девушка, — Волчица отозвалась, приподнявшись с кровати и одергивая мини- юбку, как можно ниже бедер. Остальные девочки молчали.

Улыбаться внезапно перехотелось, а что я ожидала?

— Пока вы девушка, играли в ролевые игры со своим любовничком и прятались от него, ваш драгоценный, нас, как тварей, три дня морил голодом и пытал. А вы преспокойно грелись в уютной кроватке у вашей богатенькой семейке. Продолжайте в том же духе, — закончила она мысль, твердо глядя на меня.

Как когда-то в первую нашу встречу.

Тяжело проглотила колкое неприятное ощущение в груди, сердце с силой зажали шипцами, выжимая имеющиеся соки изнутри. А я боялась, что выдавят до конца.

— Даже приговоренный к казне имеет последнее слово... — как всегда тупо пошутила, надеясь на чудо, что девочки сменят гнев на милость.

— Поправочка, — Ева подошла еще ближе. Ее рост был самую малость выше, чем мой. Не так, как раньше, благодаря каблукам. — Ананина уже казнена. Вас мы не знаем!

Обращение ко мне она особенно выделила. Это уважительное «вы», которое она

ненавидела.

Сердце захлопнуло двери внутри себя, достаточно боли. Достаточно, не надо целиться в него. Я поняла. Опустила глаза и кивнула.

— Хорошо. Я наивно предполагала, что вы меня хотя бы выслушаете, — на мои последние слова прозвучала тишина, больше нет смысла здесь находиться, и я открыла дверь на выход.

Никогда в жизни не считала себя обязанной извиняться. Никто не был достоин моих извинений, я всегда делала всё правильно. Или по крайней мере не задумывалась правильно ли поступала или нет.

Везде двое виноваты. Правильно? Двое виноваты. Но где здесь виноваты они? Они виноваты, что их пытали из-за меня опять?

— Извините меня, — проговорила двери и ручке. — Я не могла вам рассказать, кто такая на самом деле.

После этого вышла в коридор.

Вновь впились взгляды Бастардов, насмешливые, завистливые, разные по цветовой гамме и насыщению. Но только одно их объединяло — добрые или понимающие отсутствовали.

Это мой персональный ад, воздаяние по заслугам.

Глава 13 "Правила Аристократов"

Warning: жесткое +18 в этой главе. Жесткое! для меня по крайней мере, может для вас и цветочки)

Приятного прочтения!

POV Александра Вильмонт

Я на несколько дней в Арзонте осталась по рабочим вопросам. Съемки мужского белья проходили полным ходом на берегу океана. Этот солнечный город — единственное место на всей Немии, где имелась бирюзовая гладь воды и белоснежный песок, от которого слепило порой глаза, если имела не осторожность забыть очки.

Сегодня съемки заканчивались, а я сидела в плетеном стуле, в одном легком халате. Сверху от прямых, солнечных лучей скрывал зонтик, воткнутый в песок рядом. Ноги попадали под пламенные лучи. Пусть загорают, я их выставила специально.

По идее надо возвращаться домой, брать билет на самолет, лететь два часа, потом готовить жратву для «любимого» мужа и улыбаться, будто ничего не произошло. Вместо этого страстно мечталось вцепиться клыками "драгоценному" в шею и вырвать ему лживые связки из горла, пусть урод бы захлебнулся. Не думала, что этой твари только мои деньги нужны, а папа ему под масть играл. Там помог, так познакомил с нужными людьми.

Понимала прекрасно, что отец заботился о моем благополучии, но порой хотелось обломать эйфорию наивного мужика, и сказать, дорогой, ты лоханулся в первый же день, поменьше надо перед друзьями хвалиться, что отхватил одну из богачек Вильмонт.

Поэтому лететь домой крайне не хотелось. Наведаться к Аньке? Она здесь в Арзонте, папандр засунул ее в Вышку. Алиса должна быть тоже здесь. С Алисой совсем трудно общаться, у нас нет общих тем для общения, плюс приличная разница в возрасте.

У Ани с Алисой проще, всего год между ними разница. К тому же, обе «особенные» Аристократки, каждая со своими дефектами.

Когда мама была беременна Алисой ее придавило обломками, вовремя одного из терактов в торговом центре. Родила она Алису на шестом месяце с проломанным черепом. Что-то нарушилось у сестры, организм не до формировался, как нужно, и в результате, хоть и вирусный барьер у младшей есть, но каждое небольшое падение или сильный удар, например коленом в стул, заканчивался для нее — закрытым переломом по меньшей мере.

Наша семья частые завсегдатаи в больницах. То Аня, то Алиса.

Какая-то у нас не очень голубая кровь получилась в роду. Мы видно прокляты самим мирозданием.

Оглядела пляж, полный моделей-женщин и мужчин. С этими курицами тоже не о чем говорить, кроме как кто кому в кровать залез и какие трусы нынче в тренде. Хотелось работу оставить возле океана, а отдохнуть без всего этого.

Вокруг постоянно что-то обсуждали, на уши жужжали противные насекомые — работники.

— Саша, пять минут! И продолжим! — крикнул Ден, наш великий режиссер, что стоял возле кромки воды и поправлял змею-хоботок на белье моего партнера по съемкам. Они «парочка». Здесь без вариантов.

Какой-то знакомый до боли голос, с грудным приятным басом раздался по близости. Померещилось? Нет? Я приподняла лопатки от спинки стула и развернулась по всему пляжу, рассматривая окружающих. Народу много, мешающих, презренных точек. Где этот голос? Мне не могло померещиться.

Справа — выше чем я, где заканчивался песок, лежали настилом доски и на них он. Он. Не померещилось. Встала со стула, каблуками врезавшись в песок, удержала предательское равновесие, которое слегка нарушилось. Рядом с этим мужчиной оно всегда подводило.

Дмитрий.

Он разговаривал с нашим руководителем рекламного проекта, а я сбоку засмотрелась за его профилем. Не отрывала взгляда, пока ноги сами несли туда. Сейчас продолжатся съемки, но упустить момента не могла. Пусть лучше Ден подождет.

— Дима? — позвала, не успела еще дойти до двух разговаривавших мужчин, но вырвалось. Могла нарушить ведь их разговор, но мозги только потом оценили масштаб возможной проблемы.

— Александра? — развернул лицо ко мне Дмитрий, но телом по-прежнему был повернут к собеседнику. — Подожди минуту, — попросил у меня, а потом заговорил с руководителем.

— Естественно, Артем, я не собираюсь здесь каждый день сидеть. Хотел удостовериться в безопасности проделки. Я надеюсь с сестрами всё будет в порядке?

— Конечно, Дим, о чем речь! — улыбался наш изворотливый червяк руководитель. Он такой скользкий, казалось, что он весь измазан в тине, мерзкий, изворотливый. Везде болото сделает, из любого прекрасного места или съемки. Но специалист, конечно, хороший.

Дима кивнул, соглашаясь с ответом, и, наконец, удостоил меня вниманием. Улыбка невольно сама напрашивалась на мои уста, но Хаски редко отвечал на эту эмоцию.

— Какими судьбами? — не могла я перестать лыбиться.

Впервые за долгое время, могла с ним поговорить. Столько много «если бы» между нами. Сколько раз прокручивала тот наш круиз в памяти. Хаски в те дни казался заинтересованным, милым и главное надежным. Никогда не встречала настолько уверенных в себе мужчин, он хоть и младше меня, но за ним тихо и спокойно, словно за твердыми стенами уютного дома.

Я выпала из реальности, пока наблюдала за мужскими губами. Собеседник что-то явно рассказывал и указывал рукой по направлению к кромке воды.

Проследила за его рукой и обнаружила знакомых девочек. Белокурые близняшки, десятилетние вроде, если мысленный подсчет не изменил. Последние дети от основной линии. Его сестры зачем здесь?

Девочки были в купальниках детских. Высокие дамочки.

— А что сестры в съемках участвуют? — удивилась я.

— Да. Мать попросила привести и разузнать, что за это порноиндустрия!?! — Дима явно негодуяще оглядел с капелькой пренебрежения нашего отошедшего руководителя, моделей полуголых, расхаживавших по песку.

Я невольно улыбнулась.

— Нормальная индустрия.

— Не обижайся, но порнуха и та приличнее, — заметил Дима.

— Ты всегда делаешь то, что просит мать? Очень послушный сын, — не знаю насмешливо прозвучало или нет.

Обидеть не хотела. Наверное, это достойно уважения, но отрываться от занятия сексом ради звонка матери — это... было тяжело. Я запомнила.

— Саша! Сколько ждать уже!???? — заорал Ден, видел, что я разговаривала. Так хотелось ему по голове дать, чтобы отвалил. У меня рыбка очень симпатичная плавает, рядом с ней бултыхаться в одной водичке приятно, не то, что разговаривать.

— Иду! — недовольно крикнула — Ты надолго? — уточнила уже у Димы.

В тайне надеялась, что Хаски понаблюдает за процессом съемки сестер на соседней площадке, а за одно и меня зацепит. Все-таки я неплохой мастер в своем деле.

— На час задержусь, — кивнул мужчина, видно принял мысленно решение.

— Там стул мой в тени. Дарю, — показала на зонтик личный со стулом.

Вместо ответа Дима кивнул.

Превосходно. Он очень близко к месту моих съемок и это великолепно.

Я готова сколько угодно работать на эту камеру, делать вид, что улыбаюсь объективу, но на фоне Дена видела Диму. Он занял мое место в тени зонта, развалился вальяжно на стуле, иногда заглядывал в телефон, с кем-то разговаривал, но я чувствовала изредка его прикосновения-взгляд на коже. В такие моменты горело не одно тело, больше всего полыхал пожар в мыслях.

От этого прикасалась к своему партнеру весьма эротично, удовлетворяя своими очертаниями его стройные ноги.

— Молодец, Александра! Сразу видно профи, даже в такую жару. Ты супер! — Денчик милый, это ты супер. Хвали меня сильнее.

Еще плотнее прижалась грудью к локтю партнера, рукой словно бы ненавязчиво притронулась кожи бедер рядом с его членом. Партнер держал пальцы возле моей шеи, приподнимал мой подбородок, задранный вверх будто в экстазе. А я через кадр позволяла себе томно, словно на пике мощного оргазма тяжело дышать и прикрывать глаза.

Горячо. И это не солнце, палящее над головой, жгло. Тревожило это теплое, замирающее в груди дыхание, этот непокорный жар, что распространился глубоко внутри, особенно там — между ног было очень пылающе.

Давно так не возбуждалась от мужского взгляда. Одно присутствие рядом с Димой всегда приводило в жуткий трепет. Как невинной девочке хотелось сжать ноги и прогнать болезненное возбуждение, которое вряд ли сегодня удовлетворю.

Настроение немного испортилось, даже после того, как Ден скомандовал о приятной концовке. Мы с партнером похлопали друг другу, поулыбались и разошлись.

Неспешно поднималась к своему стулу, красивой походкой, покачивая уверенно бедрами. Я полуголая, какой мужчина способен вынести приглашающую внешность модели? Вот этот! Отвечу вам!

Поднял глаза, когда я впритык подошла.

— Закончила? — телефон хотя бы Хаски заблокировал, а не пялился в него. Великая щедрость однако.

— Да. Съемки завершены. Скоро домой полечу, — Дима встал. Смешно немного смотрелся в черных туфлях на песке и в костюме.

— Присаживайся, — кивнул на стул. — А я пойду сестер заберу. Хватит с них.

И мало Дмитрия Сергеевича заботило, куда я полечу. Схватить бы его за предплечье и попросить посмотреть в глаза, а не вскользь, как он любил всегда. Равнодушно, будто сквозь мутный слой воды, такой же бесполезный и мешающий видеть вдали.

Я пока переделалась, собрала вещи, думала уже не встречу Диму, хотя старалась, как можно быстрее собраться.

Хаски странно, не нормально всегда на меня влиял, и я так и не научилась защищаться от его мерзких секс-флюидов. До сих пор штормило от одного воспоминания о нем.

И жутко бесит, что его внимание доставалось и младшей сестре. Как Хаски мог спать с Бастардов, ведь Анька претворялась же? Дима не смотрел на подобных девушек. Как эта парочка вообще заинтересовалась друг другом?

Мы пока обсуждали с менеджером ближайшие съемки, а точнее куда лететь, между деревьями боковым зрением, как рыбак зацепилась удочкой за знакомую машину. Ретс. Автомобиль сняли с сигнализации и задние пассажирские двери Хаски открыл для сестер. Близняшки уселись на места, а Дима за ними закрыл дверцу. Отозвался на крючок удочки, явно почувствовал мужчину, как я впиалась в него взглядом. Поэтому, наверное, кивнул головой на машину с намеком на поездку.

Да! Да! Да! Я даже не успела пометить об этом. Еще немного времени я могла провести с ним рядом. Улыбнулась, кивнула, закинула объемную, но не тяжелую сумку на плечо и в легком сарафане уверенно двинулась через стволы деревьев к припаркованному автомобилю.

Первым делом Дима завез девочек в поместье, там их прибытия ожидала мама. Сестры в гнетущем молчании провели время в машине, я бы тоже побаивалась старшего брата, разговаривавшего в это время по телефону с матерью и отчитывавшего ее на тему «Как та посмела привести в это логово разврата бедных девочек».

Я посмеивалась втихую и подмигивала близняшкам, чтобы не обращали внимания на ворчанье нашего водителя.

Когда припарковались, Дима громко объявил выходящим сестрам:

— Я еще поговорю с матерью! — прозвучало, как угроза. Близняшки так похоже и восприняли, синхронно ответили:

— Да, Дим. Спасибо, — и удалились.

— Они тебя боятся, — с улыбкой заметила я.

Грозный дяденька, ммм... а вот, когда эта грозная энергия направлялась в сексуальный план... это очень...очень запоминающееся действие.

Давно не было секса, слишком много на брюки пялилась водителю, на его пальцы на руле, крепко обхватывавшие черную обивку. Невероятно сильные руки способны переместить с легкостью из одной позы в другую, в диаметрально противоположное место, как легкую куклу.

— Пусть боятся, — кивнул Дима. — Тебя куда?

— Я в гостинице остановилась, нам номера сняли, через две улицы. Отель «Плаза».

Молчаливо мужчина кивнул на мое предложение и поехал. Пять минут и мы разойдемся еще на несколько лет. Вполне возможно и вовсе никогда не увидимся.

Он — единственный мужчина, мысли о котором никогда не покидали. Никогда не доводилось находиться на волосок от гибели, видно везло. Но я уверена, что вот так ощущал себя человек, к чьему горлу подставили лезвие ножа и надавили. И вот-вот пустят кровь. Мне надо было что-то сделать, иначе он уйдет.

— Дим, я насчет Ани...

— Я не настроен разговаривать о твоей сестре, — он резко перебил мои словоизлияния. Я на секунду кинула губу, боясь продолжить. Мужчина будто ледяной рукой

прикоснулся к сердцу, застудил его морозным дыханием.

Невзирая на плохие ощущения продолжила:

— Я имела ввиду, что надеюсь из-за ваших плохих отношений с сестрой, наши с тобой не изменятся. Не хочу с тобой ссориться, — неуверенно закончила я, смотрела при этом в лобовое стекло на дорогу и машины, проезжавшие мимо.

— Дела с твоей сестрой в прошлом. Ссориться прилюдно нам не выгодно, поэтому, — Дима неожиданно, остановившись на светофоре, развернул корпус чуть ко мне и показал легкий намек на улыбку. — Приглашаю посидеть в твоей Плазе и поужинать. Внимание общественности привлечем, как наши семьи хорошо дружат.

— Хорошее предложение, — за улыбкой я скрыла обрадованную, бешеную пульсацию в руках. Кровь, как огненное пламя, зажгло вновь тело.

Ужин провели на тридцатом этаже отеля «Плаза», где находился бар-ресторан. Столик, заказанный Димой, оказался возле огромного окна всю стену, откуда открывался вид на город Арзонт, в особенности Парк Развлечений, сверкавший в темноте разноцветными огнями. Мы вроде пару бокальчиков вина выпили, а язык развязался знатно. Очень много рассказывала про муженька своего Диме.

Ближе к девяти, видно собеседнику надоело слушать, и он спроводил меня в номер.

Я это сделала... что-то подтолкнуло внутри. Хотела к мужчине притронуться хотя бы губами. Возле номера обняла Диму за шею и потянула на себя, а тот либо был в шоке, либо не против, но позволил себя поцеловать. Спокойно, будто говоря «облизывай, но не смей есть». Равнодушие сквозило, даже холодок резкий заколол губы от поцелуя. Я обнимала Диму за шею, а он нет.

— Я не пользуюсь нетрезвым состоянием девушки, не хочется завтра выслушивать, как я воспользовался беззащитной тобой, — запоздало отпрянула, отпустила плененную шею.

В голове полная каша, мысли завязались в непонятный клубок. А где конец или начало не связать.

— Прости, — неловко пожала плечами. — Что-то нашло... прости.

Глаза спрятала на груди мужчины, пиджак он снял вовремя ужина. Сейчас массивные плечи, обтянутые белой рубахой манили, призывая оказаться в их крепости и надежности.

— Бывает. Спокойной ночи, Саш.

Он даже не посмотрел вслед мне, стоявшей возле не открытого номера. Не посчитал нужным. Шел, закинув пиджак за спину, придерживал кончиком указательного пальца, а я не могла отвести гипнотического взгляда.

Как магнит, а я жалкая металлическая кнопка постоянно норовилась присоединиться к нему, плевать, если оторвусь в очередной раз. Я хотела вновь и вновь примагничиваться к нему, пусть и становилась иногда больно от этих внезапных прикосновений в момент соединения.

Я пьяна? Да? Или не вылечилась до сих пор?

Очень плохо спала ночью, не так уж и пьяна была, всего пару бокалов. Что-то само изнутри подтолкнуло наброситься на него с поцелуем, знала, он не любит телячьих нежностей. Вовремя секса даже предпочитал действовать, возбуждать больше частями тела, чем поцелуем. Мог немного потерзать губы в некой ожесточенной ласке, но нежных поцелуев просто от него не дождешься. Наверное, вчера ему это и не понравилось.

Не пользуется нетрезвым состоянием девушки? Да, что же ты такой правильный!?

Джентльмен хренов! Может быть и не собиралась с тобой спать, но когда дают отворот поворот? Кипит всё. Взял бы и дело с концом, я бы не очень сопротивлялась, а теперь хотела до трясушки вернуться во вчерашний день, открыть дверь в номер и за шкуру затащить мужика внутрь. Посмотрел бы насколько не трезва. Не собиралась я с тобой спать вчера!!!

С утра валялась в кровати голая, не люблю спать в одежде слишком жарко. Телефон завибрировал на прикроватной тумбе, взяла посмотрела. Муженек очухался, вспомнил, что жена есть. Если бы сейчас взяла трубку, наверное, наговорила кучу гадостей или послала. Решила проигнорировать, положила обратно на стол. Пусть сотрет пальцы, набирая номер.

Сегодня надо улетать домой, к обычным будням. А потом, вновь сломя голову бежать на любую попавшуюся работу, лишь бы подальше от человека, который омерзителен до тошноты. Его рожа вызывала желание наманикюренными когтями вцепиться в нее со всей силы и царапать, царапать до красноты, пока не заскулит беспризорная шавка. Я его подняла, никчемную тварь. Благодаря моей семье он поднялся с самого низа, предприниматель никчемный. Одно название, жалкий продавец стекол. Благодаря мне, муженек поднялся и даже меня способен теперь обеспечивать. Всё. Хватит. Много чести, думать о нем с утра.

Но лететь домой надо. Вновь взяла телефон, изучила ближайшие вылеты. В двенадцать ночи самый первый. Отлично, успею собраться спокойно. Поднялась с кровати не спеша и побрела в ванную комнату просыпаться.

Стук от входной двери застал, когда я куталась в полотенце после душа, подвязывала его на груди, и пальцами расчесывала мокрые белые пряди, достававшие до лопаток.

Подивилась нарушению одиночества. Кто мог придти в отель утром?

Немного удивленно открыла дверь и обнаружила молодого паренька, ну лет двадцать, который молчаливо осмотрел мое фееричное появление. Еще бы — девушка в одном полотенце открывала дверь прыщавому юнцу. Малыш, тебе повезло за мое тело платят много денег, чтобы такой увидеть.

— Что угодно? — не очень лестно отозвалась я. Парень достал сзади со спины в руках сжатый букет голубых роз. Голубых. Огромный букет! Обожаю розы.

— Вам, — скромно отозвался служащий в кепке.

Неуверенно передал в руки. Кто мог? Какой-нибудь очередной наниматель, желал чтобы из торта вылезла на Дне Рождения у какого-нибудь богатенького придурка?

— От кого? — сама осматривала розочки, шгук пятьдесят.

— Там есть карточка, — мальчик попытался пальцем до коснуться и показать где.

Я сделала резко шаг назад в комнату и, не глядя, захлопнула дверь перед носом юнца. Достаточно насмотрелся.

Где-то внизу между стебельками нашла маленькую голубую карточку, в процессе поиска об шип немного поцарапалась, но это было не важно, потому что надпись на бумажке подействовала, как анальгетик, по телу разлилась теплая волна. Не было больше проблем, полетов, сборов.

Дима X — гласила табличка, которую я раз десять перечитала, прежде чем до конца осознала, что это и от кого. Это как второе шанс, да? Знак от всевышних сил?

Ни минуты не сомневалась, забыла, что необходимо собрать вещи и набрала известный номер. Он остался в телефоне с того времени на яхте, не смогла удалить, сколько не заставляла себя.

Встреча была назначена на девять вечера на том же месте, что и вчера. Места на

кожаном диване перед круглым стеклянным столом, а впереди окно и через него огни ночного города.

Я пришла первая на свидание в полном обмундировании или наоборот в минимальном обмундировании, юбка белая, скрывающая ягодицы, босоножки на небольшом каблучке и белый топ, белье тоже белое, кружевное. Помнила, что Диме нравилось красивое белье, желательно прозрачное.

В руках теребила дурацкую салфетку, пока поглядывала на телефон. А если занят? А если не придет? И почему внезапно сделал шаг на встречу? А как история с сестричкой? Отпустил ситуацию, они больше ведь не общаются? Аня сказала, что ненавидит его, да и он вроде как ее наказывал за длинный язык. А уж я знакома с языком-скальпелем Ани не понаслышке.

Но как-то странно, вся эта история необычная. Дима жил с Бастардом. Он их за существа не признавал никогда...

Он же забыл о ней... об Ане...он не думает о ней... она ему не нравится? Не влюблё...

Отвлеклась от мыслей, вздрогнула, когда возле щеки почувствовала какое-то движение, колыхание ветра. Обернулась немного и обнаружила голубую, маленькую розочку, не такую длинную, как в утреннем букете, гораздо милее. Я невольно заулыбалась, не могла скрыть радости.

Он пришел ко мне!

— Здравствуй, Александра! Прости, опоздал немного, — он улыбался, дарил эти милые ямочки, позволяя увидеть их. Они мои сегодня.

Дима уселся рядом со мной, не вольно задел бедром, но это было приятно ощущать тепло настолько близко. Он тоже в белой рубашке и светлых брюках. Мы, как два альбиноса, идеальные друг для друга.

Ужин начался очень легко, сегодня Дима не давал грустить, как вчера, рассказывал, что отвоевал сестер из порноиндустрии. Пусть о чем угодно говорит, лишь бы эта радость не исчезала рядом со мной.

Мы как раз кушали, смотрели на цветные огни, когда я решилась задать мучавший вопрос:

— Это...Дим... меня не оставляют мысли об Ане. Что вас связывало?

— Я сказал, — его голос впервые за вечер стал ледяным, так что стало ощутимо прохладно всему телу. — Никаких разговор о твоей сестре. Второй раз предупреждаю.

— Хорошо. Извини, что влезла, — но в груди неприятно заскребло с удвоенной силой.

Мысли не помещались в голове, их слишком много, бесконечно вертелись, кружились и я не могла провести цепочку. Аня, как табу, запретная тема, при том портящая Диме настроение в миг. Что ему могло портить настроение хоть когда-нибудь? Я не знала ответа на вопрос, никогда не видела, чтобы что-то Хаски разгневало. Или кто-то.

Раздался внезапно звук мелодии из моей сумочки. Я отвлеклась на нее, собираясь попутно с мыслями. Не нравилось слишком сверление в груди. Забыла посмотреть номер и взяла расстроено:

— Алло, — Бастард тебя раздери, тупой муженек. Настроение еще хуже, резко упало с обрыва вниз и разбилось вдребезги на жалкие камушки.

— Ты скоро, любимая? — любимая!?

Хотела прикрикнуть на него, сказать что-нибудь по поводу его любимой. Настала точка кипения. И, как щелчок неожиданный в моем сознании произошел, когда мужская большая

рука накрыла оголенную правую ногу чуть ниже юбки. Остановкой на долю секунды дал понять, свыкнуться с мыслью, что пошел в наступление. Легкое скольжение вверх, я охотно прикрыла глаза, в кафе темновато. Стол по бокам скрыт высокими стенами, давал нам некое уединение.

— Да любимый, — прошептала в трубку, когда невозмутимые пальцы подняли подол юбки доверху, нагло без сомнений раздвинули бедра пошире, где скрывалась ткань кружевных трусиков.

— Ммм... да, любимый, скоро прилечу...

Я бронировала место на двенадцать. Сейчас пол одиннадцатого. Мужская ладонь накрыла теплом между ног, а потом чуть сжала мое самое влажное местечко, истекавшее прозрачными соками. Я сжала теплые пальцы ляшками, желая еще это тепло, сильнее, больше, везде.

— Сегодня нет рейсов... скоро... завтра, наверное, прилечу.

Мои ноги повторно резко раздвинул Дима еще шире, ладонь его залезла под кружевную ткань трусиков спереди. Несколько пальцев дотронулись до влажных складок между ног, поигрались легко, как прикосновения к лепесткам цветков.

— Да, да, — шептала на пустую болтовню мужа, о его якобы скучаниях обо мне. — Тоже люблю...

Ткань топики вместе с чашечкой лифчика сдернули вниз, а на груди, на соске почувствовала легкий ветер или дыхание. Потом влажный язык на чувствительной точке, а затем зубы, сковавшие сосок, отчего я дернулась и заерзала на кожаном диване. Тело горело ознобом.

— Люблю тебя, — прошептала еле слышно. — да... Андрей. Завтра прилечу, — так и не открывала глаза, только сейчас.

Увидела сверху вниз белые завитки волос на его голове чуть ниже возле своей груди. А затем Дима отпустил сосок и приподнял склоненную голову. Уголок его губ обворожительно дернулся в намеке на усмешку.

— Десерт позже, — с этой фразой Хаски вернул корпус тела к дивану.

Мне оставалось ощущать неровное биение сердца и пытаться справиться с раздражающими, пронизывающими разрядами между ногами. Я как клубок оголенных проводов, сверкала и искрилась.

Еще хотела, больше, откровеннее. Вернуть его пальцы, которые перестали там гладить и опустили юбку на приличную длину. Хаски равнодушно отвел глаза и взял телефон, лежавший на столе.

А я не могла правильно оценивать обстановку. Мы немного скрыты слева и справа от остальных посетителей высокими спинками дивана. Ноги видно, тела нет, а мне плевать, хоть весь мир пусть видит.

Поближе подседа к Диме, руку прислонила теперь к его бедрам, там где находился член. Хаски повернул голову, словно спрашивая, что значит? Я решительно, стараясь не струхнуть пробежала пальцами по всей длине вверх. Не мог он тоже полностью быть равнодушным, когда ласкал женщину, как бы не пытался сдерживаться. Добралась до ширинки брюк, расстегнула, повела бегунок молнии вниз, спустила белье, мешающее добраться до мужчины. Достала, при этом не отрывала взгляда от Хаски, но когда рукой обхватила его член, наконец посмотрела вниз. Всё.

Не хотела больше сдерживаться. Запреты, сомнения. Пошло оно всё к Бастардам.

Правила Аристократов — никаких правил.

Гладила, гладила, наслаждаясь теплой мужской плотью, которая умела доставлять очень много удовольствия. Он в моих руках! Не удержалась, встала на четвереньки на диване, голову опустила и лизнул головку члена. Еще!. Рукой крепче сжала, чувствуя мощь и длину в ладони, провела сверху донизу нежным касанием. Приоткрыла рот и обхватила губами, облизывая плоть насколько могла дотянуться.

На затылке почувствовала мужскую ладонь, что легла на шейный позвонок и как будто следила за изменением положения моей головы. Языком я выводила узоры, играясь с возбужденной мужской плотью. Каждое прикосновение к Диме моментально отдавалось горячей болью между моих ног. Обоюдоострый меч. Делала приятно мужчине — и собственное тело отзывалось тем же.

Вздрыгнула немного от неожиданности, когда внизу под моим животом и между коленями скользнула рука и ловкие пальцы вновь отогнули ткань белья. Я заметно простонала, до того сильно хотела, чтобы пальцы Димы коснулись опять меня. Сама убыстряла темп, чувствуя как становился тверже в руках член.

Внутри, между ног пульсировало, желало чтобы в него вошли со всей мощи, сжималось разжималось, в предвкушении этого момента. Но мужские пальцы нарочито медленно, дотронулись до теплых складок, не спешили приносить удовольствия. Я рефлекторно прогнулась в спине, подала бедра назад, приближая мужские пальцы к себе ближе.

Рука, которой я опиралась о диван, дрожала от напряжения, а Димины пальцы погладили, наконец, едва-едва кончиками пальцев, прогоняя влагу из меня. Снова- снова ладонью всю мою влагу размазывал по ляшкам и между ног, словно демонстрируя насколько я жаждущая его. Плевать. Да. Я хочу его.

В последний момент Дима надавил мне с силой на затылок, заставляя максимально заглотнуть член, отчего едва не сработал рвотный рефлекс. Лишь на секунду, спазмы прошли, пока ощущала, как струя изливалась в рот. Пока Дима кончал, приходилось глотать, а между ног продолжал жечь раскаленный огонь и Хаски его не тушил, только больше распялял редкими ласками. Я последний раз облизала всю длину члена и подняла очумелый взгляд на мужчину:

— Позже я сказал, — повторил холодные слова.

Я машинально спустилась с четверенок, ноги убрала с дивана и уселась на холодный диван.

Не знаю, как высидела, пока Дима отвлекался на звонки по телефону и пока не закончился ужин.

Заказали шампанское в номер и наконец-то поднялись в мой номер.

Он обещал позже десерт, здесь я больше не сдерживала кипящее внутри буйство эмоций.

Раздела и себя, и Диму, как можно быстрее. Целовала любимое, гладкое тело, не волосатое, на его груди нежная кожа, целовала и ощущала приятную плоть, а не волоски. Это мне и не нравилось в своем муже, тот волосат до безобразия.

Сегодня Дима вновь мой, и я не желала останавливаться, даже если сейчас заявится муж в номер не позволю нам помешать.

Лежала на простынях в некогда холодной постели теперь же изнывала от жара, везде полыхало. Раздвинула ноги, позволяя мужчине изучать себя взглядом. Почему Дима медлил? Слишком долго оставил меня без ласк.

Приоткрыла глаза на чуть-чуть, не желая из дурмана просыпаться совсем, хотела навсегда остаться в нем.

Этого не ожидала, приподнялась на локтях. Мне не померещилось, любовник надевал на член презерватив. Дима предохраняется от чего? Что за непонятное чистоплюйство? В голове стрельнуло от догадки.

— Аристократы предохраняются только если боятся кого-то заразить? — не знаю откуда во мне столько боли вперемешку с ядом появилось и вылилось на Диму.

Глаза любовника в темноте стали прозрачно-голубыми и казалось готовились заморозить. Очень быстро Дима опрокинул меня на лопатки и твердо прикрыл ладонью рот. Стало физически неприятно, как насилие.

— Я в третий раз повторяю никаких разговоров о твоей сестре или я уйду. Договорились? — более спокойно произнес последний вопрос. Я кивнула и рука отнялась ото рта.

А дальше инстинкты, которым мы поддались. Страсть, ураган эмоций владел мной. Мечтала быть ближе максимально. Сильнее трогать, прикасаться, ласкать это тело перед глазами. Кончатъ, и мужчину доводить до высшей точки наслаждения.

Никаких правил не существовало — это то, что я страстно желала. Чувствовать мужчину внутри себя, двигаться на нем, осознавать, как горячо от прикосновений наших частей тела. Будто боялась обжечься — отдалялась, но не в силах противиться притяжению — вновь опускалась до конца на член. Вскрикивала от движений внутри себя.

И я любила Диму, любила всю ночь до бесконечности, как когда-то.

Хаски не ушел, как раньше, остался со мной в кровати. Это было приятнее, чем секс.

Было легко заснуть тем утром на следующий день и улыбаться сквозь сон.

Спасибо всем за чтение!

Глава 14 "Круги Ада"

POV Вильмонт

Пятый день от начала семестра и дело с мертвой точки не сошло, я как была пустым местом, так и осталась для всех Бастардов. Сегодня в последний день первой учебной недели перед началом занятий встретила на газоне возле учебного блока Беатриче, Колдуна и Захара.

Не пройду же мимо, ребята курили, вроде разговаривали. Но едва я появилась на горизонте резко замолчали. Не приятно однако. Предприняла стомиллионную попытку пробиться к Бастардам. Каждый раз, как заходила на пары, в течение недели звучал выстрел молчания, который выбивал равновесие из-под ног.

Несмотря на прошлые провальные попытки подошла к мальчишкам, улыбнулась немножко:

— Беатриче, дай закурить, — попросила.

Я курить бросила в шкуре Аристократки. Будто черту-границу провела, если куришь — значит Бастард и хочешь помереть быстрее, не куришь — значит желаешь что-то поменять в жизни. И я стремилась очень многое изменить.

Ребята переглянулись между собой. После принятого молчаливого решения Колдун достал пачку из кармана спортивных штанов и подал открытой. Без единого лишнего слова.

Очень надеялась на разговор.

— У нас сегодня опять Скорострелка? — попыталась развеселить ребят непринужденной беседой о преподавательнице.

Ответа не послышалось. Скорострелка — преподавательница с прошлого семестра, очень быстро всегда диктовала. В тетрадях были не буквы, а одни сплошные линии, по которым сложно распознать настоящий посыл записанного.

Потянулась за сигаретой, почти ухватила за фильтр, но мне помешали. Беатриче к неожиданности перехватил сигарету и вытянул из пачки перед моими пальцами, затем зажал резко в своей руке. Смял жестко и подарил улыбку, а потом разжал пальцы. Скомканый табак посыпался вниз едва не ноги:

— Я думаю вы вполне способны себя обеспечить сигаретами, госпожа! — Беатриче сделал поклон, при это рукой провел по воздуху почтительно. И стал пятиться назад за спину к лестнице. — Нам дозволено уйти? — насмешливо продолжал, не поднимая головы.

Комедиант нашелся. Я развернулась и обошла склоненного парня сбоку.

— Простите, посмели вас гневить, — продолжал стებაься, пока я поднималась по лестнице.

Захар все время молчал. Я же тебя когда-то спасала с угрозой для собственной жизни. Почему хорошее со сокростю ветра забывается? Подул, вроде, а вроде и нет. Делала добро, а теперь его и не помнили.

Сидела на паре после неприятных событий утра на последней парте и пялилась в телефон отцовский. Лишь бы не на спины перед собой, так всё надоело. Послать бы их всех: и отца, и Хаски. Они друг друга достойны, настоящие управленцы всеми и вся, и своими родными в том числе.

Шмонт игнорировал звонки неделю. Неделю не отвечал на звонки. Я похожа на куклу, что будет маятником кивать головой вверх-вниз и улыбаться. Хрена с два. Не хочешь

разговаривать, как хочешь. Со своей ревностью справляйся сам или что у тебя там?

Я ему честно рассказала, поделилась самым сокровенным, самым наболевшим — что меня вынуждали. А он...

Или решил погулять перед свадьбой? Я тебе устрою свадьбу, на своих модельках женись, хоть на всех по очереди. Я пас. Осточертели мужчины.

Почему когда я нуждалась в моральной поддержке никого рядом, я что на всеильную волшебницу похожа или на камень без чувств? Нет. Спешу вас обрадовать. Я тоже хочу быть маленькой и любимой и по крайней мере хотя бы уважаемой. Уважаемой! Уважаемой! И хочу быть уверенной в своем мужчине, или во всяком случае не бояться получить от него удар со спины.

А пойду-ка я в монашки или лучше в лесбиянки. Хотя, с кем? Раньше Волчица предлагала в шутку научить меня паре-тройке приемчикам, теперь видно не предложит.

Подруга сидела одна на нашей парте и пялилась в окно.

Как всё надоело. Весь этот уродский мир и его равнодушные жители.

Жила я теперь в городе, в общежитие больше не появлялась. Смысл сего действия, если со мной никто не разговаривал. Сидела одна на последней парте всегда.

Что-то меня заставило зайти в Клик на аккаунт Ананиной. Какие-то черные силы не иначе. Столько сообщений сразу, от разных людей. Ужас какой-то.

«Сдохни, тварь!»

«Шалава!»

«Потаскуха Хаски!»

Какая прелесть. И все в подобном роде. Зависть людская ужасна. Сменила аккаунт на Анну Вильмонт, что на том происходило решила по любопытничать.

Через минут пять на телефон про пиликало своеобразный звук — оповещение. Цифра один напротив фамилии Хаски.

Черная сила явилась. Отследил. Развернула и поняла, что это фото. Девушка на постели, с растрепанными волосами на подушке, к объективу спиной. Почти голая, ее наготу закрывала легкая, коричневая простыня. Проскользнула по выпиравшим костяшка на спине. Худенькая девушка.

Следом еще одно фото доставилось на телефон и еще. Развернула.

Это уже совсем. Я сегодня не ела и меня кажется подташнивает с голоду.

Крупный план чьей-то рожи: макушка светловолосая, пряди волос скрывали почти лицо незнакомки, заостренный нос слегка видно. Ниже опустила взгляд на фото.

Меня определенно сейчас стошнит. Как-то здесь душно, пока преподаватель отвернута к доске, подседа ближе к окну и раскрыла створки, надеясь, что свежий воздух доставит облегчения.

Вернемся к сообщению. Подняла к глазам еще раз телефон. Женские губы обхватывали член на половину длины, девичья рука явно выполняла сеанс массажа этого самого мужского органа. И я не тупая, понятно чей это член!!! И следом видео-сообщение пришло на телефон, на этот звук я уже вздрогнула. Страшновато как-то. Я говорила, что дура?

На звук вскрикнувшей в экстазе девушки повернулись все встуденты моей группе.

Это самый позорный момент в моей жизни, видео не успела выключить, из него продолжал кто-то стенать, будто девушку избивали бедняжку.

Я пялилась на Бастардов, а они на меня, пока на весь кабинет продолжались полу вскрики-полустоны. Почувствовала, что лицо стало впервые на моем веку ярко-красного

цвета. Я в принципе не краснею, разве что со временем. Но сейчас чувствовала ужасные всполохи огня стыда на коже.

Пропустила тот момент, когда преподаватель оказался рядом с партой, возвышаясь гордо.

— Анна Сергеевна, вы чем-то заняты? Может быть нам расскажете? — я побыстрее погасила экран и отставила в сторону.

— Простите, — пискнула еле слышно, спрятав глаза на парте от стыда. За что это всё?

Преподаватель подловил, что называется. Очень не скоро стихло внимание Бастардов, смешки различала езе долго в течение пары. Как удары гранатой взрывали мозг.

Но видео и фото не оставляли в покое, что-то там смутно мучило. Телефон больше не брала до конца пары, пока чувствовала, как погасало пламя на щеках. Когда прозвенел звонок, взяла телефон и открыла еще парочку присланных сообщений, теперь уже не видео, слава всевышним. Лицо спящей девушки на подушке.

Я говорила, что у меня сестра умная, окончила Вышку с Красным дипломом? Так, вот, беру свои слова обратно. Она непроходимая идиотка!!! Как можно было так повестись? Как? Как можно было!? Как!?

С этим долбанутым на голову членом вместо мозга!? Это все сказываются последствия его фотографий. До сих пор стоял перед глазами член и моя сестра, берущая в рот.

Всевышние силы, я проклята!!!

А сестра — дура!

Выходя из аудитории через пятнадцать минут, первым делом позвонила Саше с намерением вправить ей мозги в нужное место. После непродолжительных гудков трубку взяли. И я с разгону:

— Ты идиотка, а Саш? — как тараном в закрытые двери разогналась и втемяшилась головой.

Бастарды обходили стороной, прошли Маша с Кристиной не обернувшись в мою сторону. Я на секунду отвлеклась от разговора, провожая их взглядом.

— Саша спит. Ты это не поняла по фотографии? — мурашки завладели кожей, каждой частью тела, в особенности пальцами, которые вцепились с силой в трубку при звуке этого голоса. Убивал без ножа.

— Наивность похоже у вас семейное, — насмешливо продолжил Хаски. — Как думаешь отреагирует ее муж?

А потом звук странный, будто Аристократ встал и куда-то пошел. Шаги по полу слышала.

— Ты не настолько мерзок... — вернулась к разговору, мечтала чтобы вместо трубки в руке у меня была его шея. С радостью свернула бы ее.

— Я!? — смех со стороны Хаски меня только сильнее заводил. — Я предприимчив и находчив, Вильмонт, не больше и меньше. Я не такой, как все, и твоя глупая совесть меня в край раздражает. Думай о себе, малышка, больше — мой тебе совет, — и послышались звуки сброшенного разговора. Чтоб тебя!

Выходные прошли под градом молчания, гадала пришибет или останусь жива. Кому бы позвонить или поделиться проблемами? Ответ прост — никому. Я одна.

Осталась здесь Ирина — двоюродная сестра, но она предательница, сдала Пуделю, прощать ее пока не собиралась.

Новости по телевизору смотрела все выходные. Папа упоминал о нападениях Бастардов, и я сама подвергалась мини-нападению возле ресторана Океан. А в воскресенье сегодня очередная заварушка произошла, что и крутили по всем каналам. Нирвану подожгли. Это единственный клуб, где разрешен свободный вход для Бастардов, где мы отмечали День Рождения Беатриче и где Хаски отловил меня.

И этот клуб в ночь на воскресенье подожгли, сорок трупов Бастардов. Крупное событие. Огонь едва не перешел на близлежащие дома, вовремя успели потушить.

Весь Арзонт будет стоять на ушах.

Мир сходит с ума понемногу. Сначала Аристократку-полигенома не поделили два Бастарда, потом мелкие хулиганские выходки, а теперь пошли теракты. Папа, кажется, правду сказал.

В понедельник стояла тридцатиградусная жара и полное отсутствие ветра. Почему здесь так жарко??? Вся шея потная от распущенных волос. Я глупая не догадалась собрать в хвост. Нос, лоб покрылись испариной.

Вылезла из машины, по дороге купила ледяную бутылку простой воды, вот ею и спасалась. Не спеша шла по парковке, отметила про себя, что Ретса нет. И слава всевышним! День начался удачно. Отвернула крышку воды, приоткрыла губы, обхватила горлышко и почувствовала прохладу по гортани.

Да твою же ма.....!!! — отклонила горлышко бутылки, воду оставила во рту не проглоченной. Оглянулась на жаркий, парящий асфальт и кучу автомобилей. Куда плюнуть? Едва не бегом в кедах мимо машин. Там где заканчивалась дорога, был небольшой газон вот туда с непреодолимым желанием плюнула воду.

Тьфу! Тьфу! Ну зачем он отослал это дурацкую фотку крупным планом с минетом и сестрой? Видео я не стала дальше смотреть, но крупный план члена, как наяву. Парочка, судя по обстановке, была в кафе. Саша намеренно дала себя сфотографировать? У нее совсем крыша поехала?

Я была крайне недовольна пока шла, изнывая от жары, по знакомым тропинкам в направлении учебного блока.

Зашла в необходимый кабинет, окинула беглым взглядом имеющийся народ, на мое появление повернули головы студенты из группы.

— Всем привет! — махнула ладонью в приветственном жесте. Головы обратно отвернулись к доске. Очень мило с вашей стороны. Ладонь опустила вниз по бедру.

Штук десять парней, а где все девушки? До начала пары еще минут пять, но всё же?

— А где все? — задала вопрос, пока присаживалась на свое теперь привычное место — одна на галерке.

Стойкое молчание, словно всем рты забетонировали, одноклассники явно не собирались отвечать.

— Спасибо за ответ! — с сарказмом ответила при этом сумкой бахнула по столу.

Как же надоело до тошноты. Все эти обиды, сколько терпеть этот маразм? Вцепилась в ручку, так словно желала свернуть ей стержень. Надоело. Надоело всё.

Прозвенел звонок, а народу не прибавилось, ни одной девушки не появилось. Как-то странно, очень неприятное чувство стремительно приближающейся лавины ощутила на себе. Спасти не удастся, похоронит заживо. И я прекрасно это осознавала.

Девушек нет. А почему девушек в прошлом семестре обычно не бывало, если Аристократы устраивали развлечения или круги Ада, как я их прозвала.

Вовремя лекции посматривала в окошко и на дверь, но та не спешила открываться. Прошло пятнадцать минут от звонка, преподаватель отметил отсутствие имеющих в нашей группе девушек. Очень подозрительно. Ни одной девушки. Ручкой раздраженно постукивала по тетради вместо того, чтобы записывать теорию эволюции — ага, мы созданы из энергии. Когда-то давным давно существовала Одна энергия в мире, в результате большого взрыва появились первые Аристокр...

На тетрадку прилетел маленький, неопознанный объект. Плюхнулся и скромно затих без движения, а я машинально встрепенулась. Смятый кусочек бумажки перед лицом, похожий на записку. Попыталась понять, откуда прилетел. Слева на противоположном ряду от меня на такой же парте, как и я, один Захар. Беатриче и Колдун перед ним вместе сидели, а этот один. Я лишь на секунду уловила его взгляд на себе, развернула записку.

«Они в спортзале. С Аристократками поссорились»

Великолепно, просто великолепно!

— Простите, я могу выйти, плохо себя чувствую! — вскочила со стула, попутно тетрадку и ручку засовывала в сумку..

— Пара едва началась, — услышала от женщины прямо по курсу.

— Простите, но меня подташнивает, — состроила очень болезненную моську, будто готова прямо сейчас сотворить это действие и под стойкое по-прежнему забетонированное молчание удалилась прочь из кабинета.

Путь держала в спортзал, туда, откуда меня в первый день в Вышке выкинуло энергией.

Зашла, при этом дверь привычно скрипнула. Да когда ее смажут!

Баскетбол — излюбленная игра Аристократов и я ворвалась в самом ее процессе. Мужчины бегали по залу и скрипели кроссовками, как раз сражались за мяч. Я тихо, не привлекая внимания, пошла вдоль линии поля. И где девочки, их не видно. На скамейках болельщиков одnogруппниц не обнаружила.

— Какие люди! — услышала с площадки обращение от одного из игроков. Как под воздействием волны плавно головы людей повернулись в мою сторону.

— Ананина, ой, извини, Вильмонт, — донеслось со скамеек, где обычно высиживали прекрасные болельщицы, сегодня их тоже много оказалось. Распознала в говорившей Олесю — двоюродную сестру Польски, та встала в полный рост с места сидения. — Зачем пожаловала?

— Девочки где? — повысила голос, чтобы расслышали.

— Где, где? Где надо, много разевают рот, — поведала Олеся, при этом очень улыбочиво рассматривала меня сверху с рядов скамеек вниз на жалкого Бастарда в лице меня. Как гордая птица на жалкого червя, которого собралась съесть. Что я ей конкретно плохого сделала? — Ты бы научила своих Бастардов послушанию.

— Тебе нечем заняться? — спросила у нее. На вопрос Олеся естественно не ответила, продолжала стоять на одном месте. — Где девочки?

Аристократка явно куда-то указала головой, похоже мне за спину. Я оглянулась на бетонную стену. Две двери — вход в мужскую и женскую раздевалку. Понятно, наказаны за непослушание, как мелкие твари, что посмели куснуть хозяина. О, да! Аристократы никогда не изменятся.

Пошла в направлении женской раздевалки.

— Анна Сергеевна, ну что вы! — услышала за спиной вновь мужской голос. — Вам никто не посмеет слово сказать!

Ха-ха! Очень смешно. К их смеху привыкла — это как надоедливые птицы, вроде красивые летают, чирикают, а вот когда на голову прилетает, очень не приятно. Идешь и чувствуешь это пренебрежение. Очень хотелось отмыться от них.

Дверь как не странно оказалась открытой в раздевалку, поэтому я зашла в небольшое помещение с крючками на стенах и лавочками по бокам. Полный сбор девочек из группы. Дверь автоматически захлопнулась за спиной, как крышка гроба сильно и внезапно, с намеком, что мы заживо похоронены. Дверь перед глазами стала покрываться тонкой корочкой льда красивого голубого цвета. Неровные дорожки энергии ползли в разные стороны и образовывали некую картину.

Мы заблокированы.

— А ты че приперлась? — это рыжая одnogруппница, не очень она любила меня.

Я ни с кем хорошо и не общалась, разве что с Волчицей. Та подняла на меня взгляд, но потом быстро спрятала на стене неподалеку.

— Надо, — коротко ответила я. Что еще было сказать?

Нашла местечко в самом углу пустующем и скромно присела. Будем, как дураки, сидеть и делать вид, что так и надо.

Сидели минут пятнадцать, слушая разговоры в спортзале в стойком дремучем молчании, оно ужаснее, чем страшилки на ночь. Вроде надо пугаться, но не страшно, скорее скучно. Сколько здесь сидеть?

Прозвучал звонок с пары, разговоры в зале стали слышнее, а потом будто бы отдалились, скрипнули двери. Наверное, мужчины закончили баскетбол.

— Нас же отпустят? — рыжая опять поинтересовалась.

— Обязательно! — рассмеялся кто-то ей в ответ. — Сейчас Аристократы переоденутся и побегут нас спасать!

В тайне согласилась с ответом.

— Умная больно? — поинтересовалась рыжая.

— Умная!

— Физию давно не разрисовывали? — опять рыжая.

— Давно!

— Да ты задрала повторять за мной!

— Да пошла ты!

Вовремя я убрала ноги, чуть на них не наступила взбесившаяся рыжая. Топнула ровно туда, где ранее стояли скрещенные мои нижние конечности.

Вторая девушка, что отвечала односложно была в противоположном углу раздевалки и не стремилась сцепляться в схватке с рыжей, за что ей большой презент в виде одобрения.

Волчица напротив на лавочке, наоборот успешно вытянула свои длинные ноги и рыжая споткнулась об них.

— Еще одна! — завопила которая только что чуть носом не запахла пол, в последний момент ухватила за скамейку ладонями.

— Вы задрали орать над ухом! — очень четко, как злобная шавка- Волчица оскалилась. Бывшая подруга с очень внимательным взглядом осматривала Бастардов. — Лучше бы думали, как выбраться отсюда!

— Пусть вон всезнайка думает. Самая тут богатенькая и всеильная! — ткнула пальцем в мою сторону рыжая.

Внимание выбило почву из-под ног, но поскольку я сидела проблем не создалось.

— И вообще мы тут не задохнемся? Окон нет, дверь покрыта льдом? — неожиданно голос ее стал потише и менее гонорным. — Слушайте, а реально не задохнемся? — испуганно Бастард осмотрелась по сторонам стенам.

— У тебя вытяжка есть, — подала я голос, указывая наверх.

— А ты не можешь перенестись? И открыть дверь например? — вспыхнула та, при этом улыбалась очень мило от одного уха до другого. Очень широкий рот.

Я повторила ее нарисованную жуткую улыбку, встала возле двери. Постаралась успокоиться, прикрыть глаза, чтобы не видеть картины перед лицом, забыть страшный настоящий мир и погрузиться в мир энергий. Там нет холода, страха, там непрерывный теплый поток, по нему плывешь и приятно убаюкивает.

Шарах! Больно. Лоб почесала, наверное будет шишка. Мое перемещенное голубоватое тело в виде энергии повстречалось с ледяной энергией, что нам оставили в подарок. Кто бы сомневался.

— Достаточно? — поинтересовалась у рыжей. — Или нет?

Потом подошла к противоположной стене. Повторила плывущее течение по энергии и теперь затылком почувствовала неприятные вибрации в районе черепа. Теперь будет шишка на лбу и затылке. Двурогая я отныне.

— Мы в ледяной коробке, рыжая! В ледяной, энергетической коробке, сидим пока у Аристократов не появится совесть, — закончила я мысль и присела опять на лавочку, где и была до этого.

— И толку от тебя! — услышала в свой адрес. — А проломить лед никак?

— У тебя много сил, проломи? — предложила я.

Собственно, знаю одного человека способного сломать кирпич усилием одной руки и это не я. А Кристина — та, что была способна разорвать челюсть Захару по мановению пальцев. Но ее среди нас нет. Огня ни у кого в группе нет и всего у шестерых вообще имелась связь с энергией.

Еще через час откровенный скулеж начал выбешивать. Фразы «хочу есть» «болит живот» «надо в туалет» — это то, что раз пятьдесят услышала от разных людей.

Я тоже хочу в туалет, и спать хочу, и кислорода реально мало, голова начинала болеть.

Мы пропустили все пары и время перевалило за пять часов вечера. В спортзале тишина и ни одной пары больше не было сегодня ни у кого, и это очень плохо. Может быть освободили бы нас. В раздевалке есть душ, но туалета нет. И это проблематично. Лично хотелось встать с лавки и начать приплясывать на месте. И пить хотелось.

Я себя самолично закопала в гробу и накрыла крышкой. Дверь периодически Бастарды пытались пробить плечом, надо ли говорить, что зарабатывали себе исключительно болезненные вспышки на коже. Ноль результата.

Дверь резко отворилась, с жестким ударом хлопнулась об стену неподалеку от одной из девушек, сидевшей на краю лавочки. Бастард посмотрела сначала на дверь за сантиметр от своего носа в замершем положении с приподнятыми руками, а потом в открытое пространство. Кто-то выбил дверь ногой. И это кто-то очень похож на Гиену — блондинку, что страстно любит поговорить о людях и их недостатках и мало когда кому-либо помогает и уж совершенно точно не думала, что они с Машей изъявят желание помочь Бастардам из противоположной группы.

Но видно и подобное случается. Гиены не только смеются, но иногда бывают преданны.

Глава 15 "Шмонт"

POV Вильмонт

Утро следующего дня началось с сообщения от Хаски уже в который раз. Очередная девушка.

Ты думаешь меня это заботит? Я черства, мое тело стало не проницаемым, не пробиваемым, не стремись ранить его. Ты меня убил давно, когда продал Трески. А это мелочи — я вытерплю. Наверное, хочешь реакции? Но не получишь. Тебя это здорово раздражает.

Позвонил на телефон Ангельский. Вот кому-кому, а ему была очень рада. Даже заулыбалась пока шла по парковке в сторону университета. Он приглашал к нему в гости. Я очень тактично отказалась, не желая обижать Мишу, но все же поехать к мужчине домой. Боюсь я не скоро смогу доверять людям.

Прошла по газону мимо бастардовского общежития, окинула его ностальгическим взглядом. И внимание привлек парень неподалеку, в кожаной светло-бежевой куртке с букетом цветов, очень необычно-пестрым.

Невольная улыбка всегда раскрашивала мое лицо на появление Лёньки. И его уголок губ приподнятый насмешливо выводил мгновенно из депрессивного состояния, в котором я находилась изредка. Это влияние на меня — всегда удивляло.

Шмонт распахнул руки в приглашающем жесте с букетом. Стоял под лестницей, ведущей в один из блоков.

Но сегодня гнилые цветочки не помогут, явился жених недоделанный. Зачем спрашивается вообще предлагал пожениться, чтобы при любой ссоре сбежать в неизвестном направлении? Нет, так не пойдет.

Скрестила руки под грудью, как бы готовясь к обороне. Леня перестал, как клоун улыбаться, веник цветочковый убрал вниз. Привык, если пакостничал цветами отделяваться. Сегодня ему это не поможет.

— Я осел? — вместо приветствия спросил он.

— Подтверждаю. Осел — предатель, к тому же, — ничуть не ослабила гневного взгляда и продолжала буравить дыру в его голове может мозги приведутся в порядок.

— Поговорим? — ох, эта улыбочка, в виде невинного мальчика, что нечаянно уронил мамину вазу и готовился к истерике. Я бы очень мило стерла ее взмахом кулака, но нельзя. Он же у нас модель! А лицо — визитная карточка. Тьфу!

— Что надо? — огрызнулась. Я не очень прислушивалась к событиям рядом, не интересовало, кто входил, кто выходил из учебного блока.

Очень интересно, кто запустил Леньку на территорию вообще?

— Поговорить, — не унимался, мистер я всеми обиженный. — Ну ладно тебе, не дуйся, а то морщинки появятся, — красавчик-обаяшка не унимался, приобнял, свесив руку через мою спину, и остановил ладонь на бедре нахально.

Я в ответ очень пренебрежительно посмотрела на него впрыток как на микроб, что не желала даже изучать под микроскопом, слишком не важный.

— Пойдем поболтаем в машине, — предложил на ухо.

Надо ему мозги вправить, надо. Надоело быть запасным вариантом.

Но больше не сопротивлялась, позволила себя увезти по газону вперед. Время до пары еще пятнадцать минут, успеем поговорить или подраться.

Тогда же расслышала как дверь в очередной раз гроыхнула, закрываясь или открываясь, чтобы впустить очередной поток людей. Голоса знакомые. В особенности первым различила Трески. Про себя взмолилась, чтобы Хаски там не было.

— Пойдем цветы куда-нибудь поставим, а то они тяжеловаты, — Леня сделал вид, что поднял гирию в одной руке.

— К сожалению, придется их оставить в моей машине, — ответила коротко.

Что-то холодное или наэлектризованное почувствовала на спине, на попе, на ногах, словно молния с неба шарахнула через тело и ушло в землю. Едва не подскочила от этого странного ощущения, и развернулась будто реально сейчас пыталась увидеть ямку в земле от разряда. Да чтоб действительно молния поразила!

Хаски стоял на верху лестницы, опирался ладонями о бордюры и смотрел вниз на нас.

Если раньше я различала в глазах его лед, то теперь готова поклясться, что появился и огонь внутри. И взгляд его стал, как тогда в туалете в Белесье, ярко-оранжевый.

Очень точно вспомнила тот миг, когда Хаски зашел внутрь туалетной комнаты, заставив пятиться назад от ужаса. В этот раз я быстро отвернулась, претерпевая в груди ускоренное сердцебиение. И драпанула едва не бегом по газону вперед.

Подальше от Хаски.

прода от 02.06.

— Что надо? — без обиняков перешла к сути вопроса с лицом под кирпич, таким же безэмоциональным.

Мне от твоих улыбок, Шмонт, приторно становится, хотелось сказать ему.

Пассатижи интересно у Бастардов есть, может зайти спросить и зубы повыдергивать. Звездулка нашлась.

— Нашел время для меня, женишок? — с сарказмом спросила я, пока шли по газону в направлении тоннеля и парковки. Смешно? Нет, не смешно. Обидно, но гордость не даст, об этом прокричать. Она поставила щит перед лицом этого человека и будет с оружием защищать от любых душевных терзаний.

— Давай сходим куда-нибудь поговорим вечером? А то здесь нам не дадут пообщаться, — улыбался Леня, глядя на проходивших студентов, глаза его перебежали от одного человека к другому. Боялся пристанут к местной знаменитости с просьбой сфотографироваться или афтограф дать.

— Здесь будем разговаривать! — отрезала я. Никуда не собираюсь идти с ним, разговор состоится здесь и сейчас. — И тупую улыбочку убери. На меня не действует! — ответила и тоже улыбнулась так же фальшиво и наигранно, как и он.

На парковке прошла к своей машине, пока с побитой мордой жених шел сзади. «Я бедный и несчастный, прости, люблю, куплю и полетим». Да не верю я больше!

В столь раннее время жар солнца уже начинал припекать макушку и тело, скрытое одеждой. Студенты прибывали на места парковки, выходили из машин, громко говорили. До нас им не было дела, как и нам до них. Я резко развернулась к Ленке, буквально вырвала свой букет, не важно, кто подарил. Цветы — это цветы и положила на заднее сидение. Дверцу захлопнула и остановилась возле машины. Будем говорить здесь.

— Модельки наскучили? Обо мне вспомнил? — надо отдать должное раздражать сильнее не стал, и убрал фальшивые улыбки. Но при вопросе отвел взгляд, рассматривая

парковку не знаю с какой целью, вероятно обдумывал, как бы соврать.

— Давай спокойно сядем в машину, сходим позавтракаем, ничего страшного, если пару пропустишь и решим проблемы, — попытался Шмонт нащупать нейтральную линию. Не получилось. Я ему покажу нейтраль.

— У меня проблем не имеется на данный момент. Решать нечего, — прислонила бедро к капоту машины и стала изучать пыль на асфальте. Она и та представляла больший интерес, чем предатель передо мной.

— Извини, — вдруг сказал он.

— Издеваешься, Лень? К чему твои извинения? — задала вопрос.

Молчание с его стороны на мои вопросы. Я вдруг почувствовала себя морально измотанной, словно всю кровь выжали до последней капли и больше не было сил, что-либо делать или говорить. Мой голос стал усталым или через чур спокойным. И не было больше сарказма.

— Лёнь, я понимаю, что между нами нет трепетных отношений, но мы друзья были. Я доверила тебе одному правду, а ты...

Шмонт видимо нашел силы посмотреть мне в глаза. Вместо ответа на заданный вопрос резко просунул руку мне за спину и подхватил, приближая к себе. Вместо слов — дело.

— Не выглядела ты особенно обиженной, когда разговаривала с ним на вечере. Да! Вспыхнул! Да! Разозлился! К тому же, подробности не рассказывала, а оказывается ты с ним жила!

Я очень стремилась вырваться из его объятий, избежать прикосновений на пояснице. Я не верю, никому не доверяю. Не могу искренне поверить Лёне. Раньше тайно надеялась, что это любовь у Шмонта, так неоднозначно проявлялась, ведь он вроде заботился обо мне. На его исчезновения закрывала глаза, а теперь видела в его поступка — равнодушие.

Мне нужна была поддержка, хоть от кого-нибудь.

— Я люблю тебя, — сказали карие глаза очень уверенно, а я не способна больше поверить.

— Не верю. Это пустые слова, — с едва заметной улыбкой ответила. — Ты вспоминаешь обо мне, когда тебе скучно...

— Не правда, — перебил мои словоизлияния Шмонт.

Взял за шею или за шкирку, за белый ворот белой, воздушной рубахи и потянул на себя. Поцеловал. Секунду не сопротивлялась пока сознавала очевидные вещи, потом настойчиво подтолкнула в грудь, пытаясь сдвинуть друга от себя. Не дал, откуда силы взялись в его не особенно накаченных руках. Ладонями обхватил за спиной, сдавив ребра. Дышать стало сложнее, потому продвижению воздуха в мой организм очень настойчиво препутствовали. Промычала в рот Лёне, что-то не очень понятное, чтобы отвалил.

Шмонт продолжал выдавать пируэты на моих губах и между ними, пытаясь приоткрыть. А я руки зажатые внизу между нашими телами с трудом протащила вверх. Пальцами сдавила кожу на груди Шмонта.

— Ауч! — гневно выскочил и оставил меня, наконец, в покое. — Больно же!

Недовольно посмотрел на меня, потом на свою футболку в районе плеча, почесал аккуратно ладонью, прогоняя неприятные ощущения.

— А мне неприятно, когда делают что-то против моей воли! — завершила разговор. — Надоело! Сама хочу решать кого целовать, а кого нет! И иди ты со своей свадьбой и со своими моделями!

Лёня судя по выражению очень удивился моим выкрикам. Все-такие последние слова про волю и свадьбу я немного громко высказала чуть ли не на всю площадку.

Удостоверилась, что смысл фраза был донесен до друга, с чистой совестью развернулась, хотела покинуть парковку, но приостановилась в нерешительности из-за звука. Сзади донесся кашель, громкий, раздраженный с непонятными хрипами. Не послышалось. Обратно развернулась — это Лёня кашлял, придерживал кулак возле рта. А кашель его будто изнутри раздирал.

— Лёнь? — с удивлением озвучила, лишнее расстояние преодолела и руки положила на плечи Шмонта. — Что с тобой? Это что...? Как?

Ответить друг не мог, но из моих рук вышел назад, пока продолжал кашлять. Последний раз, кажется, еще надрывнее кашлянул и затих. На его пальцах кровь. Быть не может.

— Ааа... откуда? Лёнь? — опять подошла ближе. Кашель перестал его мучить, Леня неуверенно рассматривал пальцы рук. Я закопошилась в сумке в поисках влажных салфеток. Быстро вытасила и взяла пальцы Лени, пока тот молчал. Начала вытирать следы крови.

— Что...это? У тебя же не было никаких дефектов? Что с тобой, Лёнь? — не могла перестать говорить, это как-то выгоняло изнутри испуг, позволяло тому не сидеть внутри и бояться, а выходить наружу и исчезать.

— Ничего, нормально, — буркнул Шмонт, но в глаза мне не смотрел. — Ты это не видела.

— К врачу срочно надо. Ты не ходил? А если что-то с легкими? А если... — боялась озвучить вслух фразу.

Мысли материальны, а если вдруг легкие пришли заранее в негодность?

— Тебе-то что. Ты всё решила, — усмехнулся Леня, а на губах его обнаружила капельки крови. Нет. Нет. Не хочу. В груди очень неприятно стало, как облако тумана напоззло откуда-то стороны, стало страшно от неизвестности, того что поджидало впереди. В этом тумане холодно и зябко, и никогда не знаешь, что скрывается в его обители. Я боялась думать, что внутри тумана.

— Давай к врачу сходим? — попросила неуверенно. — Это давно происходит? Кровь в смысле? — продолжала тараторить и вытерла последним штрихом капельку крови с губ Лени. Заметила, как его улыбка, озарила на секунду.

— Это хорошо. Люблю, когда заботишься обо мне. Я просто кислоту пробовал, от нее бывает такой эффект, — мой дибил-друг улыбнулся очень искренне и радушно. А мне страстно возжелалось ударить его сумкой, причем по лицу, туда куда бить строго запрещено. Не знаю, как сдержалась.

Опять развернулась, потому что не отвечала за себя. Лёня запоздало ухватил за запястье, а я пренебрежительно выдернула и молчаливо пошла по парковке.

— Ааааань! — протянул жалобно как пес, которого бросала хозяйка. Шутник. — Нуууу я же не специально. Анюююют!

Стойко сдержалась, громко топая каблуками по асфальту. Туман-то развеялся, но проблема оттуда вылез клоун-друг насмешливо корчащий рожи. Я уж было подумала!!! Едва не хоронить его начала!!!

— Но со свадьбой ты права, — крикнул вдогонку.

С подозрением обернулась, чтобы заметить, как уходил с парковки друг в сторону своей машины.

Согласен отменить планы на свадьбу!? Очень странно.

Проводила взглядом отъезжавшую машину, посигналившую аварийкой в знак прощания.

А потом вспомнила, что пара началась, прибавила шагу в направлении того же корпуса, где нечаянно встретила Лёньку и... вот же... надеюсь его светлейшество покинуло место обитания. Не хотелось бы встретиться сейчас, особенно, когда начались пары и студентов на газоне по минимуму.

Не то, чтобы я думала, что Хаски посмеет Шмонту что-то сделать, но все же...

Я опоздала на пару. А плевать.

Пятнадцать минут прошло как минимум, надеюсь Хаски ушел. И я иду быстрым шагом насколько это возможно в сторону крыльца, голову не поднимала вверх слишком боялась узнать ответ — есть там Дмитрий Сергеевич или нет. Звук собственных каблучков набатом звучал в мозгу.

— Вильмонт, Вильмонт, — услышала насмешливый голос. — Не хорошо игнорировать!

Произнес ночной кошмар, при этом лицо его страшно изуродовалось морщинками. Смотрел на меня, как на мерзкого таракана, поглядывая мне на юбку. Ну да, коротковата немного. У Волчицы хуже юбки.

Видела Хаски боковым зрением, пока проходила к двери. Не ответила, не остановилась, пришлось правда задницей к Дмитрию повернуться.

Открыла дверь, с намерением зайти, но ее к сожалению очень быстро выбило из рук и с сильным грохотом обратно закрыло под воздействием силы. Волосы автоматически от ветра разметались по воздуху и залезли на глаза и вперед на грудь.

Я стояла молча спиной, рядом с Димой какой-то неизвестный парень. Мы втроем и больше никого.

— Что ты хочешь? — спрашиваю по-прежнему не поворачиваясь.

— Секса, как и задохлик. У меня тоже есть машина, пойдём?

Повернулась на его вопрос, и различила ярко изображенный гнев в нахмуренных бровях, опять это пренебрежение, от которого мечтала спрятаться под кроватью и не вылезать оттуда.

Головой Хаски кивнул в сторону, как бы приглашая. В это время Дима опирался ладонями себе за спину на уровень бетонной ограды, ноги вальяжно перекрестил, демонстрируя равнодушие. Но вот пальцы что крепко держались за угол ограждения были напряжены.

— Какой задохлик? — удивленно вырвалось у меня.

— Шмонт.

Я устала. Хватит мучать! Но вместо слов я настырно сжала челюсть, и начала усиленно моргать, поворачиваясь обратно к двери. Вновь взялась за нее.

— Ты найдешь с кем развлечься, — ответила ему. С облегчением зашла в университет и побежала опять по лестнице, подальше от того места. Зачем Хаски столько нервов и времени тратит на меня, не желает отпустить общее прошлое? Пора смириться — мы обречены на ненависть.

Глава 15. "Селфи"

Warning: +18, эротика.

POV Вильмонт

А вообще признаться, немного удивлена, Хаски почти проигнорировал появление Шмонта, я почему-то думала, что будет хуже, но слава всевышним обошлось. Еще несколько дней Дмитрия Сергеевича не видела.

С Бастардами у нас прогресс. Беатриче как-то раз, проходя мимо, положил сигарету на мою парту. Я долго смотрела на опознанный предмет перед лицом. Суть действия сразу пришла на ум — взамен той, что сломал перед лицом.

Мило. Они оттаивали. По крайней мере такого стойкого молчания больше не слышала, когда заходила на пары. Одна Волчица по-прежнему не пересаживалась ко мне и не здоровалась. Машу с Кристиной и вовсе на переменах вскользь могла наблюдать.

А вот приятную неожиданность объявила наша кураторша, ну та нервная тетенька в бордовом свитере на первое сентября теперь стала вполне добрая и заботливая. С этого семестра нам разрешен бассейн. Ура!

Вместо обычных тренировок в духоте спортзала, будем купаться. Не знаю, хорошо это или плохо, но я люблю плавать, а вот Бастарды на новость отреагировали с грустным, синхронным вздохом. А в чем собственно проблема?

Всяко лучше, чем бегать километры по полю или отжиматься до посинения.

Естественно заразных Бастардов не забыли сразу же проверить на наличие инфекций, а то вода естественный переносчик микробов. За пару дней проверились. Лишний раз удостоверилась, что Хаски меня в те черные времена не заразил никакой дрянью, а то с его-то... молчу. Я и его сексуальная жизнь отныне диаметрально противоположные понятия, пересекаться не намерены.

Был четверг, четвертый день со дня последней нежданной встречи с Хаски, еще бы столько же не видела, как и тупую свою сестричку. Она опять прилетела в Арзонт. Неделю назад уехала домой, и вновь вернулась. Только не говорите, что ради этого «человека»? Смеяться буду громко, как Гиена.

Бассейн находился очень далеко в самом углу университета. У нас не бывало пар в тех местах. Самый угол, на грани с лесом. Что-то вроде белого купола закрывало бассейн от внешних воздействий ветра или сильного солнца. А в остальном помещение было прозрачным.

Зашли внутрь блока и увидели прежде всего квадратный бассейн. Бастарды с неким вдохновением с кучковались возле бортика и посматривали на воду. Наверное, редко видели. Восемнадцать лет и вовсе негде увидеть, если только за последнее время могли видеть водоемы в Арзонте.

— Хватит глазеть! — громко выкрикнул на все помещение наш неизменный Матросс. Он мне все равно не нравится, вечно Хаски поддакивал. — Переодеваемся и начнем тренировку. Плавание — это очень хорошая тренировка концентрации для энергии. Правда, это у кого есть энергия, для остальных неплохая тренировка выносливости.

Сбоку две раздевалки — мужская и женская соответственно. Туда и пошли переодеваться. Шкафчики закрывающиеся и даже диваны кожаные черные. И по середине

стол белый квадратный. Не знаю для каких нужд. Кофе пить? Чай?

Переоделись не спеша, вышли к бассейну. Теперь я поняла почему Бастардам не пришлось по душе задумка с бассейном.

Собственно, мы полуголые в одних купальниках и очень сразу хотелось прикрыться от взглядов. И полотенце жаль не захватила.

Когда началась пара с огромным облегчением нырнула под воду.

Как у меня сердце не выпрыгнуло, когда дверь громыгнула на весь бассейн. Что я так нервничаю. Куда смотреть? Претвориться, что не вижу их? Так и сделала. Они нас из-под земли находят. Что здесь забыли опять!? Эти Аристократы когда-нибудь оставят нас в покое?!

Спряталась, как можно подальше от глаз особенно любопытной рожи, которая не скрывала, что его интересует в особенности мое местоположение. Громко даже об этом у кого-то спросил. Хорошо я замаскировалась возле бортика.

Волчица в стрингах и не стеснялась ведь, без комплексов девушка, разговаривала с Беатриче, а тот испепелял блондинку безотрывным взглядом. Ждал, наверное, когда Ева обернется попой к нему.

— Матрос, мы искупаемся? — спросил мужской голос.

Я говорила, что ненавижу нашего преподавателя? Он согласился, конечно, на вопрос Дмитрия Сергеевича. Пореже бы Хаски в университете появлялся. Насколько помню у него помолвка и вступление в права наследования через несколько недель. Поскорее бы уже, может отвалит от меня.

Я поплотнее приклеилась к бортику одна одинешенька, очень далеко от всех. Матрос рассказывал о технике плавания, что я не желала ранее слушать, а сейчас пожалуй предпочла бы затеряться среди Бастардов.

Старалась избегать внимания, но когда на ходу разделся Дмитрий Сергеевич до нижнего белья, немного отметила про себя. Потом насильно отвернулась и поплыла по воде возле стенок. Лишь бы не трогали. Лишь бы не трогали. Надоело.

Но, к моему огромному облегчению и невероятному удивлению, Аристократы в количестве примерно десять штук всего лишь искупались и вынырнули.

И я даже ни разу не словила внимательный взгляд от Дмитрия Сергеевича, прямо вздохнула с улыбкой. Жизнь налаживалась. И они ушли до конца пары.

Это самый прекрасный день на моем веку. Мы спокойно могли выйти из бассейна и не бояться, что нас разберут на косточки взглядом.

Немного морально полегчало, опустили оковы напряжения, я распрямилась. Душевых много, пока перебирала белье, все места заняли. Сидела скромно на диванчике и ожидала выхода девочек, попутно в телефоне общалась с Пашей о нашей незавидной доле. Паша подышал в Жопе мира, как он ее называл, то место, куда я хотела поступать, чтобы сбежать от Хаски.

Девочки-Бастарды разговаривали, но я-то пребывала в тишине, поэтому хорошо расслышала около двери подозрительный шорох. Щелк. Щеколда повернулась в правую сторону на половину оборота. Ее с той стороны двери открыли. У кого ветер?

Успела телефон отложить и руки поставить на диван с намерением вскочить с предмета мебели.

Дверь с жутким шумом открылась, при этом стукнулась об лавочку. Массивная ладонь Хаски не успела опуститься и ее я первую разглядела в дверном проеме. А потом контуры и

самого мужчины.

Он вошел внутрь раздевалки, под звуки абсолютной тишины. Шушуканья прекратились. Макс сзади него. Всего лишь вдвоем. Это странно.

— Дамы! Мы пришли к вам, — озвучил Трески. Когда эти двое объединяются мне страшно становится. Макс первый прошел, как хозяин помещения и король вечных рабов. Потом уселся справа от Волчицы, та скромно держала полотенце возле оголенного тела.

— Вильмонт, а ты можешь собираться, — не глядя на меня озвучил второй знакомый голос.

— Останусь здесь, — тихо ответила, с дивана не успела встать, так и сидела ногтями вода по коже. Этот звук немного успокаивал.

— Не стоит. Иди развлекай своего женишка, — насмешливо ответил Хаски поглядел на меня, будто читал мысли. Взмахнул рукой, в направлении бассейна, в котором ходили оставшиеся студенты. — Давай, давай, — помахал, прогоняя, словно убирая лишний мусор.

— Я сказала — останусь здесь, — очень четко проговорила, глядя в глаза Хаски. На что мужчина равнодушно повел бровью и обратно пальчиками, едва прикасаясь, стер дверь обратно.

— Как хочешь, — пожал плечами и пошел бодро ко мне. Я опасалась Хаски такого. Кто знает на что настроен его мозг?

— О! Есть мысль! Давай развлечемся, как в старые добрые времена? — насмешливо продолжил.

Я сидела на диване, а Дима стоял, создавая тень от света падавшего сверху на меня. Сверху вниз.

— Если не прекратишь, позову Кирилла, — пригрозила ему.

Хаски уселся на диван рядом со мной, приобнял за плечи и бедро. Как-то знакомо, похоже на то, как обнял Шмонт и повел в сторону парковки.

— Понимешь, малышка, в чем дело, — начал поучительным тоном. — У меня преимущество! — коснулся пальцем оголенного моего плеча пальцем, при этом ямочки не забыл показать, как награду для простых смертных.

— А если расскажу кому-нибудь? — тонко намекнула.

Дмитрий покивал:

— Если бы хотела, давно рассказала, поэтому делаю вывод, что не станешь рассказывать. У меня всегда есть на тебя рычаг управления. Ты же знаешь на Бастаров в принципе плевать, но если через них доберусь до тебя, то согласен помарать немного об них руки.

Штормовое предупреждение было в начале недели, а я его не послушалась, думала обойдет мимо. Наивная, глупая дура. Теперь похоже от шторма не единожды приложит об скалы в лице Хаски.

— Так и быть, отпущу твоих подружек, — оглянулся по помещению, выискивая имевшихся здесь Бастардов. — Давай, Вильмонт, кольцо, у тебя нет выбора, — ладонь повернул вверх.

Я молча оглядела зашуганных Бастардов, переглядывавшихся между собой. Опять я в дерьме! Что он может сделать, чего не делал раньше?

Сняла кольцо и передала на руку. Семейная драгоценность нашла пристанище в кармане Хаски.

— Эй! Девочки! — повысил голос максимально, чтобы расслышали все в том, числе и

те, что купались в душевых. — Бегом отсюда! — хлопнул в ладоши, глядя какой эффект производил словами и насколько люди боялись его власти. А я сидела на диване полностью под его контролем, как и раньше.

— Макс сваливай, — приказал Хаски, меня не отпускал, ладонь, как тяжелый камень давила вниз, хотелось слиться с ровным, идеальным полом. Просочиться сквозь него и исчезнуть

— А может бутербродик все-таки? — насмешливо повторил Макс свой прикол.

— В следующий раз, сегодня и мне мало, — ответил Хаски, поспешил встать, чтобы проводить девочек в том числе Волчицу. Она прекрасно понимала, что толку от их заступничества не будет, потому что Аристократу нужна я.

Очень гаденько заржал ишак — Трески. Тупое животное, думающее только как бы залезть в трусы к женщине. Хотя, о чем я говорю. Обернулась к Хаски. У этого точно такие же мысли и не крупницей больше.

Сидеть больше не могла, поэтому отошла к столу.

Когда везде душевые закрылись и раздевалка стала пристанищем нас двоих Хаски вновь приблизился ко мне, рассматривая как экспонат на выставке. Нет. Это слишком красиво будет сказано. Скорее как хозяин, что нашел раба, рассматривал изменения в извечном служащем.

— Ты похудела, — заметил мое состояние. Я и не замечала, что похудела, но раз так сказала Хаски охотно поверю. Бывший любовник лучше знал мое тело, он его трогал наверное больше, чем я за всю жизнь.

Машинально плечи выпрямились, стремясь гордо вытянуться.

Остановился за моей спиной Хаски. Касания пальцев ощутила сзади и застежка лифчика щелкнула. Ткань застряла наверху груди, больше не сдерживаемая. Я не сопротивлялась, обреченно стояла с руками, опущенными по бедрам.

И его попытка вновь меня настигла. Как бы не убегала, Дима везде находил. Обошел меня, встал напротив. Я смотрела на черную футболку, его сердце такое же черное, гнилое. Равнодушное к чужим мольбам, оно напрочь сгнило, его не восстановить никогда.

Мужская ладонь сдернула верх купальника и бросила вниз под ноги, а потом легла на оголенную грудь, повторила ее контуры. Внутри меня забилося скованное цепями сердце, мое изломанное, раздробленное на жалкие частицы. Как инвалид оно изредка подавало признаки жизни. Сегодня опять забилося.

Большим пальцем Хаски очень медленно начал обводить грудь, по ореолу массировал круговыми движениями, порой насмешливо задевал сосок, заставляя его напрячься.

Хаски сжал с силой грудь, сминая, ломая обыкновенную форму, чуть наклонился и взял в рот напряженную грудь. Так проще не видеть его лица, можно было претвориться что это не его губы, а чьи-нибудь еще ласкали.

Почти мягко, когда в очередной раз оторвался от покусывания напряженной груди, подтолкнул мое тело назад до упора, до встречи со столом. Привычно подхватил под бедрами и усадил на поверхность мебели. Понятно. Так грудь, да и тело было выше и Хаски не приходилось нагибаться сильно вниз.

Сжала ноги, стремясь заглушить любое проявление эмоций во мне, извлечь из себя любые ощущения. Но о чем тут говорить, хоть мысленно презирала уroda, но реагировала на ласковые прикосновения. Его руки и губы иногда дарили очень много тепла, правда непрошеного.

Ноги сжать не дал, одной рукой раздвинул колени, пальцами прикоснулся к оставшемуся низу от купальника. На груди в тоже время почувствовала болезненные укусы, вместо прежних поцелуев. Может это дало очнуться, сжала ноги вместе с мужскими пальцами и на руках отодвинулась подальше от края стола.

— Больно! — предупредила на молчаливо поднятые глаза и застывшие руки возле моего тела.

Мало обратил внимания на упрек, только нервным жестом стянул оставшуюся часть купальника и бросил за спину. Как и всегда, раздвинул мои ноги на максимум и, приподняв за ляшки, опустил мои стопы на стол. Бедра максимально подняты и под обзором, а мне на этой действие пришлось отклониться назад и локтями опереться о поверхность стола.

— Где моя бабочка? — расслышала вопрос Хаски.

Он всегда во время секса говорил таким тоном. Это не насмешливый тон, это грудной бас, который вибрировал в груди и во всем теле.

— Сбрила любое упоминание о тебе, — ответила, при этом закрыла глаза лишь бы не видеть белого потолка и горевшего света над головой и уж тем более светлой макушки между своих ног.

В темноте проще его не видеть. Вздогнула, когда влажный язык аккуратно коснулся кожи почти между ног, немного выше и повел маленькую одну известную ему дорожку.

А потом осознала, что он вытворял. От этого даже распахнула глаза на потолок. Хаски вырисовывал контуры бабочки на память языком? Прикоснулся и там внутри, от чего хотелось выкрутиться, вырваться из плена, податься назад. Избегая его.

0 Вкус твоего возбуждения... — я чувствовала ветерок от его дыхания внутри между ног, на влажных складках. — Я соскучился по нему...

Вздохматить бы волосы, сжать их с силой или прогнать мысли об этом человеке. Не хотелось больше всего рыдать, но слезы так и наворачивались предательски на глаза. Я успокаивала себя мыслью, что это от яркости света, а не от жалости. Жалости, что у нас случилось всё именно так, а не по-другому. Что столько плохого между нами было.

На смену языку пришли кажется два пальца по ощущениям, вздрогнула когда почувствовала тепло и поглаживания внутри, очень медленные, явно раззадоривающие на то, чтобы я начала двигать бедрами, подталкивать, подначивать на более активные действия. Но я замерла в одном движении и сдерживала любую реакцию тела на эти возбуждающие прикосновения.

— Такая жалость, что моя малышка оказалась тобой, — его голос сильнее отрезвил, дал возможность остудить мысли. — Я буду доставлять удовольствие кому угодно, но не тебе...

Его пальцы продолжали то наступать, то отступать из влажных глубин, все сильнее и сильнее, наращивая темп.

Типа я самый последний вариант. И что лучше любая, чем я. Типа он меня не хочет совсем? А хочет, чтобы я хотела его?

Три пальца, это уже больше, когда четвертый стал проникать внутрь машинально попыталась убрать бедра еще назад, но Хаски надавил мне на живот и сжал в районе бедер, сдерживая побег.

Мы встретились глазами. С трудом и легкой болезненностью четвертый палец вставил в меня. И начал те же движения. Я сморщилась неосознанно.

— Сколько раз тебя сюда трахали, а Вильмонт? — хриплые нотки исчезли, вновь появилась тихая угроза. Его поглаживания не приносили больше ласки, а скорее ударили

внутри по плоти, отдавалось даже в живот неприятно.

Я молчала на вопросы.

Закрыла глаза кистью руки. А он вынул пальцы и провел по моему животу, вырисовывая круги и смывая вероятно мою влагу.

— Я тебя брать больше не буду, девочка, мне нужно только лучшее.

ООО! Какое прекрасно изображенное равнодушие. Отчего-то хотелось засмеяться, наверное, опять нервное.

Поднялась на колени на столе, самое то! Хаски явно праздновал триумф, как меня унизил и не успел отойти от стола.

Я улыбнулась, машинально выпрямилась, грудь, тело в его полном распоряжении и перед любопытным взглядом. А что любопытным понятно, потому что первым делом осмотрел грудь и бедра, когда я поднялась, а не глаза.

Сделала пару движений коленями поближе к краю, чтобы дотянуться до мужчины и повесила руки на мужские плечи. Губки надула, состроив моську.

— Я почти поверила, — шепнула на ухо. Вот, кстати, оно и привлекло мое внимание. Телом максимально приблизилась к Хаски. Голая грудь к его футболке, слегка потерлась волной снизу вверх, удовлетворяя его очертаниям.

Ухо у Хаски красное. Странно, не замечала раньше. Мило. Куснула очень аккуратно. Вздрогнул под моими руками. Плечи мужские напряглись, а потом расслабились насильственно.

— Ты жаждешь меня поиметь, — шепнула ему на ухо. — И больше всего бесишься, что я теперь для тебя недоступна.

Улыбка не сходила с моего лица. Я вернулась взглядом к Хаски, а не к уху и вместо раздавленного выражения или униженного увидела эти чертовы ямочки.

— Вау! — произнес воодушевленно. — Ты теперь мастер держать удар! Если бы на Ананину тогда в спортзале не обратил внимания, на Вильмонт совершенно точно сейчас бы повелся.

Что за странная фраза прозвучала!?

Пихнула раздраженно его в грудь ладонями:

— У меня был лучший учитель по ударам. Не увернешься — зашибешь! — спрыгнула со стола, собираясь забрать лично валявшиеся труссы на полу.

Руку с силой зажало, я сощурилась. Больно. Мое тело вернули обратно ближе к столу, поясицей положили.

— Как в старые добрые времена для твоего любимого. Покажем, как мы развлекались? — с этими словами уселся на диван и меня потянул к себе на колени. Вновь с силой раздвинул мои ноги.

— Держи. Фотографируй, — расслышала с удивлением. Из кармана штанов достал белый телефон — тот самый, который я швырнула на встрече в их Резиденции. Перепрограммировал!? Как я и сказала!?

Это же куча сил и времени и бабла, чтобы залезть в память хозяина и восстановить пароль. Приподнял телефон над нашими головами, где мы увидели отражения.

Стыд окрасил лицо, и я отвернулась от этого зрелища в экране. Хаски сидел в одежде, я сверху на нем, с раздвинутыми ногами, стопами упиралась по бокам от мужских ног. Рука хозяина обхватывала мою грудь, жаля властно, а вторая скользнула между ног, играясь, дразня.

— Давай, — опять этот голос. И я приняла телефон в дрогнувшие пальцы, послушно, как собачка, сфотографировала. Как верный раб по воле хозяина. — Еще... еще...еще... — шептал, задевая очень эрогенную точку. Чтоб тебя. Не могла дышать ровно, периодически сбивалось дыхание.

Хаски внезапно приостановил свои действия и мои, вырвав буквально телефон у меня из рук. Посмотрел фотографии перед нашими лицами, а я не поднимала взгляда.

— Умничка, — улыбнулся сбоку от меня. — Шмонт обязательно увидит свою потаскуху невесту в моих объятиях. А то жаль, он, наверное, и половины не знает того, чтобы было между нами.

Сидела я на нем абсолютно голая, пока Хаски был занят передачей видео на свой телефон, а этот белый положил аккуратно на диван рядом. И кольцо с охранником аккуратно положил на темную кожу дивана.

Подтолкнул меня мужчина под бедра, намекая чтобы встала с него, что я и сделала послушно. А затем ушел, оставив в этом положении.

Это конец. Я не могу больше. Всему есть конец. И моему терпению. Это невыносимо видеть его предательское лицо и ненависть в этих глазах, которые некогда искали мое желание.

Действительно ли отправит Шмонту фотки? Отправит. В этом весь он. Его гордость была побита мной, теперь моя очередь оказаться под его ногами, а лучше на коленях.

Глава 17 "Происшествие"

POV Хаски

Я в черном костюме, припекало знатно, глаза прятал в солнцезащитных очках. Одной рукой курил, едва бычок не скурил от бешенства. В последнее время настроения никакого из-за мелкой Вильмонт, попутала все карты в жизни, бардак навела. Было всё тихо и спокойно до ее появления, как она появилась уже ни в чем не уверен. Где правда, где ложь, а где я. И что вообще делаю? И что мне нужно, понять не могу?

Из кармана брюк вытащил орущий телефон. К месту корпорации вел красивый ухоженный парк-сквер, он не очень большой, но цветастый. Здесь и мамы с малышами любили гулять, и крупный фонтан, что шумел над вторым ухом, к первому прислонил телефон. Бычок одновременно пульнул в урну.

— Да, — ответил. Санек большего не заслуживал. — Что надо ранним утром?

— Поболтать. Мне скучно разгребаю очередное ночное дерьмо. В последнее время людям не спится по ночам? Что за активность, мать их? — натурально заорал в трубку Польски. Я на некоторое время отнял телефон от уха.

— Только свое дерьмо на меня не вешай, у меня и своего хватает...

— А у тебя-то что за дерьмо, по-моему всё тихо?

— Это называется тихо? — повысил голос, на что одна из мамашек возле лавочки с коляской недовольно посмотрела. Ненавижу сопливых детей. Как представляю оры, крики, сопли, слюни. Хватило. На братьев и сестер насмотрелся. — Трески отдал наш управленческий центр Ангельскому, это называется тихо?

— Ааа. это, — протянул Санек. — Не очень, конечно, удобно.

Не очень удобно!? Мысленно ругнулся. Это ужасно, если быть точным. И в свете энных событий подозрительно. Управленческий центр — к сожалению, коммерческая организация, принадлежала всю жизнь семье Трески. Они отвечали, если говорить нормальным языком за сбором налогов. И теперь наш Арзонтровский центр принадлежит Баллийцу! Баллийцу! Это немыслимо. Он будет в курсе наших финансовых показателей всех крупнейших организаций. Моих между прочим, а я не люблю если кто-то сует нос в мои дела.

Ангельский с Трески обменялись организациями. Трески видите ли понадобились парочка заводов с драгоценными металлами у Баллийцев. Во как спелись, сученьши! И крылья себе Трески многочисленную партию заказал у Барса старшего. Да, когда сдохнет старый хрен Барс, мне младший больший нравится, правда трусливый. Так и не ответил на мое условие, сказать, кто убрал Яхонта.

Сейчас мне надо было зайти в корпорацию за документами, а потом идти в этот управленческий центр к Ангельскому. Что за бред? Я иду к Ангельскому, это он должен ко мне приползть в корпорацию. Ангельский какой-то амебный. Тряси, не тряси, эмоций ноль, улыбается и машет ручкой. А если ему в нос ударить тоже будет лыбиться?

Санек продолжал рассказывать что-то о ночном дежурстве, когда я поравнялся с фонтаном. Вода шумела максимально громко. Внезапный звук заставил повернуть голову влево.

Похоже на резко выскочившую пробки из бутылки шампанского.

А потом глаза автоматически закрылись, когда в них полетели ошметки песка, пыли, травы, грязи, камней.

Тело молотило нещадно десятки мелких ударов. Вроде, особенного урона не приносило, пока кольцо действовало.

Отшвырнуло от фонтана и протащило по земле, спиной врезался в лавочку, где сидела женщина с ребенком.

Серия очередных, громких вспышек, в ушах загудела кровь, сжал голову, чтобы не слышать.

Палец обожгло. На секунду открыл с опаской глаза, заметил, как серебряное украшение покраснело, накалилось до предела.

Сжал зубы, когда палец опалил металл и растворился, оставив лишь напоминание на коже в виде кровавой линии.

Руслан опять выведен из строя. А дальше мое тело принимало удары. Повсюду звучали взрывные механизмы, то слева, то справа, то сзади. Не знаю, что стало с женщиной и с ребенком, но коляски рядом не было и визга от нее не слышал.

Огонь вспыхивал после серии взрывов. Деревья, цветы горели и громко трещали. Слышал где-то испуганные выкрики людей, пока ощущал, как тело сотни рук разрывали на части, тянули в разные стороны, стремясь разодрать на жалкие лоскуты. Рвали внутренние органы ножами, топорами, вилами. Уколы, удары, разрывы.

Боль и я — одно целое сейчас, нет никого роднее и ближе. Я в ее власти. Пока соображал, значит жив.

Сотни раз ощущал это и гадал — выдержит тело или нет.

Один единственный, противный писк в ушах, голоса размылись в голове. Оглух. Больше ушам не страшны громкие звуки. Руки отнял, так и лежал, пока тело терзало от взрывов.

Глаза открыл, наблюдая картину, как воронки ветра от взрывов игрались с окружающим миром, обломками, одеждой и даже людьми.

И, наконец, ощутил плавное покачивание перед глазами, как поплыли медленно искажающие волны. Кажется, рассудок отключался. Закрыл глаза, а теперь гадаем...

POV Вильмонт

Не прошло и дня. Собиралась в университет, заваривала кофе с утра пораньше. Ничто не предвещало беды. Стояла напротив маленького, плазменного телевизора и впитывала информацию в новостях. Да. Да. Какой у меня папа молодец отмыл деньги в фонде больных неизлечимым формами болезней. Сама горжусь. Теперь ему налоги не придется платить. Хоть постеснялся бы так очевидно о своих махинациях говорить. Ни стыда ни совести.

Неожиданно картинка сменилась кадрами ЧП. Сделала погромче, привлекла чем-то внимание картина. Пыль, все серое, сломанное, с трудом понятно место, где происходило. Судя по бегущей строке, парк возле корпорации Хаски. Отставила чашку и слушала.

Террористические взрывы. Весь парк полностью взорван и разломан. Тридцать смертей и около пятидесяти пострадавших. Намеки на то, что ночью в парке были замечены Бастарды.

Как на минном поле живем: повсюду взрывы, пожары. Хоть на улицу не выходи.

Телефон завибрировал на столе.

Не посмотрев на номер, который звонил, ответила, при этом продолжала слушать новости:

— Алло...

— Вильмонт, — хриплый голос. Не сразу поняла, потом стала понемногу доходить информация до мозга, на кого это похоже. Леня, прокашлявшись будто бы только встал с постели, продолжил:

— Я понимаю, что тебе срать было на меня все время, твоя бредовая мнимая любовь с трудом в нее верил. И факт твоей измены почти перенес, все же мы не клялись друг другу в верности и сам не белым цветочком, но я... твою мать... никогда тебя Аня не унижал и считал тебя самой главной девушкой в своей жизни. Но это... Аня... совсем низко даже для тебя...

— Леня...? — начала удивленно, а потом вспомнила урода одного. Я забыла. Хаски и наше вчерашнее свидание в раздевалке. Успел уже!?

— Вильмонт! — повысил голос, наверное, впервые в жизни, поскольку не помню похожи случаев, когда бы он орал на меня вперемешку с гневом. — Я надеялся наша дружба хоть что-то стоит для тебя, а нет. Ты собственно, как и все Аристократки! Покрутить хвостом и забраться на «х...й» богатым наследникам! — своеобразный писк и полная тишина.

Мой друг бросил трубку. Я медленно присела за стол, чашку не аккуратно поставила и та расплескалась по бело-серому кафелю. Довольно с меня. Встала раздраженно, кофе выплеснулось и на мою кофту, коричневыми разводами испортив внешний облик.

Пошла к умывальнику, схватила тряпку и пошла вытирать, удалять всю грязь со стола. Пора и из души выгнать всю грязь. Зачем я терплю? Никакой мир во всем мире не стоит моих терзаний. Довольно, я не стану нести ответственность за прогнивший мир и пусть отец, что хочет делает. Лишает наследства, угрожает. Мне все равно.

Хаски использует всех людей, которые мне хоть немного дороги. Саша, Леня, девочек. Пора разорвать замкнутый круг и найти выход. И я знаю, что надо было сделать. Не возвращаться сюда никогда.

Глава 17 Ч.2 "Происшествие"

POV Хаски

Белый сплошной туман, мелкие пылинки беспрерывно вертелись в воздухе, балансируя на грани падения, а потом все же падали и словно бы испарялись. Снится? На расстоянии нескольких сантиметров непролазная, белая стена.

Поставил локоть на асфальтовую дорожку с намерением встать, но из тела изъяли последние силы. Я с трудом себя контролировал. В голове непрестанно шумело, целый ураган звуков.

Вставай, ничтожество...

Ладонь второй руки поставил на твердую поверхность

Давай, вставай, давно такого дерьма не чувствовал во всем теле, не хило приложило... Вставай. Колено подтянул к груди и оперся им в асфальт. Вставай. Второе колено подставил.

Непрестанный звон в ушах, ничего не слышал, головой встряхнул пытаюсь придти в себя. Оглушило от взрывов, слишком настойчивый звон в голове. Неловко поднялся, как человек впервые совершавший попытки встать. Эх... прикольно. Руки в саже, темные-темные перед глазами. Оступился на ровном месте один раз, едва обратно не завалился на трухлявые, обгоревшие ветви от ближайших деревьев. Я возле лавочки очнулся, куда откинуло от взрыва.

Оглянулся по сторонам: люди пытались шевелиться, видел их приоткрывавшиеся губы, но не слышал, говорили они что-то или нет. В кустах перевернутая коляска. Здесь была женщина с ребенком, когда я проходил мимо. А за лавочкой заметил человека — мать похоже.

Неловко обошел скамейку. По обездвиженной грудной клетке сразу понял, что женщина труп. Ее стеклянные глаза смотрели на голубую высь надо мной. Потухший взгляд не двигался. Трупы всегда вскользь наблюдают за тобой, никогда не закрывают глаза, если насильно не прикрыть.

Из уха матери лилась кровь — возможно повреждены барабанные перепонки после взрыва. Нас не хило не приложило. На всякий случай наклонился к трупу и прислонил пальцы к шее жертвы. Жила на шее не билась. Поднял руку с часами, постучал по циферблату указательным пальцем. Ноль эмоций, технику вырубил.

Звон в ушах проходил, но голова гудела, будто по ней не переставали сильно колотить.

Постепенно звуки стали доноситься, пока шел по аллее в направлении корпорации. Оглядывал потрескивавшие деревья в пламени огня.

По середине дороги, оглядел трупы еще ни одного человека, когда навстречу выскочили охранники. Налетели со всех сторон, вцепились мне в локти, что-то говорили, а я их слышал сквозь какой-то вакуум. Видел по губам, что они что-то говорили. Хотел сказать отвалите. Вроде и произносил, но плохо слышал сам.

Мне что-то пытались сказать, куда-то потащить, я резко вырвал локти из чужих рук, ненавидел когда прикасались. Раздражено сказал, чтобы отвалили, слов своих не слышал, но охранники в форме и в масках видимо расслышали и отошли, давая пройти вперед по аллее в белой дымке, к корпорации.

Возле входа высыпала толпа работников.

— Дмитрий Сергеевич! — я расслышал с трудом.

Звуки возвращались в голову. Поднял руку, чтобы заткнулись и покачал отрицательно головой, не намеренный слушать никого. Зашел в идеальную, аккуратную корпорации, по гладкому кафелю прошел к стойке регистрации — женщина работница, что неизменно с улыбкой встречала служащих испуганно смотрела на меня и не улыбалась, как в обыкновенные дни.

— Д...Дм. Дмитрий Сергеевич, вам в медпункт надо, я вызову сейчас к вам... — я поднял опять ладонь вверх, чтобы заткнулась, поставил локти на стойку регистрации.

— Телефон, — прохрипел.

Я услышал глухой свой голос и протянул руку к девушке. Та послушно отдала, едва заметно подрагивали ее пальцы, передающие средство связи. Затем отвернулся от стойки и спиной оперся об нее. При этом набрал знакомый номер.

— Да? — услышал голос Санька после нескольких гудков. Его голос аналогичный моему глухой.

— Я, — ответил коротко.

— Как ты? — спросил Польски. Я оглядел свой внешний облик и усмехнулся.

— В дерьме я. В дерьме...

— Туго? — перебил внезапно Санек поток моего негатива.

— А ты как думаешь? — взлохматил отяжелевшими руками волосы на голове. — Какого Бастарда спрашиваешь, если сам в курсе!? Я, как...как... - слов не мог найти подходящих для описания бешенства, зверем рвавшего грудину.

Поднял руки перед глазами, пиджак с сорочкой сожгло по локти, руки в черной саже, твою мать, на брюках серых дыра на колене, я в грязи.

Я вновь слышал голос свой, причем отлично. Опустил руки.

— У меня, сука, встреча через, — хотел посмотреть на часах, а весь циферблат скрыт черной пленкой сажи. — Через не знаю сколько минут с Ангельским, а я как Бастард гребаный с помойки. Где костюм достать? — оглянулся на женщину-работницу, взиравшую на меня, как на явление адского создания. — Костюм мне! Срочно! — гаркнул ей в вполоборота.

И обернулся опять на вход корпорации и на открытые двери.

Паника началась. Безопасники оживились, забегали по идеально-ровному кафелю. Сирены завывали привлекая внимание.

— Сука, задохлик!!! — раздраженно пояснил трубке или не знаю кому.

— Кто? — расслышал удивленный голос Санька, я же с ним разговаривал, точно.

— Шмонт, мразь!

— С чего взял? — спросил Польски.

— С того! — а потом голос мой стал тише. — Я ему с утра отправил приятный сюрприз о нас с Вильмонт.

Как раз в этот момент один из охранников поменял курс движения на меня.

Только подойди, убью, урод! Я зол, как никогда. Я живой и мне не нужна помощь!

А твоя задача — обеспечить безопасность, вот и обеспечивай, урод! Бегом на улицу!

Мужик шел резво в мою сторону, я взглянул так отчетливо ему в глаза, что энергия ветра вспыхнула во всем теле, плотный порыв воздуха вырвался из меня и ударился мощно о мужчину, заставив того чуть назад сдвинуться.

Я предупредил! Понял, урод, мой намек! Охранник отступил неуверенно назад и пошел

на выход. Ты и твой начальник с завтрашнего дня уволены!

Польски говорил в трубку, а я не слушал, перебил:

— Работников Колчака напряги, может половина пострадавших всё же не трупы, — ответа не ждал и повесил трубку.

Работница вовремя принесла костюм. Придется в туалете отмываться, потому что времени до встречи в обрез.

Я зол сильно, почти...почти также, как был зол, когда Шмонт свои лапищи положил на талию Вильмонт. Там мое место, не твое. И не только там мое место, везде, где скажу.

А завтра полетят головы охранников.

Глава 18 "Жизнь Ананиной"

POV Вильмонт

Я это сделала. Я это сделала? Да? Два дня назад объявила ректору, что ухожу, вследствие чего прослушала часовую лекцию на тему, как важно моя учеба в группе Бастардов. Я вроде противовеса, стабилизатор между двумя народами. Я — показатель того, что между нами восстанавливается мир и любовь. Да, я вас умоляю! Это бред.

Аристократы никогда не признают нас за людей. Таракан и тот значимее, его и прихлопнуть можно, а нас... и убивать не стоит, слишком ничтожны.

Меня здесь больше ничто не держит. И главное никто не держит...

Может последний раз выходила из этого главного корпуса.

Ответ сегодня окончательно дала ректору, тот, наверное, доложит отцу и моя голова будет отсечена по основанию спустя несколько дней.

Больше нет стержня внутри, его сломали, даже, если гибс наложить вроде сросся, но криво и косо. Пальцем прикоснись к нему и вновь склонит голову.

Вышла из учебного корпуса, солнце яркостью ослепило глаза на миг. Проморгалась, чтобы восстановить зрение от солнечных бликов, и заметила возле бетонного огорождения лестницы неприятную картину.

Сейчас была перемена, поэтому не удивилась обилию народа, но четче присмотревшись неловко остановилась в проходе двери.

Спиной ко мне знакомая футболка с черепом на спине — Колдун. Руки его опущены по бедрам почти расслаблены, но мышцы на теле видно напряжены. Выше макушки Колдуна разглядела светлые, знакомые волосы.

Хаски выше сантиметров на десять друга, он и стоял грудью к Колдуну. Дмитрий рукой с часами обхватывал голову Бастарда за волосы, приближая к себе. Явно что-то говорил Колдуну не очень приятное, но сквозь шум разговоров, я не слышала что. Бастард не сопротивлялся, не двигался пока ему в лицо, видимо, шептали угрозы.

Я не желаю больше принимать участие в этом, надоело. Это бесполезно. Это никогда не изменится. Между нами ненависть, она, как злокачественная опухоль, постоянно сидит в нашем организме, вроде убиваешь таблетками, но она неизменно поднимается изнутри.

Сзади меня кто-то попытался протиснуться на выход из двери, я с опозданием отошла, чем, наверное, и привлекла внимание. Хаски засек движение, за голову по-прежнему держа Колдуна убрал его из поля зрения, как ничтожное пятно, чтобы разглядеть меня. Колдун потерял для него интерес, поэтому он убрал руку из волос Бастарда.

Я резко повернулась налево, хорошо сегодня в кедах и джинсах, надоело строить из себя леди и через одну ступеньку рванула. Едва людей не сбивала, в кого-то врезалась.

— Вильмонт, куда торопишься? — расслышала этот ужасный голос, даже сквозь гомон молодежи.

Я бегу. Бегу от желания впиться зубами тебе в сонную артерию и разорвать ее клыками, боюсь только твоя кровь сожжет ядом бетонную лестницу и газон на который я ступила. Боюсь, что вспорю тебе брюхо когтями, разорву на полоски куски твоей кожи. Понял, чего я боюсь!? Поэтому не оглядываюсь на вас — Аристократов! Мимо, прочь от вас!

Волосы хлестали прохожих людей. Кто-то узнавал — поворачивались, когда я их

нечаянно задевала. Врезалась в Волчицу, мы переглянулись знакомо, но она ничего не сказала, по-прежнему игнорируя. Как и Маша с Кристиной рядом посчитали за бестелесный призрак бывшую подругу. Надоело всё!

— Стоять, Вильмонт! — не на ту попал. Твой голос будто резче. Но тебя я больше не боюсь, Хаски. — Я сказал остановиться!

Не повернулась, боялась сорваться, когда увижу его пустые глаза без нежности, без понимания, без сожаления. В которых одна только цель — идти напролом, по трупам, по головам.

Ты всего добиваешься кровью. Я не понимаю тебя, не признаю твоих действий, для меня это бесчеловечно.

Вздых испуганный толпы и ветер над ухом взбудоражил чувство самосохранения. Я почувствовала опасность, как зверь перед ударом ножа в спину.

Тогда я и повернулась, как он того желал.

Всполохи энергии наэлектризовались, розовое насыщенное облако витало перед моим лицом, как сработавший выброс. Хаски направил на меня силу и, судя по цвету и объему, приличных размеров. На моем теле голубая оболочка защиты покрывала каждый миллиметр плоти.

«Аня!» — расслышала в голове отчетливый зов Кирилла. — Мне появиться?

«Сиди,» — шепотом сквозь зубы процедила.

Приподняла в невысказанном вопросе одну бровь.

Хаски спрыгнул с лестницы на газон. Его высочество развлекало зевак своими физическими возможностями. Три метра спрыгнул и с легкостью поднялся. Спортивный серый костюм, плотная ткань, кроссы. Шел уверенно, четко ко мне. Висюльки на спортивной кофте, которые затягивали капюшон, забавно подпрыгивали и раскачивались вовремя ходьбы, но на этом вся забава происходящего заканчивалась.

Глаза Хаски — они не пылали ехидством, удовлетворением, хотя должны после моего фееричного унижения. Они пылали оранжевыми всполохами, даже с такого расстояния в несколько метров среди голубых зрачков я видела наросты мутных теней. Они расползались по белым яблокам глаз, извивались, двигались непрерывно.

— Диман, хватит! — расслышала предупреждающий голос Польски с лестницы. — Оставь, — но Хаски не слышал или не слушал. Остановился примерно за два метра от меня.

— Что тебе надо? — поинтересовалась. Хаски, как пьяный, не мог сфокусировать внимание на мне. Зрачки беспрерывно находились в движении. Он странный. Кто ему испортил настроение, а мне отдуваться?

— Ты забираешь документы? — он говорил хрипло, будто не мог произнести слов. На момент показалось, взял эмоции под контроль, но оранжевые всполохи не покидали его зрачков. Как в туалете в Белесье его энергия опять выходила из-под контроля. — Я не давал тебе разрешения.

— Мне не требуется твое разрешение. Или ты забыл, я не Ананина больше, — четко проговорила, силясь самой поверить в свои же слова. Развернулась перед его носом.

— Я не закончил, — полу боком заметила, как мужская правая рука засияла этими оранжевыми всполохами, покрылось запястье, кисть, пальцы, ладонь. Пламя горело, обволакивало кожу.

— Осталось руку на меня поднять, — весело усмехнулась я.

Хаски сделал шаг и, почуввав опасность, я сделала поспешный шаг назад, не дайте

всевышние силы, чтобы это чудовище ко мне прикоснулось.

Но мой страх выдал меня. Точно по середине лба Хаски — красная маленькая точка предупреждающе загорелась. А потом, осознав, что мужчина возможно не чуял предупреждения, огонек красной точки переместился на его глаз, на нос, прочертил линию в воздухе. Остановился на спортивной олимпийке в районе сердца. А затем вновь направился в середину лба. Предупреждение — стопроцентный выстрел.

Хаски осекся, не двигался, но страха я вновь не учуяла в его глазах. Опять ненависть вспыхнула в нем, глядя на меня, с презрением вместе.

А затем перед глазами красный лазер опустился мне на серую футболку в район груди — ответное предупреждение от охранника Хаски. Я не чувствовала ни страха, ни опасности.

И Дмитрий не боялся. Сделал шаг в мою сторону, не медлил, не сомневался.

— Стреляй, — шепнула сама себе или Кириллу. Но Хаски явно прочитал по моим губам. И одновременно со мной тоже что-то сказал, какую-то фразу своему охраннику. Раскат, выстрел. Хаски не шелохнулся, а голубое сияние вокруг него, как каменная стена защитила от попадания внутрь.

Фарс. Ни я, ни он не сможем принести друг другу боли. Щиты охранников не дадут причинить вред. Ужасный цирк.

Толпа зевак по бокам от нас, его друзья-Аристократы, позади Хаски боялись нарушить неловкими действиями наше поле боя. Какое это великое зрелище — КМЗ-ки и КМД-ки в действии.

— Кончай, — доносились голоса со всех сторон, но Хаски никогда не останавливается.

— Стреляй, — прошептала Кириллу. Хочу, чтобы хоть одна пуля достигла его сердца. Последовала серия коротких, мгновенных выстрелов.

Хаски запнулся, но пошел дальше. Занес руку, наверное, хотел ударить, я зажмурилась, но не почувствовала прикосновения, холодного или теплого.

Облегченно приоткрыла глаза и поняла, что Дмитрий тоже удивлен или раздосадован. Рукой провел, словно хотел прикоснуться к моему лицу, но не смог, скользнул мимо тела, мимо оболочки. Кокон охранника не пропускал его ко мне. Я не доступна.

— Уходи, Аня, — слышала шепот внутри себя. В голове. В мыслях. — Он тебя не тронет. Нарушил личное пространство.

Я засомневалась, но отвернулась.

— Вильмонт, остановись, — слышала в спину. — Надо поговорить!

Мне показалось в его голосе просьба отразилась. Хотела развернуться, узнать так ли это, но боялась. Боялась, что поверю в это мольбу, вновь в этого человека. Что он не такой, каким показывался. Что в нем есть что-то человеческое. Не доброе, хотя бы человеческое, но не остановилась.

— А вам что надо? Цирк бесплатный? Съ*бнули! — вот это его настоящий голос. Раздраженный. Не терпящий возражений.

Спиной напоследок я поймала порыв ветра, который ударил небольшим отголоском в спину, заблокированный Кириллом. Но вскрики сзади доказали, что там начинался шторм.

Заметила странную для себя особенность, когда на душе плохо и хочется немного подумать, залезала в ванную и сидела до до тех пор, пока вода полностью не остывала и кожа не морщилась. Непередаваемое ощущение, будто бы я находилась в теплой кровати под большим одеялом, купалась в его мягкости, когда на улице жуткий холод.

После Белесья долго отмывалась, а может тем фактом хотела стереть воспоминания о его руках, и в тот день у Ирины после продажи, я долго купалась в ванной, будто вымывала отовсюду его прикосновения.

И сегодня почему-то опять не желала вставать. Сейчас мылила голову, аккуратно водила пальцами, прогоняя мысли и воспоминания из висков, когда застал звук дверного звонка.

Кто-то приперся, надо ли говорить, что настроения кого-нибудь видеть не было. Очень не охотно встала, поняла, что волосы забыла смыть. А ладно... потом смою. Надо узнать кому понадобилась.

Кольцо лежало на бордюре ванной, снимала всякий раз когда имела дело с водой, боялась почернеет металл. Дома могла вполне ходить без кольца — здесь ноль энергия установлена. Ни мое кольцо не имеет силы, никакая энергия не может ворваться в квартиру. Здесь из охраны только камера слежения при входе, в случае каких-то проблем ее используют. Так во всех домах устанавливают ноль энергию и камеры одновременно для прослушки, правда те, у кого достаточно денег.

Завернувшись в белое махровое одеяло, босыми ногами вышла из ванной. Потом сквозь свою комнату в сиреновом цвете, здесь все такого цвета, даже люстра, а...нет, вру, потолок белый и полы светло-коричневые.

Посмотрела в глазок двери. Все-таки голышом не желательно людей встречать. Явилась не запылилась, предательница.

Открыла дверь приглашающе, на лице Ирины сразу объявилась широкая улыбка. Сестра за ручку держала малышку Катю. Тяжелую артиллерию привела в лице ребенка. Пришлось тоже отвечать похожей широкой, натянутой улыбкой.

— Привет, девочки! Какими судьбами? Заходите, — раскрыла приглашающе объятия, чуть наклонилась с намеком, чтобы обнять малышку. Но вот осечка, полотенце на груди без поддержки рук решило раскрыться. Запоздало разогнулась, запахнув полотенце на груди.

— Проходите, — отступила за порог. — Сейчас до моюсь!

И пошла смывать себя пену с волос и тела оставшуюся. Может опять вошла во вкус и долго сидела, потому что расслышала стук в дверь.

— Ань! — позвала громко Ирина. — Давай вылазь. Не топись, у меня дочь маленькая, суицидников не хватало... Пойдем погуляем в парк, на площадку детскую? — она перестала стучать по деревянной дверке.

— Иду, иду, — улыбнулась.

Способность улыбаться возвращалась, когда рядом есть близкие люди.

— И еще, Ань...я принесла твое кольцо, ну это... со скорпионом, положила на кухонный стол.

Больше всего мечтала заорать во все горло, чтобы сестра выкинула его подарок, как можно дальше, в окно, далеко — далеко. Я очень надеялась, что потеряла его в день продажи, как оказалось оставила у Ирины.

Открыла слив в ванной, вылезла из ванной. Разогнула вроде спину, но не задача. Не устояла на месте, как будто кто-то резко ударил по голове. Она зазвенела, в глазах — тьма сплошная. Рукой попыталась ухватиться за бортики, одной успела, благодаря чему головой не ударилась о кафель, но спиной упала на скользкий пол. Из груди выбило воздух от сильного удара. На бедрах, спине и лопатках яркие вспышки боли, то тут, то там и они очень долгие и длинные.

Открыла глаза. Ирина на звук громыхнувших костей вбежала в дверь, которую не стала

закрывать на щеколду, просто прикрыла, кого было стесняться.

— Аня, я пошутила? — сестра схватила меня за руку и потянула вверх, пока я пыталась картинку перед глазами вернуть в нормальное положение. С трудом понимала, как стояла ванна, как напротив туалет и почему лампочки у нас не на потолке, а иногда перескакивали на стену и пол. Что со мной?

— Нормально. Голова закружилась, — ответила сестре, чтобы успокоить.

Второй рукой взялась за бортики и очень старательно поднялась во весь рост. Ирина меня поддерживала, пока колыхание перед глазами проходило. Будто рябь по воде, также бултыхалось пространство в комнате.

— Ань, сходи к врачу. Это все нервы. Нечего переживать из-за всяких уродов. Знаешь сколько у меня до Лешки идиотов было. Я бы уже давно трупом ходила. Не стоит переживать, но нервы подлечи — витаминки попей. К тому же, психолог очень модно сейчас, — Ирина болтала, пока помогала мне выйти из ванной.

А я чувствовала себя несмышленным ребенком, который не мог и шага сделать без взрослого. Докатилась. Чуть в обморок не упала. С каких пор я настолько слабая стала? С тех пор, как меняла жизнь на Ананину. Ответила сама за себя.

Глава 19 " Переговоры "

Погуляли на детской площадке: малышка каталась на горках, ковырялась в песочнице с совочком. Ирина пока отдыхала на скамейке в теньке, а я бегала за ее торпедой. Только остановимся, как тут же бежим вперед к следующим приключениям.

А стадо орущих, визжащих детей, произвели на меня неизгладимое впечатление. Один мальчик на площадке так заорал в ухо, что думала оглохну. Пару раз песком в глаза попали. Кошмар!

Позднее тем вечером мы ужинали у Ирины дома. Леха, как и обычно, поздно делами занимался, а я развлекала его семейство пока он работал. Какая же у Иришки малышка миленькая. Я ее кормила с ложечки, а та весело щебетала в перерывах между приемами пищи. Может мамой я буду и отвратительной, но немножко поиграть с мелкой мне понравилось.

— Со мной она орет, когда я ее кормлю, — недовольно буркнула Ирина, которая в этот момент могла есть нормально. — И когда ты сама начнешь есть?

Последнее было укоризненно сказано в сторону дочки, а та смотрела на меня и жевала вполне мило.

— Просто ты ей надоела, а передо мной стесняется. Да, малышка? — подмигнула ей и улыбнулась.

А она мне в ответ — пальчиками грязными схватила за щеку, набрала воздух в рот и как дунет. И забыла, видимо, что во рту у нее были не полностью прожеванные макароны. Я зажмурилась, чувствуя как летели в глаза, в нос и на макушку кусочки еды. Засмеялась.

— Ох ты ж... — Ирина подскочила с салфеткой в руках, желая меня спасти.

— Нормально, пойду приведу себя в порядок, — улыбнулась малышке, которая удивленно смотрела на меня и понять не могла, что не правильно сделала.

Захватила со стола мобильник на всякий случай. Кто знает кому понадобится.

Я почти свободна от Хаски, но это его состояние сегодня меня поразило. Он был невменяем, оранжевая радужка глаз, вообще нонсенс. Неужели опять кислотой балуется?

Странная мысль опять поразила. И это его упорство, когда шел невзирая на красный огонек на лбу, предупреждающие сигналы Кирилла. Почему он так настойчив, что ему надо от меня? Боится, что убегу и больше не сможет доставать меня? Не пора ли остыть? Почти месяц прошел от его вечных придинок и докапываний.

От трахал мою сестру, при этом прислал ее фотки. Не только ее фотки — любой девушки, с которой был, но меня больше не трогал. Как бы наверное, намекая, что лучше любая, чем я. Меня это не волнует.

Зашла в ванную комнату, оглядела труды малышки в зеркало. Прекрасно, усмехнулась. На кончиках волос прожеванные макароны, как я и думала. Сняла, выбросив в туалет, с лица смахнула ненужные белые ошметки. Да. Красота. Освежилась водичкой, когда раздался телефонный звонок с надписью «Папа».

Ректор настучал или сегодняшней концерт между мной и Хаски стал достоянием гласности. Если второй вариант — то я отныне бездомная псина, наверное.

— Добрый вечер! — сразу ответила, удостоверившись, что мое лицо больше не содержит остатков пищи.

— Добрый! Аня, я по важному делу, — конечно, отец, ты по-другому и не звонишь. — Сегодня произошло досадное недоразумение. Дмитрий принес извинения мне лично! Аааа???? не поняла? Кто принес извинения? Дмитрий Сергеевич? Извинения? Он? В жизни не поверю. Это был обертыш с его голосом или что-то вроде этого.

— Я очень за вас рада, что у вас настолько приятельские отношения, — насмешливо улыбнулась своему отражению, подмигнув, и пошла на выход обратно по темному коридору. Только небольшой свет горел, освещая проход и большое окно во всю стену.

— Поскольку вы стали достоянием гласности, вам необходимо остудить слухи, хотя бы одной официальной встречей...

— Нет, папа! — я повысила голос ровно настолько, чтобы родитель понял категоричность высказывания. — Никогда! Слышишь — никогда!

Животный страх владел мной, исполосовал тело корнями и врос внутрь.

— Аня? — вопросительно произнес мое имя отец.

А я дышала часто, будто не могла надышаться. Голова болела от воспоминаний. Огонь на животе, когда я извивалась сокращалась, лишь бы избежать этого, или наоборот холод на теле. Как он любил измываться над температурами тела, доводя до состояния змеи, стремящейся увернуться от его ласк..

Я не хочу вспоминать. Я не смогла Леньку подпустить к своему телу. Сколько не смываю прикосновения, они не исчезали, ввелись под кожу, отпечатались татуировкой, правда невидимыми чернилами. Хоть яд вкальвай под кожу, он не разъедает постороннее вмешательство. Ни водой, ни ядом. А чем изъять мужские прикосновения из себя? И даже Ленины не помогли заменить эти чернила.

— Я не могу пап, — с силой сжала трубку под ухом, плечом зажала. Ладонью дотронулась до лба. Что я там пыталась достать? Вероятно, отвлечься от воспоминаний.

— Нужна твоя помощь, Анна! — папин голос прозвучал укоризненно. Я сжалась. Присела на краешек плетеного кресла, которое стояло возле дверей на балкон, оттуда видны фонари.

— Ты никогда такой не была! Что за страх? Нам нужно пустить пыль в глаза, — обвинительно озвучил отец. Я замолчала, не зная, что ответить на его слова. Пальцами постучала по лбу. — Что за лень на тебя напала? Понимаю, своего рода акклиматизация. Привыкала вновь к обстановке. Твоя жизнь немного изменилась, но сколько можно Анна?!

Вздогнула. Сжала нижнюю губу зубами, очень больно, чтобы отвлечься. Как ему объяснить все это? Я не могу ответить. Губы слишком дрожат.

— Аня!? — позвал он. Хорошо, что отец не видел через телефон. — Только не плачь. Ты никогда не плачешь, — и как он узнал, что я хочу заплакать. — Тебя кто-то обидел?

— Нет. Нет... что за глупости, — засмеялась, правда слишком нервно и неуверенно.

— В любом случае. Аня, твоя сестра пострадала... У Алисы вывих небольшой. Она выполняла функции по поддержанию видимости хороших отношений между нашими семья. Ходила на торжественный вечер, теперь она лежит в больнице, конечно же мне не рассказывает подробностей, но я склонен увериться, что это не простое падение с лестницы. Завистников везде много.

В меня зубцами вгрызлось отчаяние. Себя я могу жалеть сколько угодно, но что сделать теперь?

От безысходности утопиться в его владениях. Страх не покидал, ласкал мое сердце каждый день и каждую ночь. В особенности в ночи преследовал на темных, на белых

простынях. Всегда. Страх держал меня в прочных тисках.

Я держалась за трубку телефона, как за спасение или как за курок, который готовился выстрелить, и я бы, наконец, обрела покой.

А отец продолжал тихо говорить:

— Ты не рассказываешь, что с тобой произошло. Кирилл потерял с тобой связь в Арзонте. Я помочь ничем не могу, — и слава всевышним силам, не знаешь, отец. Иначе я бы залезла в петлю сразу по возвращению. — Ты не хочешь помогать мне, приходится Алисе выполнять функции поддержания хороших отношений. А ты только портишь, особенно сегодня, что за концерт? И не думай уходить из университета, что за трусость!

Чтоб тебя! Ты и младшего своего ребенка использовал, больного ребенка.

— Зачем!? — взревела я, как раненный зверь. Почему тебе важно всех нас использовать? Почему не считаешься с нашими эмоциями? Отец никогда не поддается эмоциям, как мы. Он робот. Из плоти и крови, но механический робот.

— Потому что мне нужны рычаги управления! — и здесь рычаги управления.

Я горько втянула в легкие воздух, едва не задохнувшись от этого ощущения в груди. Для родного отца мы рычаги, что и говорить про остальных людей.

— Вильмонты и Хаски должны разгадать загадку. И мне нужны вы — молодое поколение.

Сбросила вызов, впервые на своем веку не попросилась, не было сил. Сжала волосы, желая их выдрать с корнем из головы и понять, что попытки спрятаться тщетны. Я обреченна. На веки. Это самая горькая сигарета за мою жизнь. И я думаю, что последняя — больше не хочу чувствовать горечь во рту вкупе с соленой влагой слез.

Что там с Алисой? Позвонить ей? Она до сих пор не разговаривает со мной. Отделяется односложными ответами и вряд ли станет откровенничать. Кто может знать, что случилось. Саша!? Она источник самых разнообразных сплетен.

Взяла трубку сестра достаточно бодро. У меня сегодня день переговоров?

— А... Это ты Вильмонт. Что надо? — раздалось в ухо не слишком любезное приветствие.

Напряженные у нас какие-то отношения. Перестала звонить Саша, вероятно шифруется из-за Хаски!?

Абсолютная тишина в доме, только внизу периодически слышен разговор между Ириной и Катюшкой, поэтому я слышала каждую интонацию в голосе сестры. Она чем-то огорчена.

— Хотела узнать насчет Алисы. Где она? И что с ней произошло? — прикинусь я деревом, таким же умным.

— А.ааа. Ты про Алису, она ногу вывихнула. С лестницы упала, с девицей одной ступеньку не поделили, — усмехнулась Сашка.

— Какой девицей? — угли вспыхнули во мне, дали искру. Одну, вторую. Зародились подозрения, они и вызвали вспышки искр внутри меня.

— Наверное, не знаешь. Двоюродная сестра Санька Польски...

— Олеся... — резко перебила я.

— Она. Ты ее знаешь? Не важно, ну вот с ней они и повздорили. Мне так сказали, — сестра замялась.

Последнее слово было странно сказано, будто бы Саша хотела что-то скрыть.

— И кто тебе сказал? — стопроцентно верный вопрос я задала, потому что Александра не соизволила ответить на него честно.

— Не помню. Кто-то рассказывал...

— Может Хаски?

Надоело искать правду в ее откровенной лживой манере выражаться. Сколько я, как девочка маленькая и глупенькая, буду выискивать факты, а не гнусную ложь.

— Две совершенно незнакомые девушки вдруг повздорили, учитывая что наша Алиса-пацифистка до кончиков пальцев? Может это Хаски развлекается? — продолжала нападать на сестру.

— Ты дура? — засмеялась она. — Зачем ему такие глупости делать? Он серьезный, молодой, представительный... мужчи.... - она, наверное, собиралась еще долго расписывать его достоинства, и в момент искры внутри дали огонь. Яркую вспышку.

— Затем же, зачем он сделал фотку меня голой и отослал Шмонту! Затем же, зачем трахнул тебя и отослал мне твои фотки! Вот за этим. Он мне мстит... — в момент я поняла, что слишком громко закричала.

Огонь вспыхнул и утих, замер внутри. Я вскочила с кресла, на котором до этого удобно располагалась. Что я сказала!? Молчание от Саши и внезапные равномерные гудки оповестили о конце разговора. Вот я тварь. Сжала резко трубку в руке. Что я наделала!?

Это все из-за него! Наверное, этого и хотел — поссорить нас! Я его убью!

Заказывай панихиду, Наследник!

Глава 20 "Его Аристократка"

Приятного чтения.

POV Вильмонт

Где Хаски в пятницу вечером? Конечно, в своем излюбленном Раю, где мог поработать, посмотреть танцы и одновременно расслабить нервы бокалом крепкого напитка перед сном. Я частично знаю его увлечения.

И уверена, что он там, чувствую.

Бежала по лестнице для випов, сбоку вереница людей смотрела на меня, как чью-то шлюху, а я-то привыкла к подобному отношению. Сейчас хотя бы не было презрения по поводу внешнего облика, а то в стиле Ананиной любили облить грязью.

Шепот, как раздражающий писк комара, гудел над ухом и хотелось его прихлопнуть или вытравить гада. Долго будут обсуждать?

Если амбалы-Бастарды на входе не пустят, клянусь всевышними силами, буду козырять фамилией. Я проберусь в этой адское логово, убежать сломя голову и в соплях, больше не намерена отсюда. И в случае нападения всех демонов выкурю, если понадобится.

Преодолела очень резво последнюю ступеньку, приготовилась покричать с охранниками, но меня вспомнили. Качки-Бастарды молча отогнули цепочку и поклонились.

Поблагодарила и побежала через вход, в орущий Рай. Народу тьма, в глазах рябили разноцветные прожектора. По лестнице вверх и налево по коридору, до знакомых шторок.

Сердце предательски закололо, в него столько раз били, а оно еще иногда трепещет под прочными костями ребер.

Сначала в Белесье его пнули, когда я наивная глупышка поверила незнакомому мужчине и стала его добычей. Затем в пианино опять доверилась ему и вновь мое сердце пнули. Я почти вновь поверила в его принадлежность к людскому роду, поверила, что он способен что-то чувствовать. Немного надеялась, что я для него что-то значила, ведь все-таки меня он выделял из толпы.

И каждый раз за наивность мне сдавливали сердце одной ладонью. Сил Хаски достаточно, чтобы несколькими пальцами раздавить жаждущий жить орган.

И за всё это я страстно ненавижу Хаски! Он — не человек. Он зверь, что существует за счет инстинктов и не более.

Эта тишина завораживала и вдохновляла. Словно я — неживое существо, существо из иного мира, чья коса пришла забрать их души. Почти захотелось улыбнуться. Почти. Даже сквозь полумрак Аристократы распознали меня.

— Какие люди! — воодушевленно Трески хлопнул в ладоши и свистнул, два пальца запихнув в рот. — Какими судьбами? Неужели ко мне сегодня? Или за добавкой от Димана?

Как их много. Они смотрели, оценивали. Извивались, но пока не знали с какой стороны ужалить.

Я зашла со стороны диванов. Так проще первый раз взглянуть на Хаски, он спиной ко мне. На мое появление не отреагировал, не развернулся, поглощенный чем-то, судя по склоненной голове чуть вниз. Зато на подлокотнике дивана рядом сидела Имина, она молча

развернула корпус. Засмеявшись поднялась, подкорректировала длину белой юбки и цокая каблуками пошла.

— Я пожалуй погуляю. Мне нервы еще дороги, — отсмеялась с этими словами и мимо меня к шторке прошла.

Очень тихая обстановка, никогда еще не ощущала подобной атмосферы со стороны Аристократов. Словно на старте замерли, готовые сделать захват на моей ничтожной шее. Смотрели в ожидании действий с едва заметными ухмылками.

Не спеша обошла диван рядом с Хаски, встала перед Аристократом, спиной к стеклянному столику. Присмотрелась к мужчине, его внимание было подарено исключительно планшету, на котором он что-то набирал.

— Как же я тебя ненавижу!

Надеюсь мои чувства дошли до тебя!?

Но Хаски лишь улыбнулся в ответ, расположившись на диване, как небесное существо. При этом пальцами стучал по экрану планшета. А на меня ни разу не взглянул, видно работа важнее, чем разговор с живым человеком.

— Соизволила почтить нас своим присутствием? — он по-прежнему не смотрел в ответ, изучал экран планшета.

С не знаю откуда взявшимися силами наклонилась, пресекла очередную долбежку по планшету пальцами, вырвав предмет из рук Хаски. Аристократ замер с занесенными пальцами над коленями.

Я знаю! Я истеричка, но меня трясет.

Руки дрожали от желания сделать что-нибудь плохое и быстрее. Иначе паралич сковал бы по ногам и рукам похлеще наручников.

Только тогда Хаски, наконец, взглянул на меня. И не было раскаяния в его глазах. Какие извинения? Какое раскаяние? Это фальшь.

Посмотрела на планшет в руках, подняла вверх над головой и, не задумываясь о своем поведении запулила вперед, куда подальше, лишь бы не дать Хаски. Черный агрегат скользнул по шторке и вылетел в коридор, с грохотом ударившись о стену.

— Ой! — услышала удивленный женский выкрик, но шторка обратно нас спрятала от любопытных.

Руки все равно продолжали дрожать. Я сжимала пальцы в кулаки и сцепляла плотно челюсть.

Твои ямочки меня теперь бесят! Невинность твоих глаз и улыбки — мой главный враг!

А Хаски улыбнулся неожиданно.

— Я тебя ждал, мой Бастард! — выдал совершенно спокойный голос Аристократа, а потом он сам поднялся с дивана. И в результате мы оказались очень близко друг к другу.

Хаски смотрел на меня, как на безвольную статую.

— Ты знаешь, что такое семья!? — мои слова никто не прервал. А Хаски вроде бы опешил от лавы ненависти. Желая, чтобы она тебя сожгла и оставила навсегда рубцы, как ты на мне.

— Ты... Ты не человек! — продолжала громко.

Во мне кипел котел эмоций, столько всего невысказанного, наболевшего. Гематома на сердце и ты, мразь, ее сделал мне своими ударами, внешних повреждений не оставил, но внутри всё болело.

Двумя сжатыми кулаками и кистями рук ударила со всей доступной силой по груди

Хаски. А он позволил, при этом от удара сделал неловкий шаг назад, упершись в диван. Я слышала, как застрял воздух в его горле, когда ударила.

Мечтала повторить удар и не сдержалась. Еще раз! Двумя зажатыми кулаками по груди, обтянутой спортивной курткой. А Хаски и слова не сказал в ответ. Молчал.

Если бы дотягивалась, ударила бы по лицу или в глаз, но поскольку рост не позволял приходилось по груди.

— Не смей трогать мою Алису! — занесла руки опять, но третий раз Хаски не позволил. Заблокировал удар, поймав мельтешащие запястья.

В моем взгляде вся ненависть Вильмонтов к Хаски сосредоточилась. Только посмей ее проигнорировать.

Хаски держал мои кисти играючи, а я попыталась сделать замах и вновь ударить. Не получилось, силы у него немерено.

— Ненавижу! Ненавижу тебя! — взвизгнула громко, глядя Хаски в его пустые глаза. А он молчал на выпады. Ждал лучшего момента, чтобы ударить?

С последними слова почувствовала, как силы внезапно покинули. Я отпустила их и злость, и ненависть и боль, желая теперь одного — вновь не видеть мужчину перед собой, как и раньше.

— Как ты можешь? — спросила у него. Голос тоже ослабел, гнев быстро испарился из организма. Слишком быстро, я не успела насладиться им.

Руки по-прежнему в захвате Хаски, и он не спешил отпускать их. Попыталась разглядеть в голубых глазах хоть что-то, похожее на раскаяние, сожаление, в конце концов, любые эмоции.

Сейчас Хаски будто бы младенец — прозрачно чист.

Попыталась вернуть руки, но Дмитрий пресек мое действие.

— Отпусти, — приказала может быть не слишком внятно, пряча глаза на мужской груди. Взял меня за кисть правой руки и повел на выход в темноту. На полу увидела планшет валявшийся.

Хаски привел нас в мужской туалет. Даже не пытаюсь вырваться. Если ты чего-то хочешь ты добьешься. Свет освещал слишком ярко после крошечной тьмы. Мужчины возле писсуаров, хоть и находились ко мне спиной, но все-таки я отвернулась от зрелища к стене.

— Эй! — прокричал кто-то недовольно, но Хаски, как повелитель.

— Ушли! — на приказ мужчины поспешно натянули штаны, джинсы. У кого, что было. — Это всех касается! — повысил Дима голос, обращаясь видимо к тем, кто находился в кабинках.

Может быть его в лицо все узнавали, может этот командный тон, но хозяина сего помещения боялись. Суматоха, мужчины с опаской оглядывались на Хаски, но выходили из туалетных комнат, оставляя нас одних.

Собеседник громыхнул дверью за последним человеком и обернулся ко мне. Сразу захотелось отойти назад, что я и проделала. Затылком коснулась холодного кафеля, а взгляд поднялся вверх на светлый потолок и на ярко горевшие лампочки. Смотрела и смотрела не моргая, пока блики не начали плясать перед глазами. Эмоции вышли наружу все без остатка, больше не осталось ни одной внутри. Я выжата до конца.

Хаски молчал и не двигался. Ждал удобного момента ударить? Пусть. Мне все равно теперь.

— Хоть на секунду представь себя на моем месте, — начала тихо говорить, едва не

шепотом. И не понимала, зачем это говорила. — Представляешь, как жить в моей шкуре? — голос должен был звучать грозно, а звучал он жалко, хрипло, то прерывался, то возобновлялся.

— Я восемнадцать лет каждое утро просыпалась, надевала маску Аристократки и улыбалась всем и врала, врала, врала, день изо дня. А в чем я виновата скажи мне. В чем моя вина? У меня спросили кем я хочу стать, когда на свет появлюсь? — я покачала головой и улыбнулась. — Меня просто родили не запланированно. Мне не давали выбора. Мне дали паспорт и сказали — улыбайся, девочка, ты — Анна Вильмонт, для всех Аристократка с большой буквы. По всем документам — Аристократка, а по сути Бастард. Куда деваться, Хаски? У Бастардов я теперь тоже не их. У вас я тоже не ваша. Кто я? Может ты знаешь ответ? — глаза опустила на мужчину, стоявшего передо мной, потому что глаза уж очень начали слезиться от яркого света. Ответа на заданный вопрос не получила и махнула рукой, продолжив:

— Бастард посмел изображать из себя голубую кровь. Она не достойна быть такой, как мы. В глазах каждого считается это пренебрежение передо мной. Словно вы чем-то выше меня. Так вот — вы не выше, Бастарды намного честнее, порядочнее и добрее, чем вы, — выдохнула воздух, отсоединила лопатки от прохладного кафеля и подняла руки примирительно ладонями вперед. — Всё... я успокоилась. Высказалась и довольна.

Опустила руки вниз и зачем интересно рассказала ему о наболевшем? Что он мог сказать в ответ? Уже хотела развернуться, чтобы уйти, когда услышала, как отмер Хаски:

— Я здесь не причем. Алиса действительно упала с лестницы, а Олеся ей помогла — вызвала врача...

А я вцепилась в бусы-заколку на груди. Топик сдерживало от падения с тела небольшое украшение. Бусинки металлические были пришиты к ткани и оборачивались вокруг моей шеи. И вот это украшение очень помогало успокоить нервы. Я непрерывно теребила бусинки.

— Я? Эээ? — не могла собрать мозги в кучку. — Не причем? Видишь, я каждую катастрофу ассоциирую с тобой, — попыталась улыбнуться в этой напряженной обстановке. Хаски сделал внезапный шаг в мою сторону, а я назад отступила, но проблема — там стена была.

Макушкой невольно стукнулась о черный кафель туалетной комнаты, но не обратила внимания.

Выпала из себя:

— Я все равно тебя ненавижу! — он наступал медленно, боясь спугнуть добычу, которая попала в капкан. Наблюдал, не торопился. Когда подобрался ближе я постаралась лопатками вращать в кафель. Туалет и Хаски рядом ассоциировались с чем-то плохим.

Хотелось зажмуриться от морального давления рядом с ним. Он невероятно большой по сравнению со мной и как-то это давило всегда.

— Это хорошо, — я расслышала довольные нотки в его голосе.

Это как? Неуверенно подняла взгляд на него. Встретилась с голубыми, спокойными и даже, кажется, улыбающимися глазами Хаски и поверить не могла.

— Я предпочту, чтобы ты ненавидела меня, а не это равнодушие, что демонстрируешь Шмонту. Ты ненавидишь меня, и эта ненависть внутри не дает тебе возможности забыть обо мне. Просыпаешься с утра и думаешь обо мне. Едешь в университет, учишься, получаешь смс от меня и все время ненавидишь и думаешь обо мне. Вечера и ночи ненавидишь и думаешь

обо мне. У меня точно также, за исключением ненависти.

Наверное, так ощущает себя человек, которому леской сдавило горло, и он в предсмертных муках ловит галлюцинации. Он не шутит? Я, не мигая, изучала мужское лицо, эти идеальные контуры губ-уточка, нос. Почувствовала дыхание на своих волосах.

Руки Хаски внезапно скрестил на этой серой олимпийке спортивного костюма. Даже не переоделся после нашего утреннего происшествия, при условии, что он чистюля и переодевается чаще чем женщина. На каждое мероприятие по-разному надо выглядеть. Или здесь все время сидел? И, кажется, небольшой запах алкоголя от него.

Я ведь правильно его поняла? Его мысль?

— Эмм... — очень сложно смотреть в его холодные голубые глаза, они как льдинки всегда замораживали до сердца. — Зачем тебе ненависть? А разве ты не хотел, чтобы я...я... полюбила тебя?

Почувствовала, как огонь забурлил по крови, едва не сжег всю мою кожу, руки, шея загорелась, щеки. Я ЭТО спросила у Хаски!? А вместо ответа увидела, как медленно губы растянулись, явив ямочки для меня. Сглупила, да? Не правильно поняла его мысль? Он же не об этом? Или об этом говорил?

— Я это услышал от тебя? Любовь из твоих уст звучит странно... А ты смогла бы полюбить меня?

Перестала дышать, когда мужская правая рука прислонилась к плитке рядом с моим плечом. Нервно вздрогнула, а лицо Хаски опустилось ниже, сократив расстояние между нами до минимальных размеров. Он улыбался почему-то. Что его радовало?

— Я не прекрасный принц, — тихий шепот овеял лицо. — Более того я порой ужасен, правда? Никого не жалею и не уважаю. Во мне нет ничего хорошего, меня не за что любить, поэтому любви от тебя не жду.

Это просто не мыслимо. Губы Дмитрия резко приблизились ко мне. Одновременно кончики его пальцев поймали мой подбородок, заставив поднять лицо.

— Руки убери! — грозно вскинулась на его действия. Так он и послушал. Чуть наклонил голову, чтобы видно носами не стукнулись. — Я тебя предупредила! — выпалила прежде чем, сухие прохладные губы едва заметно коснулись моих, которые мечтала убрать куда-нибудь подальше. Я почувствовала этот непонятный поцелуй без языка, без требования большего и в конец разозлилась. Открыла рот и укусила Хаски за его особенно пухлую, нижнюю губу.

Убрал свои руки сразу и отошел от меня и стены.

— Бастард тебя разззз... — и видимо до него дошло, что это выражение предполагает раздирание меня. Посмотрел на меня, а потом пальцы прислонил к своим губам и зубами закусил.

Периодически бросал взгляды, как псина, которую я пнула палкой. А это даже приятно, на секунду захотелось улыбнуться.

— Я приготовился получить, как обычно, по яйцам.

Это просто немыслимо.

— Ты меня продал! — четко выговорила, пока Хаски приходил в себя. — Продал, как последнюю тварь. Так не обращаются с людьми, которые «нравятся».

Попыталась слово «любовь» заменить на более нейтральное. «Нравится» вполне подойдет.

— Ты меня выбесила... — раздраженно озвучил, при это лицо его изуродовалось

гневными морщинами вокруг глаз и лба. Руку Дмитрий отнял от губ и опустил вниз по бедру. — Мне ты, бля. ь, всегда «нет» говоришь, а Максусу сказала «да».

Я изумленно приподняла бровь, совершенно не понимая о чем речь. Но поняла одно — ругательство явно было адресовано не мне, а скорее для связки слов.

— На яхте зажималась с ним, — более спокойно заметил.

Какой ях..? — вспомнила. Озарило вспышкой воспоминание. Макс, когда зажал возле перил. Да я могла, что угодно пообещать Максусу, лишь бы отвалил.

— Слышал? — уточнила у него, но не получила ответа. — Да мало ли что я сказала! — всплеснула руками. — Ради спасения гордости, я могла ему и в любви признаться! Да, вообще, почему я оправдываюсь перед тобой!? Я не должна перед тобой оправдываться!

— Должна, — ответила самодовольная морда.

— Не должна, — ответила уверенно.

Хаски вечно давил и телом, и своей самоуверенностью, от этого ощущения стремилась всегда отступить назад.

Как неудобно разговаривать с ним, шея затекала постоянно, да еще его рост под землю вбивал.

Руки Хаски и раньше жили отдельно, собственной жизнью и не спрашивали разрешения, поэтому в очередной раз проползли под моими руками и остановились на бедрах. Дмитрий подхватил меня под попой. И я вспорхнула вверх, пришлось ладонями опереться в мужские плечи.

У Хаски слишком хорошее настроение, это не к добру. Он улыбался уголком губ.

Что его радует, расскажите пожалуйста, это надо срочно изъять, поджечь и выбросить в туалет.

Теперь я выше Хаски на голову, а комната показалась незначительной, мелкой. Я такая же для него с высоты роста?

— Я, конечно, очень зол, что мой Бастард оказался одной из «этих» Вильмонт, — заговорил, глядя вверх на меня. Его лицо перекопилось на миг, а потом вновь стало тем же спокойным и вроде довольным. — Но с другой стороны, не мог же я обратить внимание на среднестатистического Бастарда, я выбрал лучшую из них!

Удивительно. Я, наверное, в космосе летаю, причем без запаса необходимого кислорода. Убийственная обстановка.

— Твое самомнение и тут находит себе плюсы. И помни — ты меня продал! — пальцем ткнула ему в лоб, стремясь мысль напрямую донести до «больного» мозга. — Я больше не твой Бастард! Ясно?

Улыбаться Хаски перестал, но настроения его этот факт не лишил.

— Значит будешь моей Аристократкой, мне не принципиально, — это говорил почти спокойно, и тут опять странная улыбка его озарила, причем глядя мне куда-то за плечо. Губы его раздвинулись почти от одного уха до другого, через чур широко. — А это значит — никаких правил!

— Как будто у тебя раньше правила были?

— Было одно, которое я не мог нарушить, — вновь поведал моему плечу, а потом улыбки убрал и серьезно посмотрел вверх. — А теперь запоминай и каждое утро повторяй возле зеркала. А, вообще, можем тебе тату набить с надписью «Собственность Дмитрия Хаски. Трогать запрещается, смотреть тоже».

— Гори в аду! — пожелала ему и руками попыталась убрать его плечи от себя. С намеком, чтобы отпустил.

— Только если вместе с тобой! — коротко произнес.

Непробиваемый человек, но благо опустил на землю, а то начнет голова кружиться, что буду делать.

— Кхе, Кхе! — мы одновременно отступили друг от друга, как грабители, застуканные за грабежом, и посмотрели в сторону входа. — Я думал вы переубивали друг друга, а они миленько общаются! — Трески демонстративно прошел к писсуару, начал штаны расстегивать. — Вильмонт, можешь поддержать!

Я запоздало опустила глаза и почти бегом рванула за дверь.

Бежать. Бежать. Пока сердце бешено в груди рвалось, я бежала по ступенькам вниз мимо людей, подальше отсюда. Дальше и дальше.

Буквально пятнадцать минут назад зарекалась, что больше не буду убегать из клуба, и опять бежала.

Я с Хаски ни в чем не уверена. И он...он...только что сказал что-то странное. Он ведь имел ввиду, что любит меня? Конечно, в своей страной манере, но я поняла, что он кажется... возможно... самую малость... наверное... влюблен в меня!? Если ледяная статуя способна испытывать чувства, то вероятно эти чувства будут такими же ледяными и порой сильно обжигать холодом?

Треснула ладонью себе по голове. На этот раз я не просто мечтала привести мозги в норму, а постаралась потрясти их в голове.

Очнись, дура! За месяцы в шкуре Бастарда он тебя чуть со свету не сжил, а «влюбленный» Дмитрий Сергеевич и вовсе залюбит до смерти! И глазом не моргнет. А как он относится к людям, которые ему НЕ нравятся? Пробрал холодный озноб от этой мысли.

Отставить сопли! Мне померещился подтекст. Он просто шизик, у которого я — любимое развлечение. Скучно ему живется.

Глава 21 "Колчак"

POV Вильмонт

Позвонила Алисе та, как и предполагалось, не взяла трубку, не может простить за обман. Я бы тоже скорее всего не простила. Пришлось стоять на улице возле клуба и отгонять противные мысли из головы о Хаски. Всё забыть. Он НЕ любит меня. Он — шизик Точка. Точка. Еще раз точка!

Сейчас главное сестра, только о ней необходимо думать. Позвонила маме, которая была с Алисой этим поздним вечером, она и сообщила местонахождение пострадавшей. Мы условились, что мама отдохнет на квартире у нас (в смысле у меня), а я заменю ее, как сиделку. Алиса будет явно против, а тут вроде без вариантов надо кому-то приглядеть за ней.

Колчак — крупный медицинский центр Хаски, девять этажей в высоту, затемненные стекла снизу доверху, почти возле крыши здания — логотип желтыми буквами. Странно, что сестру сюда определили, я считала, что здесь пациенты со сложными случаями.

Не люблю больницы. Здесь живет людская слабость, их боль и уязвимость. Здесь они слабы.

Не люблю сюда попадать. Здесь начинается и заканчивается жизнь. Моя была ни единожды связана с этим местом. Много раз находилась на грани этого мира и того.

А Алиса еще чаще. У нее неизлечимая болезнь хрупких костей — очень редкое недоразвитие костной ткани. Любое падение для Алисы, как правило, заканчивалось переломом. Со счета сбилась сколько раз была свидетельницей ее слабости.

У медсестер в регистратуре узнала номер палаты сестры. Девятый этаж! Еще повыше бы засунули пациентку с пострадавшей ногой.

Постучавшись зашла в белое, чистое помещение с койками на двух пострадавших. Одна кровать пустовала, на другой Алиса. Мама улыбнулась моему появлению, привстала со стула, очень довольная. Понимала, что у нас напряженные с сестрой отношения в последнее время.

— Анют, спасибо, дорогая, что нашла время. Посиди ночку с ней. Завтра должна сиделка придти, — начала мама ломать комедию.

Но Алиса гордо перебила:

— Мам, я говорила, что способна сама о себе позаботиться!

Родительница улыбалась наигранно, явно были видны ее фальшивые эмоции. Слишком старалась меня отмазать.

Мама ненароком окинула пострадавшую ногу Алисы заинтересованным взглядом и произнесла очень четко, тихо, без эмоций:

— Конечно...конечно... способна. А потом еще с одним переломом будем сидеть... — улыбки сразу убрала.

Жестковато, но мощно. Эта черта у меня, похоже, в мать. Бить в лоб... ну или куда дотягиваешься. Всевышние силы... я побил Хаски!!! Головой встряхнула из стороны в сторону. Отставить! Возвращаемся к Алисе, завтра буду оплакивать свою скорейшую кончину.

Сестра, видимо, больно укололась о грубые слова матери, но с достоинством приняла и согласилась в тайне. Мама поцеловала сестру, потом и мне подарила поцелуй.

Она быстрее простила меня, ей отец поведал, как было. А мама прекрасно знает, что с отцом спорить бесполезно и раз он дал приказ, мы все выполняем. Но Алисе сложно привыкнуть к понятию "долг", для нее я пока старшая сестренка.

Уселась на стул, внимательно оглядела состояние сестры: та бледная со своими рыжими, крашенными волосами казалась белым, бестелесным призраком. И ручки худенькие и ножки, как спички. Я себя огромным, бурым медведем чувствовала по сравнению с ней. Хорошо хоть не пузатым.

— Как нога? — озвучила, когда мы остались в тишине вдвоем.

Алиса не желала смотреть в ответ.

— Терпимо...не волнуйся тебя это мало касается, — ну что же справедливо.

Я на много месяцев оставила ее, а ведь раньше была для нее подушкой, в которую можно зарыться с головой и поплакать. Ей приходилось справляться резко без меня.

Учились в одной школе в Герберте и жили соответственно в одной квартире почти десять лет, поэтому надо ли говорить, что мы были самые близкие друг для друга? За Алисой всегда необходимо было ухаживать, заботиться, готовить, убираться. Не заставляю же ее этим заниматься?

— Я почти и не волнуюсь. Знаю — справишься, — пожала плечами, пальцами стала ковырять ногти, делая вид, что очень увлеклась черным лаком.

Взгляд сестры уловила на себе, мельком, любопытный. Будто не поверила в мои слова. Как близко она всегда воспринимала мои слова. Алиса самая ранимая из нас и в плане физических сил, и в плане эмоционального состояния.

Некоторое время обе молчали, что сказать не знали. Я нашла на тумбочке пульт и решила телевизор посмотреть. С Алисой не разговаривали, перебрасывались одинокими словами почти без смысла.

Телефон завибрировал. С ужасом взяла его с тумбочки и подняла к глазам. Боялась, что это Хаски и его кара уже спешит настичь меня. Хотелось голову в шею спрятать, жаль так не умела.

Нет, не Хаски. Неизвестный номер, хотя господин Аристократ и с неизвестного может позвонить.

— Алло, — ответила. Расслышала: шум, гам... музыку, кажется. Точно он. Лучшая защита — это нападение. И пока сердце не выпрыгнуло от испуга из грудной клетки, проломив ребра, решила выпалить грозно. — Знаешь, если кроме, как дышать мне в трубку тебе нечем заняться — иди в задницу...

Я зла, испуганна и вообще не понимала, что творится в этом мире. Такое ощущение, как будто из космоса меня не спустили обратно на землю, а так и оставили болтаться без кислорода. И Хаски меня поцеловал, чуть-чуть. Жаль ему губу не прокусила, а это прикольно. Охранник-то его не среагировал на выпад.

Сбросила довольно трубку. Алиса вопросительно взглянула на меня, мол, с кем я так любопытно же. Я раньше все ей рассказывала, даже, как девственность потеряла.

— Идиот какой-то звонит и дышит в трубку. Хаски похоже, — через секунду пришла смс, не глядя на адресата — прочитала.

«Знали бы твои прекрасные губки, как опасно так разговаривать со мной. Есть предложение более заманчивое, чем кричать непутевые слова. Оттрахать тебя в рот.»

Напряглась в момент. Это не очень похоже на Хаски, это как-то более грубо, что ли. Тот может и говорил неприличные вещи, но это воспринималось, как некий шарм, азарт с его

стороны. Хамские словечки произносились всегда тихим, вкрадчивым голосом и обязательное условие на ухо. А это будто бы угроза.

Как озарение, вспышка молнии в грозу. Я вспомнила — это тот «неопределенный номер». Машинально огляделась по комнате, по стеклам окна, словно боялась, что кто-то влетит в открытые створки. Стало очень беспокойно, рябь коснулась всего тела, дрожь и желание побыстрее уйти отсюда, что-то сделать или прогнать неприятные ощущения. НЕ люблю бояться.

Алиса очень внимательно меня изучала, заметно было боковым зрением. А я пока вспоминала, уплывая в тихие мысли.

— Ань, кто это? — она назвала меня по имени и дала тревоге проскользнуть в голосе. Это и вытасило из воспоминаний, из их густого тумана.

Улыбнулась на откровенную заботу.

— Помнишь, сто лет назад идиот, что периодически звонил. Вот сейчас опять нашел меня... — я показала экран с сообщением, передавая в руки сестре.

Как Хаски вернул мне этот белый телефон в раздевалке, так сразу и нарисовался этот «объект-воздыхатель». Что ему требуется? Смысл от этих сообщений? Он же ничего не говорит, не предлагает встретиться, не объясняется в любви. Смысл всего этого?

— Подозрительно. В свете предыдущих событий, я бы тебе советовала пробить номерок...

— Да...ты права, — забрала обратно телефон, еще раз бегло рассмотрев надпись. Пара секунд и значок с сообщением свернулся и исчез из памяти телефона. — Только подозреваю, что даже папа его не пробьет.

В дверь с тихим стуком зашел врач: светловолосый, нос длинноватый, вытянутая форма лица, немного лохматый. Рукой забрал густые пряди волос сбоку назад, очевидно мешали.

Я привстала со стула, не отрывая внимательного взгляда от мужчины в белом халате. Не под рассчитала что-то и меня резко повело в сторону. Запоздало схватилась о спинку стула. Еще немного и нос мой отполировал бы пол.

— И кто из вас пациентка? — удивился врач, усаживая меня обратно на стул. — Посидите, сейчас приду, — более резво, чем пришел вновь покинул нас.

— Что с тобой? — Алиса если бы могла встать с поврежденной ногой, обязательно бы встала и и с тревогой уселась на полу, ожидая моего ответа.

— Пустяки, — помассировала виски. — Здесь слишком душно.

Врач, наверное, обладает каким-то видом телепортации, потому что через несколько минут объявился с нашатырем на ватке и ткнул мне в нос.

Я от вонючего запаха назад дернулась, едва не приложилась о стену бетонную. Фу! Скривилась.

— Вы, как маленькая, — услышала голос врача, пока в нос этот ужас тыкали.

— Какая есть, — буркнула недовольно.

Вату убрали из-под носа и на этом спасибо. Повернула голову в бок, где на соседнем стуле сидел врач. Молодой и голубоглазый. Как Хаски, правда худее раза в два. А я люблю брюнетов.

Как много мужчин в моей жизни однако, я нарасхват! То ни одного не было до восемнадцати лет, то смотрите. А я знаю! Это что-то вроде пробы, если с одним начала встречаться, то это, как знак качества. Вроде — проверенная девочка, гарантирую качество, берите мужики! Стадное чувство.

Хотя, если посудить одно название, а не мужики. Появились — исчезли. Дела для них важнее, чем я.

— Я веду и Бастардов, — услышала врача.

— В смысле? — вырвалось.

— В смысле лечу Бастардов, знаю вашу физиологию. Двойной врач, — как неумной особе поведал мне.

— Ааа, — протянула. А я о чем подумала?

— Давайте посмотрим вас? — предложил врач, встав со стула, руками по шебуршал в карманах халата. — Алиса, я вас чуть позже осмотрю. Верну девушку к жизни! — улыбнулся врач сестре.

А я послушно пошла за мужчиной по коридору, за его спиной в белом халате, по лестнице на этаж ниже.

Зашли в один из кабинетов, который врач открыл ключом, и расположились возле стола друг напротив друга. Ну и посыпались вопросы один краше другого, осмотры, ощупывания. Зрачки мне все об смотрел.

Интересно, а как менструация связана с обмороками или я что-то не поняла?

После вопроса, когда была она последний раз призадумалась, поглядывая на ярко мерцавшую лампочку над головой, волосы заправила за уши. Что-то с памятью моей стало. Не помню.

— Несколько месяцев назад. Два или три. Не помню, — после моего ответа врач до этого момента записывавший что-то на листке бумаги, видимо ответы на вопросы, внимательно посмотрел в глаза.

— А вы? — ручкой указал на меня, замолчал, потом обвел предметом в руке воображаемый круг. — У вас жених? Умею ввиду планируете беременность? Или что?

— Нет, конечно, — в ужасе ляпнула. — Не...не...нет!

— Тогда просто молодой человек есть? Итак есть вероятность забеременеть... Бастардом в смысле?

— Нет, конечно! — строго отсекала. Очень сложно разговаривать с мужчиной о своих женских делах. — У меня давно не было никого. Совсем. Очень давно.

— А как давно проблемы с менструацией? — пошел врач на попятную, вернулся взглядом к листку бумаги перед собой и опять начал писать ответы.

Я посмотрела на белый потолок и свет над головой, как будто кто-то сверху мог дать подсказку или память вернуть.

— Да всю жизнь насколько помню. Но знаете, последние пол года у меня всего два раза было, — показала для наглядности указательный и средний палец врачу. Мужчина посмотрел на лампу на столе, которая дополнительно освещала ему листок перед глазами и опять развернулся ко мне. На этот раз отложил ручку и руки сложил под мышками:

— А вы в курсе, что это очень плохо? — голос какой у врача страшный.

И поехали... часовая лекция на тему женского здоровья. Это хуже, чем папа. Я головой кивала и соглашалась с ним, что я забросила свое здоровье и как так безалаберно можно относиться к собственной жизни. Ведь наша жизнь — очень хрупкая вещь. Мы очень ранимые, нежные.

Очень удивилась подобному обращению к Бастардам. Думала нас всех считают за низшее существо, а здесь за хрупкое существо, которое нужно оберегать. Мило. Прониклась симпатией к врачу неосознанно.

— Скажите, пожалуйста, а стресс у вас сильный был в последнее время? Расстройство какое-нибудь?

Прыснула сквозь зажатую челюсть, прикрыла пальцами губы, но сдержалась, чтобы не засмеяться. Не хотелось обижать врача.

— Был стресс. — ответила скромно, справившись с эмоциями. Да у меня были полгода, как тест на выживание.

— Было ли ощущение нехватки воздуха в легких, тяжести в груди или что-то похожее?

— Было немного, — почесала висок, вспоминая моменты. — Когда утягивающий корсет носила, — показала на груди. — для физической культуры, конечно.

— Часто носили? — грозно спросил врач. По его голосу поняла, как правильно надо сказать.

— Очень редко, — ответила вполне правдоподобно.

Опустим, что боялась иногда и ночами снять, а то мало ли Глен придет с шавками и обнаружит, что грудь у Бастарда в наличие. И пойду по рука.

А дальше врач встал со стула и начал ходить по помещению, продолжая лекцию на тему, что надо засадить производителей утягивающих корсетов в тюрьги, что они мошенники, гробят здоровье молодых девушек. И еще много было сказано в их адрес. Но одно я поняла, что благодаря этой вещице, из-за нехватки кислорода вполне могла нарушить все процессы в организме, в том числе и менструальный цикл сбить и обмороки могут быть, как следствие.

Взяли кровь — и на этом мои злоключения в тот день и закончились. Положили на соседнюю койку свободную вместе с Алисой. И мы впервые с ней засмеялись, как прежде, весело и от души, снимая грусть и обиду с плеч. Наконец-то...

Ночь провели, смотря допоздна сначала комедии, а потом ужастик. Алиса не любила подобные вещи, но со мной соглашалась смотреть.

Следующее утро было благосклонно на хорошую погоду. В окно ярко светило почти весеннее солнце, температура поднялась высоко. И сегодня будет, как и всегда в Арзонте, тепло.

Обход врача прошел около десяти часов, за это время, что с бедной Алисой только не сделали? Обкололи, общупали всю.

При помощи костылей сестренка уверенно передвигалась по комнате. Я попыталась помочь, на что мне велели лежать и не вставать, ведь я обморочная сестренция!

Врач принес результаты и, судя по анализам крови, гемоглобин слишком низкий. Прописали лекарства и отпустили домой. Но врач сказал, что сделает более серьезный анализ, правда это займет более длительное время, чем одну ночь. Я заверила, что чувствую себя превосходно, не считая вот этих обмороков.

Глава 22 "Международный День Бастардов. Рай "

POV Вильмонт

Шикарно день начался. Шла по парковке, жмурилась от солнца, настроение немного поднялось по цветастой радуге вверх и небо голубое сегодня, нет облаков его скрывавших прежде. И мои личные тучки в душе стали отползать назад.

Мама должна была ночевать у меня, я и планировала позавтракать с ней поболтать. Встала возле двери в квартиру, достала ключи и отвлеклась на звонок телефона в кармане. Я дама действительно нарасхват в последние дни. Неизвестный номер, но отлично знакомый по памяти.

Волчица. Неожиданно. Что ей надо?

С легким волнением отошла к подоконнику, где благоухали красивые цветы в горшках. Там рядом я и встала.

— Да, Волчица, — ответила нейтральным тоном. Не представляла, как можно с ней говорить после всего и для чего она звонит.

— Привет, Аня, как живется без нас в шикарном пент-хаусе? Царственные пролежни на попе себе не заработала? — мои губы тронула невольной улыбкой, пока я слушала болтовню на ухо. — Я тебе говорила надо качать ягодицы. Это обязательно. По двадцать раз хотя бы с утра, в обед и вечером. Нет, попенция у тебя что надо, но понимаешь возраст скоро и целлюлит будем прогонять! Попа должна быть, как орешек.

Очень серьезно Волчица продолжала тараторить какую-то чушь в телефон, а я кивала и молчала на словоизлияния. Потом резко встряла в монолог бывшей подруги:

— Тебе-то хорошо, у тебя подобных проблем нет... — с сарказмом сказала я.

— Конечно нет.

— У тебя и попы нет...

— Ээээй! — раздраженно вырвалось у Волчицы, а потом ей пришлось замолчать и слушать мое довольное хихиканье в трубку. Когда я затихла она начала более серьезным тоном рассказывать о чем вероятно хотела изначально. — Сегодня какой у нас день?

— Суббота? — решила блеснуть знаниями.

— Умная ты наша, — буркнула Волчица. — День кого? — пауза. В голове не всплывал ответ на вопрос. — День Бастардов, глупая!!!

Точно. Как-то меня мало в течение жизни волновал этот праздник. В этот день родился первый в мире Бастард у Немийцев. Как все считают — плод измены Немийки с Балийцем. Годовалый мальчик покрылся сыпью к удивлению врачей, подобного не видели никогда прежде. Ребенок выздоровел после сыпи и остался преспокойно жить. После того инцидента один за другим дети подцепляли эту страшную лихорадку, многие пали жертвой загадочного вируса.

Когда протянули взаимосвязь между первым заболевшим и последующими, тогда и казнили женщину Немийки. С тех пор стали рождаться Бастарды, и тогда же народ Немии начал терять связь с энергиями. И с тех же пор у Страдовцев существовал закон о казни жены за измену мужу.

Лучше бы мужиков кастрировали, честное слово! Буркнула в мыслях.

Вернулась к Волчице, она что-то на ухо говорила:

— ...хотели пригласить тебя в общежитие... Поболтать... у нас есть коварный план, где можно отметить.

Девочки подняли белый флаг, и я должна им воспользоваться. На секунду захотелось улыбнуться, но Волчица не увидит, а жаль.

— Почему вы поменяли мнение? — спросила вместо этого. После вопроса слушала тишину у Волчицы, только у меня здесь по коридору прошел сосед. Я молча кивнула на приветствие в ожидании голоса от Евы. Ответ заставил немного подождать себя:

— Вчера твое выражение лица при бойне с Хаски до боли напомнило, тот вечер на балконе — после Белесья. Знаешь...сложно перестроиться. Я привыкла тебя считать своей, а сейчас ты, как бы и не наша больше. Ты — одна из богатеньких...

— Где я повела себя как богатенькая? Где я перед вами была Аристократкой? — вспыхнула, перебив подругу на полуслове. Сейчас опять подеремся.

— Всё, — вздохнула Волчица в трубку. — Забыли. Я мириться звоню, а не драться...

— Ясно. Давай, скоро приеду, — согласилась довольно раздраженно и отняла телефон от уха, завершив разговор.

Еще в зазнайстве хотят обвинить, прям бесит. Раздражено вытащила ключи и пошла открывать дверь. Но я рада, кажется, жизнь немного налаживалась. Потихоньку возвращались родные люди ко мне.

Мама была дома, готовила пирожки. Пирожки! Для меня! К Бастардам приседания не годятся, будем наращивать целлюлит. А что? Неплохая идея. Хаски очень любит лапать за попу, вот и навсегда отобью у него желание к ней прикасаться, если несколько килограммчиков туда накушаю. Я гениальна!

К вечеру прибыла в общежитие, было давно темно в низине Вышке. Впервые за долгое время пресекла общежитие Бастардов, на этот раз лишь с небольшим волнением, а не как в прошлый раз с желанием закопаться где-нибудь от страха по самую макушку.

Знакомый коридор на третьем этаже привел в комнату к девочкам, а когда-то это была и моя жилая площадь. Нацепила рабочую улыбку, не время тухнуть, надо было восстанавливать контакт.

Распахнула дверь и приветственно махнула:

— Всем привет!

— Здорово, госпожа! — насмешливо ответил Беатриче.

Валялся на моей бывшей кровати, в красной рубашке и черных брюках. Еще бы бабочку приделал. Волосы гелем намазал и на бок красиво уложил. Копия великого футболиста, что снимается вечно в рекламных роликах.

Захар не занимал кровать, он подпирал стену рядом со шкафом, и тоже в белой рубашке и брюках. При моем появлении слегка улыбнулся и на его губе разглядела сережку.

Даже Колдун — человек который всегда ходит в спортивных вещах, сегодня в белой футболке, джинсах и черных туфлях.

Оглядела девочек: Маша в платье?! Она всегда в кепках ходит.

— А куда мы с вами собрались? — наконец, сообразила ответить

— Надо День молодежи отметить. Полдня гадаем где! — развел руками Беатриче в стороны, а потом похлопал по покрывалу между собой и Колдуном с намеком, чтобы я присела. — Сядь посиди со мной. Еще никогда настолько близко не находился с особой голубых кровей.

Я закатила глаза к потолку, который, кстати, стал еще мрачнее и желтее. И спокойно выдала:

— Ты с этой особой каждую переменку курить бегал, так что не заливай. Ну и куда решили идти?

— Слушай! — с вдохновением Беатриче засмеялся, руки на колени себе положил. — А Хаски знал, кто ты?

Я отрицательно покачала головой.

— Во! Как выкупил из толпы! Нюх на голубую кровь. Я бы в жизни не подумал, что ты из богатеньких.

— Беатриче, заткнись, а? — прошла к стеночке и на ней спиной прилегла рядом с Захаром. Он мне дружественно улыбнулся, как бы поддерживая. — Что надумали?

— Нирвану нашу спалили, — грустно поведал Беатриче.

Он самый разговорчивый из наших друзей — парней. А Колдун с Захаром всегда молчали, да и сейчас выполняли роль неких декораций.

— И у нас остался один превосходный вариант, — загадочно начал Беатриче, поиграл бровями вверх-вниз, смотря на меня. Комик. Просто комик!

— Там сегодня ЖИЖА выступает, — услышала возле окна с кровати — Волчицу. Она приводила лицо в порядок: кто-то красила, что-то смывала. — Когда мы еще сможем попасть на их концерт? Посмотри... Маша оделась прилично, она же их самая ярая фанатка!

Маша улыбнулась. Представляете, когда Медведь улыбается? Вот и я не видела ни разу, а подруга нарисовала эту искусственную, косую улыбку для меня.

— А Кристина из нас сделала почти что идеальных представителей Аристократии, даже загримировала цвет лиц! — важно кисточкой для век указала Волчица на Гиену.

О! Та, видимо, дорвалась, она в супер-мини блестящем платье золотистого цвета и волосы накрутила. Валютная проститутка да, простят девочки за сравнение.

— И туда нас пустят только с госпожой! В Рай! — добавил после Волчицы Беатрисе. Привстал и важно поклонился, рукой едва не прочертив по полу невидимую полосу.

— Вы это спланировали? Да? — грозно нахмурилась. — Почему такое ощущение будто меня используют?

Спросила у потолка в сотый раз и у лампочки одинокой на потолке.

Но ответила Волчица за всех:

— Привыкай, мы с тобой будем дружить ради денег и власти! Мы же меркантильные твари-Бастарды, не забывай!

На этот раз заливисто не только Гиена, как дикое животное, но и Волчица, как шавка скулила, и даже подвывала Маша, как медведица.

Если бы девочки узнали, с кем я их сравниваю, пристрелили бы. Ну а я всегда смеюсь, как психически не здоровый человек, которому определенно дозу насыпали в напиток.

Рай — это последнее место, где я хотела бы оказаться в субботу вечером и по собственной доброй воле. Очень молилась, чтобы Амбалы не пустили. Гады!!! Пустили, еще и поклонились перед всеми!

— Вот это я понимаю! — усмехнулся Беатриче, поправил красный ворот рубашки вверх. — Вдарим рок в этой дыре! Натянем пару цыпочек — Аристократок. Да, Волчица? — однокорпусник обнял Еву за бедро.

Волчица его немного повыше. Она в обычные дни выглядит выше всяких похвал, а уж

сегодня засмотришься. Как модель: длинные ноги, белая кожа, белое платье, красиво льнущее к телу, сквозь материал просвечивалось белье, волосы уложила в высокий пучок, чуть заметный макияж. Чего греха таить на Волчицу в полном боевом раскресе я засматриваюсь. Эх...рядом с такой любая почувствует себя замарашкой.

— Не, Беатриче, без цыпочек. Парочку богатеньких, наивных мужчинок! Давно у меня не было серьезной охоты. На работе один шлак извращенцев попадаетеся! Мне бы кого побогаче!

Я замыкала процессию обреченным шагом. Такое ощущение, что я шла к дьяволу в лапы. Я надеюсь дьявол спит у себя в пианино, а его черти сидят спокойно в вип-помещении и я их не увижу. В конце концов, выступает ЖИЖА, а какой Аристократ пойдет на концерт запрещенной группы?

Открыли огромные двойные двери в клуб, приостановились возле гардеробной, пока девушки снимали верхние накидки. Я без всего, мне итак было жарко, как в аду.

— Ребят, а можно поспокойнее провести время? — музыку и отсюда было слышно, пока выступала не ЖИЖА, разогрев видимо.

— Нет, конечно, — отбрил за всех Беатриче и посмотрел на меня, как на старушку, которую хотел отправить в дом умалишенных. Забавно округлил глаза. Ева фыркнула надменно и отошла от гардеробной. Маша пожалала плечами не знаяще, а Кристина приплясывала, под тихую музыку, слышную отовсюду из динамиков.

— А хотя бы без наркотиков можно? — спросила я и обвела недовольным взглядом кучку друзей.

Молчаливые взоры обратились стойко на Колдуна, он только сейчас подал признаки жизни, до этого просто передвигался по нашим шагам и дышал, как амеба.

— Нет, кончено! — Колдун повторил фразу Беатриче и отсоединил спину от стойки, также, важно приподнял воротничок футболки, словно шел на дело какое важное.

Стадо друзей — гиен ржало пока шли дальше мимо гардероба по направлению к администраторам. Шутники у меня друзья, немного с причудами. Замыкала процессию я.

Администратор или официант — помните уroda, которому я опустила на голову поднос с бокалами, вот его сегодня и встретила. Вспомнил, судя по тому, как старательно избегал смотреть на меня.

Места представили на втором этаже, на балконе. Здесь много было разных столиков, где собралась очень много молодежи в самых разных одеждах, кто повторял стиль группы, кто был прилично одет, как и мы.

Вип-места (адское логово чертей) со шторками — справа, через лестницу. В принципе нас не должно быть видно.

Не прошло и двадцати минут к сожалению, успели заказать выпить, когда наше уединение было нарушено приходом опять этого администратора. Шрамов у мужика не осталось, а я переживала.

— Эмм... Анна Сергеевна! — имя отчество знает? — Вам предоставляют вип-помещение на третьем этаже.

Мужчина показал на потолок. Мы автоматически посмотрели вслед за пальцем. Там же вроде потолок. Я думала в Рае два этажа.

— Нам и здесь вроде неплохо, — пожалала плечами, руку подставила под подбородок. С какого Бастарда я буду куда-то идти, мне и здесь неплохо сидится.

— Дмитрий Сергеевич просил... — с трудом выдавил фразу мужчина. Он просил у

кого-то что-то? Очень смешно. — Дмитрий Сергеевич просил, чтобы я вас туда отправил!

Еще раз мужчина указал на потолок. Зачем? Искренне удивилась уже ни одна я. Ребята тоже посматривали то на официанта, то между собой.

— Зачем? — спросила я. — Что там?

— Там остекленное вип-помещение, если будет слишком громкая музыка, вы сможете спокойно отдохнуть в тишине и спокойствии. Там очень красиво и мы очень редко его используем...

— Какая честь... — буркнул насмешливо Беатриче мне на ухо, а я ему по плечу рукой треснула. Самой бы не засмеяться.

— И Дмитрий Сергеевич сказал передать, если я вас туда не отведу, он меня уволит по статье, — закончил явно нервничавший официант.

Ну что же. Ладно, мне не сложно. Надеюсь это ни какая-нибудь его шуточка очередная — месть может? Закроет меня, например, в вип-помещении и будет морить голодом. За вчерашний концерт он пока не отомстил.

Администратор проводил вдоль ровных столиков, заполненных множеством людей, в большинстве своем Аристократами, но похоже сегодня вход возможен и Бастардам. Все-таки у нас праздник и не так часто нас пускают в подобные места. Дошли до лестницы винтовой. Я думала раньше это что-то вроде пожарной лестницы. По ней мы и поднялись.

Третий этаж — почти самая вершина клуба. По всей длине две похожие на коробки помещения из стекла. Три из четырех стен были темно-коричневые, последнее прозрачное — открывало вид на перила, которые огораживали нас от падения в огромную толпу беснующейся молодежи. Круто. Так высоко и немного страшновато. Сделаешь шаг и ты в этой темной черноте зала.

На расстоянии уровня глаз к потолку на ленте было привязано огромное желтое, блестящее, воздушное сердце. Знамя нашего праздника, оно покачивалось перед глазами от легкого дуновения из кондиционеров. Проектора горели над потолком и крутились в разные стороны, но до нас не доставали.

А здесь на третьем этаже, если зайти в помещение-коробку было по-романтически темно и бесшумно.

Обстановка скажем так — выколи глаз. Помпезная. Я без понятия для чего эти удобства в вип-помещении. Три белых дивана, между ними столик, телевизор, фонтан маленький, светильники. Ну, светильники, ладно, хотя бы не идеальный мрак в помещении. Цветы, чистота и красота. Зачем мне это на дискотеке? Разве что я здесь жить собралась? Жаль туалета нет в помещении.

продолжение главы следует...

Глава 22 "Международный День Бастардов. Рай"

Часть 2

прода 12.07

POV Вильмонт

Официант едва пятки не вылизал до блеска, а стервозинка Волчица охотно пользовалась благами, дарованными Дмитрием Сергеевичем.

«А вот здесь красная капелька вина на скатерти.»

«А посмотрите, пожалуйста, пепельница полная.»

«А у вас здесь пыль на фонтане.»

«Будьте добры нам кальян. Да...на воде...нет...вине я говорила...зачем мне на вине...я просила обычный!»

Стервозинка развлекалась, бедный официант стойко выдержал ее капризы. Аристократ прислуживает Бастарду, где бы записать.

Ребята покинули стеклянное помещение и расположились возле перил, откуда было видно черное пятно беснующейся толпы.

А у нас была тихо, музыка почти не слышалась, Жижка пока не начала выступать. С девочками развалились на трех диванах и курили кальян. Дрянь редкостная, кашляла как будто заразилась смертельной болезнью легких.

— Эммм. да... — протянула загадочная Волчица, она облюбовала средний диван, руки закинула за голову, ножкой покачивала в воздухе, играя с туплей на шпильке. — Вымерли мужики нынче...На работе извращенцы... — потом опять выдохнула. — Знаете... будет, наверное, честно раз уж мы узнали секрет Аньки, то я расскажу пожалуй и о себе немного.

— Пьяна? — усмехнулась я Волчице, та видимо дошла до стадии кондиции. Собралась плакаться?

Но атмосфера была очень теплая, ее можно было почувствовать, искренняя, доверительная, витала в легком полумраке среди нас. Вызывала приятное ощущение, ведь мы могли разделить секреты между собой. Волчица обхватила губами трубочку кальяна и сильно вдохнула грудью, ухитрилась задержать дыхание и выдохнуть протяжно.

— Кайф, — мечтательно улыбнулась Ева потолку и продолжила. — Я Аньке частично рассказывала. Всю жизнь жила с отцом, не знаю каким образом откупился, чтобы меня не забрали, но лучше бы забрали. Денег не было. Жили, как могли.

А в двенадцать лет(я рано сформировалась) продал меня дорогой родитель в Амиак. С тех пор наши дорожки с ним разошлись в разных направлениях, а я познала кучу стариков-извращенцев. О! Особенно одного запомнила навсегда, — Волчица опять оторвалась от рассказа на перекур.

Ева обожает курить, смею предположить, что из организма она пыталась вытащить всю грязь, что в ней скопилась. Подруга с огромным наслаждением выпускала дым из легких, будто стремилась очиститься от скверны.

— Шрам на спине, это была некая особенность у одного из моих клиентов, — расслышала продолжение. — В тот раз он перебрал с алкоголем и вогнал мне под лопатку ножик, чтобы попить крови. Большой чувак на всю голову! — усмехнулась подруга и

покрутила пальцем возле виска.

— В семнадцать лет я сбежала из Амиака, на улице была найдена молодым человеком, который оказался женат, к тому же... с детьми, но я-то по началу этого не знала. Отблагодарила как умела — телом. Кажется, влюбилась. Потом пришла его жена и рассказала правду. Хорошая женщина! Не ругалась, не обвиняла во всем меня, попросила оставить Ивана ей, ведь у них семья, дети, а у меня жизнь впереди.

Предложила поучиться в университете, убирая соперницу с дороги. Я естественно согласилась... Она до сих пор периодически звонит и интересуется делами. Я никогда не знала более доброжелательных людей, по гроб жизни буду благодарна ей. Мир не без добрых людей!

Поражаюсь в который раз Еве, она со смехом говорит о тяжелых событиях, не плачет, не ноет. Иногда скалится, конечно, куда без этого. Но одно я успела почувствовать в ней, она ненавидит себя, и думает, что не заслуживает счастья.

Волчица закончила в одиночестве курить, опустила ноги на пол, поправила туфли и передала трубку Маше. Та сидела справа от нее, перпендикулярно на втором диване.

Маруся в платье темно-синем, строгом до колен, но это прогресс. Как не странно и она начала рассказывать спокойным, равнодушным голосом:

— Я всегда была тихая и спокойная, никого не трогала. Красотой не блистала и меня это устраивало. Наш интернат соединили с другим из-за маленького количества людей. Его звали Игорь — местная звезда, красавчик. И я удивилась, когда он обратил на меня внимание. Начал ухаживать. Я, никогда не знавшая любви, была вне себя от восторга и влюбилась без памяти в галантного, общительного юношу. Как позднее оказалось это развлечение у Бастардов — выбирали жертву новенькую, невинную девочку. Выбрали меня.

Я переспала с Игорем. Конечно, все было великолепно, романтика, первая ночь вместе. А когда он кончил, то открыл дверь из комнаты и что я увидела? Его друзей, которые не преминули поиграться с распакованной девочкой, а напоследок избили.

Один плюс — после того случая, я получила связь с энергией... с того дня чувствую пульсацию в тех местах, где у кого, что болит. Обезболиваю прикосновением к этому месту...

— Это когда ты меня избитую реанимировала? — перебила я с улыбкой, на что Маша кивнула и продолжила смотреть сквозь меня на стекло-стену, через которую видели спины ребят.

— Подвожу итог, — Маша не курила, держала трубочку в руках и теребила ее. — Ненавижу Бастардов. Это моральные, сломанные уроды, в интернате нет ни одного здорового на психику человека. Мне проще общаться с Аристократами, от них ждешь беды.

Маша закована в коконе, куда не возможно пробраться. Она защитилась прочной кирпичной стенкой, которую бережно охраняла от постороннего вмешательства. И мы для нее по-прежнему никто, это не больно осознавать. Это понятно. Слишком сильно ей некогда пробили эту стену, теперь залатала прочно.

Трубка признаний перешла в худенькие пальцы Кристины. Подруга располагалась правее Маши, пальчиком накручивала кудрявую прядку волос. Нервничала?

— А я ненавижу мужчин! Всех до единого! — Гиена наша трубкой от кальяна очень важно прочертила линию в воздухе, имея ввиду с одной стороны — она, с другой — мужской пол. — Презираю всех и каждого!

— Это мы уже поняли! — заметила Волчица. — Ты по девочкам?

Ева обожала подкалывать Кристину, а та вечно вспыхивала и злилась, так и в этот раз бледные щеки Гиена покрылись красными кругами. От гнева краснела постоянно, но сегодня сдержалась и заговорила спокойным тоном, как ведущий новостей, докладывавший о чрезвычайных происшествиях без единой эмоции на камеру:

— Около одиннадцати лет мне было... смутно помню... — Кристина опустила голову вниз, обняла ее руками, словно защищаясь от нападков людей или от камней, которые должны посыпаться ей на макушку. — Помню был дождь. грязь... меня в очередной раз довел комендант до слез недвусмысленными намеками. Старшая сестра...близнец...мой... всегда была сильнее меня, психанула в тот раз и предложила нам сбежать. Сбежали...как в тумане плохо помню, как удалось это провернуть. Катя была сообразительная девочка.

Сбежали не надолго, нас сразу хватились. Вы знаете, чем заканчивается попытка бегства? И я знала, и Катя знала. Ее поймали, а я сбежала и оставила ее упавшую в грязь... могла остановиться и подать ей руку, но я...этого...не сделала. Я оставила...ее...там...одну.

От слов Кристины было до дрожи в руках холодно. Я нервно обняла свои руки и растерла их, пытаюсь согреться. Не помогало, слишком зябко.

— В ту же дождливую ночь сидела на обочине, где меня нашел мальчик чуть старше меня. Утащил к себе игрушку-Бастарда, подарил кров и пищу, с согласия отца предоставил комнату в доме.

Я была очень благодарна семье за их помощь. Они дали документы, с тех пор Бастарда Кристины нет, есть Аристократка Кристина. По этой причине я управляю транспортным средством, если вас это когда-то интересовало, — явно Гиена обратилась к нам, но мы синхронно промолчали.

— А через год, когда исполнилось тринадцать, меня первый раз трахнул отец того мальчика. Этому уроду было пятьдесят два года, — с этой фразой Кристина подняла холодные голубые глаза вперед, куда-то вскользь на мои колени. Будто видела там чужое лицо.

— И с того момента моя жизнь была больше похожа на ночной кошмар, я думать боюсь о сексе. Саша — это тот мальчик, что нашел меня, ничего не знал или делал вид, что не знает о нас с его отцом. Я молчала, всегда молчала. Исполняла покорно, не было выхода.

— Ближе к моим восемнадцати, когда интерес извращенца не так часто стал проявляться, как раньше (видимо, педофилу подавай помоложе) я начала дышать чуть легче. Упросила старикашку отправить меня в институт на учебу, тот пробил место по своим связям. А потом этот урод сдох, пищевое отравление, — и Кристина улыбнулась себе или своим мыслям, или воспоминаниям.

— Мы с Сашей единственные наследники. У него семьдесят процентов, у меня тридцать. Отсюда и машина, как вечная память об этом уроде.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я взяла стакан с холодным напитком со столика и жадно стала лакать пойло, чтобы смыть навверное привкус горечи. Мы здесь как будто хороним кого-то. На звуки глотков девочки встрепенулись, словно энерговик-гипнотизер щелкнул пальцами. Мы очнулись от наваждения, повели плечами, скидывая напряжение, и выпрямились. Я громко поставил бокал на стол:

— Да... а я думала у меня жизнь не сахар... Я просто Бастард, который пол жизни притворялся Аристократкой и который недавно повстречал на своем пути неадекватного Хас...

Пока рассказывала рассматривала стены салатные и потолок. Пригляделась повнимательнее.

Волчица тоже обратила внимание, куда и я.

— А я-то думаю, что он такой вежливый!!! — взорвалась я и от переизбытка чувств хлопнула по коленям, обтянутым черными штанами. — Здесь камеры натканы!

Указала гневно на потолок, где засекала одну из видеокамер, встала на пол и оглядела помещение на предмет слежки. Девочки посмотрели по сторонам вслед за мной.

— Вон еще одна! — Маша пальцем ткнула в сторону стеклянной стены.

— Вот же.... - бранную речь я проглотила. — Вот ведь наследник! Решил опять ошейник надеть и поводок прицепить. Просчитался!

Может конфигурация из среднего пальца показать на камеру, правда это слишком по-детски.

А дальше мы полчаса провели в дебатах по поводу шизофреника Хаски. Я не знаю, фиксируют камеры звук или нет, это не столь важно.

Этот «человек» — очень странный. Он не извинился за поведение, он не осознает, не понимает или не считает нужным извиниться за прошлые поступки. Понимаете...как бы.

Ну изнасиловал, ну взял, раз ты не давала. Хотел и взял. Это мое право. Я хотел — а ты должна была раздвинуть ноги. Ну продал тебя на развлечение, ну бывает. Прошло — забыли.

Да он издевается! Я понимаю, что от него не дождешься никогда извинений, его не исправить, но...Бастард подери... я в шоке.

Хаски больше не злится на тот факт, что я Вильмонт. А теперь что? Я даже подумать боюсь и его загадочная фраза про «моя Аристократка»? Он реально не понимает, что я его ненавижу и быстрее с Пуделем начну встречаться или с Трески назло ему, но только не с ним. С кем угодно, хоть с официантом, которому на голову поднос свалила.

Но Хаски для меня не существует, как мужчина. Он зверь.

Долго я обмывала мысленно ему косточки, пока не расслышали слабо слышимый голос солиста группы ЖИЖИ сквозь стенки помещения. Тогда мы оживились, решили, что достаточно насиделись и пора поплясать.

Как только вышла в густую толпу извивающейся, как под ударами тока, молодежи, несмотря на темноту и лучи прожекторов, которые преследовали по пятам, лазеры глаз почувствовала сразу. Спина сама распрямилась, тело напряглось от исследовательского интереса.

Как он меня вычисляет среди сотни народа, ну ладно, кофта белая с оголенными плечами, ну кудрявая темная голова. Как меня можно вычислить с такой легкостью, я через одного человека не вижу, кто здесь в зале.

В меня кто-то врезался, приготовилась гаркнуть на слона и неловко остановилась, разглядев знакомые черты лица.

— Миша? — удивилась и попыталась повторно озвучить имя, потому что музыка орала громко на уши и с трудом понятны слова человека. — Это ты?

Ангельский не узнаваем, вместо привычного аккуратного стиля, на голове бедлам, в ухе сережка заметно мерцала и покачивалась, черная футболка с логотипом группы ЖИЖА и темные штаны с цепями. Это Миша? А где брюки и пиджак, или пальто строгое?

— Сто лет не виделись! — Ангельский присмотрелся ко мне и, распахнув руки, заключил в объятия. От силы обхвата в спине что-то хрустнуло.

— Почему сто лет? Месяц назад? — удивленно пробубнила в футболку мужскую. Ангельский рисковал сплющить мой нос об свою грудь!

Когда объятия исчезли, я смогла дышать спокойнее, правда ненадолго. Холодный порыв ветра небольшим лучом пролетел перед носом, всколыхнул мои волосы спереди, которые от дуновения в глаза налезли. Змея ветра продолжила путь по мне: ощутила на затылке прохладу, по спине, по лопаткам. Медленное колыхание воздуха больше смахивало на обыкновенные прикосновения пальцев или ладони руки.

— А точно... — Миша слезка перевозбужденный (может не трезв?), честно говоря не представляла его таким. — Я здесь по работе. Кстати, не хочешь поработать в Управленческом центре? Ты в Вышке учишься, специальность подойдет, как раз управленческие функции у вас в почете.

Что ответить, когда порыв ледяного ветра по пояснице пролетел, и очень я его остро ощутила на попе. Будто ладонь положил и готова поклясться еще и погладил нахально. Испытывала огромное желание рукой провести по бедрам и снять это ощущение, но боялась примут за душевнобольную. Девушка лапает себя за задницу!?

— Миш, я только на первом курсе, успею еще поработать, — ответила на предложение. А на губах, когда сомкнула их, почувствовала ледяное прикосновение от второй видимо руки, потому что с ягодиц ощущение не пропадало.

Лед по губам, по подбородку, ниже-ниже, холодная волна прикоснулась к шее, к тому месту, где кадык у мужчин выпирал. Почувствовала давление на эту точку, словно предупреждение — не глупить, иначе моя шея в его руках.

С гулким шумом в голове от музыки стояла не шелохнувшись. Его ледяные прикосновения похожи на сталь, на острое лезвие ножа, также аккуратно он водил по частям тела, заставляя сердце боязливо сжиматься. Кожу не резал до крови, а только запугивал.

Внезапно — сильное давление на груди заставило задохнуться, и испуганно задержать воздух в легких, будто кистью руки надавил на ребра, не давая дышать. Чуть ослабил.

Всевышние силы, я проклята! Холод с груди и бедер не пропадал. Он меня держал, как на привязи, стиснув в объятиях. А Миша безотрывно поглядывал на живописный страх перед собой.

Спас от разъяснений голос солиста, раздавшегося на весь Рай. Молодежь заголосила во всё горло. Миша обернулся в сторону музыкальной установки и хлопал громко в ладоши, повезло, не пришлось отвечать.

Как раз вернулась Волчица, протиснувшись сквозь огромную толпу. А я слушала вступление музыкальной группы, но вот противно-холодные прикосновения не спешили покидать. Жутко любопытно, а он чувствовал прям мое тело, как настоящие прикосновения или нет? Или это у меня странное ощущение его присутствия рядом.

Пока Миша и Волчица отвернулись, я двумя ладонями провела с шеи вниз по груди и вновь вверх. Грудь от прикосновений подпрыгнула туда-сюда, а наглое чужое давление не пропало.

Скосила взгляд направо, неподалеку парень светловолосый наблюдал, может мой ровесник, за процессом, как я поддерживала грудь. Жесть! Быстро опустила руки по швам и обратила внимание на сцену с артистами, которые начали концерт.

Ничего песенки у ЖИЖЫ. Мне нравятся. Особенно, если вслушиваться.

«Очень жаль, что ты тогда мне поверить не смогла,

В то, что новый твой приятель не такой, как все.»

Ну это точно, откуда я знала в Белесье, что Хаски больной на голову и я, как наивный кузнечик, нырнула в сочок с головой, что Дмитрий заботливо подставил. Интересно, он заранее распланировал поймать под афродизиак? Они с этой целью привезли нас на горки?

«Ты осталась с ним вдвоем,
Не зная ничего о нем.
Что для всех опасен он,
Наплевать тебе.»

Да уж. Осталась с ним вдвоем на той чертовой кухне и вообще весь отдых накручивала возле него пируэты. "Кто знает, что можешь здесь пропустить." "Ну давай, Хаски, покатаемся на горках". Вот дура! Разбудила равнодушного зверя на свою голову.

«И ты попала к настоящему колдуну.
Он загубил таких, как ты не одну.
Словно куклою в час ночной,
Теперь он может управлять тобой»

Управлять? Ну да. Хаски всеми управляет, как бездушными марионетками, сделала вывод по холодку, который лишь сейчас отпустил. Дмитрий рисковал застудить мне грудь и попу! Достал. Я так и стояла спиной к нему, а он на своем балконе, на втором этаже подпирал, как любил делать, перила.

И я знала, что зверь наблюдал за мной, не знаю какое чувство всегда это подсказывало.

Хаски изучал свою добычу или что-то просчитывал. Но мне определенно не нравилось затишье перед вселенской катастрофой.

POV Хаски

А я, собственно, не собирался тратить вечер перед выходным днем на пустое времяпрепровождение. Я его с пользой проводил до поры до времени, пока не узнал, кто пожаловал сам ко мне, обернутый заманчивой красивой оберткой. В пианино одиноко без тебя, девочка.

Польски, наконец, достал информацию о Вильмонт, пока я его не пнул, даже не торопился.

И что я обнаружил? Я обнаружил, что Капрал разведывательной службы некогда страны Страда не способен достать необходимую информацию об интересующем объекте. Четыре страницы. Он способен целый трактат сочинить о собаке по имени Федор, рожденной вчера. А здесь четыре странички.

Ну, Вильмонт, шифровщик! Что я могу обнаружить кошмарного, что Аня — Бастард? Очень смешно, каждый второй располагает данной информацией.

Сложилось впечатление будто Польски достал сведения из Клика: какую школу заканчивала, о Шмонте немного. Похоже я убрал не того микроба, а Иван кто?

Белая кофта очень привлекала внимание среди массы темной толпы. Аня прикидывалась, что не чувствовала мой взгляд? Через чур старательно не смотрела наверх.

Санек заорал над ухом с Виталиком. Дорада опять ирокез себе сделал на голове. Жуткое зрелище, мои друзья копировали облик Бастардов-певцов. А если бы Польски кудрявые лохмы поставил торчком, наверное, было бы весело.

Они удивились моему появлению, я зарекался еще в последний раз на выступлении ЖИЖЫ никогда в жизни не приходить. На этот бред. Заворот кишок получишь в результате

прослушивания данного направления музыки. Как можно есть или пить и слушать тексты о крови, сердцах и трупах? Я лично боялся.

Я конечно, вполне могу морду набить, свернуть черепушку, но наблюдать за результатом кровавых трудов не люблю. Как громко друзья орали рядом с ухом, очень хотелось закрыться от мешавших звуков. А Вильмонт похоже нравились эти песни, видно по тому, как она похлопывала и кажется пела. Никогда не слышал, чтобы она пела.

Ну ладно, послушаю, что за бред в песнях ЖИЖЫ.

«Кровь, погони, страсть.

Жить любой ценою»

Эй, Бастард, это ты поешь? Ты знаешь какого жить любой ценою? Что такое кровь, твоя собственная кровь? Ее вкус знаешь? Ее насыщенный или же бледный цвет? А знаешь, как она пахнет, какой жуткий смрад от нее исходит?

А так, это ваши глупые, романтические сопли!

«Презираю этот мир.

Миром его называть не хочу»

Ты презираешь, никчемный Бастард!? Трусливое ничтожество!? Ты презираешь!? Это ты достоин лишь презрения, покорная псина, что живет в тени Аристократов и которая позволяет собой манипулировать.

Лишь можешь плакаться, ты не способен встать напротив и бороться, невзирая на мое положение и заметный выигрыш в силе. Опустить руки и без битвы, вот за это я вас и презираю, жалких Бастардов.

А Вильмонт встанет напротив и пусть проиграет, но не отступит. И дело не в ее фамилии, и кольце с охранником. Она всегда давала мне отпор...и это так заводит...

«И сбылись ли странные эти мечты»

Открою секрет, жалкий Бастард. Мечты — удел слабаков. Есть цель и ты идешь к ней напролом. А мечта — это жалкая попытка реабилитироваться перед собой за неудачи. Ах, это не осуществимо. Открою второй секрет — всё возможно, если захотеть.

Да, Анани...тьфу... Вильмонт!? Не привыкну до конца. Когда я чего-то хочу, я это беру и возьму еще ни раз. Я это до дрожи в руках хочу.

«Мир увидит, пусть увидит,

Как мы дойдем до конца»

Эй... помирать я пока не собрался, я еще пожить хочу. Впервые говорю — я жить хочу и это не ради приумножения богатства Хаски.

«На тебя гляжу во мгле

Мертвой рукой, прикасаясь к тебе.

Ты пушинка, ты на небе.

Я же, как камень, и я на земле».

Кто там распределяет людей после смерти? Какие всевышние силы? Вильмонт попадет в рай на небеса, а я, к сожалению, буду гореть под землей без нее.

Не, так не пойдет. Свои грехи никогда не искупить, придется Вильмонт заставить грешить, ну или взятку дать всевышним силам, дабы забрать ее с собой.

Будем вместе гореть в адовом котлете. Не бойся, малышка, у меня иммунитет к огню, не пропадем.

Громкие аплодисменты заставили отмереть, и вздрогнуть, когда Польски засвистел над ухом.

Какой бред посетил мою голову? Я говорил, ЖИЖА опасна для душевного состояния мирного населения, надо их запретить.

Пойду оттанцюю Вильмонт, а то рядом с ней раздражающий объект в лице Ангельского. И откуда они знакомы?

Глава 23 "Международный День Бастардов. Ад "

POV Вильмонт

Волчица побежала наверх подкрепиться долей алкоголя, Миша побежал за коктейлями. А я втайне недоумевала, как такой человек слушает ЖИЖУ? Весь правильный, не курит, пьет бокал вина максимум. А тут бегаёт за коктейлями и слушает сомнительную группу. Ладно, не мне судить. Я и вовсе Аристократка — курю, выпиваю, матом ругаюсь, и якшаюсь с Бастардами. Поэтому скромно замолкаю.

Запах гари. Резко огляделась по сторонам. Может кто на танцполе курит? Везде танцевали, конвульсивно дрыгались под начинавшиеся музыкальные аккорды. Вздогнула, когда над головой отвлекла яркая вспышка. Серебристое сердце (знамя) сверху на потолке загорелось, как факел. Помещение наполнилось светом от огня и испуганными вскриками толпы.

Сердце ведь на чем-то держалось? Через секунду тяжелое украшение начало падать нам на головы. Оно очень большое и попадет прямо в центр, где как раз стояла я в гуще толпы.

Срочно вытащила из тела любой страх, сомнения, лишние мысли, выпустила плотный поток второй энергии. Прикрыла глаза, сменив обстановку, подальше от центра. Приземлилась возле лестницы.

Огромная, горевшая махина рухнула на головы толпы. Визг голосов перекрыл музыку из динамиков. Люди, на которых попало горящее украшение вечера, стенали, как раненные звери.

Сработала пожарная сигнализация и полился сверху небольшой поток воды. Музыкальная установка ярко вспыхнула, бесконечные провода зажглись повсюду.

Я чувствовала ледяные капли воды с потолка, но это не помогало. Огонь, как будто кто-то поддувал, распространялся по помещению: сначала сцена, центр, где была я до перемещения, выход из дискотеки.

Весь зал потонул в болоте ужаса. Пламя лизало стены и от этого становилось необычайно светло для ночного клуба.

— Вильмонт! — отвлеклась на голос. Хаски держал за плечи и дергал. У него ладони теплые, а у меня пальцы ледяные. — Очнись! Что застыла!?

Очнулась, когда увидела его спину, скрытую черной толстовкой, и руку, что вела вперед в сторону выхода. Хаски перемещался тихо, медленно переходя между людьми, пылавшими огнем. Мы уходим?

— Стой! — резко вырвала руку, на что Хаски отреагировал. Развернулся с убийным лицом, будто сейчас меня собирался вырубить, нажав на какую-нибудь точку на теле для отключения сознания.

— Только истерик не хватало! — отчитал, как малолетнюю дурочку, что несла несусветную ересь. Вместо битья меня, взял повторно за руку, сжал до боли и потянул за собой.

— Отпусти! — пальцами второй руки вцепилась ему в запястье. Сейчас начну кусаться.

— Слушай, не спорь в подобные моменты. Здесь лучше я за нас подумаю... — он очень аккуратно переступал, а огонь не становился меньше. — Пожарка не справляется, слишком стремительный порыв огня, что-то здесь не чисто... Ты слишком мелкая, тебя здесь легко

потерять, не отпускай моей руки...

Дима отпустил меня, чтобы убрать с себя орущее существо. Мужчина-посетитель горел весь, одежда, волосы, руки, но Хаски сдерживал его за плечи и только лицо убирал. Ему не страшны огненные прикосновения к телу. Потом Дима чуть надавил на мешавший объект, убирая от себя.

А я сообразила, что надо сделать пока Хаски отвернулся. Развернулась для бегства и на ходу представила то место, где хотела бы оказаться. Девочки мои наверху на третьем этаже, если не доберусь до них, они там сгорят заживо.

Ярко-красный свет поглотил мое тело, и уже почти исчезнув, почувствовала стальной зажим на ладони. Пальцы с невероятной силы сдавило тисками, что я невнятно простонала.

Я с Хаски переместилась на тот первый столик, куда нас привел официант в самом начале.

— Сдурела!? — Дима взял меня за плечи и встряхнул очень резко. Как копилку с мелочью, так что скривилась от боли, синяки будут точно. Видно понял, что переборщил и чуть ослабил захват, но лицо его было по-прежнему страшным от гнева, морщины изуродовали лоб, глаза сузились. Опять встряхнул, как безвольную куклу.

— Что творишь!? Если бы бил женщин, по-любому тебе оплеух надавал. Что ты сделала!? — притянул чуть ближе к себе, а мне в ответ хотелось от души ему на ногу наступить

Плотнее сжала челюсть и проморгалась или от дыма, или от нагоняя думала разрыдаюсь.

— Я не уйду без девочек, — очень тихо поведала ему.

— Не уйдешь? — внезапно голос его стал не громким и яростным, а скорее легким, интересующимся.

Я покачала отрицательно головой и отступила назад в сторону лестницы, которая вела на третий этаж.

— Ну что же, — пожал плечами равнодушно Дима и оглядел сквозь перила толпу внизу под нами и разрастающееся пламя огня. — Тогда унесу!

Взвизгнула, когда меня перекинули верх тормашками, не успела вскрикнуть, попыталась зацепиться за что-нибудь. За перила пальцами схватилась, чуть руки не выдрал из сустава, когда резко дернул, отцепляя меня.

— Какой же ты твердолобый! — недовольно подняла спину. Очень неудобно Хаски перемещался, меня-то подкидывало, пока он по ступенькам сбегал, но надо отдать должно поддерживал за бедра, чтобы я не упала.

Ногами стала мельтешить туда-сюда, чтобы нарушить ему возможность нормально передвигаться. А он как хлопнет по заднице. Больно. Вскрикнула от неожиданности.

— Да почему ты никак послушать меня не можешь!? — заорала во все горло, чтобы перекричать гул народа. — Ты не желаешь знать, что я чувствую! Ты такой эгоист!

Приподняла тело и оглянулась наверх туда, где было наше vip-помещение, и где были девочки. Попытки достучаться до Хаски всегда заканчивались одним — ничем, полным игнорированием. Надежда плавно рассеивалась внутри тела.

— Ты...ты говоришь... что я нужна тебе...что вроде важна для тебя... но почему тебе сложно подумать о том, что я чувствую, — говорила это тихо.

Не кричала, просто от безысходности, смиренно говорила то, что наболело за все время, которое мы провели вместе, за всю нашу историю. То, что ранило больше любого насилия.

Мое слово для него тишина.

— Мне будет плохо, — поведала его черной толстовке, пальцами ухватила за нее зачем-то. Хозяин ее остановился на одной ступеньке, будто прислушивался. — Мне будет плохо, если не помогу девочкам.

Только бы не разрыдаться. Может это от дыма, который очень сильно стал наполнять помещение ровным белым полотном. И он поднимался все выше и выше.

— Хорошо, — внезапно услышала. Хорошо? Меня поставили на ступеньку, но поддерживали попу, как будто она упадет, если ее не держать обоими ладонями. Дима смотрел, как и всегда сверху вниз, а мне приходилось задирать голову до боли в затылке. Руку одну убрал с бедер и взял прядь моих волос.

— Если хоть один волос, — и он встряхнул прядь в своих руках. — Хоть один твой кудрявый, черный волос слетит с твоей головы сегодня, я всех Бастардов затолкаю в тоже помещение и сам подожгу!

И он натурально улыбнулся, как садист-извращенец, готовившийся вырезать кому-нибудь глаза и стойко наблюдать за процессом. На последнем слове спокойно опустил волос.

— Учись отвечать за свои поступки, а не дурью заниматься! — это я уже расслышала, когда мы двинулись в обратном пути на второй этаже, сквозь столики, которые опустели.

Дым поднимался высоко вверх и на втором этаже становилось нечем дышать. На первом — огонь, на второй поднимался белый туман и гарь.

По винтовой лестнице поднялись на третий этаж. Через боковые прозрачные стекла нашего вип-помещения увидела девочек всех троих. Они показывали пальцем на дверь и качали головой.

— Кажется, не открывается! — обвинительно озвучила Диме.

— А я и не сомневался, раз пожарка не справляется, значит и система безопасности накрылась, — держал руки на груди и делал вид, что его ничто не волнует.

Я испуганно посмотрела на Хаски, потом на клетку, будто сейчас готовилась по крайней мере туда же сквозь стекло просочиться.

С тяжелым крайне недовольным вздохом он скомандовал:

— Жди, — поднял руку с часами на уровень глаз и что-то там принялся набирать. — Говорили энерговиков с водой набирать, а я мимо ушей пропустил совет. Думал пожарка справится... — продолжал рассказывать часам. — И поменьше дыши дымом, хоть через кофту что ли?

Последнее относилось явно ко мне. Показал взглядом на немного намокшую от воды кофту. Я не успела ответить на его замечание — приказ, а только вздрогнула от внезапного звука разбитого стекла. Осколки громко задребезжали на полу.

Синхронно обернулись с Хаски в сторону звука. Я предполагала, что там стена, но при более тщательном осмотре обнаружила, что там были небольшие окна ближе к потолку. Одно из них теперь разбито.

А на полу валялось что-то черное, похожее на мешок или пакет, или куклу? Не поняла сразу.

На глазах черное нечто удлинилось и приобрело человеческий рост и... человеческую мужскую задницу. Лицом неизвестный лежал в пол. Это что?

— Отличный полет! — услышала от Хаски и он отошел, на ходу стягивая толстовку с плеч, затем присел возле головы впорхнувшего объекта. — Орел, жив!?

— Жив, — ответил в пол знакомый голос. — Я сначала не под рассчитал и в стену клуба врезался, — продолжила объяснять голова, которая одна единственная оторвалась от пола, тело валялось голое перед моими глазами. Это Виталик. Он обертыш? Не знала. — Привет, Ань! — улыбнулся мне и помахал рукой, как дурачок или как ребенок, что увидел желанного на праздник клоуна и находился в предвкушении праздника.

— Привет! — ответила, при этом отвернулась от вида голого мужика, которого будут одевать в толстовку. Смотрела на клетку с девочками и на дверь. Нам надо разбить дверь или окна.

Услышала вновь шаги по лестнице, к нам кто-то поднимался. Кучерявая голова была в очень хорошем расположении духа и дарила лучи добра и света своей улыбкой.

— На меня охранники, как на шизанутого Бастарда смотрели, когда я заходил в горящее здание! — с ехидцей поведаль Санек. — Мы из туалета спрыгнули, когда сердце загорелось, а вы почему медлили?

Пока подходил к нам ближе расспрашивал.

Я молча указала на клетку пальцем.

— Там девочки! — уточнила. — И мы не знаем, как их вытащить. Стекло разбить?

— Стекла пуленепробиваемые здесь, — поведаль Санек и подошел к железной двери при входе в vip-помещение. Покрутил ручку влево-вправо. — Не открывается!

Гениально, про себя подумала, но промолчала. Дым становился гуще, как и предлагал Хаски решила воспользоваться его советом по поводу мокрой ткани, где-то такое слышала, что через мокрую ткань угарный газ не попадает, а где-то это опровергали. В данном случае всякие подсказки лучше, чем ничего.

Виталик в черной толстовке по бедра, это ужас. Мужик голый. Поскольку это Виталик я очень старательно делала вид, что ничего не вижу, но боковым зрением зацепляла волосатые колени и босые стопы.

— Виталик, прости, но это ужас! — не смогла остаться равнодушной, все-таки засмеялась слегка, прикрыв пальцами губы.

— Носи с собой в клюве одежду, — развернул голову Хаски к Виталику и очень надсадно это проговорил.

— Ты научился шутить? — демонстративно засмеялся Польски. — Я думал зачатки юмора у него сгнили еще в месячном возрасте, — обратился Пудель ко мне, сказав это более тихо, чем прежде. Я закусила губу, боясь засмеяться. Хаски очень уж наглядно демонстрировал, что ответный юмор зачтется в будущем мне в плохую сторону.

— Спа. сс. ать Бастаррррдов бууудем? — донеслась невнятная фраза от Виталика.

И где он набрался? И главное, как долетел до окна и не разбился в птичьи дребезги?

Пудель подошел еще раз к двери пнул ее плечом, так быстрее сломает руку.

— А может перенестись? Туда, а потом обратно с девочками? — предложила я, наблюдая за беспочвенными агрессивными попытками Польски сломать себе плечо.

— Для особо умных... — услышала поучительный тон Хаски. Пришлось на него смотреть, потому что его лазеры глаз непрерывно резали снисходительностью. — Особенно для тех, кто удумал в Военку поступать. Пуленепробиваемый — это значит, что не снаружи, не изнутри не срабатывает ни физическое, ни энергетическое воздействие. Можешь начинать головой биться об стекло! — Хаски показал на помещение двумя руками в приглашающем жесте, едва не поклонился.

Я глаза закатила к потолку. Дым становился плотнее над головой и запах гари

усиливался. Как мы будем выбираться, если основной огонь внизу? Сюда пока не успел добраться, но это временно.

Неосознанно ладонями обхватила себя, будто мне зябко и пыталась подобным образом согреться. Не время нервничать, но на удивление я спокойно стояла, правда старалась не двигаться, боялась ноги подогнуться.

— Слушай, а это мысль! — Польски перестал долбить дверь и вернулся к нашей кучке из четырех человек. — Пуленепробиваемый. Все равно даже у пуленепробиваемых есть предел, после которого ПШИК! — Пудель развел соединенные кончики пальцев в разные стороны, изображая взрыв. — Дверь железную если только с петель снести. Либо можно стекло чем-то острым пробить, это проще, чем целую дверь выносить. Правда, следующий вопрос, кто из нас способен на сверхчеловеческие поступки?

Я перестала слушать Польски, обошла, стуча каблуками по полу, с другой стороны помещения, к прозрачному стеклу. Девочки отреагировали, встали впрыток к стене. Звуков не слышно, но на пальцах реально объяснить. Показала сначала на стекло сгибом пальца, постучав, затем указала на Кристину. Та удивленно руку положила к себе на грудь, на что я кивнула согласно.

Девочки огляделись по пространству, выискивая видимо, что потяжелее.

Первым полетел телевизор в стекло. Гроыхнул предмет и ноль эффекта. Мы вчетвером стояли, как на концерте, в ожидании результата. Потом полетел фонтан, кальян.

В конце концов Маша показала на столик, девочки втроем обступили стеклянный предмет и обсуждали что-то между собой.

У нас времени мало.

Маша присела на одно колено и перевернула столик боком. Он не очень тяжелый, поэтому Медведица вполне смогла это осуществить без дополнительных рук. И начала откручивать стальную ножку. Крутила-крутила и, наконец, вытащила. На конце ножки оказался металлический острый штырь, который вдевался в стол.

Во! Я пальцем большим показала вверх, мол правильно. Один удар Гиеной в стену, и мы четверо наблюдавших невольно отступили, когда под ноги полетели мелкие осколки.

Не время больше ждать, изучили вид с перил. Внизу огромное красное пространство, давка, паника, если туда сунемся — нас элементарно раздавят.

Единственное место, которое оставалось — это окна, туда и решили идти. К тому же, Виталик одно разбил. Свежий воздух приятно облегчал возможность дышать, температура в Рае заметно повысилась.

В окно первым направился Польски, при этом успел перехватить Волчицу на ее огромных каблуках и перекинуть на плечо, как трофей. Ох, она завизжала, пыталась глаза ему выколоть маникюром, а этот мистер взял и спрыгнул с третьего этажа. Уши заложило от крика, донесшегося от Волчицы.

Я нырнула в разбитое окошко, желая удостовериться в добром здравии подруги. Прямо внизу центральная лестница входа в Рай, а над ней прозрачная крыша, куда Польски и спрыгнул. Поднялся во весь рост с трофеем на плече и спустил Волчицу на землю, какому-то спасателю в руки.

Улица гудела от завываний сирен, ярко-голубые, красные лучи разрезали пространство города Арзонт в День Бастардов. Дым валил из окон Рая. Темно-синее небо стало почти черным, звезды на нем спрятались среди непролазной дымки.

Таким образом Польски и стоял на крыше по одному вытаскивая остальных, ловил стоя

внизу. Несколько метров, не очень высоко было прыгать на крышу.

Предпоследним был Хаски.

— Я первый, потом поймаю тебя, — рядом со мной прошмыгнул, без раздумий перенес ноги над подоконником и спрыгнул вниз. Поднялся и вытянул руки, поманив пальцами. Как собаку, которую мечтал посадить на цепь, мгновенно пришло озарение.

Я неуверенно кивнула и присела на краешек подоконника, свесив ноги в темноту. Сняла туфли на всякий случай и спрыгнула, а на середине пути переместилась чуть правее от Хаски. Почти аккуратно без особого давления тяжести после прыжка распрямилась.

Повернула красноречиво к наследнику голову, с намеком буду еще в твои объятия падать! Размечтался. Знал же, что могу перенестись спокойно.

Нет, наследник, третий раз я тебе не поверю. Достаточно был выдан кредит доверия. Больше я не поверю в твою человечность.

Приземлились в абсолютной тишине. Со всех сторон набежали какие-то люди, что-то делали, измеряли, укутывали в пледы, не давали спокойно перевести дыхание.

Я ни разу по-настоящему не испугалась, легкий мандраж потрясывал тело, но в остальном была спокойна.

Знаю Хаски способен выпутаться из любой ситуации, в этом плане на него можно положиться. Свою шкуру он спасет, поэтому наверное и не боялась. Еще тогда в Белесье я доверила ему жизнь на тех «экстремальных» горках. Но в него, как в человека, как в мужчину по отношению ко мне я не смогу поверить. Как и что не произойдет, я помню его удары по сердцу. Он навсегда оставил на мне шрамы своими поступками.

— Аня? — услышала знакомый, мужской голос Шмонта, мы в это время сидели на лавочке в скорой помощи. Беатриче, Колдун, Захар на месте. Они пропустили весь пожар, курили на улице стояли, и я думаю, что далеко не сигареты. Наркоманы... зато им жизнь спасло.

Шмонт забрался в машину, присел на корточки, взял мои руки к себе.

— Как себя чувствуешь? И откуда здесь оказалась? — удивленно спросил он.

Леня со мной заговорил? И простил за те фотки? Надо, чтобы меня почаще поджигали, тогда все прощать начнут.

— С девочками были, — указала равнодушно на подруг, из меня будто всю энергию высосали, и я мертвецки устала. Как труп встать не могла с лавочки. Адреналин похоже вышел, и я полностью амебная. Леня заботливо пригладил за ухо прядь моих волос, потер пальцем кожу лица.

— Ты грязная, — погладил щеку. — Поехали отвезу тебя.

Приподнял меня за ладони.

— Девочки вас тоже отвезу, — улыбочка модели не забыла осветить его идеальное лицо.

— Спасибо, — лучезарно поднялась Волчица с лавочки, при это поправила платье до приличной длины, показав свое главное достоинство — длинные, прямые ноги.

И при живой-то мне флиртуют, а ладно... махнула мысленно рукой.

Вышли из скорой, и все-таки пересеклись с господином взглядами. Бастард его раздери, не мог промолчать:

— Задохлик, бойся и оглядывайся по сторонам... — пальцем очень важно погрозил Хаски. И что он ему сделает, ну не уберет же?

— Перестань его так называть, — приказала, но меня выразительно проигнорировали,

взглядом вроде зацепили, но не ответили.

Хаски напоследок очень раздраженно изучил мое лицо. Почувствовала его крайнее недовольство, наверное суженные глаза об этом прокричали громко.

— Спасибо, — удалось выдавить из себя благодарность. Немного он помог сегодня и девочек спас.

Хаски не подал виду, что расслышал, развернулся с Виталиком и Саньком.

Девочек спас...Бастардов? Т. е...Он ради меня спас того, кого презирает и считает ничтожеством?

Повторно изучила спину интересующего объекта. Да, ладно? Дорогая Немийская земля ты перевернулась с ног на голову?

POV Вильмонт

Не укладывалось в голове — Хаски ради меня спас Бастардов? Эту грязь, что терпеть не мог и искренне презирал. Неужели лед раскололся и стало возможным вынырнуть из обители холода наверх. Я не вынырну, пока не удостоверюсь, что лед действительно разбился и реально дышать спокойно.

Закутавшись в теплый, белый халат, сидела на стуле, грела прохладные пальцы о нагретую чашку. Ветер сегодня сильно завывал в приоткрытое окно, а солнце аккуратно выглядывало из-за шторки, где был выход на балкон. Хорошее начало дня, спокойное, правда уже обед, пока я проспалась. Приехали поздно ночью, Ленька всех развез и укатил вновь по делам.

Я вчера опять избежала в пятый раз гибели. Не думаю, что целый клуб подпалили ради меня. А что поджег стало понятно еще вчера, по высказываниям Хаски.

Немного жаль, это место он любил больше всего, спасался в нем, прятался в вип-комнате от своего одиночества. Может не хотел оставаться один в квартире и неизменно проводил время в клубе среди людей, где работал, находился в шуме толпы. Как только я переехала в пианино, он делил время по вечерам со мной, почти перестал ходить в клуб. Я каждый раз с испугом отсчитывала данные минуты спокойствия до его прихода.

Я вообще не в состоянии точно охарактеризовать состояние, в котором тогда находилась. Злость из-за поломанной гордости? Однозначно. Меня злило его пренебрежение. Никогда не спрашивал, что я хотела, делал только то, что хотел сам. Я была против некоторых сексуальных изысков, но у меня не спрашивали, просто брали. Мое слово не имело значения, больно не больно, не важно, Аня потерпит. Хочу я делать минет или нет. Тоже не спрашивали, мою голову прислоняли к члену и всё. Либо шею сломают от силы давления, либо бери в рот.

У человека никакого понимания, что своими действиями причинял боль. Эгоист и насквозь пропитался этим эгоизмом. Нам элементарно поговорить не о чем было, он и не стремился. Будто с безмозглым Бастардом поговорить не реально. Хаски не рассказывал о работе, о семье, о друзьях, был скрытным, копил эмоции внутри. Но и никогда не кричал, как например вчера, сорвался, схватил за руки и тряс, как копилку с мелочью.

Он всегда казался спокоен, молчалив и играл со мной, как с любимой надувной куклой, которая слова лишнего боялась сказать.

Ему нужна тихая, спокойная девушка, как Кристина, идеальный вариант. Кстати, вспомнила, у Хаски помолвка через неделю. Я надеюсь будет огромный банкет и смогу туда прошмыгнуть и обязательно поставлю Кристине памятник при жизни за терпение. Как можно любить это равнодушное существо, которому нет ни до кого дела?

И я не верю, что Хаски испытывает ко мне какие-то чувства. Не верю. Тех, кто нравятся, оберегают и заботятся. Я так думаю, потому что о Лёне люблю заботиться, пусть я до сих и не понимаю, люблю его, как мужчину или как друга... потому что...когда мы целуемся, это приятно и это спокойно. И можно сорок минут целоваться, проверено мы делали и... желания снять с себя одежду совсем не появлялось.

И по поводу оргазма...как бы сказать я его с Леней не испы...

Я сравниваю? Прости, Леня! Это нечаянно, ты недостойн того, чтобы тебя сравнивали с этим монстром.

Включила телевизор, решила подобным методом отвлечься от тупых мыслей, что посещали непутевую, бесхребетную голову. Хотя, в голове и нет хребта априори. Соберись, Аня, не тупи!

А в новостях каждый канал трезвонил о случившихся событиях. Крупным планом показывали Рай, который превратился в обугленное, полу сожженное черное здание. Вывеска отвалилась, помещение огорожено от любопытной толпы красно-белой линией.

Хаски по-прежнему там, в той же белой футболке и джинсах. Белая футболка вряд ли такая же чистая, на ней и вчера были черные разводы. Он оттуда теперь не скоро выберется, сейчас разговаривал с женщиной в форме. Вид у Хаски помятый, или расстроенный, осунулся как-то в плечах, устал, наверное, ночь не спал, а сейчас обед.

Резко взяла допитую чашку и пошла ее мыть.

Меня не должно заботить состояние его здоровья, да пусть помрет на солнцепеке от усталости. Пусть почаще у него организации взрываются одна за одной. Как вчера... Да... прозвучало не очень. Я не настолько кровожадная особа. И людей жалко и даже этого монстра жалко.

Я хочу его ненавидеть, очень жажду ненавидеть. Потому что когда это чувство спит, то изнутри что-то вырывается, оно теплое, большое, трепетное, и всегда реагирует на присутствие Хаски рядом.

Я не хочу его вновь испытывать, я хочу его убить, заглушить, забить насмерть это что-то внутри. Пусть оно умрет, уснет навеки. Я не желаю это чувствовать.

Я, как мотылек летящий, к огню, меня привлекала его яркость, сила, уверенное горение, и невзирая на горячие, предупреждающие порывы подлетала к нему и постоянно обжигалась. И наверное, когда-нибудь пламя сожжет окончательно до незначительных черных углей.

Решила поехать к девочкам в общежитие, обсудить случившиеся события, но на середине дороги меня застал телефонный звонок. Номер не подписанный, но известный. Он иногда в кошмарах снится. И что Хаски понадобилось внезапно?

Оказалось, что понадобилось присутствие неподалеку от Рая, на соседней улице. Пообещал встретиться возле какого-то охранного пункта, потому что внутрь меня естественно не пустят. Он, как обычно, приказал и повесил трубку и будто само собой разумеющееся, я обязана выполнить. Знаете, впервые задумалась, больно его поведение напомнило собственного отца. Сказал въезжать столб — выхода нет. Мое дело — поверить или нет.

Но поскольку Хаски приглашал не к себе домой, а в участок, я решила, что это важно и явно не связано ни с чем «таким». А может меня посадить собрались? Только за что? Я вроде вчера ничего плохого не сделала. Кажется...

...А если Хаски прознал про моих ребят Бастардов? Ну и что такого? Я ни с кем не танцевала, да и камеры у него были. Знал в какой мы компании и что делали? Ничего ужасного там не было, хотя мало ли кто-то не так на меня посмотрел? Кто знает, этого шизика. А если...

Бастард раздери, а если он узнал, что ребята наркотики курили возле клуба, да он живьем сожрет!

Я говорила, что Колдун не от мира сего и постоянно молчит, вот по этой причине он и

молчун. В мыслях, наверное, смеется постоянно — успокаивается человек с наркотиками, говорит с интерната подобным образом расслаблялись. Мне не жалко, главное не в кровь себе гадость заливает. Это просто чуть сильнее сигарет.

Но если Хаски узнает...

Я слышала чистосердечное признание имеет свои плюсы для приговоренного.

С этой дурацкой мыслью припарковалась возле указанного места — бело-голубое трехэтажное здание, огороженное небольшим забором. Возле поста со шлагбаумом руки в бок стоял Хаски и переговаривался с Польски. Оба жмурились от яркого солнца и на меня пока не обращали внимания. Они вероятно не спали всю ночь и половину дня. Мужчины разговаривали тихо, но видно на очень серьезную тему, как-то вдумчиво, морщины иногда уродовали их лица.

Меня заметили, когда я подошла на расстоянии метров трех.

— Добрый день, — вымучила из себя небольшую улыбку и посвятила ее плечу Хаски, обтянутому грязной футболкой. Мистер чистюля совсем выжат, если не обращал внимания на внешний облик.

По очереди со мной поздоровались. Польски прошел первый к посту, сунул туда пачку документов и тихо переговаривался с охранником.

— А куда мы? — поинтересовалась у руки Хаски. В глаза ее владельца смотреть не хотелось, слишком всегда сложно, проще с его частями тела общаться.

— Внутрь, — логично. И слова не добавишь, хотелось блеснуть юмором. Но судя по тону голоса ему не до шуток, и я смолчала.

Что могло случиться? Мы вчера со Шмонтом возвращались и с девочками по домам, а парни-Бастарды остались возле Рая. И может нашли наркотики у Колдуна? А сколько светит за употребление!?

Ощущение будто через рот надули гелия, и я внутренне вздымаюсь, вздымаюсь, и вот-вот либо начну ржать не своим голосом или взорвусь от неизвестности. Где я сплеховала?

Сумку забыла взять с паспортом и руки деть не куда. Стояла дергала сарафанчик за подол, как маленькая девочка.

Пудель подозвал к пункту и велел нам двоим с Хаски расписаться.

После этого нас пропустили на территорию, и мы пошли мимо припаркованных по бокам автомобилей, мимо одиноких небольших деревьев ко входу в здание.

«Охранный пункт № 43 по Центральному округу г. Арзонт»

И чем они занимались эти охранные пункты? Если память не изменяла, они следили за общим благосостоянием города, за мелкими ворами и проститутками не бегали. А если крупная партия каких-нибудь наркотиков путешествовала по городу, они за это взялись бы. Да я же просила без наркотиков хотя бы!?

Пока шли по однотонному, голубому коридору, в ужасе продолжала сжимать платье пальцами и мысленно обливалась холодным потом. Хоть здесь и работали кондиционеры было жарко. Шея от распущенных волос запотела. Польски шел впереди, мы с Хаски сзади. Возле одной из железных дверей в глубине первого этажа Пудель остановился, постучался и, не дожидаясь разрешения, зашел.

Перед нами дверь раскрыл. Я хотела зайти, но нет, Хаски зашел первый, а ничего, что я девушка? Какой из него джентльмен? Бесит. Руки раздраженно скрестила под грудью, не дожидаясь доброго отношения к себе.

Но если рассматривать с точки зрения военного он сейчас правильно поступил. Первый

человек — всегда мишень, у второго есть шанс вырубить нападавшего в это время.

Ладно, уберу придирку.

Окинула серое, убогое помещение равнодушным взглядом. Один мужчина в серой форме в кепке почтительно поклонился нам, я едва заметно тоже кивнула. Зачем нам кланяться?

Еще двое мужчин-работников за темно-синим столом располагались на стульях, а на против них — парень. Его лохматая голова слегка наклонена, шевелюра закрывала лицо и тело. Осужденный?

А я здесь зачем? Впервые посмотрела на Хаски прямо, но он в этот раз проигнорировал вопрос, следил за действиями Пуделя.

Тот выудил из кармана джинсов увесистый кошелек или что это у него и положил на стол рядом с одним из охранников.

— Просьба покинуть место, — холодно отдал приказ Польски, бедром оперся о стол в ожидании исполнения.

Один из мужчин приподнялся неловко отодвинул стул, второй остался сидеть. Последний, послушавшийся приказа, заговорил:

— Нам запрещено покидать место расследования и заключенного.

— За это дело я несу ответственность, — ответил Польски.

Я не поняла!? А кем это у нас работает Польски? Я, конечно, понимаю фамилия имеет значение. Но похоже здесь фамилия даже Хаски не имела значения, именно поэтому здесь и находился Польски. Это он нас сюда привел.

А теперь главный вопрос, что это за дело? Я оглянулась еще раз на заключенного. Так: длинноватые волосы, человек без сознания, ноги, руки как и у всех, худощав немного. Подошла ближе, присела слегка, чтобы заглянуть человеку в лицо. Голова покачнулась в сторону, и я рассмотрела губу проколотую.

— Захар? — удивленно вырвалось, пальцами схватилась за его подбородок и подняла вверх. — Захар!

Потрясла лицо туда-сюда.

— Руки уברי, — услышала сзади, за плечи меня оттащили в бок, переставили, как фигурку на шахматах, без особого использования силы.

Хаски занял мое место, взял Захара за лицо, сжав его щеки. И правой рукой пару раз ему пощечин надавал. Я вцепилась когтями в запястье Хаски, я их отрастила слегка после того, как стала опять Аристократкой.

Дмитрий перестал бить по лицу и озвучил:

— По другому его не привести в сознание, — пришлось насильно убрать свои руки от его.

— Можно с меньшей силой, — пояснила и отвернулась, лишь бы не видеть. Через пару шлепков Захар очнулся и прокашлялся.

Проморгался и на нас посмотрел.

— Что это значит? — спросила у Хаски и Польки одновременно.

— Присаживайтесь, — указал Санек на пустовавшие два стула, где раньше сидели работники. У Захара руки сзади в наручниках сдвинуты за спиной. Смотрел в пол и молчал.

— Захар, в чем дело? — озвучила, но предложенное место заняла.

Польки положил на стол огромную, черную папку и начал рассказывать:

— Двенадцать случаев за два месяца. Поджоги, взрывы. Никогда не было настолько

частых терактов. Раньше они случались изредка между двумя нашими странами и, как правило, винили вы друг друга, — Польски показал на нас с Хаски. — Немийцы привыкли к вашему периодическим взрывам, принимали как должное. Вы же друг друга терпеть не могли. А в этот раз заметно, что это не вы посылаете беды друг на друга, к тому же у вас единая стройка и отношения стали лучше. Да и вас теперь одна территория объединяет, и вредить друг другу не выгодно.

Вот мы с семейством Шмонтов ведем расследование около двух месяцев. Какая тварь разжигает войну между Аристократами и Бастардами, что-то вроде внутреннего переворота готовит. Наверное, отстаивает свою свободу, да, Захар? — обратился Польски к сидевшему на против другу. — Короче, организация у них новая, ходят в масках, и называется «ЗБ» — угадайте как расшифровывается? — Польски всегда смешно. — За Бастардов! Поумнее не могли придумать? Они и устраивают налеты и поджоги. И вчера, Аня, спасибо тебе, ты привела их в Рай. На... наслаждайся.

Польски поверх документов положил белый телефон. Передо мной огромный экран, на нем показывались черные, серые тона, белые вспышки. Сложно что-либо разглядеть, потом изображение стало четче или ближе.

Площадка третьего этажа, где было наше вип-помещение, правее от него очень узенький проход. Народа не было, да и зачем, туда, наверное, парочки ходят обжиматься, темнота, пустота и перила. Захар стоял на перилах ногами и придерживался за стену, чтобы не упасть вниз в толпу. Звучала последняя песня ЖИЖИ, которую мы слышали. Захар наблюдал за толпой сверху-вниз и не боялся упасть, а потом поднял руку вперед и огненный, горячий столп вырвался из его кулака и торпедой пронесся в огромное, серебристое сердце, которой в миг запылало, как факел, что подпалили бензином и искрой пламя.

— Захар, у тебя есть энергия? — единственное, о чем поинтересовалась. Он скрывал связь с энергией.

Он не ответил на вопрос и не подал признаков жизни, смотря в пол со склоненной головой.

Очень страшно осознавать. Страшно пытаться понять или принять то, что услышала. Это как ужасный кошмар, разобраться не могла сон это или реальность? Захар, который первый принял меня в Вышке, Захар, которого на лестнице откачивала с девочками, который первый здесь в Вышке опять начал со мной общаться в облики Аристократки. Он подсказал, что девочек держат в раздевалке.

Или Захар — это человек, что убивал и поджигал?

— Захар? — позвала опять, но он не ответил.

— Я не знаю, что тебе сказать, — услышала знакомый, хриплый голос.

Помню удивлялась в первый день в Вышке, заболел он или нет? А потом узнала, что это раненные связки, за попытку бегства из интерната Волкодавы, ну тебе огромные собаки, что преследовали меня с Пб-ками, едва не перегрызли ему горло. С тех пор у него и был тихий, хриплый голос.

— Это правда, Захар? — он поднял на меня глаза, они странные, пустые, побитые, жалкие. Разглядела едва заметную пленку слез на них, на губах и возле носа небольшие кровавые дорожки.

— Не знаю, Ань, не знаю, — его голос дрогнул. — Понятию не имею.

— Бл..., вот только не надо играть в шизофреника! Мороки слишком много, — ошетинился Польски и ко мне обратился. — Тебе, Аня, скажу, что я за ним слежу не первый

день, тот тут, то там его морда сверкала. Вот эта вся папочка о нем, — Польски закрыл увесистую папку и постучал пальцам по ней. — Отпечатки его, энергия в поджогах везде его. Видео, он во многих случаях был пойман. И это не обертыши, Аня, — я только хотела выдвинуть эту версию, хоть как-то, чтобы оправдать друга. — Не волнуйся, всё проверили. У обертышей и энергия другая, и отпечатки пальцев разные. Это он осуществлял по меньшей мере три поджога, в результате которого погибло более пяти... десятков... людей!

Как приговор прозвучал, пальцем Польски указал на Захара. А я после этого сжала кулак руки другой и не знала, что сделать и сказать. Медленно начала осознавать — сон-то прошел, а реальность еще суровее.

Захар склонил голову, скрываясь за волосами. Не знала, как сдержать дрожавшие руки, как перестать моргать и как не начать рыдать.

— Польски оставь нас, — услышала голос Хаски. — Минут десять достаточно.

— Я надеюсь ты на сопли не поддашься? — насмешливо спросил Санек. Это он про меня что ли? — Папочку оставляю, — похлопал по документам ладонью. — Можете посмотреть фотки, отличное зрелище кровавых, сожженных трупов молодежи...

— Иди, — повторил грубо Хаски.

— Иду-иду, — удалился Польски, с хлопком закрыв дверь.

Что делать? Не могла трезво мыслить. Настала откровенная, изнуряющая нервы тишина. Боковым зрением зацепила момент, когда Дмитрий поднялся со стула и медленно пошел к Захару. Я наблюдала за его действиями.

— В объединенной Немии... — расслышала уверенный голос, пока он шел, пока встал сзади стула с Захаром, подняв взгляд голубых глаз. Я постаралась не отводить ответного, когда расслышала продолжение. — Существует смертная казнь. Женщина, посмевавшая изменить своему мужу, приговаривается к смертной казне, — как будто в сердце ударил этой фразой. Уж очень проникновенно сказал. Невольно отвернулась и на пол посмотрела.

А Хаски продолжил:

— И Бастард, поднявший руку на Аристократа, приговаривается к вливанию ИК-а в кровь! — я пропустила, когда Дмитрий резко вытащил правую руку и сзади сделал захват на шею Захара, заставив того подняться вверх. — Вставай выродок!

Я тоже вскочила со стула, с ужасом взирая на друга, лицо того в миг покраснело, вены вздулись на лбу. Он что-то прохрипел.

— Хаски!? Что ты собрался делать!? — вырвалось и я нервно дернулась поближе, но прикоснуться к ним боялась.

Не знала, что делать, и сказать, уставилась немигающе на них и не шевелилась. Зверь в бешенстве.

— Вершу правосудие. Я в ответе за пожар. Я несу ответственность за двадцать три трупа молодых людей, среди них была беременная женщина, и более чем за пятьдесят пострадавших, отбывших в Колчак! Отныне для Бастардов введен комендантский час с десяти вечера. Больше ни одна рожа их не появится ночью! — это он сказал очень громко с поистине бешеным, звериным лицом. Говорил сквозь зажатую челюсть. Столь сильную ненависть я редко видела в этих равнодушных глазах.

А потом добавил едва не шепотом:

— Более того и ты могла пострадать там, — правая рука Дмитрия сильнее сдавила шею Захара, тот начал задыхаться и пальцами пытался отодрать крупную ладонь от себя. А Хаски смотрел на меня.

— Стой, — попросила, глядя как Захар начал краснеть, лицо покрылось пятнами, он бесшумно открывал рот и закрывал, пытался выхватить кислород из воздуха.

Здесь всегда холодно. Холодно рядом с ним и страшно, два состояния которые не могу искоренить. Хаски всегда опалил льдом, а потом пытался согреть, но это не возможно. Хоть сколько не отогревай Дима заморозил навечно своими поступками.

— Как ты, родившись в этом мире и в такой семье, осталась настолько чистой, невинной! — это была не похвала из его уст, потому что челюсть он плотно сжимал и произносил, едва приоткрывая губы. Скорее выплевывал плохие слова. — Рядом со мной должна быть сильная женщина!

С его словами почувствовала выброс энергии, и мгновенные перевоплощения на лице Захара.

Бастард приоткрыл рот и остановился, в миг что-то изменилось, будто щелкнуло в нем. Глаза неестественно округлились, кожа вздулась в районе виска. Словно вены наполнились огромным количеством крови и приподнялись над кожей, как уродливые корни. Эти кривые дорожки от глаз сползли вниз на шею, под ткань одежды. А затем кожа Захара разгладилась, как будто ничего не было и не происходило.

Глаза Захара расслабились, стали более узкие, руки опустились по телу безвольно, а шея согнулась вниз, накрыв лицо волосами, прочь от чужих взглядов.

Хаски все время наблюдал за моими эмоциями. Разжал руку, позволив Захару стукнуться лбом о край стола, а потом безвольно свалиться на пол под наши ноги. Дима переступил его труп, а я почувствовала, как раскаленный провод всадили в грудь по самое основание и несколько раз перевернули, ковыряя и ковыряя без остановки.

Схватила за пряди волос в приступе отчаяния.

Это мир насквозь сгнил, он сам себя убивает изнутри и когда-нибудь развалится окончательно.

Развернулась на ходу и рванула бездумно на выход к двери. Уже подбегая, расслышала отчетливый щелчок. Подергала за ручку — безуспешно, замок перевернут, попыталась его сдвинуть в другое положение, чтобы открыть чертову дверь! Не выходило — Хаски держал ветром.

Сзади раздались отчетливые шаги. Ощутила приближение мужского тела, его запах, руку, которая переместилась сбоку и сдавила ручку двери, держа перед нами. Со второй стороны наклонилось его лицо ко мне поближе.

— Ты...ты...чудовище, — сказала двери дрогнувшим, испуганным голосом. — Я без понятия, что ты хочешь, о чем думаешь и что надумал, но я с тобой никогда не буду. Ты...ты ужасен!

На выпады Хаски промолчал, да только спокойным, тихим голосом поведал:

— Вечером жду у себя... в пианино. — Сердце забарабанило громко о ребра. Очень больно пинало в грудь, а я страстно желала навсегда остановить это сердцебиение.

— Ты убил моего друга и ждешь, что я приду к тебе? — задала вопрос.

— Если бы я его не убил сейчас, он бы три днядох в медленных муках от ИК-а, — ответил на ухо, обдав дыханием кожу на шеи.

Затем Хаски надавил на ручку двери и приоткрыл.

— Ты обречена, смирись, — тихо сказал моей спине.

Это как приговор, который не подлежит обжалованию. Из его уст звучало страшнее, чем приказ отца — ехать в столб. В тот раз я меньше боялась, а сейчас на подгибавшихся ногах

вышла за дверь кабинета и не смогла двинуться с места. Дверь захлопнулась, а я встала возле бетонной, ледяной стены и ладонь прислонила к ней.

Его лед всегда жег. И когда-нибудь окончательно сожжет...

Глава 25 "Разговор"

POV Вильмонт

В состоянии «космоса» (без понятия где находилась и куда направлялась) прибыла в Вышку. Рассказать девочкам причину приезда долго не могла, сидела и пялилась в желтую стену перед собой. Показалось, что отрезало язык.

Обречена!? Да!?

Над головой будто гильотина остановилась, и готовилась отсечь бесполезную шею.

Не могла поверить, что это Захар. Как одного паренька можно сопоставить с тем, что узнала. Хаски и Польски не притащили бы туда, не будь уверены в добытых результатах.

Как Дмитрий с такой легкостью убивает...своей рукой... без сожаления и без зазрения совести? Не помещалось в голове.

Затем прошла неделя относительного спокойствия и тишины. Продолжала учиться, Бастарды шушукались по углам, обсуждали Захара и новость о нем. Колдуна и Беатриче не было на занятиях, вероятно, их тоже проверяли.

Газеты не заставили себя ждать, растрезвонили на каждом углу ужасную весть и поливали Бастардов помоями. Нам объявили комендантский час с десяти вечера до семи утра. Отношения между двумя народами всё хуже и хуже.

Хаски звонил. Сам. Мне на сотовый прямо в тот же день, вечером. Он реально думал что я приеду после всего? И на следующий день звонил и потом, и потом. Поразительное упрямство с его стороны. И своих псин не подзывал ко мне, как раньше. Я поражена. Где его шестерки вечные, Глен и компания?

А если папе рассказать? Он поможет с Хаски, но для этого надо отцу рассказать, всё, что было между нами...Нет. Я не настолько смелая.

На следующие выходные папа попросил приехать в загородное поместье для семейного ужина. Во! Как! Время нашел. Ну ладно, прибуду. К тому же, Шмонт изъявил желание встретиться. Друг отошел. Я бы не отошла точно...

Но не буду жаловаться, это прекрасно, что меня простили. Поэтому обязана с ним встретиться.

В субботу появилась ближе к обеду в загородном доме. Как оказалось папа был один. А где все, думала семейный ужин? Поговорили немного, но как-то папа напряжен и немногословен, и к вечеру разошлись.

Я забыла сказать, что намеревалась поужинать с Ленкой и поговорить по душам, думала сейчас доложить отцу о намерении.

На телефоне завибрировал сигнал о сообщении от Шмонта.

«Заколебала» — я очень люблю опаздывать.

«Иду» — коротко ответила, сбегая по лестнице.

Легкий свет встречал по ступенькам. Дома насколько знала был только отец, но он работал в кабинете поздним вечером. Очень удивилась внезапному появлению отца передо мной в конце лестнице. Он вынырнул прямо из-за двери своего кабинета.

— Аня! — громко озвучил папа, преграждая путь. Резко притормозив, чуть не завалилась на перила от неожиданности.

— Что? — удивилась, оглядев беспокойным взглядом мужчину перед собой в

спортивном костюме, значит вне дел. Расслаблен. Приобняла его за плечи, благо высота на две ступеньки позволяла быть выше родственника.

— Разговор есть, — это было сказано отцом очень тихо.

— А до завтра не подождет? Я сегодня на танцы собралась, и улыбнулась своей одной из самых ласковых улыбок.

— Сейчас! — отец отошел назад и приоткрыл дверь на максимум. Я, неопределенно пожав плечами, зашла.

Мой мир сдох на месте, от радиации, от яда, сквозившего по периметру кабинета.

Улыбка очень медленно сползла с лица, если бы могла думаю уползла в пол, под плинтус и даже ниже в преисподнюю.

Я выбирала, как правильнее отреагировать:

Охо-хо-хо-хо!!!

Второй вариант Аха-ха-ха-ха-ха!

Или просто Хи-хи-хи-хи-хи! Как маленькая девочка.

А лучше вариант, сука, выпрыгнуть в приоткрытую створку окна. Но я к сожалению, голову не сломаю, первый этаж все-таки. И простите за мой Баллийский!

Два отца — это раз, мужчина и женщина — это два. Сегодня 1 марта — и кое-кто должен был объявить о дате своей свадьбы. Какого Бастарда он здесь!?

— Тааааааак, — протянула, глядя на Диму, а тот на мимо, словно я пустое место и стол с бумагами для него более важны, чем я. — Слишком много мужчин на один квадратный сантиметр меня, — пошутила. Что и следовало ожидать никто не отреагировал.

— Садись, Анна, разговор долгий будет, — о Сергей Хаски даже улыбнулся мне.

Не похож на сына, разве что улыбка такая же очаровательная. Мужчина взглядом указал на диван, где сидел Дима, закинув свою ножищу на другую, место с ним достаточно для меня. Понятна расстановка сил. Напротив Димы — мой отец на кресле, а сбоку его.

— Спасибо, но я лучше здесь, — смягчила отказ милой улыбкой и прошла к отцу на диван, села на подлокотник. Поправила подол платья, чтобы эта мразь напротив ни санитеметра нижнего белья не углядела, даже если бы захотела.

— По какому поводу сбор? — но у меня уже неприятно щекотало в груди, предчувствие.

Отец молчал. Пальцы занемели, сердце рваными ударами било в грудную клетку. Что за разговор? Что за разговор? Захотелось погрызть эти ногти аккуратные черные, которые я столько сегодня пилила, выравнивала и мазюкала.

Я видела папа едва заметно кивнул кому-то. Передернула плечами нервно, когда старший Хаски приподнял руку с часами над деревянной вставкой подлокотника и ладонью громко хлопнул. Хлопок был сильный, плавные, слабо видные волны, зарябили по пространству, взлохматили немного волосы. Бумаги на столе пришли в движение, а в ушах слегка зазвенело.

— У нас пять-семь минут до аварийного включения техники слежения, — быстро протараторил отец и замолчал что-то обдумывая.

— Если никто не желает сообщить Анне, то давайте я начну, — какой улыбчивый мужчина старший Хаски. Прям обворожительный и ко мне, как не странно, относился неплохо пока что. — Мы, Аня, приехали заключить согла...

И тут Дмитрий наклонился к столику перед собой, взял кипу бумаг и шлепнул ими обратно о столик.

— шение... — закончил старший Хаски. А Дима в черном костюме, в белой

рубашке(молодой, представительный мужчина) вспомнилась фраза Саши про него, посмотрел на меня впервые за сегодня.

— Сиди читай. Брачное соглашение!

Сердце застыло в груди, перестало бить меня. Трусливо сжалось. Оно еще живо? Потому что я, кажется, сейчас умру. Протянула руку и подняла листы, надеясь, что мерещатся буквы перед глазами. Это какая-то страшная иллюзия,

Так и значилось. Брачный договор(скорее пред договор). И ниже шли Дмитрий Сергеевич Хаски с одной стороны и Анна Сергеевна Вильмонт с другой стороны подписывают соглашение о дальнейшем заключении брака в пределах оговоренного интервала времени, необходимого для подготовки к брачному торжеству. В течение двух лет обязуются зарегистрировать брак...и т. д.

Я подняла глаза на Диму. Он шутит надеюсь не удачно?

— Ты смеешься? — документы кинула на стол обратно.

— Вы смеетесь? — оглянулась на отца Хаски и на своего.

— Нет? — когда поняла, что мужчины молчат продолжила.

— Хватит, пап, — обернулась к родственнику.

— Что за бред? — вспыхнула, размахивая руками и усмехнулась.

— Бред. бред. бред. Смешно... — пошла к входной двери.

— Это цирк, — продолжала бубнить. Подошла в плотную взялась за дверь и ее мгновенно закрыли со щелчком на щеколду.

— Сядь, — последовал приказ от Дмитрия, который взбесил. Обернулась с жаждой убийства на глазах. Отцы замерли от разговора между нами, но помалкивали.

— Не смей так со мной разговаривать! — что он себе позволяет при моем отце, при своем.

Я впервые настойчиво и с яростью передавала ему взглядом смерть. Почему у меня нет силы — убивать, терзать, разрывать плоть глазами, на куски рубить мышцы. Если бы так — ты бы захлебнулся в крови, мразь.

— Сядь! — повторил тем же тоном Хаски. Как хотелось с разбегу двумя стопами проломить ему черепушку. Но я постарался взять себя в руки, что стоило мне титанических поистине усилий. Медленно пошла в его сторону.

— С чего такая честь? — вновь натянула игривую полуулыбку. — Твоя невеста не будет против, что ты женишься?

— Потерпит, — в этом весь Дима. Он не думает о чувствах других людей — только о своих.

— А вот мой жених, — как раз пошел звонок от Шмонта. Посмотрела на телефон в руке, который настойчиво вибрировал и я собиралась уже взять трубку. — Не подождет...

— Аня, постой пожалуйста, — отец сменил приказной тон на более сговорчивый. Эти просящие глаза. А ты когда-нибудь потакал моим таким глазам? Отец?! Я боюсь... слышать дальше вас... — Нам нужно чтобы Хаски и Вильмонт стали ближе. Свадьба — это самое что ни на есть ближе... нам это нужно, — папа очень тщательно подбирал слова, боясь сказать слишком много.

— Допустим, — кивнула, не выпытывая, по какой причине ему нужно сближение семей. — Брачный договор. Хорошо. Между Хаски и Вильмонт. Это фикция или полноценная свадьба? — зреть надо сразу в корень. Отец растерялся. Опа. Я его сразу ввела в ступор. Он переглянулся с другим Сергеем и тот ответил за моего:

— Фикция.

— Фикция, — как болванчик кивнула. — Хорошо. Следующий вопрос. Какого Бастарда он? — ткнула в белобрысого молчуна пальцем. — Он без пяти минут женат. И какого Бастарда я? — ткнула пальцем в себя.

— Аня! — отец видно от моих выражений застопорился. Как же дочка так выражается. Сергей, тот что Хаски прикрыл сцепленными пальцами себе рот, словно прикрывая улыбку.

— Чего Аня? Почему вечно я? Аня делай то, Аня делай се. Аня сдохни, потом Аня сделай вид, что сдохла. А потом пожинай плоды. Осточертело. Знаешь как осточертело. Тебе меня не жалко, поэтому под раздачу я всегда попадаю, правда ведь? Урода можно на мясо пустить? — ооо нет... сама от себя не ожидала, голос дрогнул, при всем честном народе. Глаза стали стеклянные, наполнились слезами. Я с позором отвернулась.

— Извините, я сейчас, — быстро ретировалась из комнаты, пока не разрыдалась.

Едва выбежала за дверь, с боку засекла движение. Ленька стоял возле входа на коврике для обуви и жестами показывал, как он не доволен. Руками демонстрировал как бы открутил мне голову и истыкал кинжалом до потери сознания. Быстро заморгав, убрала слезы. Успокойся, Аня. Стыдно, большая девочка. Быстрым шагом подошла к двери и зашептала Шмонту почти на ухо:

— Леня, прости. Подожди еще минут двадцать на гамаке. Пожалуйста...

— Ты ахренела? — шепотом, но очень грозным голосом спросил. Ребенок бы заплакал от страха, а я отмахнулась.

— Очень нужно. У меня дела с отцом, прошу тебя. Или можешь уйти, и оставить одну сегодня...

— Ты мне будешь должна! — очень грозно предупредили его морщинки на лбу. Уже боюсь.

Улыбнувшись, закрыла за ним дверь, несколько раз вздохнула глубоко и направилась вновь в тот кабинет. Я взрослая девочка, разве что очень напуганная.

— Извините, мои замечания были неуместны, — дверь в кабинет опять же плотно прикрыла. — Почему именно он представитель Хаски. Почему не Виталик? У нас с ним возраст более подходящий. И свадьбу можно отложить лет на пять. Я как раз может умру к тому времени, — мой черный юмор в действии.

— Твои шуточки стали еще остроумнее, — услышала голос главного врага. Как я хочу задушить тебя, смотреть как будешь хрепеть в моих руках, глаза мучительно выпучивать.

— Достаточно, — Сергей Хаски внимательно посмотрел на Дмитрия. — Ты разучился вести дела, сын? — этот его сын промолчал и взглядом не повел, смотря куда-то за спину моего отца, видимо на картину с цветами. Очень его заинтересовала.

— Потому что это опасно, Анна, — ответил на мой прозвучавший ранее вопрос Хаски старший. — По этой причине Дима и взял на себя ответственность...

— А тебя, Аня, выбрали, — перебил отец внезапно. — По той же причине. Ты боец первого ранга. С 5 s степенью. И с такой энергетической защитой — блокадой...что...даже я не обладаю столь высоким процентом защиты.

Лесть это хорошо, папа, очень хорошо. Просто прекрасно, ты идеальный манипулятор!

— Это... — я задумалась, подбирая выражения, пальцем покрутила перед собой, делая воображаемый кружок. — Это... я даже слов не найду. Я должна заключить с ним брачное соглашение? — на всякий случай уточнила. Отцы синхронно кивнули.

Ну что могла сказать?

Встала с подлокотника, на котором высидела рядом с рукой отца. Ровно выпрямилась, выпятила грудь важно. Платье на мне черное, обтягивающее, поправила лямки, потом подол, чтобы не сверкать нижним бельем.

Три пары мужских глаз, не мигая смотрели за моими телодвижениями, этим образом пыталась настроиться на стервозный лад:

— Прошу простить, но смею покинуть ваше уютное, дружеское место встречи, — с сарказмом сказала и улыбнулась натянуто. — А Вам, Дмитрий, — сквозь зубы прошипела, спрятав улыбку. — Вынуждена отказать, потому что у меня имеются отношения долгосрочного характера. И мой жених не будет доволен, если я составлю брачное соглашение с кем-то другим...

— Вы еще не составили с ним, — как не вовремя вмешался отец. Развернулась в его сторону.

— Как раз сегодня будем! — и поковыляла на выход. Пошли они к Бастардам!

— Хорошо, — расслышала от отца смиренное согласие, автоматически развернулась на подозрительный ответ. Папа пялился в свои часы и что-то там набирал.

Я перевела дух, собралась с мыслями, на Хаски посмотрела, а он молчал. Поглядывал равнодушно на стены кабинета, ему бы сейчас сигарету от скуки в зубы засунуть и кофейку дать в руки. Эй, глыба изо льда! Не строй из себя серьезного, представительного мужчину. Я знаю, ты изверг и псих!

Какое равнодушие, подозрительно или перед папой моим помалкивает пока. Или знал, что я отвечу? И как так обернулось? Где Мерси, когда нужна? Почему своего жениха в узде не держит?

Молчание несколько секунд, а после — открылась дверь. На выходе стоял один из множества охранников отца: объемный мужчина, лысый, аж череп блестел от света. Я подняла на него глаза, в его руках моя сумка, которую в прихожей оставила. И эта верзила — охранник засунула лапу в мою сумку и поковырялась там.

Я смотрела за этим действием и не могла поверить наглости. Это что такое?

— Илья, неси паспорт! — услышала от отца.

— Какой паспорт!? — мои глаза, наверное, натурально округлились, головой вертела от отца к верзиле. — Какой паспорт!?

Как попугай повторила.

На что этот Илья достал из моей сумки голубую корочку с документом и потянул вперед, одновременно начал шаги к отцу.

— Я имею право второй подписи, все-таки ты пока под моей опекой. Еще два свидетеля заключения соглашения и твоего согласия, так что, всё нормально, — ответил отец на свои манипуляции.

— Че!?! — весьма некультурно выразилась. Леди и так выражается? Развернула корпус к отцу и долго смотрела за его пальцами, которые манили Илью — верного служащего.

Шквал, торнадо, смерч, не знаю, что точнее взорвалось внутри. Целая природа разных эмоций, но все они черные внутри буйствовали. Горели, бурлили, взрывались и причиняли невыносимую боль.

Твое мнение здесь ни что. Твое желание — пустой звук. Каждый второй манипулирует тобой. Руки дрожали от желания применить силу.

Переместилась наперерез мужику и выхватила долбаный документ из его рук. Открыла паспорт со своей фамилией и фотографией, демонстрируя всем.

— Бастарды не имеют права регистрировать брак. А я Бастард, — двумя руками схватилась за листы развернутого документа и потянула в разные стороны.

Вот незадача... страницы пластиковые, поэтому с первого захода не удалось порвать. Чуть не треснула от натуги уничтожить документ. Мужчины переглянулись между собой, не знаю как сдержали серьезные лица, а не засмеялись над жалкими потугами.

Но я не сдалась. Еще раз перехватила поудобнее паспорт, теперь взяла одну отдельную страницу. Наконец удалось. С радостью порвала страницу, потом вторую, вымещала злость на документы за свою никчемную, бесправную жизнь. И выкидывала на ковер разорванные листы, а потом надоело, швырнула на пол весь паспорт. На секунду засомневалось, жалко было мусор наводить в кабинете, но ладно:

— Короче, я не согласна, — развернулась и не ловко двинулась на выход под идеальную, гробовую тишину позади себя. — Пусть вон Пашок выполняет свои обязанности.

Выдохнула и громко хлопнула дверью.

Я стою, а дуло пистолета смотрит в лоб, и твои пальцы держат курок. Всегда только твои. Злые слезы, обреченные старались пролиться из глаз, но я их сдерживаю, будто если заплачу, то непременно тромб оторвется и сдохну.

Глава 26 "Сто двадцать дней"

тяжелая артиллерия в действии называется)))

POV Вильмонт

Шмонт ждал на гамаке перед домом. Самое странное на парковке я не заметила посторонних машин, только папину. А эти двое, как просочились?

Ленька раскачивался под тихий, завывающий ветерок на ухо. Здесь прохладнее, чем в Арзонте, особенно поздним вечером. Поэтому при выходе из дома, я дрожащими руками накинула легкую куртку на плечи. Мое присутствие Ленька заметил едва я в гнетущем молчании присела рядом с ним. Потом уставилась на высокий забор и на голые пока что, без единого листочка деревья.

— Закончили? Что за важная процессия? — спросил Ленька и плечом подтолкнул руку.

Я развернулась назад — на дом, пытаюсь определить большие окна в отцовском кабинете. Нашла на первом этаже сдвоенные створки, там по-прежнему горел свет, видно до сих пор обсуждали планы, которые мне побоялись раскрыть.

— Лёнь, отвези в Арзонт?

— Сейчас? — натурально удивился друг, когда я развернулась к нему подальше от «страшных» окон.

— Сию минуту, — ответила.

Без паспорта свои махинации никогда не провернут. Значит, пара дней у меня есть. Нужно просто держать: меня, паспорт и их троих подальше друг от друга.

Леня лишь в удивлении замер, но спустя несколько секунд встал, повинувшись моим желаниям, в прочем как и всегда.

Я быстро собрала вещи. В спортивную сумку покидала то, что успела за половину дня вытащить и бегом из дома. Отца не предупредила о бегстве, я с ним не разговариваю отныне. Поверить не могу, с такой легкостью готов продать родную дочь неизвестному мужику. А как бы он запел, если бы узнал, что этот мужик меня налево и направо вертел на одном месте!?

Не мог папа не почувствовать, что между нами что-то вечно черное и злое витает. Не можем мы с Хаски сосуществовать рядом друг с другом, хотя видят всевышние силы, жили даже вместе, но ни к чему хорошему не смогли придти.

Ехали с Лёнкой в Арзонт далеко за полночь. Звезды одни свидетели нашего тайного путешествия. Сквозь густой лес было немного страшновато ехать, потому что фонари отсутствовали и единственное, что служило освещением — это спутник планеты, который сегодня особенно яркий, полный на небе. Правда в машине Шмонта безопаснее, чем помнится в автобусе с Иваном...Иван... теперь Захар. Еще один труп на моих руках... Машинально посмотрела на ладони, бледные-бледные, кровь там не обнаружила.

Шмонт посматривал на меня, пока я помалкивала и пыталась осознать случившееся. Как будто в ледяную воду выбросили, тело сковало холодными иглами, вдохнуть боялась, кривлялась от боли, а толку никакого. Борись не борись, а результата ноль.

Собственный отец готов отдать ради какой-то одной известной им цели. Какую

очередную блажь придумал Хаски? И это его странная фраза в охранном пункте про сильную женщину, он имел ввиду — это? Брачное соглашение? Смысл аферы не понимаю... совсем.

Это уму непостижимо. Что треснуло по его больной голове? Я никогда не буду с ним. Не прощу, не полюблю. Буду всегда ненавидеть, потому что он не перестает с завидным постоянством подкладывать дровишки в костер моей ненависти.

Теперь Захар...

Я немного понимаю почему он так поступил, но не в состоянии принять. Все-таки он был мой друг и на моих глазах убить специально, чтобы усилить меня. Жаль пистолет не дал в руки и не сказал «на убей».

— Ань, с тобой всё хорошо? Выглядишь очень напуганной, — наверное, надоело молчать или боялся заснуть, поэтому Лёнька заговорил.

Я кивнула молчаливо.

Время около трех — дорога не близкая. Я его заставила пол ночи провести за рулем. Почему мы с Ленкой встречаемся только в те времена, когда кому-то из нас совсем туго? А в остальное время очень часто забываем друг о друге?

Друг познается в беде? Я люблю Леню или нет? Обернулась на него, разглядывая знакомые черты лица, местами грубоватые, жесткие, бородка, хоть бы ухаживал за ней.

Мне хорошо рядом с ним, спокойно, сердце, как сонное, спит умиротворенное, тихое. Бьется ровно и аккуратно.

— Заснула? — опять на секунду Леня посмотрел на меня, оторвав взгляд от дороги.

— Да... немного хочется спать, — я конечно слукавила и отвернулась к окну.

Я совсем ничего не хочу рядом с Леной, и вижу его не вижу, думаю не думаю. Не важно. Рядом с Хаски у меня шквал эмоций и все они черные, испуганные, трепещущие то ли при приближении мужчины, то ли от страха перед ним.

Как он и сказал, я просыпаюсь с утра и думаю о нем, иду мыться, есть и думаю о нем. Смотрю телевизор и он там опять порой витает, еду в машине, сижу на лекциях и везде со страхом оборачиваюсь, боясь вновь его увидеть. Ненавижу и думаю. Думаю и ненавижу.

Поздравляю наследник, ты застолбил себе место в моих мыслях.

Не поехала в одинокую, холодную квартиру, решила переночевать у девочек в общежитие, спрятаться. Хотя при желании, это второе место, где можно найти мое бrenное тельце.

В платье, с заколотыми волосами назад, во всем этом великолепии я и заснула ранним утром (примерно семь) на кровати Волчицы без сил и ног.

Не знаю, сколько было времени, когда меня потрясли за плечо и сквозь цепкий сон расслышала голос Гиены. Очень тихий, почти шепотом:

— Аня, тебя спрашивают, — не охотно открыла глаза.

Кажется пару часов спала, потому что голова была очень тяжелая, словно туда много плохих мыслей напихали и ей очень тяжело от этого. Девочки встали, но мне позволили поспать в воскресное утро. Встала я с кровати, разодрала глаза.

Кто стучится в дверь? Спать хочу. Приоткрыла дверь и обнаружила примерно на уровне глаз мужскую грудь, обтянутую джинсовой курткой. Дылда похоже. Не составило труда догадаться, кого увижу, если подниму подбородок вместе с головой вверх. Как и предполагала, вполне хорошо выглядящий (свеженький) Дмитрий Сергеевич.

А по мне, наверное, каток проехал. А почему меня должна заботить внешность? На голове точно шухер, а под глазами тушь. Не было сил макияж стереть ранним утром.

Не ожидала, что Хаски придет в общежитие к Бастардам.

— Дай привести себя в порядок. Десять минут, — показала на пальцах время, как неумному человеку, что не способен понять слов.

— Пять, — так же на пальцах показал Хаски.

Я отступила назад в комнату. И куда девчонки мои вещи сунули? Пока собрала элементарно щетку, пасту, мыло, шампунь, полотенце вышла в коридоре. Его величество подпирало подоконник задницей, обтянутой джинсами. А в джинсах у него все отлично обрисовывается спереди.

Поднять взгляд выше! Нечего мужикам пялиться на всякие части тела. У меня два месяца секса не было, а Хаски приучил к ежедневной, постоянной ласке. Я скоро начну на мужиков бросаться. Оооо! Да! Я деградирую.

Хаски на меня поднял взгляд от телефона и отчетливо произнес:

— Три минуты.

— Восемь, — отбрила и пошла по коридору в самую даль, где у нас душевые и туалеты.

Пока умылась, бегом в душ.

Вот там меня и настигла кара господина.

— Один, два, три я иду искать, — голос поднял достаточно высоко, чтобы перекричать звук душа. Я намыливала голову, в этом положении застыла с занесенными руками, массирующими волосы. — Девочки, просьба выйти! — почти вежливо это чудо кому-то сказала. Я слышала, как скрипели его кеды по скользкому кафелю.

— И как ты здесь моешься? — услышала явно пренебрежительный голос напротив голубой шторки, которая одна единственная скрывала меня похоже от Хаски. Руки боялась от головы опустить, мало ли разбужу зверя.

Одна мужская рука обхватила жердь, где закреплялась шторка, потом вторая присоединилась. Я видела его силуэт сквозь голубую клеенку, опустила взгляд себе вниз на грудь. Он-то меня не видит, надеюсь!?! Стала тщательно смывать волосы.

— Только зайди сюда, пальцы откушу! — пригрозила ему громко.

— Шестьдесят секунд. Время пошло, — это самый невозможный мужчина на свете. Бескомпромиссный, упертый до трясушки и всё должно быть по его, я не могу рядом с ним существовать.

— Пятьдесят пять...пятьдесят шесть... — отсчитывал Хаски рукой захватил шторку сбоку с намеком, что сейчас откроет. — пятьдесят семь, пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят.

Гад отодвинул шторку, а я застегивала сбоку молнию на платье. На Хаски не смотрела, много чести.

— Обломись! — прокомментировала и довольная подняла на него глаза. Хаски повел бровью в непонятном вопросе. — Что тебе надо?

Вышла из душа в черном, блестящем, коротком платье, розовых сланцах и с сырой головой. Красотой, наверное, блистала.

— Надо поговорить, — ответил.

Прошел к двери, закрыл ее на замок. Осмотрел еще раз душевые и окна. Ага. Мы один на один, закрытые.

— Камер нет? — уточнил, возвращаясь назад ко мне и к подоконнику небольшому возле

которого я остановилась.

— Нет. На первом этаже при входе у коменданта.

Не бояться уговаривала себя, но это очень сложно, когда здоровый мужик стоит сзади тебя и в его голове нет нормальных мыслей, кроме как вот таких. Вздрогнула, когда его клешня взяла за правую руку и направила мое тело назад. А потом наглые уже две руки посадили под попой и приземлили на подоконник. Я ноги подняла и поставила стопами на батарею. Кстати, очень удобно получилось — свое тело ко мне не присоединит, колени слишком высоко, мешаться будут.

— Говори и вали! — нахмурилась, при этом спиной прислонилась к стеклу. — Если начнешь нести вчерашний бред, то можешь сразу разворачиваться и уходить. Я не совсем дура, чтобы согласиться на этот кошмар. Как у тебя вообще идиотская мысль проскочила в голове, что я соглашусь?

Хаски помалкивал и изучал меня очень серьезно. Вроде хотел поговорить, а сейчас меня слушает.

— А что молчишь? — удивленно вырвалось.

— Жду пока словарный ливень закончится. Всё? — уточнил у меня, а потом руки сложил под грудью и встал рядом, развалившись плечом на стене. Смотрел на дверь и на душевые. Я, словно пустое место для него, сидела на подоконнике.

— Всё, — неловко ответила его плечу.

— У тебя самомнение тоже зашкаливает. Тебе кажется мир крутится вокруг тебя, — замолчал на этой фразе.

Где-то я слышала эту фразу, причем в своем исполнении. Точно! У Волчицы на работе! Я его материла по поводу того, что мир крутится не только вокруг него, то есть меня моей же монетой!? Это наглость!?

Получается вот эта дылда изредка слушает, что я говорю? Я думала он делает вид, что слушает, а на самом деле раздевает мысленно. Удивительно! Подставила локоть на колено и придержала ладонью подбородок, глядя безотрывно на неопознанный объект перед собой.

— Хочешь сказать, это не твоя умная мыслишка была? И как ты ухитрился отцов уговорить? — вот это кстати вообще немыслимо. Как он отцов подбил на эту авантюру?

Хаски вздохнул очень громко на все душевые и начал говорить очень медленно и осторожно.

— А теперь на пару минут забудь о себе... — о! Как прозвучало! Я еще эгоистка с его слов. Это он прожженный эгоист. — Забыла?

Уточнил с поистине великой серьезностью, на что я кивнула.

— Отлично. Одно я теперь знаю точно — нашим отцам нельзя вести совместные дела, — замолчал резко.

Чтобы это значило? Но поразмышлять не успела, Дмитрий продолжил:

— Кто у нас председатель объединенной Немии? — Хаски повернулся, лопатками вжался в голубую, бетонную стену позади себя, руки оставил в карманах джинсов.

— Шутишь? — переспросила на тупой вопрос. Хаски покачал головой отрицательно.

— Френ Мерси это даже дебил знает, — огрызнулась.

— Великолепно, — кивнул своим мыслям Дмитрий Сергеевич. — Как думаешь зачем нам нужен остров X и W?

— У нас викторина? — на мой очередной вопрос повел бровью вверх снисходительно. Я знаю, это, наверное, гнусная пытка в его исполнении. Занудствовать до потери сознания,

пока не соглашусь на его условия. — Смею предположить, что вам нужна земля и куча металла, чтобы грести деньги лопатой!?

— Правильный ответ. Почему раньше мы не могли выкупить остров без объединения Немии?

Вот тут я задумалась на мгновение. А действительно!?! Так... напрягаем мозг, отвернулась на раковину, обдумывая. А то смотреть на Сергеевича и думать — сложно.

— Потому что у Гнетовцев и Страдовцев власть государства была поделена между двумя семерками, — опять пришлось смотреть на мужчину перед собой и слушать. — Остров под защитой государства, редкие виды растений, вымирающие виды животных. Чуть ли не единственная не тронутая точка на планете. Но денег там кроется действительно тьма. Сами себе мы продать не могли, иначе народ бы в нас разочаровался.

Поэтому сделали ход конем, заделали это объединение Немии, народ несколько дней от счастья беспробудно пьянствовал, настолько были рады воссоединению родной земли. Посадили на трон Мерси, который больше всего мечтал принести любовь и процветание родной земли. У него хреновая родословная (ужасная примесь Баллийцев и Бастардов) но как человек донельзя положительный.

Это его мечта была объединить два народа, если бы мог, он бы и Бастардов всех спас до одного. Этаким добрый дядюшка. В общем, политик из него никакой, но человек хороший. Он нам и продал остров на пополам.

Объединение Немийской земли под одну территорию, плюс некоего рода белый флаг (знамя) между нашими семьями. Остров выглядит, как символ дружбы наших семей. Таким образом, Немийцы нам простили остров за эти две уловки.

Ничего себе, какая информация. Я, как замороженная, слушала Хаски, это он мне рассказывает?

— Как думаешь, почему остров X и W подвергается набегам? Мост, например, почему взорвали? Тебе пытались вчера объяснить, но ты не стала слушать, — прозвучало очень обвинительно, даже захотелось глаза покорно опустить на колени.

Но уж больно сладко поет и на совесть давит.

— Значит кому-то очень сильно не нравится, что мы объединяемся? — удивленно озвучила. Хаски кивнул внимательно смотря в лицо, вечно у него пробивной взгляд. Но отводить нельзя, а то поймет, что его боятся.

— Правильно. Представляешь незначительный мост сколько внимания привлекает, а что будет, если наметится полное сближение Хаски и Вильмонт? Этот третий наделает кучу ошибок и проявит себя однозначно, попытавшись встать между нами. И об этом я пытался неделю с тобой поговорить! — это совсем прозвучало укоризненно.

— А менее кардинальных методов не было? — уточнила недовольно. — Чтобы без подписи в брачном соглашении?

— Дело глубже. Человека мы должны конкретно разозлить. Никаких двух лет для подготовки к брачному союзу — это раз, во-вторых самым раздражающим фактором, что будет для этого третьего?

А что будет? Не успела сообразить, как расслышала ответ:

— Наследник Хаски-Вильмонт, — ой-ой-ой!

Хаски отнял лопатки от бетонной стены и сделал один шаг поближе, поднял ладонь, его пальцы легко пробежались по прядям моих волос. Я чувствовала, как весь вселенский огонь жарил лицо. И стойкое ощущение будто солнце своими лучами добиралось досюда и через

крышу общежития.

— Мы должны... — слушала через шум в ушах и бурлящую по венам кровь...

— Заверить всех в искреннем стремлении... — Дмитрий продолжал медленно произносить слова и пальцами перебирать пряди, невинно касаясь моей щеки и виска.

— побыстрее заделать наследника. Ты должна... любить... — ой-ой-ой. Жар на лице усиливался или Хаски своими пальцами передавал тепло?

— Меня... обнимать...целовать...Мы должны дать всем понять, как хотим сделать малыша — прямого наследника всего состояния Хаски и части Вильмонт. Благодаря этому малышу мы не разрывно свяжем две семьи прочными узами, а это то, чего боится наш невидимый враг.

Хаски убрал руку и вновь лопатки присоединил к стене, глядя теперь в потолок, с тяжелым вздохом продолжил:

— Я не знаю откуда ждать удара, тяжело сражаться с невидимым врагом. Более того эта организация ЗБ его идея, я уверен. Он использует Бастардов, чтобы народ взбрыкнулся против нас с твоим отцом. Подрывает наш авторитет. Народ пока что любит нас, пока... но с каждым днем все меньше и меньше. Из-за подобных терактов мы оказываемся в невыгодном положении. Я в заднице после Рая. Это мое было упущение пустить Бастардов в клуб, народ поливает меня грязью, собирает демонстрации на площади Вранеля...А благодаря брачному соглашению между нами народ отвлечется от бойни и будет гадать, кто родится и как скоро?

Он улыбнулся! Улыбнулся! Он очень ярко улыбнулся! Ямочками даже сверкнул! Это очень странно. Потом вроде перестал, опять сменил на привычное, равнодушное выражение лица.

— У нас нет выхода... — продолжил рассказывать. Мимолетом в окно посмотрел, рассматривая что-то. — Моего оболтуса братца я не могу отправить на передовую, он все дело завалит. Значит, я в любом случае должен отвечать за это дело. С вашей стороны кого взять? Уж, извини, как ты предложила Пашка на эту роль я не согласен, — фыркнул насмешливо, как будто псинка мохнатая наморщил нос и фыркнул эту фразу. — Даже для мира во всем мире и собственного благополучия не готов сменить ориентацию... Саша твоя замужем, остается Алиса. Ты готова ее пустить на передовую? — вернул вновь взгляд ко мне от окна.

Я покачала отрицательно головой. Что тут сказать?

Дмитрий медленно положил свои лапища мне на голые колени, легко повел чуть вверх ладонями к подолу ткани. Можно сказать жест был нежным и, наконец, подвел итог:

— Поэтому остаешься только ты и я. К тому же, твоя мордашка мне больше остальных нравится... Смотри...четыре месяца думаю достаточно. Сто двадцать дней. За это время третий лишний определенно проявится. Послезавтра распишемся, могли и сегодня, но кое-кто паспорт свой разорвал.

— Стоп...стоп...стоп... — руки его загребущие сняла с колен. Придержала за запястья, как в кандалах и отпустила только, когда удостоверилась, что их убрали в джинсы. Заулыбалась наигранно. А что насчет его признания в туалете рая, да и по поводу «Моя аристократка»? Он себя вел явно не, как равнодушный мужик. И про собственность Дмитрия Хаски?

— Уж очень складно для тебя. Ты оставил мысль поиметь меня? Может таким образом хочешь меня связать навечно?

— Не...не...не, — засмеялся своими шикарными, предательскими ямочками,

разглядывая в это время обстановку: раковины и дверь, через которую доносились голоса. — Не путай, — перестал смеяться. — Поиметь и свадьба — это вообще разные понятия! — рукой провел между нами.

Встал неожиданно напротив меня, машинально обратил взгляд на мои колени, прикрытые тканью платья, а потом на меня опять:

— Давай так. Сто двадцать дней. У меня сто двадцать дней, в течение которых, так и быть соглашусь, буду пытаться развести тебя на секс. А если ты не падешь жертвой моего очарования, то получишь свободу от меня.

Хаски поднял правую руку, ладонь перевернул перпендикулярно полу. Предлагая пожать, как равный равному? Мужик бабе? Он мне?

— Свободу? — уточнила, глядя на широкую ладонь, периодически Хаски в глаза.

— Соглашение легко расторгается, причем в одностороннем порядке. Устанешь — расторгнешь. Я расторгнул на днях с Кристиной. Причину назвали Мерси, что желаем породниться с вашей семьей. Мерси едва не сплясал от радости, так и быть, я отдал ему парочку штрафных организаций. Кристина — хорошая девочка заслуживает.

У тебя все хорошие девочки, особенно блондинки с ногами от ушей. Хаски продолжил:

— Он стал первым Председателем объединенной Немии за две с половиной тысячи лет и, к тому же, в его правление может появиться прямой потомок Хаски-Вильмонт. Да он в историю войдет, если так случится, — усмехнулся Хаски и потом закончил серьезным тоном. — Если мне не доверяешь, пропишем строчку в соглашение, что никто из нас не претендует на штрафные организации и все дела! Вильмонт, давай, я устал руку держать... и согласись я должен быть больше напуган... ты можешь до нитки обобрать.

Я очень боязливо подняла руку, но не пожалала пока. Мы стояли с протянутыми, но не соединенными руками.

— Сво-бо-ду, Вильмонт, сво-бо-ду! Четыре месяца максимум строим из себя в общественных местах влюбленных, а потом расходимся в разные стороны. Может друзьями останемся после всего?

Я взяла руку Дмитрия, на что он ее очень крепко сжал, большим пальцем легонько погладил костяшки. Уголок губ Хаски дернулся в улыбке.

— Но по поводу друзей перебор! — заметила в ожидании желанной минуты, когда отпустит из плена пальцев.

— Согласен. Друзьями нам точно не быть, — очень хотелось вырвать руку, но его величество смотрело со странным выражением на лице и почти не мигало.

И пришла одна странная мысль в голову. Я теперь, кажется, знаю, как он проворачивает темные делишки.

Я думаю вот таким образом Дмитрий Сергеевич своим партнерам заливает о выгоде совершаемой между ними сделки, например, как много получают денег в результате покупки какого-нибудь оборудования. Сидит улыбается напротив тебя, лапшу вешает на уши, а ты его слушаешь и слушаешь, как замороженная, а он в это время подсовывает на стол второй договор под первый. Потом открывает кончик листа, где нужна твоя подпись на черной полоске рядом с инициалами. В это время Дмитрий продолжает активно улыбаться ямочками своими и нести какую-то чушь, а ты подписываешь.

А потом понимаешь, что подписала не первый договор, а второй — добровольное согласие на продажу печени, почек и сердца на органы.

— Еще одно, Вильмонт, — когда отпустил руку более серьезно озвучил. — Мы с тобой

под прямым огнем. Мне не страшно, а вот ты... — голубые глаза, как степлером скололи плечи, или это его руки слишком сильно сдавили. — С тебя требуется придерживаться нескольких правил: язычком своим не трепаться...меня слушать...не глупить... и никому не доверять!

Вот что он имел ввиду под «стать сильнее рядом с ним»? Чтобы меня этот третий не поранил?

А я уж было подумала — Хаски совсем больной на голову и вздумал браком нас связать.

Глава 27 "Наивные"

POV Польски

5 s- это система боев, проводится на рингах. 5 — означает пять десятков боев, высшая ступень. S — нападение. А — защита.

5 s высшая ступень для Немийца. Диман защищал эту степень в тринадцать лет. Уже к тому возрасту его физические данные позволяли соперничать со взрослым мужчиной — метр восемьдесят пять был на тот момент. Сейчас два ноль четыре, перегнал меня, поганец, на два сантиметра.

Защищал он, как и всегда, отменно. Никто не требует выигрывать все бои, достаточно сорок одна победа и присуждают 5 s степень. Диман выиграл сорок девять боев, один проиграл. Как думаете, что произошло с этим одним чуваком? Он его нашел и провел серию ударов в стиле «выбить дерьмо из урода». С целью оздоровления подорванной гордости. После того пятьдесят первого незарегистрированного боя, Диман был довольный, как Баллиец, который неожиданно получил связь с энергией. Как наверное, Мерси, когда ему представили пост Председателя объединенной Немии.

А теперь, если посмотреть налево, задаюсь вопросом. Что он натворил сегодня?

Диман всю поездку барабанил весело пальцами по рулю. Главное слово «весело». Диман и весело, это очень редкое явление. Второе — мы путешествовали из Вышки до центра города, то есть, ехали по трассе, где разрешена скорость сто километров в час. А мы передвигались сто двадцать, а где двести двадцать, ну хотя бы сто шестьдесят? Диман вечно шутил, что у него третья скорость со ста восьмидесяти начиналась.

Мы путешествовали целых двадцать минут в полном молчании, не считая его пальцев, барабанивших по рулю. Водил, мой друг, как Немийка в очень интересном положении.

И еще... я протянул аккуратно руку к колесу звука, чтобы сделать погромче песню по радио. Повернул и обратно на кресло плюхнулся спиной. Ноль внимания. А это песня ЖИЖИ на радио. Диман улыбался, я видел. Ну всё! Я разведкой занимаюсь, у меня нюх на странности в поведении людей.

— А ну колись! — взорвался я и всплеснул руками. Диман похоже сейчас вспомнил, что я рядом с ним сидел. — Сколько гробов заказывать и как отмазывать опять? Я устал в прошлый раз тебя отмазывать с Бастардом Иваном. Теперь что натворил?

Диман вернулся взглядом к дороге и остановился на первом встреченном светофоре. Окошко приоткрыл, потом подумал, подумал и закрыл. Я увидел неуверенность? То закрыл, то открыл.

— Бл...был бы бабой — сам бы себе дал, — он засмеялся, глядя на меня. Давненько не видел такой мальчишечьей улыбки у него.

— Это какая-то новая стадия твоей самоуверенности?

Взглядом Диман провел по припаркованным машинам и перестал сверкать яркой улыбкой, теперь чуть меньше. Локоть положил на дверцу и покатил с зеленым светом не спеша по дороге.

— Я первый в истории Хаски, который женится на Вильмонт. У меня сейчас самомнение в космос отправилось, — заявил очень тихо и показалось как-то гордо что ли? Или самоудовлетворено.

— В смысле? — уточнил на всякий случай. Что имелось ввиду под этим важным заявлением.

— Во всех смыслах. Во всех... соглашение послезавтра подписываем. Она сама согласилась. Это же надо быть такой... — начал Диман, подпирая пальцами щеку. О! Пошли комплименты, может стишки начнет писать? — Как можно быть такой милой, наивной дурой! И наши папаши — аналогично, им только идейку подкинь, они, как мальки, наживу заглотили.

— Ты о чем? — спросил на последнюю фразу.

— Не важно, — отмахнулся Диман и продолжал щериться, пока водил баранку автомобиля.

— Всё понятно! — протянул я. — Ты ржешь, когда добровольно залез в брачную петлю! Я же говорил ты в дерьме!

— Не... — покачал головой самодовольный наследник. — Это пахнет ооочень привлекательно. Ну ты большой мальчик в курсе, что каждая женщина по-разному пахнет. А вот от Вильмонт пахнет...не знаю как... но странно. Едва приближаюсь к ней, чувствую ее запах...и меня трясет, штырит, колбасит. Похлеще любой наркоты или алкоголя действует, даже желтый Джек меньше по шарам дает. В общем, ты понял? — спросил у меня.

Я понимающе покивал головой, хотя ни Бастарда не понимал. А я говорил, что он в дерьме. Надо было раньше убирать ее...стоп...нет... слава всевышним, этого не сделал. Бл... а если бы реально попытался ее убрать? Жесть. Рефлекторно провел пальцем возле шеи, та оказалась на месте и целехонька.

Отчего я вздохнул счастливо и расслабленно.

POV Вильмонт

У меня очень странное ощущение, я будто во сне или в тумане, ничего не видела пока с Хаски шли по коридору. Он на прощание махнул рукой, а я молча зашла в комнату.

Захлопнула дверь, прислонилась спиной к ней и смотрела сквозь кровати на Машу и Кристину. Подруги были заняты, кто чем. Медведица с блокнотом в руке и ручкой грызла колпачок, а Кристина на компьютере фильм смотрела. Теперь понятно, откуда у Гиены права на машину и куча денег.

Со старым извращенцем спать пять лет заслуживает нереальных наград и понятно почему она мужчин боится.

На закрытие двери девочки обратили внимание и обе оторвались от дел.

— Я завтра подписываю брачное соглашение с Хаски, — минута молчания наверное, по моей безвременной кончине последовало после известия. А затем Маша принялась очень проникновенно исписывать страницы.

— Я тебе похоронный стишок пишу, — заявила брюнетка. А вот Кристина не отмирала, ногами болтала в воздухе и валялась животом на кровати.

— Ну что принято в данном случае говорить, — начала подруга спокойным голосом. А потом улыбнулась, готовая заржать видно по оскалу. — Соболезную! Сочувствую! И поздравляю!

И она начала смеяться, как некогда Гиена. Громко, надрывисто, подобно глупой животинке. А мне не до смеха.

Почему судьба нас сталкивает с остервенением? Или это Хаски руководит судьбой? Не могу до конца поверить, что он сюда руку не приложил.

Волчица по-прежнему была на работе, а я устала морально. Не могла сидеть на одном месте, присаживалась на кровать, и тут же подскакивала и ходила по комнате взад-вперед. Кристина в конце не выдержала и сказала, что я всех раздражаю.

Я и свалила молча из комнаты, нужна была подушка для слез. Шмонту позвонила, (милый зайка) согласился составить компанию.

Сидели в кафе, кушали, в полном молчании, не считая легкой музыки на фоне. Я слышала звук глотка алкоголя из бокала. Звон стекла, когда его ставили на стол, шебуршание ткани — скатерти, или звук моих каблучков о пол.

Я не знала, что сказать. Казалось — вот он овраг передо мной. Я стояла возле него. Внизу чернота. Ужас окутывал плетью, стегал изредка, болезненно отдаваясь в сердце. Шелохнуться не могла, стояла и смотрела, а эти плети внезапно схватили за запястья и потянули в черноту, тьму.

Я с ужасом кричала, но никто не слышал, пока мою плоть затягивало вниз.

— Когда ты молчишь, ощущение будто настал конец света, — Лёнька, развалившись на диване, напротив меня покурил сигарету, зажав ее в зубах. Шмонт звездой раскинулся, руки — ноги в разные стороны.

— И у меня такое ощущение, — проговорила, не смотря другу в глаза, а куда-то на стол на пепельницу, в которую он время от времени скидывал пепел, как ненужный мусор.

— Хватит киснуть, Вильмонт! Мы пришли тусить, а ты носом клюешь в бокале. Пей давай, — никакого желания пить.

И я выдохнула и сгустки кислорода из легких, и весь немалый рассказ. Прямо в нескольких предложениях уложилась. Смысл был таков — (временно подписываю брачное соглашение с Хаски. Всего на четыре месяца). Много не стала рассказывать, все-таки не моя тайна.

— Что!? — сигарета у Лёньки зависла в пальцах, между ровными рядами зубов. — Ты пьяна?!

— Я подписываю соглашение с Хаски, это всего на несколько месяцев.

— Это какой-то розыгрыш, правда, Вильмонт? — после этих слов Лёнька, как будто вновь воспрянул духом, оглянулся по периметру вип-комнатки небольшой, в которой мы уселись. — Ревновать хочешь заставить — благодарю покорно, после той фотки прийти в себя не могу...

— Я не шучу, — его потрясенное не верящее лицо было хуже пощечины. Мне показалось словно я дала ему пощечину. Верности никогда не требовал от меня, потому что знал я всегда буду с ним. А теперь это «всегда буду» пошатнулось.

Лёнька окурок выбросил в пепельницу, прислонил руки к лицу и очень громко начал выдыхать воздух в них.

— Это ты решила очень милым способом сообщить о нашем расставании? — руки резко отдернул от лица. Брови нахмурил, лицо изменилось неожиданно, приобретая немного розоватые оттенки. Когда он гневался, то начинал краснеть. Но это не частое явление, поэтому немного смутили перемены в его поведении.

— Я надеюсь обойдется. Вместо того, чтобы орать, поддержал бы друг называется, — взяла со злости очередной стакан и как хряпнула. Если так продолжу — завтра не встану.

— И как мне помочь? Уложить в его кроватьку и ножки тебе раздвинуть!? — тьфу!

Хотелось за хамские выражения ему в рожу плюнуть, но сдержалась, памятую, что сама

бы была отнюдь не добренькая на его месте. Он прав, что могла требовать от него. Какой помощи? Махнула рукой, признавая правоту. Какая-то мысль завертелась по спирали, вокруг себя непрерывно, какой-то выход... что-то должно быть... способ... то, за что могла зацепиться.

— Идея! — мои глаза засверкали с открытым чувством восторга и ехидства. — Я знаю, что делать, Шмонт. Юрист есть знакомый? Только строго между нами?

— А зачем тебе? — энтузиазма моего он не разделял. Скептически оглядывал и думал, наверное, послать или нет.

— Давай скорее, — пересела резко к нему на диван. — Шмонт, помоги, всего четыре месяца! Не волнуйся, изменять ему буду с тобой... — засмеялась вдруг.

Очень полегчало от этой выходки, которую совершу. Не все будет по-твоему, господин Хаски.

Поиграем в новую игру, наивный наследник!

— Обрадовала, — с сарказмом хмыкнул Лёнька и достал телефон, что-то выискивая, видимо, фамилию.

— Не говори имен, пожалуйста, — зашептала в отчаянии, когда он стал набирать номер.

Шмонт что-то прошептал, очень отдаленно напоминаящее:

«Пошла к Бастардам. Или пошла к Баллийцам... или куда-то еще дальше...»

Но я, так и быть, замолчала покорно, слушая разговор.

Хороший, видимо друг его, близкий. Когда Ленька передал трубку с предложением — пояснить суть вопроса, я покорно взяла и поздоровалась. Начала говорить четко по факту, без имен и фамилий. Когда узнала ответ на вопрос, поблагодарила вежливо и отсоединилась.

— Это другой разговор, — Ленька, наконец, вернулся в доброе расположение духа. — Так и надо было начинать, а то свадьба, свадьба, перепугала, давай за твою свадьбу. Надеюсь через четыре месяца тебя освободят от обещания! — поднял бутылку с вином и начал нас спаивать наглым образом.

— Ты — могила! — ткнула в него пальцем указательным.

Могила! — подтвердил насмешливо Шмонт и провел двумя сжатыми пальцами по губам сверху вниз, намекая на стежки нитками.

— Или я тебя сделаю могилой! — пригрозила выразительно.

И кулак показала свой маленький, но убийственный. Могу и глаз выбить при желании, не советую обманывать.

А потом мы улыбнулись друг другу, как раньше. Как два верных поддельника, договорившихся идти на дело. В детстве, когда я шла на хлипкий мостик возле Гробницы, Шмонт неизменно следовал за мной. Я фыркала, иногда прогоняла приставучего мальчишку, но знала о его присутствии рядом, почти на расстоянии вытянутой руки.

Папа иногда отлавливал и устраивал разборки. Там же пограничная зона со Страдовцами видите ли, опасно.

Шмонт знал, где я бывала, но не сдавал. Молчал, пока папа и дядя Иосиф нас в хвост и в гриву чихвостили.

Я раньше этого не ценила, а сегодня подняла небольшой фужер с красным вином и соединила с бокалом Леньки. Подмигнула другу, на что тот удивился, явно не поняв скрытого посыла.

Теперь стала ценить моменты из прошлого, ведь не каждый день тьма подбиралась

настолько близко.

Глава 28 "Брачное соглашение"

POV Вильмонт

Я бы все отдала лишь бы больше не встретить его. Посмотрите на меня. Сажу с бокалом вина на балконе на коврике, чтобы ступням не было холодно, а сейчас моим бедрам. Здесь очень низко расположены подоконники, поэтому я вижу, сидя на полу весь ночной, звездный город Арзонт.

Прекрасный вид на яркий, сияющий Арзонт. Кто же знал, что всё жизнь так обернется?

Я не накрашенная, в рваном халате: в желтый горошек, без двух пуговиц сверху. Грудь того и гляди вывалится наружу.

Я пьяная и рыдаю, как дура. За что эти наказания? За что я повстречала его на своем пути? Я самый отвратительный человек на свете?

Еще совсем немного...сегодня пожалею себя. Самую малость погрязну в пучине отчаяния, в ее цепких коготках. Буду задыхаться, но как только почувствую, что готова отключиться — обязательно воспряну духом. Обязательно. Правда это случится завтра — в день подписания контракта.

4 марта.

Провожал меня брат, ему отец позволил выехать из университета Административного Права. Я держалась за локоть Павлика, боялась упаду в белоснежном, элегантном платье. Половину дня не переживала, была слишком занята собственным обликом. Платье очень плотно прилегало к телу, по длине достигало колен, вырез сзади почти до попы, ну и спереди, как корсет, приподнимало грудь.

Мама любила всегда дарить дорогие украшения своим девочкам. А для меня не имело ценности: золото ли, серебро или обычные железяки, но сегодня надо выглядеть «дорого». Поэтому белое золото и бриллианты. На руку — браслет в виде змеи от локтя и выше до плеча. И, конечно, колье на груди. Волосы мне собрали высоко на верх и закололи, демонстрируя аристократичные черты лица. Кудрявая прядь волос обрамляла аккуратно щеку и падала на плечо.

Красота и дороговизна — как требовалось по статусу. Увидела бы такую перед собой — непременно подножку подставила.

Но поскольку не могла сама себе сделать, пришлось вылезти из машины с братом. Поправить платье на груди, чтобы не вывалилось лишнего, а то буду на фотографиях сверкать.

Невеста — звучит страшно. Невеста Хаски — вдвойне страшно.

Пять вечера, а площадка перед домом завалена множеством машин. Еще бы куча родственников, важные шишки. Мерси промолчал по поводу зятя. Совсем не обиделся? Репортеры. Даже на площадке вспышка фотокамер озарила наши с братом лица.

— Готова? — спросил брат, окинув меня взглядом.

Скажем так, Паша когда узнал, задал всего один вопрос:

«Как?»

Я ответила в похожей манере:

«Вот так» — и пожала плечами не знаяще.

— Перед смертью не надышишься, — улыбнулась брату и под щелчки фотокамер зашла в дом, где как помнила находился вход.

Тишина, а почему нас не встречали, голоса слышны, смех, где все? С Пашей прошли по коридору, завернули в зал, где обнаружили основное скопление гостей. Мы слишком рано, ведь роспись на шесть назначили.

Нашему появлению многие удивились, в том числе мама, которая разговаривала с Ириной — двоюродной сестрой. Та, завидев меня, подняла руку в знак приветствия. Мама в длинном платье, скромно попивала какой-то напиток и улыбалась.

Леха скала — муж Иринки разговаривал с неизвестным мужчиной, родственник со стороны Хаски, видимо. Здесь много было народа, я не успела всех осмотреть, было удушливо от оценивающих взглядов.

Как острые ножи они препарировали с целью узнать все внутренности, достойна ли такая, как я войти в их семью.

Грязный бастард... как ЭТО может стать невестой будущего главы Хаски? Я надменно приподняла подбородок вверх, прошла по ковру на высоких каблуках, медленно... не спеша. Не дать понять, что взгляды причиняли неудобства.

Мне параллельны вы и ваше мнение.

Мимо мамы Хаски и его самого. Они находились за спинкой огромного дивана и светловолосая женщина поправляла ему галстук. От этого жеста захотелось жениха высмеять, пройти против шерсти. Но его мама что-то бурно ему рассказывала, Хаски даже не заметил меня.

— Доброе утро, — привлекла к себе внимание. Маменькин сынок, но промолчала. Подарила легкую улыбку своему жениху, а он, как всегда, безупречен. У него личная швея? Хотя, чему удивлялась у моей мамы — личная швея.

Это мне казалось подобное верхом древности. Хаски надо было женщиной родиться. Его ямочки на щеках, направленные в сторону матери — это как яркое солнце в промозглую погоду.

После моего зова оторвался от мамы и повернул голову ко мне. Не поздоровался, ямочки пропали. Оценивающий взгляд начал выполнять свою задачу с моих глаз, потом моего лица, губ, шеи. Я всегда чувствовала внимание Хаски.

Ну пялся, женишок! Пряча улыбку шла мимо них, высматривая место для себя.

— Вы немного рано, Аня! — мама Хаски посмотрела на его часы на левой руке, пригладила ему ворот рубахи и отступила назад.

Что могла сказать по поводу идеальных белокурых локонов и лица, едва тронутого морщинами? Мама Хаски — идеальна. Красива, как кукла. Ни одной лишней черты. Тростиночка, в обтягивающем платье по самые пятки.

Извините, конкретно к вам претензий нет, но все-таки вы воспитали Хаски таким, поэтому симпатию не могу испытать.

— Впервые в жизни не опоздала! — с легкой улыбкой ответила и отвернулась от женщины. За моим появлением по-прежнему наблюдали и фразу, конечно, слышали.

Кто-то разрядил обстановку смехом, кто-то оставался серьезен. Еще бы, Бастард пришел в святая святых.

Дмитрий Сергеевич не удосужился поздороваться, ай-ай-ай! А где этикет? А как же комплименты развешивать невесте? Взять за руку, познакомить с родней? Или продолжал пялиться мне на бедра? Чуюла...чуюла. Я всегда чуюла его взгляд, который с огромного

расстояния ухитрялся гладить, ласкать. И сегодня не меньше, а кажется будто и больше. Словно и не сдерживался вовсе, снял какой-то предохранитель. Будто перевел защелку и выпустил всё изнутри.

Здесь жарко, не охотно помахала рукой возле лица.

— Эй! Аня! — услышала насмешливый, смутно знакомый голос, что позволило отвлечься от духоты в комнате. Жара в Арзонте всегда убивала.

Мелисса!? Сестра Хаски, которая меня готовила на борт корабля.

— Ты сегодня определенно выглядишь лучше, чем в тот раз! А я говорила с тобой, что-то не так! — указала на меня пальцем.

У Мелиссы похожая прическа, волосы эффектно убраны наверх, в ушах поблескивали кружки — бриллианты. И женщина смеялась заразно, показывая ямочки, которые я отметила еще в прошлый раз.

И мне стало легко внезапно. Ответила ей тем же: своей лучшей улыбкой и смехом. Как будто вся духота резко покинула тело, отпустило напряжение, руки расслабились и больше нервно не постукивали по платью, и шла я более уверенно в сторону неизвестных Аристократов.

И среди змей — есть вполне милые и не ядовитые. Они вроде скользят медленно, и даже издают страшные звуки, но почему-то я их больше не боялась. Пусть себе ползают. Рядом с Мелиссой стало проще. Женщина поцеловала меня сама в щеку, признавая, как равная- равную. Затем познакомила с некоторыми сестрами и братьями Хаски, а их было очень много. Двоюродные, троюродные, родные.

Время до заключения контракта прошло быстро. Слишком быстро...

— Анна, пройдем-те, — Сергей Хаски был возле дивана на выходе, руки в карманах серых брюк, улыбался странной улыбкой. Он хуже своего сына. Это улыбка оболъстителя.

Неловко от слишком теплого приветствия. У меня улыбка сразу треснула, раскололась пополам, создав непроницаемое выражение на лице.

— Не волнуйтесь, мы не завещание идем подписывать! — попытался разрядить обстановку шуткой, на что послышался гул одобрения.

Процессией из четырех человек вышли из зала и направились по коридору, вглубь дома. Сначала Сергей Хаски, потом мой папа, а потом Дмитрий показал рукой, будто бы приглашал мне первой пройти. Какой серьезный жених. Он как будто забетонирован, лицо без эмоций, ничего не скажешь, словно готовился выпить стакан воды. То есть ноль реакции со стороны Хаски, как будто контракт — это столь равнодушное, слишком обыкновенной занятие, которое он чуть ли не каждый день совершает.

А вообще не поздно джентльмена из себя строить? Я с демонстративным вздохом и приподнятой в невысказанном вопросе бровью пошла третья по стопам мужчин, а Дима последний.

Я знаю Дмитрий Сергеевич пялился на мои бедра в обтягивающем платье, чувствовала, как изучал.

А...нет... поняла... робот Дмитрий Сергеевич. Мишень всегда первый и последний человек, в середине безопаснее. Ты точно, робот, Дмитрий Сергеевич. Всё просчитываешь от начала до конца?

Когда дошли до бежевой, деревянной двери, остановились и по одному заходили. Я первая, следом Дима. И я резко перестала дышать, когда Хаски левую руку закинул на меня... через мое плечо опустил ее по диагонали вниз. Кистью передавил левую грудь, тем

самым чуть ее обозначив выше корсета, ладонь положил — правее живота. Властно, как поводок накинул и отметил, что это принадлежит отныне ему. Холодный металл часов чувствовала на коже живота даже сквозь материал. Голову Хаски наклонил с правого бока от моего лица. И прошептал на уровень уха, от чего прядка волос слегка покачнулась от теплого дыхания.

— Я весь... в нетерпении... — услышала шепот.

Губы, как клеймо, обожгли кожу по ниже уха.

Отцы присаживались за широкий, овальный, коричневый стол. На нас не смотрели, но думаю видели, делали вид, что их не касалось.

Я подняла правую свободную руку, (левая пережата Хаски) и пальцами прикоснулась к костяшкам его руки. Легко провела, невинно пробежалась кончиками, как бы в одобрении.

Уголок губ дернулся в попытке улыбнуться, потом тщательно скрыла.

Будь в нетерпении, будь...

Ты только что подтвердил мои догадки, Дмитрий Сергеевич.

Сделала шаг из его рук, а Хаски, потеряв бдительность, не успел сжать руку, чтобы сдержать побег, пришлось ей упасть с меня. А я медленно направилась к одному из множества стульев рядом с отцом.

Нас всего четверо, подписание договора строго между нами, никого не посвящали в условия, считалось дурным тоном. Возможно я выкапываю себе могилу, но по-другому не могу. Памятую обо всем, что было между нами, только подобным образом могла защититься или отомстить. Не знаю, что из этого стало главной целью. Одно из этих двух ощущений стало главенствующим и занимало контроль над телом и мыслями.

Пока папа и Хаски старший по очереди изучали брачный контракт, я разглядывала простой на вид кабинет: бежевые обои, пару горшков с цветами, минимум окон, чтобы солнце не мешало, когда шли совещания.

А вот взгляд сидящего напротив мужчины жёг. Везде и очень тщательно. Когда я имела не осторожность легко прикусить нижнюю губу, нервничала наверное, но тут же знакомый взгляд опалил место укуса. Не знаю умеет ли Дмитрий формировать энергию глазами, но очень похоже на то. А если положить локти на стол, правой рукой обхватить затылок, сделав вид, что поправила прическу. Огонь стремительно двинулся по верху моей груди... по дорогому украшению вальжно расположившемуся на открытой плоти... огонь пронесся выше по ключице... по жиле на шеи... вновь по губам. Я ощущала эти непрерывные, не видные дорожки.

Дмитрий Сергеевич снял явно предохранитель и готовился к удару.

Когда ему передали контракт, Дима не глядя, лист положил на стол между нами и двумя пальцами подвинул вперед.

— Я его составлял. Наизусть знаю. Подписывай. — Хаски протянул ручку, словно джентльмен первый уступал право подписи.

Ручка обычная, черная, покрутила ее перед лицом, словно какую-то великую реликвию. Другого шанса не будет защититься.

Отложила ручку на стол к всеобщему удивлению. Мужчины за озирались по сторонам, как бы проверяя есть ли тут кто-то еще, конечно, никого не было.

— Аня, подписывай, — отец заглушил голос настолько, чтобы слышали только мы и ни в коем случае — ни за дверьми люди, ни охрана через камеры.

Хаски старший прокашлялся и легонько стукнул по пустой поверхности стола.

Привычные, как в прошлый раз, звуковые волны проплыли по помещению.

— У меня будет условие, — не проиграть в битве взглядов.

Научилась у Хаски противостоять.

Им нужен этот договор. Мне — нет. Значит будешь плясать от меня. Народ они собрали выхода у них нет, поэтому отсюда мы с Хаски должны выйти женихом и невестой.

— Всего одно условие — и я подпишу! — наконец, собралась с мыслями, постаралась, чтобы голос не дрожал.

Поглядела в глаза Дмитрию. Будущий жених локти поставил на стол, скрестил пальцы между собой в замок, на одной руке часы сверкали, привлекая внимания. А внимательные глаза, пытались понять, что я приготовила, какой сюрприз.

Заулыбался Дмитрий, но это не та радостная улыбка, которая была подарена матери. Это улыбка мне — надменная, лживая.

— Что за условие? — поинтересовался.

А я собралась с мыслями и громко озвучила, как приговор в зале суда, даже если это глупость, для меня — нет:

— Ни одна из сторон не вправе требовать исполнения назовем так «супружеского долга» до свадьбы. При нарушении этого условия соглашение автоматически расторгается!

Ни один мускул не дернулся у Хаски, пока изучал меня — новое вещество. Хотя уже старое и он должен был понять, что во мне не только наивность сочетается. К цели господин идет напролом и его неплохо успела понять и изучить. Даже если основная причина концерта — желание вытравить третьего, мешающего нашим семья, то от побочного возможного «удовольствия» не станет отказываться.

И что ему помешает вести себя также нагло, как и прежде. Что помешает мужчине взять свою невесту? Мое нежелание? Разве Хаски это когда-то останавливало?

— А с чего решила, что мне это интересно? — теперь смеялась я над его попыткой.

— Раз тебе не важно, то никаких проблем, правда? Папа, позови юриста? — обратилась к своему предателю-отцу.

Хаски молчал, держа руки перед лицом, а я мысленно праздновала победу. Желай меня, дорогой, желай! У нас на каждом шагу натыканы камеры. Весь город под наблюдением. Редко, где отсутствуют. У меня в доме и у него в пианино камеры. Сорвешься — автоматически расторгается договор и будешь виноват ты, а не я. Я условия все выполнила, совесть чиста.

За всю мою боль и унижения ответишь, Хаски! Отец с подозрением уставился на меня, потом на Сергея, потом на Дмитрия. Этот круг он не прерывал, искал ответа на наших лицах. Хаски обдумывал некоторое время, потирая подбородок длинными пальцами, едва заметно кивнул отцу. Папа подтянул руку с часами к лицу и, набрав комбинацию цифр или букв, наконец, воззрился на меня.

Я довольно развалилась на стуле, постукивая пальцами по столу.

Моя победа, Хаски! Больше не дам вытирать об себя ноги.

Пока ждали, отец внезапно привлек внимание неуверенным тоном:

— Аня, как бы тебе сказать. Конечно, никто до свадьбы не требует исполнения супружеского долга, но... это не совсем правильно, — как бы корректнее начал отец. — Вы на время зависите друг от друга.

Ты за кого отец? Я перестала улыбаться и удивленно обратилась взглядом к родителю. Я правильно услышала. Он за то, чтобы я с Хаски «жила» в прямом смысле? В смысле

спала?

Но расслышала голос напротив себя. Больше не было хрипотцы в голосе, как возле двери, теперь был холод и безразличие:

— Раз у тебя свои условия, будет честно, если и мои условия обговорим. Я также, как и ты, в невыгодной ситуации. Согласись? — самоуверенность лишь на минуту покинула его, теперь он опять взирал с превосходством на пару. — У меня отобрали невесту, выдали другую. К тому же, предыдущая полностью устраивала, — я закатила глаза на этот фарс.

Уставилась на стол невидимым взглядом. Именно поэтому он Ананину заставлял жить и спать с ним, потому что Кристина во всем устраивала. Так и было.

— Предлагаю переехать ко мне жить. Представляете сколько шумихи наделаем?

— А? Посмотрела на будущего жениха.

— В смысле? — его хитрые глазки чуть торжественно загорелись. Узнала лукавый огонек, с виду вроде и серьезный, но это с виду. И в интонации голоса распознала удовлетворение.

— А чего бояться рядом со мной, если я не вправе требовать исполнения супружеского долга? — процитировал мои слова. — Наделаем больше шумихи переездом.

Сжала ручку в ладони, будь моя воля воткнула бы Хаски в сердце стержень. И поковырялась бы пару десятков раз в его зачерствавшем, но бьющемся органе. Что-нибудь способно причинить ему боль?

Минут через десять принесли новый договор. Я изучила очень тщательно под недовольные и усталые вздохи мужчин. Я может себе смертный договор подписываю, а они торопят.

Информация на одном листе и особенно не придерешься. Наши данные... в течение четырех месяцев женимся... в случае расторжения никто не претендует на штрафные организации и даже мое смешное условие появилось.

Собственно, выхода нет. Подняла осторожно ручку, будто она намазана отравой. Обернулась к отцу, разглядывая хорошо знакомые, любимые черты человека, который дал жить, который не отдал в интернат, не дал загубить мою жизнь в самом начале. Я родилась шестимесячная. Мама была в торговом центре, где произошел взрыв, в результате которого она пострадала вместе со мной. Говорят, когда я родилась у меня череп был деформирован, сейчас вроде нормальный стал.

Я всегда считала себя обязанной отцу и из-за этого, не мешкая доверяла, жизнь ему в руки. Он знал всегда, как лучше. Знал, что надо въезжать в столб. Знал, когда надо не дышать. Когда убегать или когда не двигаться.

Прежде чем подписала сказала всего несколько слов отцу напоследок:

— Я в последний раз исполняю твой приказ.

Не смотрела на отца. Когда чернила стали проявляться на бумаге, чувствовала как эта чернота заполняла сердце, медленно наполняло его до краев.

Он выбрал, что важнее ему. Благополучие собственного бизнеса, а не мое личное благо. Я подписала эту бумажку для того, чтобы помочь отцу найти третьего мешающего игрока. Я не всевышняя сила, чтобы пытаться помочь и каждому, хочу чтобы моим родным и друзьям было хорошо, на остальных плевать.

И мы подписали. Очень понадеялась, что не подписала себе смертный приговор.

Оба Сергея первые покинули кабинет, а Хаски не спешил покидать стул.

Оппонент изучал второго. Дмитрий скрестил руки на груди недовольно, а я повторила

его позу и не скрывала легкой улыбки.

Как я раньше прятала улыбки, теперь не буду. Любуйся, наследничек.

— Мы... так... не договаривались, — тихо заявил мистер недовольный.

Ощущение, что у него из-под носа умыкнули конфетку. Похоже, я угадала его намерения, сдерживаться бы не стал.

— Надо было подробнее разобрать пункты договора, как в прошлый раз! — встала я со стула, намеренно провела ладонями по бокам, по бедрам, обозначивая контуры тела, которые он отныне не получит. — В прошлый раз было явно оговорено, что ты получаешь за сохранность Бастардов. А в этот раз сплеховал, — ладонями оперлась о стол, демонстрируя другую часть тела, что он тоже отныне не коснется. — Теперь ты получил невесту! — а потом жестко сквозь зубы процедила. — А трахать найдешь себе такую, как Ананина.

Встала в полный рост, демонстрируя себя — его невесту. Хотел невесту — получай. Только этого ли ты хотел? Вряд ли. Тебе нужен секс, похотливая скотина. Я для этого всегда и нужна была.

Хаски молча поднялся со стула, обошел стол и приблизился ко мне, как в атаку шел.

Расхотелось улыбаться, как у него получается ловко заткнуть? Машинально подняла глаза на уровень его белоснежной сорочки, на кадык, на губы.

— У меня всегда козырные карты в рукаве, моя прелестная невеста! — комплимент из его уст ошарашил. Это я не зря мучилась пол дня? Не о том подумала, дура! Какие козырные карты?

— Захочу и расторгну в любой момент, — пальцем указала на пиджак.

— Конечно, — Хаски опять улыбался. — Захочешь и пойдешь к юристу... составите договор — отказ и подпишешь... все дела. Так и есть.

Его глаза были опять довольные, как и до условия озвученного мной. Встал рядом, плечо к плечу. Ну или правильнее сказать мое плечо — его локоть.

Поднял левую руку ладонью вверх с предложением взять. Я с подозрением посмотрела на мужчину перед собой, а он озвучил:

— Играй по увереннее. Чем мы сильнее уверим людей в своей любви, тем быстрее можем оказаться на свободе...

Опа!/? — Будь я страусом, непременно спрятала бы испуганную морду в песке.

— Правильно расслышала. Сделай так, чтобы я поверил в твою искреннюю любовь. И тогда можешь оказаться на свободе гораздо раньше. Сто двадцать дней. Отсчет пошел.

Я подняла правую руку и опустила в ладонь Хаски. Наши сцепленные руки. Знакомо, как раньше. Руки у Дмитрия большие и теплые и куда-то ведут, направляют. Как мотылек, освещают небольшую темноту и неуверенность перед лицом.

Руку-то отдала ему.

— Но сердце не дам, — сказала ему.

Судя по улыбке и ответу, который озвучил, когда открыл дверь, Хаски научился понимать мой юмор:

— Посмотрим...

Приговор за приговором.

Глава 29 "Жених-невеста"

Главы три будут спокойные, расслабляемся)

POV Вильмонт

По темному коридору, освещаемому лишь светом от бра, передвигались в одном известном Дмитрию направлении. Он держал меня за руку и вел, как обычно вперед, я же за ним шла не спеша. А Хаски тоже не торопился, на ходу видела развязал галстук, словно с шеи снял поводок и сжал в свободной руке ненужный аксессуар. Решил плюнуть на приличия? Расстегнул судя по мельтешащей руке ворот рубашки и пиджак.

Возле одной из дверей жених остановился и, открыв дверь, бросил туда галстук. Я посмотрела за этим действием внимательно, на что Хаски пояснил:

— За долбал официоз, — и вновь продолжил путь со мной за спиной.

Я молчала, как будто в рот налили воды и боялась захлебнуться, если начну говорить.

Опять двойные двери, чем-то знакомые. Вот там мы и остановились. Дмитрий развернулся ко мне, окинул любопытным взглядом с ног до головы.

— Забыл в кабинете сделать, — сказал и посмотрел вниз, попутно выискивая в кармане пиджака что-то. Достал и показал. Да чтоб в меня молния прямо сейчас шарахнула, при условии, что плохой погоды в Арзонте почти не видела ниразу.

Присмотрелась, у меня нижняя губа слегка опустилась вниз от изумления. Кольцо-скорпион, ну точная копия моего того.

— Мелисса подарила тебе опять. Не теряй, — странный шум в ушах постоянно мешал нормально слышать, наверное, это кровь бурлила слишком сильно.

Хаски взял без разрешения мою правую руку и надел кольцо на палец — на безымянный палец. Да так быстро, что не успела и слова сказать. Раз, и скорпион вновь клешнями обхватил палец, сковал обручем.

— У тебя пальцы ледяные, — слышала тихий мужской голос, и чувствовала теплые, почти огненные прикосновения к своим рукам. Пытался согреть? А я не могла найти в себе силы поднять взгляд или ответить на слова Хаски.

А потом жених вновь взял за руку и повел внутрь, через двери, только напоследок сказал:

— Не бойся. Со мной никто тебя не тронет, — я горько усмехнулась мужской спине, пиджаку и послушно пошла, озаренная светом отовсюду.

Я помню эти слова. Они были произнесены на яхте. Были легко сказаны, а потом нарушены также легко. Никто и не трогал меня, кроме тебя. Только ты мог настолько сильно ранить.

Мы в зеленой беседке, где праздновали День города. Обстановка немного изменилась, нет, травяные изгороди по-прежнему были, но расположены они в другом рисунке. Сначала вдвоем прошли за руку, под градом любопытных взглядов, сквозь небольшой зеленый коридор.

Я предпочитала не смотреть по сторонам, старалась избегать их. Не до того было.

— Нам туда, — показал Хаски пальцем в сторону зеленых арок слева.

Передвигались за руку, пока нас рассматривали, как на подиуме. Взгляды цепко хватались и оценивали, словно через увеличительное стекло на предмет фальши.

Услышала свое имя, видимо кто-то шептался о нас.

Увидела свою семью за одним из столов. Словила воздушные поцелуи от Иринки — она сегодня занимала места с папой, мамой и Пашей. Потом сестра показала сжатый кулак, направленный вверх к зеленому потолку, мол держись Анька. Мы за тебя!

Я улыбнулась, автоматически дернулась в том направлении, собираясь присесть рядом с Ириной, но резко поводок натянули. Неловко остановилась, когда почувствовала, как рука Хаски сдавила пальцы чуть болезненно.

— Нам туда, — повторил Дмитрий и кивнул на соседний стол, покрытый белоснежной скатертью. На нем огромный букет цветов, маленьких, но весьма ароматно пахнущих. Не знаю, что за сорт, но приковывали внимание своей чистотой однозначно.

Дмитрий опять повел за руку, а мне оставалось идти за ним послушно. Как будто я пьяна, голова кружилась от обилия света и внимания, едва передвигалась, думаю если бы жених не держал за руку свалилась бы на каблуках.

Хаски присел слева от своего отца, а я левее его. И вот когда мы присели, Сергей Хаски нарушил идеальную тишину в беседке едва слышным голосом:

— Давайте молодых поздравим, что ли? А то такая завораживающая, мертвая тишина? — мужчина показал пример залу, как надо поздравлять. Мало помалу помещение накрывало волной хлопков. Громче, громче. Звучали, как барабаны в голове. Как будто наяву я становлюсь его невестой. Бред.

Отмахнулась от назойливой мысли. Это фальшь. Успокойся, Аня. Попыталась выдавить улыбку скромную, пока видела вспышки фотокамер, Дима демонстративно наши руки положил на стол. Как бы показывая, что мы соединены, более того еще и кольцом на моем пальце с фамильным камнем его семьи. У меня одновременно два украшения на одной и второй руке.

Я не верю. Я невеста Дмитрия для всех.

А потом расслышала свист, наглый мужской свист и не одиночный. О, да! Подняла любопытный взгляд в сторону столов далеко-далеко, где-то в самом конце беседки. Троица друзей: Макс, Санек и Виталик смеялись и продолжали то хлопать, то свистеть, в общем шуметь.

На протяжении примерно получаса к нашему столу подходили и поздравляли гости. Людей я половины не знала, но улыбалась как ледышка, холодно и равнодушно. Искусственная улыбка приклеилась к лицу, скулы заболели через некоторое время.

Самый последний Сергей Хаски поздравлял сына. Как странно, но мужчина пришелся по душе. Вечно мне улыбался. Даже поцеловала его в щеку, располагал он к себе людей, не то, что Хаски.

Когда, наконец, нам дали возможность успокоиться и поесть, напротив нас, появился Виталик, тоже в костюме. Скользнула взглядом направо, наконец-то руку мою Хаски отпустил, она затекла от его хватки. Правда если Дмитрий, смотрелся как крупная птица: гордый и независимый, то Виталик, как воробушек, маленький и вечно щебечущий. Волосы на голове аккуратны пригладены. Очаровашка мальчик, правда наглая. С ним я не чувствовала давления силы.

— Заставляешь невесту привыкать к месту рядом с тобой? — в вопросе Виталика к брату прозвучал явный подкол, только я не поняла к чему это относилось. Перевела взгляд с одного на другого. Помахала рукой перед лицом мелкого паршивца.

— Привет, Виталик! — напомнила, что следовало в первую очередь поздороваться.

— Здорова, здорова! — не унимался малец, а Хаски молчал.

Потом вдруг положил руку на спинку моего стула и наклонился к моему уху. Я удивилась, но почти сразу расслышала.

— Мой отец «любит», — Дмитрий очень выделил это слово. — Красивых женщин. Желает пополнив коллекцию, побольше улыбайся?

Я дернулась резко, глядя Хаски в глаза, потом заглянула ему через плечо на отца.

— Да ну!? — воскликнула в лицо жениху.

— Вот тебе и ну, — и Хаски, будто потеряв интерес ко всему, замолчал.

— Что будем выпивать нынче? — Виталик без тормозов. По крайней мере от таких людей знаешь чего ожидать. Он поднял два напитка на выбор. Я кивнула на один из них и вновь обернулась к Хаски, чуть наклоняясь:

— Точно?

— Совершенно точно, — отрезал Хаски, разливая алкоголь. Вот тебе и абзац. Больше никаких улыбочек. Жуть... — А у тебя подобного опыта не было еще? — спросил неожиданно. Я помотала отрицательно головой.

— Вот смотри, — положил Дмитрий руку вновь на мое сидение и начал рассказывать на ушко, а со стороны смотрелось, словно мы мило шепчемся, как голубки.

— Трески старший видишь, в середине зала, — наши головы были очень близко и даже его дыхание смешалось с моим. — Вот за ним через столик, рыжая кудрявая — это его любовница нынешняя.

Поймала взглядом девушку — симпатичная, но ей от силы лет шестнадцать. О Всевышние силы, в каком логове разврата я живу.

— Она из бедной семьи насколько знаю, но почти год греет постельку Трески. А вот рядом с ней коротко стриженная блондинка — любовница Ангельского старшего. — Да ну!? Я сморщилась.

Хаски усмехнулся над моей моськой видимо. У Ангельского старшего более пяти лет обнаружен дефект обмена веществ в организме. Он один из немногих Аристократов страдающий от этой болезни. Он весит килограмм двести, наверное, даже при большом росте, жир у него везде, в том числе и на заплывшем лице. Хороший человек, но с весом ничего не может сделать, периодически проводит операции по его удалению.

— Цени, что я тебе попался, — хмыкнул Хаски, закончив разговор.

— Ценю, — кивнула, как болванчик.

— О чем вы шепчетесь? Мне скучно... — привлек наше внимание Виталик. — А ты почему веселишься? — дерзко спросил он у Димы. — Садись работай, как любишь, с планшетом в одной руке и телефоном в другой, а я с Анькой по тусуюсь.

— Поганец, — раздраженно процедил Хаски. — Заткнешься или нет?

— Не-а, — как будто заело у Виталика, он покрутил головой из стороны в сторону, как глупый мальчишка. — Давайте выпьем!

Мы синхронно подняли бокалы и началась торжественная часть. Как же достали эти вспышки фотокамер, не выпьешь нормально и не поешь. Сиди и улыбайся над не смешными шутками ведущего. Спустя полчаса после начала торжественной части, в зал с небольшим хлопком двери скользнул Шмонт. Я наострилась. Хотелось помахать ему рукой, но он волшебным образом нашел мой взгляд среди множества и подмигнул мне. Улыбка самую малость покорила мое лицо. Все-таки это мой Леня.

Хаски едва касаясь, легко как перышком провел по моей спине кончиками пальцев и

наконец, остановил ладонь на голой коже, словно обнимал.

Дмитрий таскал меня, как куколку за руку повсюду, разве что в туалет не таскал. Захотелось ему покурить и потащил, там нас и настиг очередной ужас — интервью.

Хаски создан для вранья, с легкостью исполнял роль довольного жениха я же не могла влиться в нужное русло.

— Как чувствует себя жених? — осведомилась тетенька журналистка с жутким красным маникюром, поймав Хаски с сигаретой возле урны, а меня с бокалом шампанского.

— Отлично, — со смешком ответил Дмитрий, при этих слова бычок затушил.

— А невеста? Такая молоденькая? — чего это я молоденькая? Восемнадцать. В момент хотелось огрызнуться. — Как вам статус невесты?

Я не знала, как ответить, что-то плохо сегодня с языком. Актриса из меня никудышная, Хаски опять спас положение:

— Она никак не может привыкнуть к новому статусу, — властная рука скользнула мне на талию, придвинула к мужскому телу вплотную. Едва не склеил мой живот и свои ноги, очень мечтала его конечность, змеей вцепившуюся в мое бедро, отодрать. Но нет... мы влюбленные.

— Да, извините, — постаралась расслабиться. Его рука на моей попе опять лежала. Не стыдно человеку? — Я не пойму, что со мной происходит..., - продолжила играть комедию.

Журналистка поверила, довольно улыбнулась.

— Это любовь, малышка, любовь, — шепотом словно по секрету поведал Хаски мне на ухо, но естественно это было для журналистки сказано. Я вздрогнула от его шепота, прикосновений дыхания к моей шее.

Актеришка!

— Во как! — удивленно воскликнула женщина. — Рада за вас! — она похлопала Хаски по плечу дружески, будто они давно знакомы. — Пойду нападую на твоего дядю. У него никель отобрали.

Руки Хаски продолжали лежать на мне. Нагло. На этот факт потыкала ему в грудь указательным пальцем с намеком, чтобы ослабил змеиную хватку, а то от яда сдохну.

Но змий-искуситель, еще сильнее надавил костяшкой руки на талию.

Воздух потерялся для меня на некоторое время. В платье стало очень тесно, будто оно колючее, жесткое и причиняло неудобства. И очень мешалось.

Не знала куда смотреть, на его рубашку передо мной? Какой весь аккуратный, беленький, пушистенный, лучистый мальчик, но я- то знаю, что внутри у него.

Ему омерзительны эти людишки. Он считает себя выше них всех.

— Мы не подарили им поцелуй, — озвучил Хаски на ухо. Я подняла глаза вверх, желая узнать серьезен он или нет. Явно с требованием требованием действовать. А меня обдало горячим теплом от мужского тела, от запаха, что кружился около нас, соединялся между нами. Когда мы вдвоем — это странно... не обычно...

— Это лишнее... — дала ясно понять, что никакого сближения не будет.

Мне страшно было здесь в его объятиях вновь находиться, трепетно, приятно и это больше всего пугало, что я опять шла у него на поводу. Он руководил всеми в округе, в том числе и мной. Захочет прижмет к себе, захочет выкинет, как тогда раньше. Продаст своему другу, как ненужную вещь, как предмет. И это в его власти. Больше я не позволю ранить меня. Не хочу.

Встала на цыпочки и неловко поцеловала в щеку, как маленькая девочка, неуверенно,

будто впервые тянулась к мужчине. Хаски резко развернулся, и я вместо щеки поцеловала уголок его губ. Специально, гад! Резко отпрянула, а он не успел покрепче сжать. Не ожидал быстрой реакции от меня. Я злобно зыркнула на жениха.

— Мне надо выйти, — сообщила ему и бегом от него. Сбежать и одуматься. Прогнать его запах, его тело со мной. Ощущение что он рядом и нереально сложно контролировать свои мысли, они разбегались, кружились, но не хотели вставать в ровный ряд и подчиняться.

А когда вернулась из туалета, позорно сбежала к матери. Саша естественно не ответила на приглашение на помолвку, Алиса в больнице, поэтому здесь в поместье Хаски были только папа, мама, я и Паша с Ириной.

Сидели сплетничали обо всем подряд. Мама не верила, что я невеста Хаски.

— Аня, ты не обязана идти на поводу у отца. Если его бизнесу это выгодно, тебе не надо себя хоронить. Ты любишь Лёнечку, — ой-ей!

Это плохо, если все будут считать, что я влюблена в Шмонта, кто поверит в нашу неземную любовь и желание быстрее пожениться с Хаски.

— Мама, все хорошо. Мне нравится Дима.

Не знаю поверила мама или нет, но больше не отговаривала от будущей свадьбы.

Ближе к девяти вечера Дмитрий озвучил громко, даже не спрашивая у меня согласия, как обычно впрочем:

— Уезжаем через пять минут. Машина скоро будет. У меня встреча, а надо еще домой к тебе заехать.

Мысли сразу завертелись в бешеном потоке. Не успели отношения «типа» оформить, а он шуры-муры крутит. Теперь такая жизнь ожидает подстилки, как и в роли Бастарда? Терпеть его высочество, выполнять приказы по указке? Не пойдет.

— У меня тоже планы на вечер, — когда уселись в подъехавшую машину и тронулись с места я озвучила, нарушив тишину в салоне. Внимательный взгляд Дмитрия ощутила очень сильно на своем теле.

— И какие же? — а твое какое дело, собственно хотелось спросить? Я у тебя не спрашивала, что за встреча.

— Встреча, — поведала стеклу справа от себя.

Я опять ехала в его дом, туда, откуда сбежала, где столько пережила унижений и попоранной гордости. С тем же человеком, который ни капли не изменился.

— Встречи отменяются!

Хаски потянул руку в направлении передних сидений, где был посторонний человек — водитель и нажал на кнопку, блокируя вид на нас. Стекло ехало с заметной вибрацией и жужжанием.

— И не подумаю, — когда стекло сдвинулось вверх, я вновь тихо поведала. — Указывать ты не смеешь.

Хаски хмыкнул на мою браваду надменно:

— Посмотрим, — и это единственное слово, которые он озвучил после того. И что он мог сделать?

Не станет же со мной, как раньше обращаться? Да и я не буду молчать. Раньше выбора не было, теперь же есть.

Целые дни проводить рядом с ним, знать что он в соседней комнате или придет вечером. Его вещи, его квартира, а я опять на птичьих правах. Почему жизнь нас настолько отчаянно сталкивает?

Как вообще могло такое случиться? Вдруг за несколько веков наконец-то Вильмонт и Хаски решительно настояли на свадьбе и обе стороны поддержали. Это немислимо! Мир сдвинулся с оси движения.

Глава 30 "Пианино"

POV Вильмонт

Сначала заскочили ко мне за вещами первой необходимости, минут двадцать собирали сумку, а потом к нему.

Этот дом. Не думала, что когда-нибудь вернусь сюда, к тому же его невестой. Окинула взглядом весь облик успешного эlegantного мужчины перед собой. Ну какого Бастарда от настолько красивый родился? Почему на лице и на теле у него нет уродливого шрама, напоминающего, какое он воплощение всех низменных пороков?

Отвернулась от жениха и первая по лестнице забралась ко входу в дом. Распахнула двери. Консьержка заулыбалась при виде Дмитрия. Еще бы тетенька каждый раз норовила его за щеки потрепать, извращенка. Помню, я помню. Кажется и она вспомнила, потому что перестала улыбаться.

— Добрый вечер! Невеста, видимо? — неуверенно спросила она.

— Она самая! — холодно ответила.

Не знаю откуда столько к ней негатива. Может она всегда докладывала, куда и с кем иду с точностью до минуты.

Прошла по фойе, благо малочисленных жильцов не было и, поднимаясь на третий этаж, мы никого не встретили. А Хаски за мной шел, он же не пялился на мой зад? Подозрительно, что позволил идти впереди. На ходу обернулась, на что спутник вопросительно посмотрел, бровь кверху дернув. Ладно, вроде не пялился.

Возле необходимой квартиры остановилась и скрестила руки под грудью. Все равно пойду сегодня к Ирине, она для моей помолвки дочку к матери отправила, так что время у нее освободилось. Сбегу, если понадобится из тюрьмы-пианино.

Руку Дмитрий прислонил к сенсору возле квартиры. На миг задумался и пододвинул меня ближе. Начал что-то набирать на экране на стене. Минуту мучил бедный агрегат и мои уставшие ноги на каблуках.

— Руку давай, — взял меня за ладонь и прислонил ее к экрану рядом с дверью. Фиолетовые лучи заиграли на коже, вздрагивали, перемещались, но никаких ощущений не почувствовала: ни тепла, ни холода. Что это? Как будто мысль прочитал.

— По отпечаткам можно проходить, без ключа, — ответил мне.

Убрал бы руку от моей, а то неуютно. Горячо становится, как будто к лампочке прикасаюсь.

Выдал комнату ту же, что и прежде. Мысли прочитал, там надо изменить воспоминания на более приятные.

Ностальгия, да?

Моя комната была рядом с ванной, комната Хаски дальше по коридору через две.

Оглянулась, похоже ничего не менял здесь: на тумбочке лак для ногтей, белье, тоже которое и было светло-коричневое. Оно шелковое и скользкое, зато прохладное, ткань немного охлаждала наши тела.

Раскрыла дверцы шкафа — в вещах легкий бардак. Лифчики с логотипом X валялись. Это Хаски чистоплюй, а я могу разбросать, а разбирать буду позже.

Он оставил комнату нетронутой, зачем? И почему отчаянно захотелось присесть на

кровать и сорвать эти простыни, и гардероб развалить? Зачем Дмитрий оставил в пианино воспоминания обо мне? После всего, что разделило нас на два противоположных полюса. И почему он не желает понимать, что между нами плотная стена, он может стучать по ней сколько угодно, но я добровольно туда не перелезу. Вновь на поводок? А он может даже не пытаться перелезть через стену, потому что я буду отстреливаться из рогатки, лишь бы помешать ему.

Поднялась с кровати, решительно проморгавшись. Отставить нытье и что со мной в последнее время? Едва не рыдаю постоянно.

Я все равно пойду к Ирине отпраздновать мою кончину в громкой обстановке какого-нибудь увеселительного заведения, где можно потанцевать, чтобы Хаски показать его роль для меня.

Собственно, он для меня по-прежнему никто.

Собственно, побесить Хаски тоже хотелось. Очень.

Когда его любимая консьержка доложит, меня уже давно не будет.

Я шикарна. Блестками светилось мое лицо, грудь, плечи. Платье что надо: выше груди открытое полностью, а внизу — юбочка в оборочку, подпрыгивающая при ходьбе, да и я, как бабочка. Волосы кудрявые-кудрявые. Накидку захватила черную на плечи, чтобы не так уж грудью сверкать. А вообще у меня прилив сил, непробиваемый гейзер.

Вот Хаски взбесится! Едва не захлопала в ладоши, как маленькая девочка. Я, кажется, люблю его бесить. Взяла сапоги и, посвистывая про себя от удовольствия, выбежала в коридор. Оттуда в кухню и оттуда... оттуда я замерла на пороге.

Бастард тебя раздери!

Сидел на диванчике, ногу закинул на ногу и смотрел за моим появлением из-за двери. Вот что здесь сидит? Ладно, я тоже имею право идти куда вздумается.

— Твоя встреча отменилась? — задала наиглупейший вопрос. Не дрейфить. Кто он мне такой? Жених... а ничего страшного. Он «мнимый» жених. Я сама себе госпожа.

— Нет. А вот твоя — да, — эта дурацкая ухмылка. Прошла мимо ХАски, расправила гордо плечи. Встала возле двери и начала обувать сапоги, они легкие для красоты, а не для тепла.

— С чего бы мне ее отменять? — спросила у коврика, на котором стояла. Платье задиралось, но в меру, поэтому совсем попой я к Хаски не повернулась, только бочком, но очертания ягодич вполне мог рассмотреть при желании. Жених помалкивал и следил за моими действиями.

Застегнула сапоги и распрямилась. Улыбка засверкала довольная, поправила волосы за спину, чтобы те красивым, волнистым водопадом спадали на спину, и накрыла накидкой голые плечи, скрывая их от посторонних глаз.

— Во-первых, ты выглядишь хуже проститутки, — услышала внезапно голос сзади.

Я уже успела взяться за ручку двери с целью раствориться в коридоре подальше от самодовольного жениха, но на этой фразе оторвала насильно пальцы. И развернулась как робот назад, рассматривая будущий объект уничтожения.

— Эти «девушки» по улицам в подобном виде не ходят... — и Хаски нагленько обвел пальцем в воздухе мои мнимые очертания. На что я недовольно сжала челюсть и промолчала.

А козел-жених продолжил:

— Они в подобном виде, — опять пальцами провел сверху вниз, будто по моему телу. —

Только заказы выполняют...

Я перебила на полуслове:

— Ну конечно...ты-то у нас в курсе времяпрепровождения всех шалав Арзонта! — Схватила за дверь. Пошел он со своими приказами, пусть Кристиночке своей приказывает. Я — не псина!

— А во вторых комендантский... — я вышла в проход и от неожиданности отскочила назад. Показалось по мне ток прошелся, словно я к оголенному проводу прикоснулась. — Час...

Померещилось что ли? Решила проверить ощущение повторно.

Подняла ногу аккуратно, попыталась просунуть в коридор и опять. Теперь уже отчетливее по телу волной проплыл небольшой разряд тока, совсем маленький.

Я обратно отскочила назад в квартиру и ладонями провела по локтям, спугивая неприятное ощущение.

Обернулась на Хаски. А он довольно поменял позу, локоть положил на подлокотник дивана, пальцы в замке сцеплены и рассматривал зрелище.

— Что ты только что сказал? — я не слышала после проститутки, что он там говорил?

— Говорю — комендантский час для тебя с десяти часов вечера и до семи утра! — объявил жених.

Прочь улыбки. Мы оба застыли в разных, но застывших позах. Он, готовясь обороняться, я готовая нападать.

— Озверел окончательно? — у меня должно быть дикий испуг в глазах запрыгал туда-сюда.

— Для твоей безопасности, Вильмонт, не высывайся. Я не могу тебя постоянно охранять...

— Меня не надо охранять, — следила, как Хаски прошел к выходу перед моим носом. — Я могу о себе позаботиться...

Обул кроссовки, словно не слыша меня.

— Я в этом сомневаюсь. Моя невеста не будет разгуливать в таком виде, одна без меня, — я схватила Хаски за куртку легкую ветровку, не давая уйти. Разорву куртку если понадобится, но не дам уйти

— Прекрати, пожалуйста, — прошипела сквозь зубы, как гадюка. Готовилась укусить Хаски и мечтала, чтобы он сдох от яда. — Я не зверушка тебе какая-то, — озвучила, едва сдерживая крик. Хаски очень аккуратно отогнул мои пальцы по одному, освободив тем самым руку от прочной хватки.

— Хорошего вечера, Вильмонт. Я тебя не отпускаю... — и с этими словами вышел за дверь.

— Как не отпускаешь!?! — заорала на весь коридор. Соседи подумают я истеричка. — Я у родителей никуда лет пять не отпрашиваюсь. Ты о чем!? Я вообще-то не жена тебе! — орала громко.

— Хаски! — на что он помахал рукой, так и не оборачиваясь. — Хаски. Стой! — заорала повторно на весь коридор.

Что делать? Вот что он устанавливал на экране возле двери. Это надо быть таким представителем рода козлов!

Захлопнула дверь в квартиру и что делать? Пальцами вцепилась в волосы, взлохматила их. Столько марафет наводила, еле дыша, лишь бы не привлечь внимание изверга, а теперь

готова их вырвать из мести. Может в рыжую перекраситься? Или в синюю, насолить ему? Отличные заголовки газет будут. «Будущий Глава Хаски и его сумасшедшая невеста крупным планом».

Перемещусь!

Сконцентрировалась на желании быть подальше отсюда. Прикрыла глаза — спокойствие, только спокойствие. Пару секунд достаточно. Глаз один открыла. Да бастард тебя подери! Ничего не поменялось в пространстве, я там же стояла, как красивая фарфоровая, безвольная кукла.

Ненавижу. С тяжелым, обреченным вздохом упала на диван и прикрыла глаза ладонью от света на потолке.

0 энергия. Здесь нет энергии. Ненавижу. Как же ненавижу!

Свет яркостью очень сильно раздражал. С позором закусила губу. Жизнь не изменилась, я все также беспомощна. Я для Хаски — предмет интерьера, даже с Кристиной обращался «милее». Не слышала, чтобы он ее унижал или, как с собачкой, вел себя.

Злоба всколыхнулась во мне, тело дрожало от переизбытка этого чувства, боялась лава кого-нибудь зальет горячим потоком. Но кроме меня здесь никого, так что лава кипела, бурлила, причиняя лишь мне неудобства.

Дошла до комнаты, сняла сапоги и теперь дошла обстановка. Я — пленница вновь. Открытое окно манило прохладой ночного Арзонта. Третий этаж.

Подошла к подоконнику, раздвинув светло-персиковую тюль, руку настороженно просунула в окно. Зажмурилась в ожидании разряда. Ветер овевал мои пальцы, которыми я могла свободно перебирать, не получая урона. Есть!

Здесь не поставил электрическое поле, оно лишь на входной двери.

Залезла с ногами на подоконник. Высоковато — этажи не стандартные, чуть выше среднего. Сапоги взяла в руки и прыгнула в темноту ночи. Окна выходили на аллею сбоку дома, здесь обычно никого не было, впрочем и сегодня аналогично — тишина стала союзником.

Попыталась в последнюю секунду переместиться возле земли, но не успела. Испуганно и слегка болезненно ойкнула, когда затормозила копчиком. Мысли собрать в кучку не удалось, чем попало тем и уселась — а именно попой. Еле слышно простонала, еще не хватало быть пойманной в столь унижительной обстановке. Нащупала свалившиеся сапоги рядом и принялась их застегивать, сидя на траве. Бедный мой копчик! Я его отбила похоже!

Фонарь освещал половину улицы, я благоразумно сидела в тени. Когда закончила с обувкой подняла глаза, и едва не вскрикнула от ужаса. Я одна — напротив трое мужчин, которых не могла разглядеть, исключительно то, что они взрослые и жутко серьезные.

— Анна Сергеевна! Просьба пройти домой, — приказал один из этих высоких мужчин. Это, маму вашу, три штуки тех уголовников, которые Ивана били. Шрамы на лицах, одежда с металлическими вставками. Меня приподняли за локти с двух сторон и повели, я похожа на уголовницу.

— Не сопротивляйтесь, пожалуйста. Нам приказано следить за вашей безопасностью. Вы только что чуть ноги не переломали, я буду вынужден доложить о вашей выходке!

Выродок! И этот туда же!

Предательские слезы опять готовились пролиться и, когда мы вышли на освещаемый участок перед домом, я вырвала свой локоть и прибавила скорости лишь бы подальше отсюда. Спрятала глаза от консьержки.

Замечательно, завтра каждый лентяй будет цитировать мой героизм, граничащий с идиотизмом.

Как же его ненавижу. Хаски мало того посадил на цепь, так и Цербера оставил за мной присматривать, как и положено с тремя головами. Ненавижу! Сколько будет унижать? Мне и Кирилла хватало всю жизнь!

Глава 31 "Зверь"

POV Вильмонт

Не могла заснуть, вертелась половину ночи в обнимку с подушкой, хотя не страдала особенностью плохо засыпать на чужом месте. Быстро привыкала ко всему, я же паразит.

И его приход слышала в пятом часу ночи, незаметно сжала подушку. Он мог себе позволить, когда угодно придти, я же отныне псинка, правда меня не надо даже выгуливать.

Он все равно встал раньше. Что за несправедливость? С утра пораньше решила заняться расстановкой вещей по местам, перебирала одежду, нужна она мне или можно выбросить? Сегодня ко второй паре, поэтому успевала по времени.

Приближение Хаски проигнорировала. Копалась в шкафу и думала выкинуть кофту или оставить.

— Доброе утро, — озвучил «жених». Я оглядела его с ног до головы, как можно пренебрежительнее. Как огурчик, нет красных глаз и помятых лиц. Не ответив, продолжила занятие расстановки одежды. Привалившись к косяку двери, Хаски смотрел за моими передвижениями и вздыхал громко, словно его действительно волновало что-то связанное со мной.

— Завтракать будешь? — спросил он. Я не ответила на вопрос, после чего услышала раздражение в голосе... — Отлично. Бойкот?

— Нет, — поместила туфли на одну из полок. — Я слушаю тебя ровно настолько, насколько ты меня! — обернулась к нему, стоявшему в проходе. Улыбнулась натянуто и попыталась протиснуться сквозь мужчину, при этом тот не сдвигался и не давал пройти. Пришлось неохотно дотронуться боком до его ног и плечом до его груди.

— Куда прыгала? И к кому? — уже в коридоре расслышала два вопроса.

— Ты...ты. ты нечто Хаски, — слов не могла найти. — Верную свою псинку посадил на замок и приставил охранников. Ты знаешь, что нарушаешь мою личную жизнь? — ткнула пальцем ему в грудь. Надеюсь, синяк появится.

— Привыкай, отныне я твоя личная жизнь, — его хоть чем-нибудь проймешь? Удивилась я, вскинув руки к потолку, и обреченно опустила. Он более уперт нежели... не знаю кто...даже я готова сдаться.

На занятия рвалась, как на праздник, хоть какое-то развлечение и свобода некая. В жизни не стремилась на учебу с подобным остервенением.

Как и обычно жених везде первый, попивал кофе на диване и смотрел телевизор, на меня только одиночный взгляд бросил.

— Переоденься, — я в этот момент наливала себе чай и Хаски не видел моего ужаса, фонтана эмоций, изменившего лицо. И не увидел, как я промахнулась с кипятком и залила стол немного.

— Зачем? — вырвалось, пока убирала последствия неаккуратности тряпкой.

— Никаких юбок, мини-платьев и откровенных вырезов, — расслышала за спиной ответ от «жениха». — Привыкай, быть моей невестой не легко.

— Бастарда лысого я переоденусь. Нормальная юбка, — уселась за стол в отличие от Хаски и стала греть руки на теплой чашке.

— Значит, придется пропустить занятия, — его важная физиономия за пару часов

вывела из душевного равновесия раз пятьдесят.

— Слушай... долго будешь придумывать дурацкие требования?

— Почему дурацкие? — Хаски реально удивился.

— Неужели не понимаешь, что они смехотворны?

Хаски отставил чашку на подлокотник дивана, полуобернулся ко мне с предложением:

— Посмотри на свою юбку?

Послушно опустила глаза вниз — пару сантиметров есть до причинного места. Нормально, главное не наклоняться.

— Любой «нормальный» мужик обратит внимание на твою задницу, не находишь? А мне не улыбается убивать каждого второго, кто не так взглянет на мою невесту.

Брови взметнулись на лоб, причем обе, причем очень высоко. Я покивала, рассматривая жениха и не моргая. Интересно, он серьезно сейчас сказал? Судя по расслабленному, спокойному выражению лица — да.

— А ты представь, — начала я поучительно после некоторого затишья. — Что люди имеют обычай смотреть друг на друга. И ни один ты видишь меня. С этим ничего не поделаешь. Ты же не выколешь всем глаза! — с сарказмом добавила я. — Да вообще! — всплеснула руками, в результате чуть чашку не сшибла. — Что за шизофрения? Пусть себе смотрят. Мне какое дело? Хочу хорошо выглядеть и всё.

— Вот и выгляди хорошо для меня или при мне, в остальных случаях будь поскромнее, — объявил господин, и пройдя к раковине, поставил туда чашку с выпитым кофе.

Меня сейчас обозвали опять проституткой!? Второй раз за два дня? Я не поняла!?

— Пять минут жду, не появишься — останешься здесь, — заявил Хаски.

Как будто...как будто... как же бесит! В сжатых пальцах представила физиономию Хаски и как буду мучительно выдавливать у него глаза. Руки тряслись от желания воплотить мечту в реальность. Топнула ногой от злости, правда чуть пятку не отбила.

Пришлось сражаться с гордостью ровно минуту. Я с ума сойду в этих стенах. Мне нужно с девочками пообщаться. Ух, наследник! Опять выиграл сет!

Правда я опоздала на пару минут и по идее водитель должен был покинуть место парковки, но он ждал, курил возле машины. Я сменила юбку на очень обтягивающие черные шорты. С довольной моськой выбежала, подхватив кофту и сумку с тетрадками. Выкуси наследничек! Едва не показала ему от счастья язык, присаживаясь на пассажирское сидение.

— Что опять? — пока пристегивалась театрально спросила. Водитель молчал и не заводил мотор Retz, пялясь на меня. — Это не юбка, не платье и откровенных вырезов нет, — подвела итог. — Вези меня к моим девочкам, хочу тебе косточки перемыть...

И мы начали движение по парковке, Хаски не отрывал внимания от камер заднего вида, при этом голос его стал более приглушенным и серьезным. Я автоматически следила за мимикой Хаски:

— Здесь в машине можешь говорить всё, что пожелаешь. Здесь ноль энергия и нет прослушки. Дома стоит прослушка, поэтому будь дома «по нежнее», — когда выезжал за ворота, на последнем слове обернулся выразительно на меня. — В твою игру разве что слепой и глухой поверит.

Так я и не играла, пока что. О! Кстати, вспомнила, когда он меня здесь в машине пытался нагнуть после дискотеки и, когда я ему по яйцам треснула, понятно почему не смогла переместиться, а едва выбежала из машины, как исчезла. В тот раз он мне голову не

открыл?

Ах...да...после этого он убил Ивана...

Улыбки прочь, рассматривала обочины, по которым шли люди на работу ранним утром. Я никогда не смогу забыть всего этого. Он не принц и вообще мало похож на человека с нормальными эмоциями, ему шестеренки в голове перекрутили, болтики и винтики расшатали. Он иногда не предсказуем, а иногда кажется, что научилась его читать, а потом внезапно продаст другу и выкинет.

— А может не стоит играть влюбленных? — спросила у стекла или у людей, или у светофора, на котором остановились. Красный, оранжевый, зеленый.

— Надо, — ответил. — Чем быстрее враг обнаружится, тем быстрее сможешь получить свободу. А пока, Вильмонт, сто девятнадцать дней...

И что нам делать до сих пор не могу понять. Так мы и ехали, я немного нервничала от его присутствия, впрочем как и раньше. Бросала на соседа взгляды очень редко, чтобы тот не заметил внимания. Хаски вел машину спокойно, успевал разговаривать по телефону, я была для него не столь важна. Взгляд на себе ни разу не заметила.

С головой, наполненной тупыми проблемами, не заметила, когда подъехали к университету. Смотрела в окно, на парковку и не сразу поняла, что машина затормозила.

— После четвертой пары, как штык, на парковке, — приказал Хаски.

— Не пойдешь на занятия? — отстегнула ремень безопасности.

— Нет. Дел много. Вечером поздно буду, — как будто мне горячо или холодно. Ну может самую малость прохладно, когда он открытым текстом заявлял, что по вечерам будет веселиться.

— О чем задумалась? — прежде чем вылезла услышала от него. Водитель тоже отстегнулся.

— О судьбе своей не легкой, — со смешком ответила. — Попасть в руки к тирану — худшее наказание...Ладно, спасибо, что подвез, но я могла бы и сама доехать, — распахнула дверцу, вылезая с сидения. Куртку напялила. В салоне было достаточно тепло. А на улице ветрено, под водолазку серую продувал ветер, и я прикрывала живот и поясницу. Мало ли застужу.

К удивлению Хаски вышел вместе со мной, обошел машину. Я подняла руку и махнула на прощание. Очень романтично, не правда ли? Похоже мы на возлюбленных со стороны? А что еще сделать? Отвернулась и пошла, не получив ответа на свое прощание.

— Вильмонт! — да он достал величать исключительно по фамилии! Хоть раз бы Аней назвал!

— Что, Хаски!? — недовольно обернулась к нему. — Мое имя знаешь? Или не в состоянии запомнить слово из трех букв?

Показала ему три пальца.

— Аня... А ты мое знаешь? — смешинки проскользнули в уголках его глаз.

— Дима, — опешила я.

— Когда начнешь называть Димой, тогда я начну называть по имени. Хорошо?

— Хорошо, — как-то мой запал остыл сразу. Охладил всего одной фразой, хотела разозлиться, а не получилось. Что-то меня смутило, заставило мысли завертеться.

— Аня? — позвал он. Спокойно, спокойно. Почему-то захотелось сбежать или спрятать глаза где-нибудь, а Дмитрий пялился мне на лицо. — Аня? — повторил насмешливо.

— Что? — опять начинала злиться, ведь в краску вгонял специально.

— Ты кое-что забыла сделать, — поманил пальцем, одновременно глазами обводя народ, который изредка проходил мимо по парковке.

Задача ясна, господин!

Подошла решительно. В конце концов, договор есть договор. Вплотную подошла, остановилась рядом, собралась с хаотично движущимися мыслями в голове.

Надо поцеловать. Просто поцеловать. Сто раз целовались. Что страшного?

Видимо, заметив мою нерешительность, Хаски взял ответственность на себя. Знакомые руки на бедрах подняли повыше и прижали к себе.

Успокойся, сердце! Хватит меня бить!

Подняла голову чуть вверх, посмотрела на губы Хаски, на подбородок, но выше как-то не получалось, смелости не хватало. Губы уточкой, надо прижаться своими к ним и всё. А оппонент не спешил делать работу за меня. Изучал мое лицо сверху-вниз, но не целовал.

Почти решилась...

— Апчхи! — вцепилась в руки Дмитрия своими клешнями. Чуть мозги не выплюнула. — Апчхи! — еще раз. — Апчхи!

У меня, наверное, лицо перекосилось. Шмыгнула носом, тело несколько раз дернулось, словно изнутри разрывали когтями. Меня неловко поставили на землю, возвращая опору под ногами.

— Это что? — услышала над ухом.

Посмотрела на ошарашенного Хаски, потом ему на джинсовку и на грудь. Ладонью провела по материалу его одежды, будто стирая.

— Это я тебе одежду оплевала! — весело выдала и вырвалась из объятий.

Едва не бегом с парковки. Я не трус, но я боюсь. Какой целоваться? Нет. Нет. Нет. Я не выдержу.

Когда мужик ведет себя, как мужик, и перестает быть уродом, это очень сбивает с мысли. Я его помню другим, а этот появляется иногда, но неизменно потом приходит «зверь» и вот того я боюсь. До сих пор.

Я пыталась столько раз довериться ему, но зверь не щадил. И когда тот появляется рядом — это очень страшно. Еще страшнее осознавать, что зверь напал и на других людей по моей вине.

Девочек встретила возле центрального крыльца. Господа Аристократы во главе с Гленом и Глистой окинули меня исследовательским взглядом и прошли без единого слова.

— Вот это другое дело, — улыбнулась Волчица подхлотившей мне в тот момент к крыльцу. — Никаких подколов и унижений. Красота. Поделись удачливостью...

Народ расступался передо мной. Это то о чем я так мечтала в шкуре Ананиной. Чтобы меня боялись и уважали. Теперь боятся — перед невестой Хаски необходимо расступаться. Противно до скрежета в зубах.

На лестнице с первого этажа на второй обнаружила одну из наших девочек-Бастардов в компании очередных ухажеров. Та, забитая и испуганная прижималась к холодному камню стены, только бы не к телам мужчин. А те, чуяли страх жертвы и наступали.

В конце концов, должна быть какая-то выгода от защиты Хаски!?

Подружки мои остановились на середине лестницы, когда поняли, что я не пошла за ними, а встала возле компании Аристократов.

— Кхе! — прокашлялась, обратив внимание одного, второго. Как подкошенные

разворачивались в мою сторону мужчины и едва не спотыкались от удивления. — Это... — поправила прядку волос, забрав за ухо. — Не будете столь любезны сдриснуть отсюда, — руками помахала от себя к ним, будто стирала ненужную пыль или выбрасывала мусор.

— Пожалуйста, — попросила и улыбнулась, как маленькая, невинная девочка. Аристократы переглянулись между собой, придя к определенным выводам, и решительно исчезли. Бастард благодарно кивнула, а мы продолжили путешествие до кабинета.

Опять половину пары пропустила, размышляя о своем. Слишком много задумывалась по пустякам.

Окно было очень близко, и, я прислонив голову к стеклу, наслаждалась прохладой. Настроение соответствующее грозовой туче, в момент испортилось. О чем я думала на парковке? Развела нюни.

Один день, а я, растеклась лужей возле его ног. Хаски посадил под комендантский час, а я все обиды забыла на некоторое время. Печально.

Физкультура прошла тоже довольно тихо в сравнении с последними месяцами. Аристократы сидели спокойно на верхних лавочках, обсуждали некоторых девочек, но ко мне не приближались и взглядом не касались. Слово я неприкасаемая, под колпаком.

На последней лекции, которая, как правило, проходила в шуме разговоров, сидела с Волчицей на задней парте. Беатриче и Колдуна по-прежнему не было на учебе. Интересно, а они тоже вступили в эту организацию?

На телефон пришла смс с вибрацией, чем привлекла внимание.

— Женишок? — подколола Волчица, толкнув локтем в бок.

Я приподняла телефон с легким волнением. Мало ли что очередная смс привнесет в жизнь? Когда появлялся Хаски моя жизнь летела с обрыва вниз головой и каждый раз думала, что вот теперь точно на смерть. А пока нет. Жива.

И правда он.

«Буду в три,» — это при условии что пара без десяти минут три заканчивается. Как все точно рассчитал. Я могу сама добраться.

— Смотри, — в очередной раз Ева подтолкнула меня в бок, клянусь скоро синяк будет.

— Что? — огрызнулась я. — И хватит толкать, больно!

На злобную тираду, Волчица показала экран собственного телефона и я там увидела очень компрометирующую фотографию. Это когда такое было? Хаски наклонившись, пристально изучал мое лицо, а я держа его за щеку, при обнимала немного и целовала в уголок губ. На этом кадр и замер. Довольно нежно получилось. Волосы у меня на фотографии собраны назад и белое платье. Точно, это на свадьбе, когда Хаски требовал поцелуй. Вот и поцелуй. Успел кто-то подловить, хотя поцелуй длился секунду от силы.

Мои эмоции. Да тут умственно отсталому ясно, что я тащусь от него. Ладно, от его вида, не от него в целом. Я не дура и понимаю то, что нас с ним связывало всегда — это секс, похоть. Не больше. На большее я не согласна, да и он думаю тоже.

И комментарии под фотографией более тысячи. Как мы популярны. И остаток пары изучала мнения о нас.

«Да я вас умоляю, игра богатеньких сынков и дочек. Миллиарды свои соединили вот и не нарадуются...»

«С жиру бесятся, а некоторые зачать детишек не могут, квартиры продают, последнюю еду, лишь бы маленького воспитать...»

«Такие люди не могут любить. Им только деньги подавай».

Прикольнo, Немийцы, как вы меня раскусили! Я и сама не знала, насколько алчная тварь.

Большинство мнений было подобного рода. Что нам нужны только деньги, в чем-то они правы. Мы обманываем всех для своей выгоды. Я привыкла к злым языкам, пропустила сквозь себя через ситечко, плохое вроде ушло, но небольшие камушки остались, острыми краями царапая. Хоть и привыкла к человеческому осуждению, всегда и везде видела эту зависть на лицах, но это не значит, что та не причиняла боли. Внутри она всегда пряталась, пока в подобные моменты не поднимала мерзкой головы изнутри.

Какая прекрасная возможность для людей позлословить в наш адрес, пускай лично я им ничего плохого не сделала. Но такая натура у Немийцев — винить всех в своих бедах. Похвально. Настоящие люди с гордостью могут носить это звание.

Когда я возвращалась на парковку, настроение было хуже некуда, да и с Хаски не знала, как себя вести. Включить стерву — ну не могу, это так тяжело рядом с ним. Он стоял также по середине парковки, загораживая остальным людям возможность проезда, но никто бы не посмел указать ему на это. Люди ожидали пока его величество освободит центральную дорогу, а они смогут с мест парковки выехать на нее. Это Хаски.

Его эгоизм не знает границ, и как-то я смирилась с ним немножко. Да, мне не нравится это, но я завидую его силе воли, которая делает его сильным. А это — сила не пропускать через внутреннее ситечко чужое зло. Дмитрий не позволяет людям себя ранить. Мне бы так...

У Хаски хорошее настроение, судя по ямочкам. Я бы даже подумала, что рад меня видеть. Это немного улучшило настроение, раздвинуло губы в улыбке.

Вместо приветствия жених распахнул руки. Понятно! Надо все-таки поиграть.

Послушно нырнула в мужские объятия, уткнувшись ему в грудь носом. Знакомый запах окутал, как защитным коконом, куда не просачивалось это общественное мнение — злое, высасывающее силы. Руками обняла «жениха» за талию, куда могла с легкостью дотянуться, а он меня за спиной.

— Эй, — внезапно дернул пальцами мой подбородок. — Тебя кто-то обидел? — зверь внутри него зарычал, когда распознал мое плохое настроение. Опасный холодок пробежался по телу, я понимала, что угроза не в мой адрес, но не желала, чтобы другие страдали.

— Эээ. Нет, — в миг отсоединилась от него, вывернувшись из объятий.

Я искала у него защиты!?! Вильмонт, очнись!

— Я могу сама добираться, тебе без надобности меня провожать и встречать, — прошла к двери растворила ее, желая нырнуть в уют салона побыстрее. С глаз людей, чтобы не надо было строить между нами романтические отношения.

Села на переднее сидение, сумку кинула назад, и стала ждать пока водитель усядется на водительское место.

Хаски занял кресло, кинул телефон в подстаканник и посмотрел на меня в упор.

— Кто тебе и что сделал? — озвучил. Все тело моментально накалилось, вздрогнуло от грозного вопроса.

— Никто мне ничего не делал, — отвлеклась на ремень безопасности, лишь бы не видеть этих пробирающих глаз до внутренностей. — Поехали. Долго сидеть здесь будем? Хочу домой!

Дом. Я назвала пианино нечаянно домом. Дожили.

Глава 32 "Терпение"

Немного эротики

POV Хаски

Всё...четыре дня — это предел моего терпения. Я передвигался по собственной квартире, как в агонии наркотиков, сплошной туман и выгнать из мозгов его не мог.

Я хочу, мать твою, зайти в нашу ванную, увидеть свою девочку голой в душе и не получать полотенцем по голове и крик взбешенной девицы, а мать твою слышать приглашение в свой адрес, сказанное мягким, податливым, сексуальным голосом.

Сто шестнадцать дней и ты мне за всё ответишь, Анечка, звездой у меня раскинешься и буду иметь, пока яйца не зазвенят, хотя я этим способом рядом с тобой постоянно пользуюсь.

Залюблю до смерти...встать потом не сможешь.

Сейчас же я сидел хлебал этот долбаный кофе и смотрел, как Аня, перегнувшись через стол, вытирала его. Это запрещенный прием!

Дурацкие золотистые шорты, я не в курсе какой это материал, но они выглядели, как шелк, не скрывали изгибы моей невесты, совсем, а то и приоткрывали слишком много. Ее попа на половину торчала, особенно, когда она низко наклонилась к столу, демонстрируя вид сзади. Я хочу ее в таком виде... да хоть в каком угодно.

Аня четыре дня ходила в очень откровенной одежде и дразнила меня. С насмешкой надменно фыркала, когда замечала мои взгляды.

Я просто учусь терпеть...ничего, девочка, сочтемся по всем статьям... и во всех позах.

Аня перестала вытирать крошки со стола и прошла мимо меня, не замечая, будто я манекен в собственной кухне. Кофе в чашке огненный постоянно, потому что, сам того не ведая кипел.

И эту черную майку без рукавов на ней, и Аню без лифчика, и ее грудь, что при движении опускалась и поднималась, и очертания сосков я видел очень отчетливо. А, мелкая поганка, прекрасно осознавала, что вызывает во мне эту черную бурю эмоций и ее явно возбуждало от осознания, как сильно я жаждал ее. Потому что соски через черную, легкую ткань кофты напряжены, это очень заводило на похотливые мысли полизать девочку...

Аня резко затормозила передо мной.

Взгляд свой не смог поднять, он остановился на ее шортах, у которых спереди молния, сверху донизу от одного края до другого. Аня не прищепила себе ничего, когда застегивала? Хотелось бы это увидеть.

— Нет. Не прищепила, — сказала она.

Руки, сложенные под ее грудью, приподняли мягкие округлости, сильнее обозначив себя. Я вслух произнес по поводу прищепила? Вроде нет.

— Вот видишь. У нас полное взаимопонимание, — радостно заметил, хотя это наигранно.

Я сука на грани, ты даже и не представляешь, милая моя, на какой шаткой конструкции ты стоишь и опасно покачиваешься туда-сюда в этих своих развратных шортах. И я с нетерпением жду, когда оступишься, и потеряешь равновесие. А это будет через сто шестнадцать дней....и...

Ох, с каким же я наслаждением насажу тебя на эту... КОН-СТРУК-ЦИ-Ю!

С тех пор как ты попала в поле моего зрения, на этой физической культуре, была обречена стать моею. И мне плевать, кто и что встанет между нами, убери это препятствие не глядя.

Дернул Аню за запястье, посадил к себе на колено, все равно бедром коснулась члена. Это зря... а я рукой обнял ее за талию. Мне нужно дышать Аниным телом, от нее нереально пахнет. По шарам опять трянуло. Я четыре месяца не выдержу в таком темпе.

— Эй, Дим, — услышал сквозь бурлящий поток крови в собственном теле. — Ты опять меня лапаешь.

Сразу спину выгнула Аня, это тоже зря... потому что перед глазами обозначилась ее грудь, которая от каждого ее вдоха сильнее дразнила. По рукам и ногам опутали эти эмоции, и я не понимал, как с Аней себя вести.

Она не смотрела на меня, не ждала моего взгляда, избегала находиться поблизости, стремилась отделаться, как от назойливой мухи. Я же наслаждался минутами, которые она проводила сейчас на моих коленях.

— У нас утренний секс, любимая, — прошептал в ее ушко, не отказал себе в удовольствии. Укусил за мочку и почувствовал, как моя невеста заерзала на ноге, рядом с бедром.

Очень Аня возбуждалась от поцелуев в шею и дыхания на ухо.

Не шевелись, девочка, я чувствую каждый твой изгиб, каждую складочку, каждую впадинку. Не раззадоривай, я на грани!

Она всегда любила видеть свою власть надо мной, ей нравилось, что я не способен устоять перед ней. Особенно остро это чувствовал во время секса. Она возбуждалась, видя мое желание и нетерпение. Любила делать вид равнодушной, но я чувствовал, что ее штормило рядом со мной. И сейчас по-любому уже мокрая и готовая для меня.

Но у нее, мать ее, какие-то личные закидоны. Видите ли я не добрый мальчик, что дарит всем лучи добра и делает мир лучше. Да. Я полон дерьма... и много наделал лишнего. Но я ее хочу, как никого другого.

— Представим, что у нас был секс в ванной, — сказала она почти холодно и попыталась встать. Я посадил резко обратно к себе на колено, на что Аня гневно посмотрела на меня, а я незаметно кивнул в сторону двери с намеком, что там камера. Мы же влюбленные, по нежничать необходимо с утра пораньше.

Рукой не сдержал естественного желания отогнуть резинку ее шорт и медленно повести ладонью вниз, всеми пальцами... по каждой ее складочке. Чувствовал, как напрягся низ ее живота, как ее ногти вцепились в мою руку и с силой надавили.

Она попыталась бедра убрать от меня назад, но это бесполезно... согнул пальцы и направил их дальше и почувствовал с улыбкой и удовлетворением, какая она жаждущая меня. Улыбка невольно набежала на лицо и я поймал неуверенный взгляд Ани. Потрясающие глаза, испуганные. А Губы...опустил взгляд на ее губы, просили, чтобы их поцеловали и лизнули. Попытался захватить ее губы, но Аня внезапно отвернулась, не давая себя поцеловать.

Я четвертый день зажимал ее в разных углах и пытался урвать ее поцелуй, но она не давалась... отвергала.

Моя Аня мокрая, сладкая, а запах от нее будоражил воображение. Провел пальцами вперед-назад, не спешил, отчетливо ощущал кожей ее влагу, тепло, в которое хотел

окунуться.

Я все равно в нашей битве Вильмонт — Хаски выиграю, потому что хочу свой приз до конца.

Внимание приковала Анина грудь. Левой рукой задернул ей майку вверх, едва не до шеи. Чтобы одежда не мешала рассматривать мое любимое тело, которое я столько не видел.

Аня — идеальная для меня: обхват талии, я могу обхватить ее идеально двумя ладонями и поднять вверх; кожа немного темноватая, как будто загоревшая, но нежная, от легкой щетины на ней возникали красные полосы; ребра не сильно выделявшиеся, в меру, она не скелет; и, наконец, грудь, ее форма, даже цвет сосков и их размер меня всё приводило в боевой настрой.

Аня видно опешила от моей наглости, но руки подняла вверх позволяя взять в рот ее грудь. Ее бедра нечаянно заерзали на моей ладони и остановились.

Давай же, не останавливайся...

Сильнее сжал зубами сосок, чтобы она еще раз заскользила бедрами по моим пальцам.

А ее лицо... Я оторвался от ее груди, лишь бы увидеть эти полуприкрытые глаза и трепетавшие? как от легкого ветра ресницы. Аня всегда во тьме пряталась от меня, будто ей стыдно принять тягу ко мне. Она как-то развернулась спиной ко мне, наверное, скрывая лицо, в тоже время сидела на напрягшемся члене.

— Я хочу трогать тебя здесь, — мой голос прозвучал очень хрипло, я едва сдерживался, чтобы не пойти дальше. Сильнее пальцами надавил на ее мокрые складки, чтобы острее познать ее жажду. Аня запрокинула голову мне на плечо и рукой притронулась к моей шее в поглаживающем жесте, будто одобряла.

Всегда обожал, когда она притрагивалась ко мне. Это бывало редко, когда Аня совсем покидала пределы реальности.

Разве плохо, что я хочу доставить нам обоим удовольствия? Лишь в эти моменты Аня эмоциональна ко мне, поэтому всегда жаждал их больше всего на свете. В обычные моменты, моя девочка, холодная, колючая и избегала меня.

— Хочу... лизать... тебя... здесь...

Ногтями Аня впиалась мне в шею. Это не больно, это обалдено, знать что она тащится от меня. Ее волосы касались моего плеча и становилось тепло от этого.

— Хочу...сюда...

Пальцами ворвался внутрь ее тела теплого, влажного и расслабленного.

Моя девочка тяжело дышала, я уже давно продыхивал через раз, будто километр намотал вокруг дома по парковой площадке. Бедрами Аня зашевелила вперед-назад, окутывая меня теплом. Хочу чтобы она на мне так прыгала. Сейчас...здесь...

— Хочу... — прошептал ей в задранную шею на ухо... — немедленно... — вырвалось, как приказ. — Ты должна быть моей!

Не знаю откуда возникала злость, когда Аня не отвечала на мое сумасшествие. Бесило ее равнодушие, хотел, чтобы и она желала меня, как я ее. Чтобы изнывала и истекала по мне, каждую минуту, что я не с ней.

Взял невольно за пряди волос и отогнул их с ее шеи, чтобы зубами провести по трепещущей жиле.

— Встань! — голос стал более жестким. Мне надо снять эти ее шорты, которые мешали вставить в нее член, Хочу, чтобы она вскрикнула, когда до конца, глубоко сядет на меня.

Аня как-то напряглась, открыла глаза и повернула шею ко мне. И я отчетливо понял по

закушенной губе, что я опять, сука, что-то не то сказал.

Аня встала с моих колен, быстро опустила майку вниз, спрятав грудь, и сделала пару шагов назад подальше. Что я сделал?

Звонок в дверь заставил ее отвернуться от меня, а меня не заставил. Я не мог думать о ком-то кроме нее.

Аня пошла открывать дверь, а я с неким опозданием рванул в ванную. Не буду же гостей в шортах со стояком встречать, мол, проходите, смотрите, как я рад вас видеть.

Ее девиз «возбудим и не дадим?». Я маленький мальчик играть со мной?

Она едва избежала участи быть на столе с задранными ногами, я бы не стал сдерживаться, если бы не этот Гость! С другой стороны, хорошо, что нас остановили, потом начала бы с этим контрактом мозг выносить, что я нарушил условия.

Со мной нельзя играть, маленькая!

Пальцами вцепился в раковину, как не хрястнула по полам не знаю. Смотрел на отражение в зеркале и подобных бешеных глаз давно не видел, а свет над головой очень настырно отражался.

Прям, как Вильмонт. Сверкает Аня. Я хочу до нее дотянуться и прикрыть этот свет ото всех, владеть им одному.

Меня нужно ласкать и целовать. А она всегда пытается сбежать, поэтому хочется посадить ее на цепь дома, приковать наручниками к кровати и единолично владеть ею, пока не признается, что принадлежит... МНЕ!

POV Вильмонт

Весьма опарашенная, с ошалелыми должно быть глазами и подрагивавшими руками открыла дверь, которая с первого раза не желала поддаваться. В проходе оказался Пудель! Я должна его поблагодарить, он предоставил возможность отрезвиться и перестать попадать под обаяние этого «изверга». Опять его вечные. «Я хочу» «Я сказал»

Его отношение, как к швабре половой, захотел использовать, захотел поставил на место. Никогда не спрашивает, чего я хочу.

Эгоист.

Пудель в шортах и футболке, руки в карманы засунул, а волосы в хвост скрутил. Он ужасен с кудрявым хвостом!

— Здорово, будущая Хаски, — кеды снял на ходу и насмешливо прошел в кухню, как к себе домой.

— С чего это я будущая...? — и неожиданно вспомнила. Я для всех действительно невеста Хаски. Ужас. Интересно, а как Дима объяснял? Я лично отмазалась, что Хаски предложил, а папа заставил и особого выбора не было.

— Да...точно...будущая Хаски.

Звучало очень страшно.

Я развернулась вслед за Пуделем, проследила как тот прошел к дивану и включил телевизор. Встала попой к двери, не хотелось бы светиться и вдоль стеночки двинулась на выход. Надо бы переодеться.

— Димана-то позови. У нас ЧП тут, — помахал Санек пультом в воздухе, как волшебной палочкой, желал видимо ускорить мое передвижение.

Есть! Командор! А тебе шнурочки не завязать, когда будешь уходить? Я молча покивала и очень скромно, не поворачиваясь задней частью тела к Польски, открыла дверь в коридор

и не задача — встретила с Хаски. Очень неудобный обмен взглядами произошел. Что тут сказать? Я в растерянности молчала тупой рыбешкой, боясь открыть рот. А потом мозг в кучку собрала и выдала:

— Санек, — чуть севшим голосом ответила и ткнула в открытую дверь. Если шею вытащить вперед, то можно увидеть.

Его величество не ответило, изучало объект перед собой. Как робот производил вычисления внутри себя, а мне не говорил, что за вычисления и к какому результату пришел.

Я развернулась и бегом по коридору к своей комнате. Когда открыла дверь боковым зрением обнаружила застывшего и смотрящего в мою сторону Хаски. Он не сдвинулся с места после бегства. Что ему опять нужно?

На кухню вернулась вполне приличной девушкой в сарафане. Сегодня очень жарко началось утро... я не про то... Я действительно про солнце, оно разбудило, слишком настырно в окошко светило.

Мужчины переговаривались, когда я вошла. Ну, как хозяйке, пришлось предлагать завтрак этому ослу с хвостом кучерявым. К сожалению, согласился, ненавижу для него готовить, потому что вечно критикует.

А Хаски... не жаловался никогда. И это при условии, что я однажды ему из вредности пересолила картошку намеренно, даже не побагровел, когда кушал. С достоинством, к моему разочарованию съел и не подавился. И смолчал, боялся обидеть, что ли?

А сейчас Хаски гипнотизировал взглядом, похлеще чем обычно. Похоже на снайперскую винтовку, одновременно и высвечивал яростным огоньком, желая прожечь, и сделать попутно выстрел. Двойной выстрел. Я его, кажется, опять разозлила. Идеально владею энергией ненависти.

А я делала вид слепой, глухой и тупой, потому что не видеть этих глаз было нереально. Хаски разговаривал с Польски, но голову поворачивал вслед за мной, когда я передвигалась по кухне.

Позже вздохнула с облегчением, когда двойка решила покинуть дом.

Тихонько подслушивала, пока за мной следила разведка в лице Хаски. Вкратце, они к Баллийцам летят на несколько дней, а ещё слышала, что на созыве проголосовали за отставку Мерси. Бедный и что он им сделал, хороший мужик, добрый? Видите ли он не способен противостоять Бастардам и в его правление мир превратился в руины. А что он мог сделать?

На его место метят несколько членов наших семерок, в том числе папа Трески, правда он староват для подобных дел. Нестонт — тоже один из наших. Шмонт. Дядя Иосиф — председатель Немии, уж ты, это очень необычно. Интересно, папа позволит ему занять пост?

Вздохнула с облегчением, когда господа Хаски и Польски двинулись на выход. Даже пальчиками соизволила помахать на прощание и с трудом сдержала улыбку. Хаски уже обулся стоял в дверях, но тут резко обернулся и пошел таким бодрым шагом, будто готовился в атаку. Очень хотелось отступить назад рефлекторно от хищного рывка. А Хаски наклонился ко мне, обхватил лицо и прислонил свои губы к моим.

А я сцепила и губы, и зубы, чтобы не дать его языку протиснуться внутрь. Козел! Воспользовался присутствием Польски.

— Ей! Ну можно не при мне! — заголосил Санек в спину Хаски, а мы скрыты телом жениха.

Не дамся! Но мистер хитрец с чудовищной силой надавил языком мне на сомкнутые

губы, от этого почувствовала неприятное давление собственных зубов на мякоть изнутри. Больно!

Пришлось ослабить челюсть и наглый язык нырнул в рот. Пролез внутрь и начал играть с моим.

Дмитрий поднял меня, схватил в охапку, как мешок с добычей, и давай целовать.

Я одной рукой ему в щеку вцепилась когтями, другой в шею. Кровавые борозды решила оставить, как печать на теле Хаски, а тот не обратил внимания на боль. Целовал и целовал. Как будто комарик пролетел мимо и едва-едва прикоснулся к нему, наверное, такие же у него ощущения были от когтей.

Но все равно, конечно, владение языком — десятибалльное по пятибалльной шкале. Частота погружения, глубина, пируэты, постепенно царапанье когтями превратилось в аккуратные поглаживания его кожи шеи. Одобрительные. И сама с не меньшей охотой сплетала язык с его, с воодушевлением прижималась телом к источнику тепла.

...очень... жаркое... утро.

— Господа!?! — позвал за спиной Хаски кудрявый мистер. Тогда мы и отлепились, а самодовольная харя показала мне ямочки и чмокнула в губы в заключительный раз, прежде чем поставила на пол. Как печать поставил — моё.

Сделала вывод, если в следующий раз полезет целоваться, сцеплять надо зубы, губами не прикрывать ни к воем случае, потому что делала больно сама себе. Когда они уйдут? Суббота спокойствия, пойду с девочками в магазин.

А Хаски забыл сигареты и пошел на балкон, конечно, предварительно разулся. Чистоплюй, хоть ценит, что я иногда убираюсь. Нечего всяких теток приводить сюда, я и сама могу позаботиться о четырех комнатах в доме, это не поместье на пятьдесят комнат.

Санек недовольно подпирал косяк двери:

— Слушай, давай быстрее. Нам в двенадцать на самолет...

Жених не ответил с балкона, поэтому я обернулась в сторону окна. Затем отчетливо расслышала гул нескольких голосов, кто-то разговаривал и свистел.

— Да вашу мать! Совсем что ли.....- а дальше был трехэтажный Баллийский мат, которого я прежде не слышала от Димы. Это заставило выскочить в балконную дверь на открытый участок, здесь разве, что двое поместятся. Хаски опирался на ограду, словно собирался ее вырвать из пола и орал вниз. А что там?

Человек десять стояли за воротами нашей охраняемой территории. Охранники настойчиво пытались остановить разгоравшиеся крики.

Люди громко раздраженно разговаривали.

Тогда я уловила внезапное приближение точки, машинально вздрогнула и дернулась в сторону. И Хаски очень вовремя присел, потому что над его головой пролетело это что-то и врезалось в черную клавишу-стену позади. И это что-то скатилось грязной полоской по гладкой стене нам на пол. Это яйцо. Обычное куриное яйцо.

Да вашу мать. Хотелось повторить трехэтажный мат Хаски. Мне теперь стены отмывать от вашей грязи? Я обернулась и разглядела Хаски. И всё. Я ржала, как дикая лошадка, а рядом вторил смех Польски. Похоже, тот тоже решил по любопытничать.

Всевышние силы, не дайте умереть от передоза смеха во цвете лет. Это, наверное, месть на голову великому наследнику за мои унижения. Сбоку у него на виске, на лбу, и на слегка завивающихся местами волосах желток. Всю эту гадость Хаски стряхнул пальцами, склонив голову вниз над балконом. При этом что-то бубнил себе под нос, а я не могла успокоиться.

Это кара с небес, самодовольный наследник!

— Смешно? — слышала сквозь наш общий смех с Польски. — Я им сейчас площадке Вранеля бомбану, будут яйцами швыряться...заняться им нечем...

А дальше мы перестали смеяться, потому что опять яйцо попало в изгородь и ее брызги едва не попали на рубашку Хаски. Тот успел вовремя отпрянуть.

Затем втроем быстро нырнули обратно в тихое помещение дома подальше от обстрела. Хаски тряс руками в этой жижи.

— Ну всё... достали...мелкие твари. Я им не то то, что комендантский час устрою, задолбали со своими акциями, митингами, заняться нечем. Жизнь скучной показалась, ну ничего... я их под замок посажу... — бубнил и бубнил раздраженно.

А я взяла его за кисть, (не буду же за грязную руку) повела взбешенного Хаски прочь из кухни.

Дима не сопротивлялся, шел тихий за мной, пока я вела его в ванную, про себя скрывала напоздавшую улыбку на лицо.

Включила воду в раковине. Хаски явно надо голову помыть, рубашка вроде не пострадала. Не знаю почему хотелось ему помочь, и не знаю почему он послушно наклонил голову в раковину и ждал пока буду мыть ему голову. Правда все равно бубнил раздраженно:

— Гребаные Бастарды...

— Ты не забыл — я тоже Бастард, — перебила его, когда плавно гладила его по волосам и смывала шампунь. Какие приятные, мягкие волосы. Понятно, почему это единственное место, к которому я когда-либо добровольно прикасалась. Остальное — только по принуждению.

— Ты не Бастард, ты — Аня, — чуть подумав ответил. — А они, — пальцем ткнул куда-то по направлению плитки в ванной комнате. — Стадо животных!

Опять начал бубнить.

Я тихонько завершила помывку волос и вытерла пушистым полотенцем. Прикольно. Это немного приятно... заботиться о нем. На лбу у Дмитрия тоже обнаружила желтые разводы от яйца, попыталась замаскировать в очередной раз улыбку под равнодушие и попросила наклониться.

Жених послушно поставил локти на раковину и ладонью поддерживал лицо. Во! Так удобнее, а Дмитрий продолжал бубнить о своих коварных планах по уничтожению мелких тараканов.

— Ты когда-нибудь поймешь, что насилием вызываешь лишь сопротивление в ответ? — спросила у него неожиданно. После вопроса Хаски замолчал. И я заметила его пристальный, изучающий взгляд, можно сказать анализирующий.

— Ты сейчас про себя говорила? — не ответила. Посмотрела на мужчину перед собой, который разогнулся в полный рост, едва я закончила смывать грязь с его лица. И ответа не нашла в мыслях. Поискала пару секунд и озадаченно смолчала.

Похоже я и про себя сказала.

Неловкая пауза повисла не прерываемой ниточкой между нашими взглядами. Следовало оборвать ее, но не знала как.

Спас мой «чих», опять, как на парковке в университете. Три раза. Я и не заметила, что и вчера периодически чихала. Лишь бы не заболеть, этого не хватало. Горло вроде не першило, нос нормальный.

— Это что? — задал опять вопрос Хаски.

— Похоже у меня аллергия на тебя, — пошутила, как обычно.

И не дать понять, что вопросом ввел в состояние транса, хотелось замять тему разговора.

Мужчинам надо было выбираться из дому, поэтому пока Дима продолжал раздраженно расхаживать по квартире и бубнить, мы с Польски обсуждали варианты, как выбраться им из плена. Единственный вариант, пришедший на ум, это отправить, меня на разведку. Пока отвлеку, эти двое сбегут.

Выбора не было, к тому же сомневалась, что мне могли что-то сделать, там будка с охранниками возле ворот.

С боем господин отпустил на передовую. Главное эффектно появиться и чтобы не закидали яйцами, как Хаски. Всевышние силы... я не успела запечатлеть этот кадр на телефон, я бы ему до конца жизни вспоминала. Стоп...какой до конца жизни. Четыре месяца и в разные стороны. Проблемы при расторжении быть не должно, ведь? Правильно? Возьму и в одностороннем порядке разорву? Он не сможет этому ничего противопоставить. Строчки прописали в договоре, захочу и уйду в любой момент.

Итак, а теперь надо было спастись. Главное эффектно появиться — это уже говорила. Вышла на балкончик, мысленно подключилась к волнам энергии и поплыла. Очертания мои размылись и перенеслись на площадку для автомобилей. Второе условие — улыбаемся главное, даже если сильно хочется покричать. Медленно пошла к воротам, потом через калитку. Охранники попытались что-то сказать.

— Всё в порядке, — отмахнулась от них и предстала перед небольшой кучкой Бастардов в цепях, наколках и черных одеждах. Вам не жарко, господа?

— Здравствуйте, — сцепила пальцы в замок и слегка наклонила корпус, будто приветствовала поклоном.

Таким образом в старину приветствовали друг друга, сейчас это устаревшая форма общения. Разве что психически неуравновешенные подобным образом здоровались, но ко мне это не относилось.

Я улыбнулась, выпрямив ровно спину. На свои действия получила небольшие переглядки между вражески настроенными Бастардами.

— Я могу вам чем-то помочь? — рукой прикрывала глаза это тоже привлекало внимания. Мало ли грудь больше покажется над вырезом сарафана, прядку волос заправить за ухо. Надо разжигать мозг всем мужикам! Правда здесь есть и девушки.

— А тебе-то хорошо сидится во дворце со своим денежным мешком? Хорошо быть защищенной? На тебя-то комендантский час не распространяется? — спросила девушка с красной прядкой волос на фоне светлых.

Я очень тщательно пыталась улыбку сдержать, та очень хотела испортиться.

Это на меня не распространяется!? Да я на цепи живу!!! Сам тиран следит за исполнением комендантского часа мной. Поверь, девочка, ты в раю! А денежный мешок, как ты его обозвала...да лучше бы я с нищим жила, с тихим и спокойным, послушным мальчиком! А с этим... Брррр. У него и есть только морда красивая ну и...сама понимаешь что. А в остальном — тиран и изверг!

— Я думаю этот запрет продлится не долго, — продолжала улыбаться и говорить. Ненавязчиво за моей спиной открылись ворота, оттуда не спеша выехал черный ретс. Окна затемненные в принципе не видно, кто там. Надеюсь его номера никто не знает. И надеюсь, достаточно привлекла внимания.

— Вы думаете, мой жених желает, чтобы меня держали взаперти? — продолжала давить с ласковой улыбкой.

Он не только желает. Он мечтает, чтобы я была только в его власти. Чтобы ни одна живая душа со мной не контактировала. Только он!

— Едва атмосфера в городе потеплеет, я уверена с нас снимут запрет, — подчеркнула, естественно, что я на их стороне.

Пальчики опять неловко сцепила. Давно не тренировалась, видимо, достаточно ли натурально играла невинную девочку?

— К тому же, это своего рода защита для нас от Аристократов, мало ли что может произойти с нами ночью. В темное время суток затруднительно следить за правопорядком.

Кажется, вопросы закончились. Бастарды зашептались, а теперь пора было линять.

— Хорошего дня! — опять слегка наклонила корпус, поклонившись. О! Мне сразу также неловко некоторые поклонились.

Развернулась и перестала улыбаться в миг. Вздохнула полной грудью и пошла к калитке, где один из охранников придерживал ее.

Ну, Хаски! И почему я твою задницу прикрываю? Наказания ты у нас придумываешь, а я отвечаю за них?

Глава 33 "Ананина"

В этой главе будет часто меняться POV, поэтому писать буду (X) — значит Хаски, (W) — Вильмонт

W

Хаски улетел к Баллийцам на несколько дней! Какие-то у них там дела! Несколько дней в моем распоряжении и не надо его харю лицезреть! Свобода!

Погода отличная, солнышко ярко светило сквозь шторы и лучами касалось кухонного стола, пока я разрабатывала план бегства. Чтобы я сидела в субботу вечером дома, не дождешься. Для начала надо было сбежать от страшных, охранничьих морд.

У тебя гениальная невеста, Хаски. Охранники ходили всегда по пятам, а мне не нужно их внимание иначе приволокут в пианино за шкурку, как плешивую кошку. Что за отношение пренебрежительное? Выход есть.

Я пригласила к себе Волчицу. Охранники караулили возле дома, внутрь не заходили. Волчицу засекли, а вот то, что мы с ней невидимые прошли — не заметили. Я чуть в ладоши не захлопала от собственной гениальности.

У меня бойкот — решила остаться ночевать у девочек, отключила телефон и не страшен комендантский час! Мы запаслись мороженым, сладким и смотрели комедии вчетвером. Давно так спокойно не проводила время, ностальгия по временам в шкуре Ананиной. Немного.

X

Бастард вас всех раздери я долго в этой духоте буду находиться? Почему я должен ждать очереди, чтобы пройти паспортный контроль? Ты мужик бинокли покупал для глаз, или тебе выбить за ненужностью имеющиеся, чтобы купил покачественнее? Ты видишь, что я здесь стою, мне жарко в черном костюме и хочу его быстрее снять и свою невесту увидеть!

А этот «человек», хотя я сомневаюсь в его умственном развитии, он остался где-то на предыдущей стадии эволюции, перелистывал мой паспорт, поднимал взгляд из-под фуражки и разглядывал меня, как будто не верил, кто перед ним.

Я расслабил галстук, Бастард с ним, потом снял окончательно и в кулаке зажал. Ужасно жарко, теплообмен опять под откос. Я скоро сам себя спалю к Бастардам.

Телефон достал из кармана брюк. Что за время полета произошло? Могли быть какие-нибудь сбои в сети, так и есть, пришло сообщение с опозданием в десять часов от моих псов. Девять утра.

«Ваша невеста не ночевала дома».

Мне померещилась надпись на телефоне? На белом фоне — черные, противные буквы сложились в это послание. Беспросветная тьма заполонила разум, как сплошной туман закрыла собой любые мысли.

— Ваши документы, — недоразвитое создание приподнялось в будке своей и протянуло паспорт и использованные билеты. — Спасибо за то, что используете...

Я вырвал у него из рук паспорт. Билеты использованные за каким мне Бастардом?

Прошел сквозь арку, где просвечивали на предмет опасных вещей и где проверяли соответствие человека и его энергетических потоков. Широким шагом направился к

багажной ленте. Сумку сразу обнаружил и закинул на плечо.

На выход прошел сквозь раздражавший муравейник людей, пихнул кого-то нечаянно плечом. Не хотел, но извиняться не умею и мне некогда.

Вышел на улицу, время восемь — солнце начало садиться, но лучи его еще раздражали глаза. Пошел мимо здания аэропорта по обочине, к припаркованным на дороге автомобилям. Прислонил телефон к уху и набрал номер:

— Где она!? — сквозь плотно сжатые зубы спросил, сдерживая этот черный туман в башке, он под контроль брал собственное тело.

— Извините, но пока, что мы не в состоянии дать вам ответ на...

Я резко перебил:

— Не утруждайся, сука, в подборе слов. Я знаю, ты двух слов не способен грамотно связать. Где МОЯ Невеста?

Молчание на столь простой вопрос. Я чувствовал, как собственный жар сжигал кожу, грудь, ноги, а гребаное солнце еще сильнее плавало. Не видел перед собой, ничего кроме этого тумана перед глазами. Едва не пропустил Польски, он махал приветственно ладонью, стоял возле машины и курил в солнцезащитных очках.

Я остановился с сумкой возле его машины в ожидании того, как Санек, наконец, откроет багажник. Долго ждать!?

Пёс на другом конце связи не торопился отвечать. Молчание не способствовало рассеиванию черного тумана в башке. Поэтому я сорвался:

— Я тебе кровоток с мочевым каналом перевяжу. У тебя, сука по венам вместо крови моча будет циркулировать, а ссать кровью заставлю! Ты меня понял, Урод! НАЙТИ! У тебя час, чтобы привести ее домой и каждую секунду расписать, где она была и с кем и что делала. ЯСНО!? Иначе ты никогда больше не будешь человеком!

Вырубил телефон и сумку закинул в предложенное багажное место, Санек хоть и держал дверь сверху, готовясь захлопнуть, но после моих слов не спешил закрывать, а на меня смотрел. Я сам схватился за дверцу сверху и шандарахнул ею со всей злобой, что черная бежала по венам, смешанная с кровью и ускоряющая сердцебиение.

W

А на утро я встала и поняла, что попала. Горло будто гвоздями процарапали внутри, очень неприятное ощущение. Ни пить, ни есть не охота было. И сопли! Я года три уже не болела. Ну за что? За что? Это всё Хаски. Я знаю. Это он виноват! Он, наверное, материл меня, ведь я телефон выключила, чтобы он не дозвонился.

Запаслась в аптеке необходимыми лекарствами, главное было нос пробить, а то закладывало. Жизнь кончена, ненавижу болеть и главное не кому поухаживать, я бедная и несчастная.

X

— Че с тобой? — спросил заинтересованно Польски, а потом раздражающе улыбнулся ярко, твою мать. — Анечка не прислала пожелание спокойной ночи или наоборот не сказала доброе утро!

Я не отвечал, смотрел очень внимательно на объект перед собой и вычислял, сколько потрачу сил, чтобы переломать ему хребет и стоило оно того или нет. Санек перестал улыбаться и продолжил:

— Понял. Поехали.

Мы молча уселись в его машину, я с трудом на пассажирское сидение, здесь карлики разъезжали что ли. До максимума отъехал на кресле, ноги свободно протянув.

Польски пока завел машину, пока начал движение. Я врубил кондиционер на максимум, ветер завыл в ушах настойчиво, наконец-то прохлада столь ожидаемая ударила в лицо.

Прикрыл глаза.

— Так что с тобой? — расслышал сквозь тьму перед собой, сквозь смеженные веки и черный туман в теле.

— Еще сука никого длительное воздержание не делало добрым, — открыл глаза, когда Польски смехом подстегнул туман в башке, тот кажется стал еще плотнее и объемнее.

— Она тебя на голодном пайке держит!? А ты-то чего!? Терпишь? — ржать, как конь, он перестал, но голос был до не возможности ехидным. — Хватит заморачиваться, реши свои проблемы, тем более, если они ТАК на тебе сказываются, — опять усмехнулся гаденыш. Я заметил, как его губы дрогнули с правой стороны лица.

— За каким бастардом мне жевать траву, я тебе козел что ли? Когда я могу сожрать свой кусок мяса, только для этого мне надо ТЕРПЕТЬ! — последнее слово выплюнул сквозь рык. Я не знаю, что такое «терпеть»! Не знал, по крайней мере.

— ООо! Как запущенно! — перестал лыбиться Санек. Когда уже солнце сядет за горизонт, слепило глаза, рукой заслонил неприятный свет.

— Что ей надо? — рукой долбанул по дверце машины, даже в мякоть кулака отдавалась боль после удара. — Что ей бастард раздери надо еще!? — ладонь оставил на поверхности, рукой убрал волосы с лица, которые лишние мешались.

— Деньги есть, власть, — стал загибать пальцы по очереди. — Член есть, на технические и эксплуатационные характеристики ни одна девушка еще не жаловалась, — спросил у плеча Польски. — Морда нормальная тоже никто не жаловался. Что ей надо? — еще раз саданул ладонью по двери.

Внутри кипел котел эмоций и обжигал тело. Потом я локоть поставил на многострадальную дверцу и ладонь под щеку, а голос успокоил:

— Я много прошу от нее? Жить и спать со мной? Это очень много!? — задал у плеча Польски вопрос.

К неожиданности Санек решил ответить:

— А я тебе говорил, что ты в дерьме и я задолбался об этом говорить тебе уже пол года.

Это что это мы такие борзые? Он не заметил, я на грани?

Два пальца левой руки выставил вперед, остальные сжал, чтобы не мешались и направил в висок Польски. Невзирая на предупреждение, Санек продолжил говорить со мной плохим тоном:

— Это сейчас ты ничего не требуешь больше... — обращался он к зеркалу заднего вида, но рассказывал мне и моим пальцам, готовящимся к удару. Мог вскипятить ему кровь в венах, если бы не понравился ответ.

— Твоя маниакальная любовь тебя сломает, мой друг! — выдал он с улыбкой, на секунду повернувшись ко мне. У меня пальцы дрогнули, готовые выпустить огонь кое-кому в мозг. Но Польски сегодня бесстрашный:

— Ане не страшно, она такое вытерпела от тебя, что не каждая вытерпит и продолжает улыбаться и гордо поднимать голову. Ее ничто уже не сломает... а вот ты, другой мой, — Польски посмотрел на меня очень плохо. Не понравился его вдумчивый, предостерегавший

взгляд. Потом он снова вернулся к вождению автомобиля и разговору:

— А тебя твоя любовь сломает... — фыркнул насмешливо «друг» — будущий труп.

Я нажал пальцами на его висок сильнее, заставив голову того наклониться влево.

— Ты сам себя уничтожишь, будешь изводить и себя, и ее, совершать глупые поступки и делать обоим больно, желая ее, — выплевывал пренебрежительно слова Польски. — Но она никогда не ответит тебе взаимностью, не сможет простить, ты и сам это прекрасно знаешь. Будешь из кожи вон лезть, давить на нее, пытаешься разбудить в ней любовь, а она не ответит. Тебя уже уничтожает ее НЕ любовь...

Но, смирись, простить она никогда тебя не сможет и ты сам знаешь почему, по этой причине не говоришь с ней о прошлом, старательно избегаешь темы, надеясь, что тема уйдет, но это не возможно. Ананина будет стоять между вами! — усмехнулся Польски лобовому стеклу или плотному потоку автомобилей перед нами. — И ты не поднимаешь эту тему с Аней, не просишь прощения и не надеешься на него, потому что твой главный судья — ты сам «не способен найти оправдания своим действиям», что уж говорить о ее прощении... Вау...Вау... я уже минут пять жду, когда собственные мозги окрасят салон моего автомобиля.

Голос Польски стал веселым, как обычно, а я убрал пальцы от его виска и озвучил холодно:

— Пушка в сумке, а сумка в багажнике...я придумаю тебе более изощренную смерть, — чуть подумав продолжил. — Пробей, где она, мелкая поганка сбежала вчера, — приказал коротко.

— Диман...хватит мне работенку подкидывать. Честное слово, думаешь моим спецам заняться нечем, как только девчонку разыскива..

Я перевел очень внимательный взгляд на него. В моих глазах не полыхал огонь? Потому что тело горело пламенем.

Санек громко недовольно выдохнул, но руку протянул к панели машины прямо по центру. Там мини — компьютер вот на его экране он и набирал что-то.

А потом мы молчали, а я пытался остыть и в прямом, и переносном смысле. Минут через десять стойкого молчания Санек глухо отчитался:

— Пришла пару минут назад домой.

Я кивнул на великолепно выполненную задачу.

W

Пришла в пианино и меня даже не убили, потому что жениха еще не было. Сидела с платком и смотрела компьютер: голова разболелась и, наверное, температура. Тело сильно знобило, как будто я в ледяной воде сидела или под струями холодного ветра.

Надо было вызвать доктора. Кто его знает, чем заразилась. Если заболела папа всегда с мамой вызывали доктора. А если температура присоединилась, а если какой сильный вирус и всё? Капут Анечке? Какой бред в воспаленном мозгу.

Вызвала я все-таки врача, того Алискиного. За определенную сумму денег появился через тридцать минут.

За окном успело стемнеть, пока ждала.

Улыбался дяденька — врач всегда при общении, как и в прошлый раз, был тактичным и разговорчивым:

— Я ваши анализы не успел посмотреть, уж извините, отпуск был, пару дней назад

вернулся, — мужчина улыбался. — Так рассказывайте, только мне бы руки помыть, — потер ладони между друг другом.

Я молча указала на раковину, попутно рассказывала, что беспокоило: голова, озноб, нос, горло и легкий кашель.

Измерили температуру, пока сидели на диване — 38, не столь высокая, но все же.

Х

Санек доставил домой. Правда путешествовали долго по пробкам, где-то через час только остановились.

Без лишних слов я подхватил сумку из багажника и пошел по парковке, а Санек уехал. Развернулся, наблюдая за резко стартанувшей машиной. Я забыл галстук у Санька в авто.

Взлохматил волосы раздраженно, я в полном раздрае.

Обречено побрел сквозь парковку к лестнице. Сейчас увижу свою девочку, но вместо того, чтобы обнять, ее имею возможность только засунуть руки в карманы брюк и истекать слюной по ее заднице и сиськам. Во! Я только что машинально обратил внимание на объемную грудь нашей консержки. Как же низко я пал. Скоро начну на людей бросаться...

W

Стандартная схема: язык показать, потом грудь. Совсем забыла об этом, что надо легкие прослушать. Стало неловко перед врачом — мужчиной, очень-очень не приятно.

Вариантов нет? Доктор сидел на диване, потупив взгляд на чемодан с медицинскими инструментами, затем начал вытаскивать фонендоскоп.

Я отвернулась, пока снимала рубашку, лифчик, сложила вещи на диван аккуратно и откуда вдруг чистоплюйство проявилось? Потом напряженно вздохнула и развернулась.

Врач поднялся с дивана, с намерением послушать легкие. Я предпочитала смотреть через плечо мужчине, видела только руку перед собой с холодным металлическим кружком, который прислонялся то к груди, то рядом. Чувствовала, как начинала краснеть.

Не мог побыстрее слушать?

— Дышите, — ага, это надо грудью вздохнуть, она сразу становилась естественно больше и выше перед глазами. Я наверное, зря его в извращении подозревала, но все же неудобно. — Не дышите!

Х

Шел по лестнице, уже и не рад, что предложил ей переехать ко мне. Выдержки почти не осталось я рисковал опять слететь... Встал возле двери, обреченно прислонил ладонь к сенсору. Дверь пискнула, а я зашел, держась за ручку, и ослеп от яркого света в гостиной. Нет, сука, я не от этого ослеп.

Это моя больная фантазия, да? Наклонил голову вправо в бок, желая получше рассмотреть картину в собственной квартире... и рассмотрел.

Мне не померещилось. За ручку, потянул дверь на себя, громко захлопывая, а то стоял слишком длительное время без движения.

Голая грудь МОЕЙ девочки и какая-то мразь тянула к ней свои ЛАПЫ!

Чернота в башке из меня вырвалась со взмахом руки, рассекшей воздух по полам.

W

Вздыхнула полной грудью, сильнее обозначив ее. Щелчок. Писк от входной двери и та раскрылась. Воздух надо было куда-то деть? и он начал вырываться из горла с сильным, раздраженным кашлем. Не могла успокоиться.

Держась за ручку, Дима не отрывал взгляда от нас с врачом. Затем равнодушно прикрыл дверь с небольшим, спокойным хлопком. Писк. Щелчок. Прозвучало, как пробка шампанского, попавшая в люстру. Звенело в мозгу долго, а я уже меньше кашляла, в скрещенные ладони.

Остановилась и оглядела себя голую, быстро прикрыла рукой грудь, Дима обратил на это очень сосредоточенное внимание, примагнитил, словно каждую пору хотел рассмотреть сквозь расстояние. Внезапно потерял ко мне интерес и перевел взгляд на врача.

Потом опустил лицо немного вниз и от этого ресницы и лоб как бы создали тень на его щеках. Дима поднял одну руку вверх и пальцами будто сдавил фрукт или что-то похожее, желая расплющить всмятку.

Мгновенно рванула наперерез к Диме, по-прежнему прикрываясь одной рукой.

Слава всевышним у него дома — ноль энергия. Хаски смотрел на пальцы, потом на врача, и видимо до него не сразу дошло отчего не сработала собственная энергия. Я наперерез между диваном и Хаски, попыталась привлечь к себе внимание:

— Стоять! — заорала, как можно громче, и ткнула ему пальцем в живот. Пресс успел сжать, а то бы с удовольствием посмотрела как он вздрогнет. — Включи мозг, выключи свои животные непонятные инстинкты! Я на смертницу похожа, приводить мужика в твою квартиру!?

— И я задаюсь вопросом? — поинтересовался растерянный и какой-то недоумевающий Хаски, взял меня за плечи и почти аккуратно переставил в бок, для того, чтобы не мешала дальнейшему его движению.

Пришлось использовать запрещенный прием:

— Я заболела, а это, — одну руку отсоединила от груди и показала на мужчину позади нас. — Врач.

Дима смотрел отнюдь не на гостя, а на грудь, которая одна теперь торчала. На что жених приподнял в изумлении одну бровь. Кажется, голая грудь все-таки отвлекла его от плохих мыслей.

— Я серьезно, Дим! Это врач и мне плохо, — более тихо поведала ему. Ладонями опять скрыла грудь. — Надеюсь у вас есть документы? — уточнила у врача. Тот закивал, держа руку, инстинктивно на горле.

Атмосфера была кроваво-черная, я спиной чувствовала ее ужасные цвета, доказать мы доказали, что мужчина — квалифицированный врач. Диму НЕ успокоил этот факт, об этом говорили: тяжелая поступь, и то как он разувался, и раздевался очень уж громко, и ключами швырялся на стол, и громыхал стаканом, когда наливал сок. Уселся на барный стул напротив нас и разглядывал.

Я на диване спиной к Хаски, ногу под себя подложила. Лопатками ощущала лезвие-взгляд, что непременно стремилось прожечь мое тело и добраться через грудь к фонендоскопу, обмотать им горло врача.

Мужчина старался вести себя адекватно, а Хаски явно не собирался, судя по стакану, который он очень громко изредка ставил на стол.

— Дим, выйди, пожалуйста, — попросила после того, как пересела спиной к врачу, к

Диме лицом. Кистью руки прикрыла грудь от жениха. Его опять что-то раздражило. Он отвалился спиной на стул и стакан то опускал, то поднимал. На мою просьбу не ответил, сидел и смотрел.

— Хорошая у вас профессия. Может тоже изучить медицину и пойти молодых девушек лапать за грудь, — спросил, голову чуть наклонил в бок, рассматривая за мной врача.

А мне захотелось взять фонендоскоп и задушить Хаски, чтобы больше меня не мучил. Все тело загорелось от стыда. Позор какой. Сидела между двумя мужчинами полуголая и один делал вид, словно мы каким-то извращением занимались здесь.

— Да, знаете... как-то после тысяч пациенток, лица стираются в памяти. У меня есть жена и двое дочерей... — начал врач оправдываться. Щеки пылали огнем. — Всё. Я закончил, Анна, одевайтесь.

Оценила слежку Хаски за собой и не решилась оставить их один на один и спокойно одеться. Одевала лифчик и рубашку перед его заинтересованным взглядом. Все лицо пылало, шея, мечтала закрыться за руками и не открывать никогда глаза. От бессилия слезы наворачивались, как же стыдно... за Хаски.

— Так... общие симптомы, — начал подводить итог врач, при этом записывал что-то в свой блокнотик. — Таблетки для повышения гемоглобина вы пьете? — я кивнула с трудом сдерживаясь моргала. Врач заметил мой расстроенный вид, но Хаски сидел сзади и предпочитал не замечать. Пока врач задавал наводящие вопросы я кое-как отвечала, надеясь, что Хаски уgomонился.

Но нет. Спустя несколько минут ему надоело видимо что его не замечали. Я отвлеклась от слов врача, когда расслышала эти громкие шаги. Чуть перевела дыхание, молясь чтобы он поскорее ушел, но мечты остались мечтами.

Хаски поднял меня за руку с дивана и сам уселся на него, и потом только усадил меня к себе. Резко встрял в разговор между нами, будто я не смышленное дите, не способное разговаривать и стал вести себя как...как...не знаю кто. Будто я не способна сама о себе позаботиться, куда он нос засовывал? Его касались мои проблемы со здоровьем?

Его это не касалось. Я сама по себе.

И это всё была последняя капля в моем водопаде терпения, а его у меня всегда был водопад. Думала выдержу что угодно, но сейчас мне ясно дали понять, что я животинка, о которой ухаживали, о которой заботился господин. И этот господин сам решил за себя. Он был уверен в своем торжестве, будто знал, что я ему принадлежу. Он действительно не собирався расторгать это соглашение, уж больно подминал под себя?

Мужчины меня не могли видеть, я сидела спиной к Хаски, руку он держал на моем голом бедре, опять нагло задирая подол юбки, тем самым демонстрируя, чья я.

Была я никем и осталась для него никем. Надоело...надоело, что он никогда не слушал и слышал меня. Себя одного.

Страстно мечтала поскорее смотаться отсюда, взять чемоданы и свалить, послать отца с его соглашением. Хаски захлопнул дверь за врачом, кажется успокоился, а мне было до едва сдерживаемых слез обидно и холодно. Он не огонь, а самый настоящий лед, бессердечная, эгоистичная ледышка.

Взглядом сразу нашел:

— Собственно, с твоей болезнью я понял, — рукой протер шею, будто она у него затекла, прошел более расслаблено к столу со стульями. — Садись, — похлопал по месту рядом с собой. — Теперь поговорим о вчерашнем и о телефоне...

Я конечно не присела на приглашение, стояла, не мигая смотрела.

— Я собака для тебя? — вырвалось нечаянно. — Тупая, красивая собачонка, да!?

Он стремился подчинить, взять под контроль жизнь. Это так сильно испугало, что действительно мелькнула мысль послать отца и сбежать к Ирине хоть сегодня, пусть и с температурой.

Не ответив развернулась и резко двинулась к двери, лишь бы в комнате забыться от этого ужаса. Как же холодно, машинально руками провела по коже, чтобы спугнуть с себя эмоции.

— Стоять, Аня! — расслышала и его голос сзади и звук скрипнувшего стула по полу. Я, не оборачиваясь, сорвалась на бег, спрятаться от его холода.

Сзади расслышала его шаги...бег!? Дима никуда и никогда не торопится. Распахнула дверь и испуганно выдохнула, когда меня перехватили поперек живота и наверх приподняли, не давая ногами наступать на пол.

— Отпусти, пожалуйста, Дим, — полувскрикнула, полупростонала. Руки очень крепко держали, сдавливали тело, не давали вырваться или выдохнуть.

Хаски плотно прислонял к своей груди мою спину, на волосах и шее чувствовала глубокое, рваное дыхание, носом Хаски проводил по коже.

Одной рукой приоткрыл дверь на максимум и направил наши тела к кровати. Закусила губу, сдерживая испуганный вздох. Сердце забыло как биться и остановилось в нерешительности. Дима нервно поцеловал меня за ухом, я слышала его хриплое, горячее, нервное дыхание. Зубами иногда проводил по коже, как грубое животное, что самку свою прикусывал за не послушание. Пыталась отвернуть шею от него.

— Хочу тебя... — слышала на ухо, а его рука с моего живота опустилась на юбку, нащупала подол, собрала ткань наверх, прислоняя мои бедра к его бедрам. Очень отчетливо давая понять, как хочет взять меня. Опять прикусил за мочку уха до легкой боли:

— Он же не трогал тебя здесь... — шепотом спросил, и пальцами сжал меня между ногами через ткань белья, а потом немного погладил, вперед-назад в легкой ласке. — Не трогал!? — более грозный вопрос расслышала.

— Нет, — едва слышно ответила.

Поставил на ноги возле кровати, но по-прежнему держал, как закованного узника в кандалах. Переместил руки на грудь? Нет. На пуговицы кофты, первые верхние слегка дрожавшими пальцами нервно расстегивал, а потом рванул края материала в разные стороны. Слышала, как треснуло несколько пуговиц и отскочило на пол, покатилося. Крепкие руки знакомо и властно сжали грудь и смяли жестко.

Я с трудом стояла на ровных ногах, перед глазами лихорадочный беспорядок, пространство какое-то странное, покачивалось. Я оперлась спиной о его пресс и просто расслабилась, больше не было сил сопротивляться. Устала, что ли?

Пусть трогает, как я была для него никем, так и осталась. Прикрыла глаза, но не от удовольствия, а от горькой правды.

Дима положил меня спиной на кровать, сам колено поставил на кровать и навис надо мной сверху, скрывая нас в еще большей тьме. Сцепил наши пальцы в замок и опустил по обе стороны от моей головы.

Жестко провел напрягшимся членом медленно по юбке, задирая ее этим движением до белья. Потом поднял голову, поцелуями опалил кожу груди, шеи. Слишком горячие поцелуи. Это место, где слушал врач.

Мы встретились глазами, они блестели у Дима как больного, опасно, лихорадочно, должно быть, как и у меня.

— Как же я хочу тебя... — опустил Дима взгляд мне на губы, затем голову вниз, просунул язык в рот и поцеловал, очень глубоко, слизывая как лакомые сливки не давая дышать, давя грудной клеткой и всем телом на меня. — Хочу взять тебя.

А я боялась пошевелиться, с голой грудью и с руками заведенными за плечи не двигалась, смотрела в потолок.

Дима внезапно прервался и посмотрел в мои застывшие глаза, безэмоциональные и что-то пытался понять по ним:

— Не смотри на меня, как на зверя, — опустил голову сбоку, поцеловал за ухом, провел языком, пробуя мой вкус кожи.

Х

Наконец-то я вновь чувствовал ее тело под собой, мог целовать эти губы, видеть ее глаза, пусть и испуганные, но они смотрели на меня в этот момент. Она принадлежала сейчас мне и я никуда не собираюсь ее отпускать, и никогда.

Наконец-то я ощущал вкус ее кожи, слизывал языком ее запах тела, я знал каждый уголок ее тела. Вдруг расслышал ее тихий шепот себе на ухо, голос манил, заставлял терять самообладание, он вибрировал по венам в крови, убыстрял поток, заставлял не терпеливо прикасаться в ответ к Аниной юбке, к ее бедру, сильно сдавливать пальцами ее нежную кожу.

Потом убрал руки, поставил ладони по обе стороны от головы Ани, я научился, когда эмоции зашкаливали отнимать от нее руки, особенно особенно Белесья. Вовремя оргазма всегда убирал от нее руки, чтобы ненароком не сжечь.

Сквозь шум в ушах и сладкий адреналин в крови от близости ее тела со мной, медленно осознал смысл ее слов:

— Ты...и есть...зверь, — охрипшим голосом сказала Аня. — И им останешься для меня.

W

Дима перестал облизывать шею, вновь попытался найти ответ у меня в глазах и отступил назад. Коленями вжался в матрас и изучал меня, распластанную на кровати, с расстегнутой рубашкой и руками заведенными вверх. Дима за рукой спрятал глаза и помассировал лоб в гнетущем молчании.

В голове всплыли его слова в охранном пункте.

«Ты обречена, смирись!»

Он уже всё продумал в тот момент!?

Я все равно уйду, уйду, как только выйдет срок уйду от него. Отвернулась к стене, пальцами сжала концы рубашки. Зажмурилась, когда ощутила рядом с собой вес мужского тела. Он повторил очертания моей спины и бедер, прилег рядом со мной на подушке, левой рукой обнял на уровне груди и прижал к себе крепко, так что моя голова устроилась под его подбородком.

Это все озноб, да, поэтому трясло? Это не по причине страха перед Хаски?

Заснула сразу видно из-за температуры, а среди ночи чувствовала, как отпаивали таблетками.

Хотела навсегда остаться во сне и не просыпаться. Сможет ли Дима переубедить папу и

продлить соглашение? Или даже не станет переубеждать, придумает опять что-нибудь, лишь бы оставить собачонку рядом. Он же не додумается ребенка мне сделать? Нет. Не сможет. Я ни в какие больницы не пойду.

Проснулась и вновь с ним под боком, он не раздевался, спал рядом, рукой обнимал мое бедро, даже здесь боялся, что уйду?

Нанял сиделку, которая ухаживала за мной пять дней. А по ночам спал со мной, как раньше в те дни в заточении, обнимал крепко и прижимал к груди. Его зверь никуда не уходит, он спит, пока всё спокойно, но едва я сделаю что-то не по нраву господина... боюсь подумать, что произойдет.

Я не доверяю ему, боясь Хаски...

Через семь дней уговорила врача выписать, температуры нет, соплей нет, чуть-чуть остаточный кашель. С Хаски старалась не общаться по возможности, а он перекочевал ко мне в комнату и ведь не выгонишь. Прижимал и зарывался носом мне в затылок. Ему самому не больно? Я всегда чувствовала его желание со спины, как он засыпал в таком состоянии? И каждый день насмешливо озвучивал цифры. Он не отпустит...не отпустит. Он ждал того времени, а наш враг не стремился попадаться на крючок.

Глава 34 "Наказание"

Ну что же, господа читатели. +18. Развязка отношений номер 1.

POV Вильмонт

Хаски отвозил первый день на учебу, а я звонила Саше у нее сегодня День Рождения, очень уж тяжелое было молчание между нами с Хаски и хотелось отвлечься.

Сестра взяла трубку и недовольно ответила:

— Да! — таким образом обычно желают поскорее сдохнуть. Понятно, не остыла.

— С Днем Рождения! — поздравила коротко и четко в тон ей.

— Спасибо. Это всё? — уточнила Госпожа обиженная.

— Желаю тебе развестись и найти нормального мужа!

— Великолепное пожелание... — с сарказмом ответила Саша. — А ты мне наследство свое отдашь?

— НЕ... ну сестры сестрами, — посмеялась я тихонечко в трубку. — Но денежки по отдельности.

— Ну сестра...ну сестра, — насмешливо услышала в трубке, а потом вздох нервный или усталый. — Какие планы на вечер? Я в Арзонте сейчас...с подругами ресторан заказали на вечер?

А тут я развернулась на Хаски, который вел машину, и рассматривал дорогу, но явно слушал разговор.

— Спасибо, Саш, но у меня уже планы... никак не отменю, — промолчала, что у меня комендантский час. Позорный комендантский час. Прекрасная погода, солнечные теплые деньки марта, а я сидела дома и парилась в духоте, но претензии оставила при себе.

— Можешь сходить, — я не ослышалась? Сашка что-там верещала на ухо, какая я предательница, но я не слышала. Отобрала руку от уха.

Как в детском саду меня отпустили, при условии, что позволю охранникам быть поблизости

Щеку подпекало с одной стороны, я тетрадкой закрывалась от этого огня. Преподаватель рассказывал лекцию, изучал сонные лица. А я пыталась не заснуть — День Рождения прошел в нормальной обстановке, естественно мой статус не обошли стороной, катком проехали по моей гордости и сколько много шумихи вокруг наших «отношений». Волчица со смены, кажется, и мы вдвоем с трудом держали глаза открытыми.

— Ань? — позвала подруга еле-еле будто готовилась заснуть во время произнесения речи.

— Ааа? — в таком же духе ответила ей.

— Смотри ко мне Шмонт добавился, спрашивает, что у тебя с телефоном и сетью?

— А что у меня с телефоном?

Проверила телефон и попыталась позвонить незаметно для преподавателя Шмонту. Не набирается, просто не набирается. Идет вроде как набор номера, а потом сбрасывается.

И социальная сеть, у меня нет доступа к ней? Это как?

В тот день я караулила Хаски до поздней ночи, но он не приехал. А проснулась было уже утро и я на кровати своей. Продрала уставшие глаза, семь утра, значит на работу уже встал или встает. Как-то мрачновато для Арзонта, отогнула тюль и посмотрела в окно, сквозь макушки деревьев рассмотрела темное небо, даже грозное, всего пару раз видела подобную погоду, зато стало прохладнее в приоткрытое окно и не так жарко, как обычно в комнате.

Встала, привела себя в порядок. Решила — сегодня поеду к Иринке с ночевкой и плевать, что скажет Хаски. Я не собака на привязи.

Вышла на кухню и увидела, как Дима оторвался от планшета и равнодушно озвучил пожелание Доброго утра.

Я вместо приветствия подошла к столу, на что Хаски совсем отложил техническое средство и вопросительно посмотрел.

— Какое...право...ты...имеешь... за меня...что-то решать, — очень тихо сказала, боялась начать кричать, поэтому сдерживала голос. Потому что если начну кричать, уже не остановлюсь. Ногтями впилась в мякоть ладоней, чтобы отвлечься на физическую боль, вместо той, что разрасталась всегда внутри.

— Я не...твоя...собственность, — Хаски недовольно сжал челюсти, видела как подбородок и скулы сильнее заострились. Он отвернулся, осмотрел кухню, словно тянул время или сдерживался:

— Хорошее начало утра, — встал неожиданно резко со стула и явно куда-то намеревался. — В каких смертных грехах я сегодня виноват?

— Какое право ты имеешь ограничивать мне доступ к сетям и моим контактам? — повернулась, глядя за его передвижениями, пошел явно на выход, собирая ключи, телефон, планшет, одеваясь.

Повсюду по квартире пролетал ветер, и завывал. Дверь громко хлопнула где-то в коридоре.

— Поверь это лучший вариант, — Дима старательно обувал кроссовки. — Люди, которые мне не нравятся долго не живут, — выпрямился в немалый свой рост, взялся за ручку двери. — А Шмонт мне очень сильно не нравится.

И всё. Вышел с легкой совестью за дверь, тихо прикрыл и оставил одну со своей беспомощностью и бессилием.

Я претерпевая вскипающую лавину внутри, пошла в ванную переодеться и попутно совершала намеченные дела. Звонок Ирине — первый в списке неотложных. Ей коротко сообщила, что приеду на несколько дней и никакая мразь не остановит.

А потом позвонил мой врач.

Не могу дышать, не могу. Я задыхалась. Громко хватала ртом воздух. Это бред. Этого не может быть. Дышала через раз и задыхалась.

Это иллюзия, бред...скажите мне что это иллюзия, умоляю вас. Опустила взгляд на скорпиона, который холодным металлом обволакивал палец, прочно держал, будто не давая вырваться и я ощущала подобное, словно стояла на эшафоте, вокруг шеи плотная веревка постоянно терла кожу до боли... до крови, а вырваться не могла и обрезать пути никто не помогал. Поскорее бы уже пнули табуретку под ногами, чтобы я сдохла.

С небольшим усилием стянула кольцо с пальца, оно будто не хотело поддаваться, сопротивлялось на сгибе. Но я всё равно стянула, замахнулась и подбросила холодный металл, тот попрыгал по кафелю и укатился под ванную. Второе кольцо с красным рубином.

Да пошло оно всё к Бастардам! Кинула и второе кольцо куда подальше, не проследила за траекторией полета.

Довольно с меня!

Голова закружилась и до боли захотелось упасть лицом на плитку, разбить в кровь нос и лицо.

Громкий, звонкий сигнал домофона отрезвил.

Выбежала в коридор, оттуда на кухню к входной двери, слышала стук и легкие смешки:

— Открой, Вильмонт, я заколебался пасти, когда твой женишок соизволит уйти из дома, — насмешливо проговорил Ленька, руки расставив в разные стороны, словно в объятии. — Иди сюда.

Друг приобнял меня в своем любимом захвате, поправочка, в моем любимом захвате. Я не предполагала, никогда не думала, что вот он мой конец. Оказалась в коконе теплых рук, в тепле и уюте растворилась. А мои глаза закрылись. И я не сдерживала грусть из глаз, боль, отчаяние и мой не контролируемый страх.

Я так в детстве не плакала, не рыдала.

— Леня, прости меня, — было нескрываемо больно, и я чувствовала неизбежность которая гналась за мной.

Словно в кровь накачали воздуха, и я ждала момента когда взорвутся вены под насыщением давления.

— Я беременна, — уткнулась крепче в любимые и дорогие плечи. Мои силы иссякли и я опустила, зазывая за собой Леню вниз на пол в коридоре. Уселась на жесткий ковер. Шмонт сидел рядом, гладил меня по спине и волосам.

— Я ослышался? — нет, не ослышался.

Друг в абсолютной тишине ждал ответа. Встрепенулась, когда расслышала звук пальцев по дереву, стук.

— А я думаю, что это самоубийца Шмонт забыл возле моего дома!

Подняла глаза, раскрыла их от слез.

И мы с Леной медленно поднялись с коленей, с ковра, боясь спугнуть животное. Я заморгала, прогоняя слезы и стерла щеки от влаги.

Демонстративная улыбка с ямочками изобразилась на лице Хаски, изображая добродушный настрой.

— Честно, подобного не ожидал. Ты как пробрался сквозь охрану? — повернулся он в сторону к Ленке. — Твоей рожи я не потерплю рядом со своей невестой, — руку поставил на косяк двери, дабы наверное заблокировать любой выход из квартиры. Меня трясло, руки на запястьях Шмонта жгло, словно кто-то взглядом сжигал их. Но это ощущение, потому что энергии здесь быть не могло.

— Обычно гостепреимные хозяева предлагают зайти, отведать чаю по крайней мере, — Шмонт начал учить Хаски, повернувшись лицом к нему, за своей спиной спрятал меня.

— Обычно любовники сидят в шкафах или прыгают с третьего этажа, — бровью повел вверх Дмитрий и показал в сторону балкона насмешливо. — Как думаешь? Сам прыгнешь или помочь? — он внезапно сделал шаг в нашу сторону. Я резко вынырнула из-под Шмонта и закрыла его собой.

— Не говори ерунды. Я просто хотела с ним увидеться. Он ночь не спал, ко мне приехал... — злость делала со мной чудеса, превращали в человека, лишь бы не чувствовать обреченного течения водоворота, в который попала и меня затягивало вниз. Боялась все-таки

захлебнусь внутри него.

Усмехнулся Дима, резко остановился напротив нас.

— Уйди от него! — скомандовал поперек нас находясь. От неожиданности и громкого крика отошла чуть назад. Зря.

Хаски резко сделал выпад, схватил за майку Шмонта, развернул его на ходу и острые костяшки пальцев вдавил тому в грудь. Это больно.

Я попыталась, отвлечь криком, чтобы отвлечь Диму, но он не слушал.

— Не глупи, — прохрипел Шмонт, руками вцепился в запястья соперника.

Хаски внезапно с еще большим усилием надавил костяшками в грудь, словно собирался проткнуть кожу насквозь. и приподнял довольно невысокого и щуплого Леню над полом, держа того на вису. Улыбки убрал.

— У тебя минута, чтобы убраться отсюда, желательно улететь на другой материк подальше от Вильмонт, — Хаски резко убрал кулаки от Шмонта и тот неловко опустился на пол, машинально потирая место куда давили костяшки.

— Лень, уйди пожалуйста, — Хаски не адекват чувствовала по его застывшему, наэлектризованному телу. Которое натянулось и готовое будто к броску зверя, вырвать жилы из шеи соперника или настороженно смотреть за каждым передвижением нарушителя спокойствия его личного пространства.

Леня удивленно повернулся ко мне, по-прежнему потирая грудь.

— Ты из-за него такая странная стала? Вильмонт? — я спрятала глаза где-то в районе лампочки, светящейся над головой Шмонта, избегая ответов и вопросов. — Это все он? — голос его стал таким обвиняющим, колющим меня в самое сердце. Не могла убрать взгляд от света. Боялась и молчала.

— Пожалуйста, Лень, не усложняй.

— Не усложнять!? — вопросительный выкрик. — Значит не усложнять? Да, пожалуйста, — поскольку не разувался почти бегом вылетел из-за двери и захлопнул ее с силой. Я поморщилась от громкого звука и встретилась взглядом с Хаски опять чего-то испугавшись.

Его стремительные движения (скорее рывки) в мою сторону заставили отступить назад до самой стены, безвольно прислониться к ней спиной. Дима замахнулся, честно ожидала уже и удара, судя по прищуренным глазам, но вместо это он опустил два кулака по обе стороны от моей головы, впечатав в стену. Звук удара заставил сердце испуганно вскинуться в груди.

Дима нагнулся вниз и поймал мой взгляд, словил в паутине, приклеив насмерть. Лицо жениха наклонилось и изучало, попутно оевало дыханием:

— Сколько ты... — он говорил сквозь зубы. Никогда не слышала настолько тихого и грозного тона. Он пробирал каждую клеточку тела, заставлял трепетать. — Сколько ты будешь меня бесить?!

Последнее слово особенно громко выделил, а я боялась и слова сказать. Дима руку просунул между моей головой и стеной, буквально отодрав затылок и приблизил к себе.

— Если еще раз увижу... — он говорил каждое слово с секундной паузой, давая время запомнить. Лед сковал мое тело, язык и застудил кровь от такого Хаски.

— Тебя и «его» рядом, хотя бы в одном здании... — Дима левой рукой нащупал мою правую, медленно провел от локтя вниз и опустился к пальцам. Взял меня за ладонь, палец и прочертил воображаемую линию.

— Я сломаю ему каждый палец... — Дима надавил на сгиб пальца, намекая как будет ломать. — Каждый гребаный палец, который касался тебя, отрежу к Бастардам ему ту часть тела, которая успела побывать в тебе. Ты даже не представляешь, моя милая, как долго борюсь с желанием сделать из него калеку, а ты не ценишь....

До этого он говорил тихо, медленно давая додумать. А потом резко повысил голос буквально прокричал в лицо:

— Ясно!? Не захотела по-хорошему будет по плохому. Ты, Аня не умеешь ценить. Раз я зверь для тебя, то буду им настоящим... — глаза яростно полыхали, страшные полосы на лбу уродовали его лоб.

Наклонился и подхватил меня обоими руками под коленями, заставив взмыть высоко над ним и вцепиться пальцами ему в плечи. На ходу разулся вместе со мной, прошел сквозь кухню и в коридор.

И мы в спальне у него, вновь опустил на кровать спиной, отчего я легко от пружинила, сам навалился сверху, как дикарь какой-то, как варвар, насильник. Вес давил, его губы искали, требовали, руки непрестанно щупали, расстегивали пуговицы на джинсах.

— Отпусти... — постучала по плечам.

— Нет, Вильмонт, не отпущу, — насильно поцеловал, просовывая язык в рот.

От этого вновь насильственного поцелуя, хотелось ударить его, сжаться, вытолкнуть из себя. Опять это отчаянное чувство холода, осознание никчемности рядом с ним. Челюсть заболела от его напора.

Я не хочу таких прикосновений... Вырвала губы из-под его натиска.

— Клянусь, если ты изнасилуешь меня, я разорву этот дурацкий, брачный договор. И хоть что вы мне говорите! — громко выкрикнула, чтобы изъять из груди испуг я захлебывалась, тонула в его водах, боялась не вынырну больше никогда... Это чувство насилия топило.

Дима неожиданно отстал с поцелуями и на его щеках образовались ямочки, он засмеялся как-то нервно или надменно. Перевалился на один локоть и бедро рядом со мной и подпер голову ладонью.

— Запоминай, моя милая, — второй рукой обхватил мое лицо, большим пальцем потер мою щеку, как будто даже нежно, очертил контур губ. — Ты действительно думаешь, что даже, если я возьму тебя сейчас хоть одна живая душа узнает об этом? Камеры? Да мне плевать. Кому подсобит Макс: тебе и побоится лишится глаз к примеру от меня? Ни одна живая душа, — мое лицо обхватил обоими ладонями вновь приближая наши лица. — Тебя у меня не заберет. Ты — моя, прими как факт. Видишь, какой я был послушный добрый мальчик, — скривился он, говоря пренебрежительно в лицо. — Я не трогал тебя, ждал пока нашу королеву озарит, пока она привыкнет к мысли, что будет моей женой. Но ты не желаешь этого понимать! — в окно барабанили капли дождя, и даже из моих глаз скатилась вода. — И контракт, моя дорогая, ты должна успеть обнулить за сто оставшихся дней, в противном случае мы автоматически становимся мужем и женой Попробуй дойди до юриста...оформи отказ...думаешь я позволю тебе это сделать? Оставлю здесь взаперти на всё оставшееся время. А твой папа ясно дал понять, что не против наших отношений с тобой. Я единственный, кто способен оградить его слабого ребенка от «людей».

Вновь поцеловал, засунул руку мне в джинсы, где успел расстегнуть мешавшие пуговицы. Пальцы отодвинули ткань белья и начали как обычно возбуждать. Я убрала лицо в бок, пока он отвлекся, но так и чувствовала, как по щекам и волосам текли ручьи этой

бесполезной, соленой влаги.

— Эй, Вильмонт, — услышала его немного хриплый голос. Почти мягко взял пальцами за подбородок и развернул к себе лицом, рассматривал влажные полосы вокруг глаз и на щеках. — Не стоит плакать. Слезами не поможешь, ты же знаешь.

Его губы нашили мои, как и всегда. Его добыча вновь на его кровати, на его покрывале, скованная его властью.

А он и не умел по-другому целовать, только, как похотливое животное, которому необходимо раздвинуть мне ноги и завладеть. Взять под контроль и брать. брать. брать.

Пальцами Дима пытался явно возбудить, а я глубоко дышала и просто оцепенела в его руках, под силой его давления и напора.

— Эй...ну успокойся...блядь...ненавижу твои слезы. Хватит, слышишь? — заглянул мне в глаза. — Успокойся, я уверен, что мы идеальны друг для друга. Только прекрати меня злить, это все о чем прошу тебя, Аня?

Он как будто шел на попятную, поглаживал прядку волос за ухом.

— Мы поженимся скажем через месяц... — шепнул от чего я вздрогнула как приговор. — Я возьму отпуск и поедем куда-нибудь вдвоем. Наконец, поговорим и я уверен, что всё у нас будет хорошо. Слышишь? — задал вопрос, на что я едва заметно дернула подбородком в знаке согласия, сама не могла сдержать слез, а Дима их пальцем стирал. — Всё. Прекрати. Моя жена должна быть сильной. Я не трону тебя сейчас... мы оба взвинчены и ни к чему это не приведет. Я сделаю тебе больно. Ты совершенно сухая.

Он встал с кровати, взлохматил волосы раздраженно, протяжно вздохнул прогнав напряжение из тела и пошел на выход не спеша.

— После работы приду и мы решим вопросы, — взял ручку двери распахнул и готовился к выходу, но по середине затормозил. — Я...это...девушки обожают говорить про любовь... Ну вот если она и существует, то можешь считать, что это она. Более сильных чувств я ни к кому не испытывал...

Дверь захлопнулась со щелчком. Он ведь обманывал правда? Все это насилие, все это насилие, что было? Почему тогда он так ко мне относился? Сердце стукнулось о ребра. Секунда, одна, вторая, третья, я не могла ничего произнести, боялась пошевелиться. В голове вихрь его слов.

У меня началась какая-то засуха, застой. Эмоции заснули, заглохли где-то внутри. Я ничего не чувствовала, только болезненные удары сердца, но только это было для меня сейчас важно. Что сердце билось, оно живое и чувствующее. Там не только боль засела и отчаяние. Оно еще что-то хотело чувствовать.

Тишина была моим союзником, но когда мелодия телефона послышалась где-то отдаленно в квартире, сердце притихло послушно, давая остальным эмоциям вернуться на трон властвовать.

Этот человек насилует тебя, брал то, что ему надо было из раза в раз.

Он ставил тебя на колени при людно, поливал грязью.

Пользовался твоим телом и не возможностью отказать.

Он отдал тебя другому. Он оскорблял, обижал тебя.

Он всегда хотел сделать тебе больно.

Просто ты тот человек, который посмел ему отказать.

Встала с кровати, застегнула штаны. Пошел к Бастардам со своим враньем!

Злость это лучше, чем слезы. Какой институт? Отменяется. Нужна подушка для слез

опять.

Спустя часа два после нашей ссоры вылетела из дома, консьержка очень внимательно посмотрела на мою спортивную легкую сумку в руках, уверена едва я сяду в машину, скрываясь от проливного дождя, работница сразу доложит господину. Пожелала ей мучиться ночными кошмарами. Я здесь больше не останусь.

Тяжело дышала, сердце не успокаивалось от его слов.

А моя беременность, что делать с ней? Не хочу, не хочу носить его ребенка. Не хочу рожать ему ребенка, не хочу воспитывать с ним детей, не хочу быть его тряпкой под ногами, не хочу быть пустым местом. Хочу чтобы уважали, любили, чтобы с моим мнением считались.

А теперь, когда беременна...это же...я...мне не уйти.

Села в машину, выехала за ворота, волосы противно лезли в глаза, убирала пальцами мешавшие пряди подальше от лица. Нажала с такой силы на газ, словно моя жизнь зависела от того, как быстро окажусь у Ирины и получу хоть какую-то защиту. Выехала на свободную дорогу, только изредка встречались машины, я их обгоняла. Необходимо было все эмоции куда-то деть, выплеснуть их многообразие.

Я в тупике, оглядывалась по сторонам и не в силах найти малейшую лазейку, если только лбом пробить кирпич. Но, наверное, я так и поступала все время с Хаски билась и билась о твердую стену, и получала только уроны для себя, его же это не трогало.

Вспомнила, что кто-то звонил. Руку оторвала от руля потянулась за сумкой, расстегивая молнию. Попутно смотрела то на телефон, то на дорогу...

Небо гневалося...

Дворники на автомобиле запоздало поднялись вверх по лобовому стеклу и опустились, на небольшое время, дав обзор через стекло.

Яркий свет в глаза пронзил зрачки, которые немедленно заболели от резкости. Я зажмурилась, потом открыла.

Белый, чуть желтоватый свет фар приближался с противоположной полосы движения.

POV автор

Молния перестала сверкать на небе, потухнув по сравнению со светом, излучаемым машиной. Гром послушно замолчал перед сильным истошным гудком двух автомобилей.

За стеклом автомобилей бесновалась природа, огорченная чем-то известным только ей одной. Визг тормозов по сырому асфальту был слышен на километры вперед. Противный скрип метала завыл вместе с ветром, долго, протяжно завыл, будто бы заплакал от боли. И протяжный скрежет двух встречных машин, приплюснутых друг к другу.

Встречная машина врезалась в сидение водителя с боку. Салон автомобиля пошатнулся, словно мир пришел в движение.

Выбитое стекло посыпалось серебристым дождем на копот машины и на панель внутри.

Внезапно по середине дороги появилось красивое, голубое свечение, которое приобрело очертания девушки. Дождь громко плакал и стенал, пока девушка глубоко дышала, стояла на сырой дороге и глядела на ладони перед собой.

Затем она почувствовала, как где-то в районе лба защипало. Сильная пульсация раскроила ее нежную кожу.

Кап...Теплая жидкость скатилась по краешку ее носа.

Кап...маленькая капля крови упала на ладони.

Девушка поднесла руки к глазам, чтобы получше разглядеть. В ладонях торчали острые, раздробленные осколки стекла, прорвавшие кожу. Каждый миллиметр ладоней колот, словно в них загнали раскаленное железо.

Кровь скатывалась из уголка губ девушки тонкой, предательской струйкой.

Разводы крови разрезали красивое лицо, будто морщинами.

Дождь плакал и заглушал остальные звуки. Запоздало девушка развернулась, чтобы увидеть вновь яркий свет фар и почувствовать как тело стало невесомым, легким и податливым.

С тяжелым ударом тело протащило по капоту, крыши и заднему бамперу другой машины. А закончилось падение на капоте второго автомобиля со звуком треснувшего, лобового стекла. А потом, будто ожив на секунду, или, словно ветер доброй рукой подтолкнул, тело скатилось вниз и свалилось на мокрый асфальт.

Дождь продолжал лить, смывал последствия аварии, очищал дорожку крови по капоту машины от съехавшего тела девушки.

Говорят сама Немийская земля против воссоединения двух заклятых врагов...

Глава 35 "Его вина"

Warning: много соплей, водопад соплей!!! Нытье, скулеж в двух последних главах.

POV Шмонт

Погода сегодня отвратительная — дворники с трудом справлялись с работой, дождь ручьями скатывался по стеклу. Едва видел дорогу, ехал по трассе в направлении аэропорта. Отвратительно получилось с Анькой, я ее оставил с этим извергом.

Внезапно горло опять зацарапало, будто кто-то ножами внутри резал.

Сдавил большим и указательным пальцем шею с двух сторон, помассировал успокаивающе. Не помогло. Очередной спазм сильнее сдавил горло. Оторвал руку правую от руля и поднес ее кистью ко рту. Хриплый кашель разрывал легкие, но я не мог откашляться. Отнял руку и достал из подстаканника платки бумажные, поднес ко рту, заглушая кашель.

Когда приступ прошел сжал пальцами никчемную бумажку, покрытую каплями крови, и спрятал обратно комок.

Хаски ведь ей ничего не сделал? Больно страшный выглядел. Понять ее не могу, что между ними творится. Странно себя ведет, никогда ее такой не видел с кем-то. Она странная рядом с Хаски.

Надо бы позвонить убедиться, что с ней всё нормально. Взял телефон и начал набирать, сначала гудки длительные зазвучали, а потом резко телефон отключился, вне зоны действия сети.

Посмотрел на предмет связи, как на инородную вещь, не принадлежавшую этому миру. Что за?

Несколько раз повторил набор номера, но по-прежнему тщетно. Что за? Неприятно кольнуло в груди. Гром за окном заглушил даже легкую музыку по радио. Я машинально вздрогнул от молнии, пронзившей грозное темно-синее небо. Ужасная погода.

Разглядел, как со встречной полосы вырвалась на обгон крупногабаритная машина и очень ярко засветила мне в глаза. Твою мать, обезьяна!

Резко по тормозам нажал и с трудом черная машина успела вернуться на свою полосу. Я чуть не поседел за пару секунд, открыл окно, невзирая, что струи дождя в миг в лицо стали бить и разбиваться о панель машины.

— Ты, кривожолая... — кулак ему высунул в окно и успел засечь нос автомобиля — передний бампер, едва ли не наполовину смятый. Будто после аварии, я голову сильнее высунул в окно, проследив за резко увеличившейся скоростью машиной. Номера автоматически запомнил. «М4567ЕН». Вернул взгляд к дороге.

Продолжил движение, названивая при этом Аньке. Что-то мне нравилось ее молчание. Очень колючее, холодное ощущение тело парализовало.

Аня взяла сим-карту у Волчицы насколько осведомлен, чтобы могли пообщаться, а то Хаски заблокировал ей связь со мной по той старой.

Спустя минут пять движения по скользкой, мокрой дороге обнаружил затор, машины стояли и не двигались, моргали красными стоп-огнями и изредка сигналили.

Заглушил двигатель, закинул капюшон на голову и вышел на проезжую часть. Проезд полностью заблокирован с обеих сторон. Шел, шел, потом всё быстрее. Какое-то непонятное чувство заставляло бежать быстрее сквозь ряды автомобилей и недоумевающих водителей,

те покидали также как и я водительские места и шли куда-то вперед.

Резко остановился, оглядывая картину перед глазами: две помятые машины, скопление народа вокруг чего-то.

Пошел медленнее. Авария явная, но судя по вмятинам на автомобилях не должна быть сильная. С трудом пробрался сквозь скопление зевак. Документы не взял из машины, чтобы удостовериться личность и попытаться распугать любопытных.

— Расступитесь, — пробирался едва-едва повторяя просьбу и резко остановился, когда последнего стоявшего человека преодолел.

Небольшой круг, очерченный пустотой, а внутри него несколько мужчин на коленях в лужах говорили и создавали какие-то энергетические потоки. Я видел по озарявшему свету в воздухе. Ближе. ближе...

На бедре в неестественной позе; вокруг вода, но нет это не от дождя, это кровь... повсюду кровь; джинсы на девушке насквозь в пятнах, на кофте; знакомая одежда; черные, длинные волосы в луже.

Лица не видно, оно невзирая на дождь не позволяло смывать с себя красную краску. Я не мог разглядеть черты лица сквозь этот страшный цвет крови на нем, но даже без этого узнал ее владелицу. Маленькая, беспомощная и сломанная.

— Жива? — единственное, что спросил у мужчин рядом на коленях перед ней. — Что вы делаете?

— Латаем дыры, у нее обильная кровопотеря, — глухо отозвался один из мужчин, не отнимая рук от Аниного тела. — Вы знакомый? Скорую мы вызвали.

— Кто виноват? — резко повысил голос, с большей агрессией сказал так, чтобы вся ара слышала. — Кто виноват!?

Темно-синий джип, говорят уехал с места, — пояснил один из мужчин. Темно-синий!? Обезьяна, сука!

— Телефон кто-нибудь дайте, срочно! — на мой яростный приказ-просьбу сразу несколько незнакомых людей протянули средства связи, я благодарно кивнул, по памяти совершая звонок.

Только бы взял, только бы взял. С облегчением расслышал ответ, благодаря это грозное, темное небо и следя за едва заметным дыханием Ани.

— Санек, некогда объяснять, лови обезьяну за рулем. Номер записывай! Давай! Быстрее! С проломанным бампером темно-синяя «М4567ЕН». Лови на выездах, не дай всевышним умыкнет через причал к Баллийцам, не словим! Давай! И сам сюда же! У меня здесь нет столько влияния!

POV Польски

Как будто заняться нечем, исключительно автомобильными авариями. Сам изумился звонку Леонида, я понимаю, что возможность транспортного проезда заблокирована, а я причем там? Похож на дорожного служащего!? Одна из боковых сторон Арзонта парализована из-за массовой аварии и пол города не могут сдвинуться с места. А я причем? У меня более важные дела приходится расхлебывать со Шмонтом.

Эта группировка ЗБ порядком жизнь портит, хорошо устроили им комендантский час, вроде дела получше стали. Кого находим на улицах, тех и отлавливаем, пока спокойнее: поджогов, набегов массовых больше не было.

С Виталиком направлялись в университет, но резко поменяли маршрут, когда позвонил

испуганный Шмонт. Дорадо пришлось направиться вместе со мной по делам.

Подъехали к трассе Н60, она вела к центру, была небольшая по одной полосе с каждой стороны. Вскоре встали в явную пробку: вашины сигналили, водители покидали места, желая узнать причину затора.

Я резко поменял курс, съехал вниз с дороги, благо машины имела высокий клиренс и огромные колеса, способные неплохо передвигаться и по полю. Я и поехал по скошенной траве, Виталик вцепился в панель машины, сдерживая равновесие тела. Нас подкидывало на неровностях, но терпимо.

— Что за дерьмо там такое? — спросил Виталик сбоку, я промолчал. Откуда мне знать? Но стоявшие автомобили на дороге слева видел, и они вереницей плелись и не кончались долгое время. Несколько километров.

Машины работников дорожных служб привлекли внимание сигнальными маячками. Я по тормозам. Оставил машину внизу на поле, уловил явные вмятины-следы колес на влажной земле.

Поднялся на пригорок, Виталик где-то сзади. Первым делом сквозь загораживающую ленту нырнул, две машины помятые, работники службы в специальной форме, несколько человек, наверно водители. На земле — кровь, стекла, черные полосы от тормозов. И... белая авганка, как у Олеси. Номера не ее. Диски золотистые. Авганка стояла ровно, но судя по смятой крыше и поехавшему корпусу, перевернулась несколько раз ранее. Всмятку, капот ушел внутрь водительского места.

На весь Арзонт пять или шесть авганок. И странная мысль заполнила голову, предчувствие было очень не приятным, что-то похожее я ощущал, когда Диман поехал в центр по делам, а там произошел взрыв. Здание обыскали, но труп его не нашли и на телефон тот не отвечал. Но я сука, знал, что он дохнет под обломками здания. Был уверен.

И сейчас я в чем-то уверен.

— Саш, что тут? — Виталик сзади меня встал, оглядывая пространство, орущее сигналами.

— Не знаю пока, — ответил.

Дошел до места, где отчетливо виднелись буквы и цифры машины. Зашел в базу данных на телефоне и вбил номера машины. Владелица — Анна Сергеевна Вильмонт. Рукой, блядь, вцепился в волосы на затылке.

Более быстрым шагом направился к массовому скоплению людей. Документы достал, развернул и показал работникам, начавшим спрашивать, какого я здесь забыл. Разузнал подробности и вернулся к Виталику

— Блядь...Виталик...что делать? — убрал руки обе назад и вцепился в черепушку, не зная что сделать в первую очередь. Какое расследование? Когда надо Диману позвонить. — Там Анька Димановская...была в аварии, вроде жива.

= Вильмонт!? — прищурил глаза Виталик на мое заявление, а я неуверенно кивнул, пытался в уме решить как правильно поступить. — Разузнай пока все, а потом скажем ему...

Быстро узнал у Шмонта, куда Аньку определили.

Если видеоролик проскочил в сеть, надо Димана срочно предупредить.

Как робот без лишних движений достал телефон, ждал пока друг возьмет трубку и четко проговорил, боясь запнуться:

— Твоя Анька попала в аварию... Сейчас в Колчаке, единственное, что знаю — жива.

— Как? — не порядок. У Хаски странный голос.

— Мы скоро подъедем, подожди нас на стоянке. Не торопись...

— Не обещаю, — полная тишина с его стороны.

К Виталику обратился с мольбой в глазах, помочь с Диманом. Дорадо принял трубку и заговорил сухо:

— Мы уже едим, через пятнадцать минут будем. Шмонт ее нашел. Вам не следует вдвоем видеться, только драк в больнице не хватало. С нами спокойнее...

Диман, слава всевышним, внял мольбам и нас дождался.

POV Хаски

Многочисленные стерильно- белые коридоры, кое-где голубые на разных этажах по-разному. Врачи, преподаватели. Они мельтешили раздражающе. Хотелось откинуть их назад, выкинуть людей перед лифтом.

Ударил по кнопке, чтобы побыстрее приехал этот долбанутый лифт. Пошло оно!

Завернул направо, там лестница и через ступеньку рванул на десятый этаж.

— Эй, Диман, да подожди! — расслышал голос Польски позади себя. Не ответил на его крики. К бастардам трындеж, мне некогда. Там моя Аня!

Я говорил я всегда страдаю рядом с ней от жара, а сейчас было жутко холодно. Кончики пальцев заледенели. Эта мысль (моя Аня — на медицинском столе) наполняла отчаянным страхом, никогда не находился в его власти, был невосприимчив, имел иммунитет к нему.

Я ничего не боюсь. Смерти? Все мы когда-нибудь сдохнем. Но если спросят моего мнения я совершенно точно хочу сдохнуть быстрее Ани, чтобы не видеть ее конца. Лучше я десять раз повторю те несколько часов под обломками здания, задыхаться и не знать выживешь или нет. Я и тогда не особенно боялся, смотрел обреченно на пыль и кучу камней, которые придавили меня, ловил галлюцинации, перед глазами все плыло. А страшно не было. Смотрел и гадал сдохну в этот раз или нет.

Сегодня я не хотел вбегать на третий этаж гребанного Колчака, посмотреть на белоголубую краску стен, на врачей в идеальных белых халатах, почувствовать запах лекарств. Всегда ненавидел белый цвет, он такой чистый невинный, на нем видна кровь.

Я был всегда настойчив с Аней. Делал все, чтобы заполучить ее. Добиться ее. Привыкший достигать результатов любыми методами и в максимально сжатые сроки. Мне нужен был результатом, как можно быстрее. Шел на пролом, не жалея ни себя, ни ее. Мне нужна была ее милая улыбка, та которую она мне дарила в Белесье и возможность трогать ее. Это много?

Но в ответ на мои подкуп, шантаж и физическое воздействие она все сильнее замыкалась в себе, переставала со мной разговаривать и со временем вовсе потеряла способность улыбаться, как раньше.

Стирать ее улыбку с лица я не желал.

И все мои старания привели к вот этому, что я остановился возле двадцать пятой операционной. Двери закрыты перед лицо, но там слышен шум, а возле сидят двое. Шмонт и девушка(женщина) брюнетка, кажется двоюродная сестра Ани из Арзонта.

— Как? — не знал что спросить, как подобрать слова.

Шмонт, видимо хотел что-то ответить, но женщина внезапно подскочила со стула, на котором сидела. Кулаки сжала и сквозь зажатую челюсть яростно прокричала:

— Пошел вон! Убирайся отсюда!

Не смотря на то, что в больнице должно быть тихо, ее голос раздался на весь коридор.

Проходивший мимо мужчина, врач в голубом медицинском костюме, придерживал одной рукой маску, другой одернул женщину за локоть и показал пальцем возле губ, намекая на тишину.

— Соблюдайте тишину, или я попрошу вас вывести из здания! — отчитал он грозным шепотом.

А Анина сестра промолчала и послушно села, но внимательного, разъяренного взгляда не отводила. Дождавшись, когда шаги мужчины отдалятся, продолжила:

— Ты...ты... Хаски... — звенящий шепот, который разил ушные перепонки. — Это все ты... виноват... Она в слезах звонила мне опять... Ехала ко мне... — глаза женщина отняла вниз, словно я не достоин, чтобы на меня смотрели. — Ты...ты всему виной... это ты!

А я молчал, держа руки в карманах джинс, но глаза не отводил.

Сзади расслышал голос Виталика, они только подошли, ехали на том лифте:

— Обвинять, Ирина, нет смысла. Твоя сестра в операционной и вместо того, чтобы поддерживать друг друга ты рычишь, на людей кому она дорога...

Я слышал, как сквозь вату в ушах, мир стал глухой, бесцветный. Мне было плевать, что говорила эта женщина, сейчас больше пугало, что я потерял цвета и звуки в голове.

После неожиданного выпада Виталика воцарилось молчание. Я подошел сбоку от Шмонта, макушкой и спиной прислонился к ледяной стене позади себя. Санек и Виталик сели на противоположные стулья от кабинета.

Несколько минут молчания. Никто не переговаривался, только эта Ирина с кем-то разговаривала, отвечала номер операционной.

Народ появлялся не заметно в коридоре, становилось громче. И первым я рассмотрела Вильмонта старшего, который шел резво, руками бодро размахивал, рядом с ним Павел. Возле меня папа Ани резко остановился.

Я отсоединил машинально макушку от стены и встал ровно, глядел сверху вниз на мужчину. Но его прищуренные глаза доказывали обратное — это я находился внизу, и смотрел на него с самого низа.

— Ты — наследник!

Почти по-отечески внезапно положил правую руку мне на плечо Сергей. Но это видимость от его ладони я почувствовал сильное, гравитационное воздействие, которое стремилось раздавить жалкое создание. Сергей отвернул лицо от меня и говорил, смотря на коридор и изредка проходивших людей:

— Я доверил тебе здоровье своей дочери, — он отнял руку, от чего стало вдруг невероятно легко.

— Твоя вина! — как приговор прозвучало от Вильмонта, рукой с часами стукнул легонько по моему плечу. Словно признавая ничтожность такого действия, как пачкать об меня свои руки.

— Где врач? — без обиняков сразу перешел в наступление Сергей Вильмонт, обращаясь к почти пустому коридору.

— Кто-нибудь скажет, как моя дочь? — он намеренно поднял раздраженный голос на весь коридор.

— Что с ней? — его игнорировали.

— Я спрашиваю, как моя дочь? — на эту вспышку агрессии, дверь из операционной открылась и оттуда вышел врач: мужчина в годах, с легкой щетиной на лице, в стерильно-белом халате и повязкой на лице.

— Прошу не нарушать тишину. Объяснять состояние вашей дочери у меня нет времени. Еще слово и я выпровожу всех до одного, — строго оглядел каждого из нас, особенно отца Ани. — Группу крови знаете?

— Третья отрицательная, — коротко ответил Шмонт.

— Спасибо. Сорок минут минимум... — напоследок озвучил всем ожидавшим.

Я опустил руку в джинсы, там вибрировал телефон. Посмотрел на входящий. Кто-то и до этого звонил, молча отключил вызов и вернул в карман.

Спустя минут сорок вышел тот наш знакомый врач.

— Дайте посидеть, — озвучил он громко.

Шмонт подскочил, освободив ближайшее место для врача. Тот со вздохом присел на стул и поднял, наконец, взгляд на родственников:

— Так. Теперь по порядку. Жива. Дышит. Пока без сознания. Дальше. Беременность, естественно, не удалось сохранить. Они уже были мертвы в момент ее прибытия в больницу. Дальше... — врач остановился, не получив реакции.

— Беременность? — решила спросить Саша. — Какая?

— Когда? — это Ирина вторила. — Она мне не рассказывала...

— Кто-нибудь знал? — следующий поинтересовался Павел.

А мне показалось что страх отступал, этот страшный демон, но вот чувство удушья наоборот появилось, словно кто-то сдавливал пальцами шею до упора. И я ждал, того момента как начну хрипеть от недостатка воздуха, как буду задыхаться, пытаться отодрать невидимые руки от себя, отчаянно моля о помощи. Но это ощущение прошло и появилось новое, или скорее возникло полное отсутствие эмоций, как будто нажали на горло, найдя нужную точку, и перекрыли окончательно воздух.

Это наступило, когда Шмонт поднял руку и громко озвучил:

— Я знал!

Все мои старания — пустое место. Все силы, что я вкладывал — это пустое место, дуновение ветерка на ее коже не больше. Я ничего сильнее не жаждал в жизни, как быть рядом с ней. И не хотел ничего и никого, ни что не имело столько высокой ценности, как мой Бастард Ананина. Боль — это последнее, что я хотел ей причинить.

Я жаждал быть с ней рядом, а она не позволяла. И сейчас не позволяет.

— Понятно, — кивнул врач. — Срок около трех месяцев. Близнецы. Мальчики.

С каждым словом хотел этот тупой нож боли выдрать из сердца или распилить его по очертаниям, чтобы больше не мучил.

Эта глухая боль внутри убивала.

Грузно шлепнулся на один из свободных стульев по отдалу, слушая врача дальше.

— Селезенку разорвало. В остальном множественные гематомы и более семидесяти процентов тела изрезано...

— Изрезано? — спросил Сергей Вильмонт.

— Да. Осколки проделали глубокие раны на всем теле. Сделаю полный реген кожи, но это долгая и болезненная процедура. К ней никого не пушу дней десять. Вам нет нужды смотреть на нее такую и поверьте ей этого не захочется. Когда она придет в себя, я сообщу. О результатах буду сообщать... кому сообщать?

— Мне, — коротко указал Сергей на себя пальцем.

— Хорошо, вам, не путайтесь здесь. От вашего волнения возле палаты не станет лучше. Она будет под постоянным контролем.

Когда покидал коридор, наполненный огромным количеством народа, оценил каждого: родственники из самого Герберта, отсюда из Арзонта, друзья-Бастарды.

Аню многие любят. Покидал я коридор спокойно, она в любимых руках.

Помню, когда мне пришивали руки единственным человеком, кто в первый же день появился рядом со мной, был Санек, на второй — прилетели два Виталика и мать.

Так что, у Ани достаточно людей, которые ее любят.

Оказавшись на улице тем вечером, еще раз оглядел предполагаемые окна, где она лежала. Куда идти? Зачем идти? На квартиру? Не выносимо там находиться, там ее территория, каждая вещь ассоциировалась с ней. Продать пианино к Бастардам! Больше Аня не вернется туда и мне не возможно там находиться.

Расследование по поводу аварии вел Санек и Шмонт.

Аня превысила предельно допустимую скорость на автомагистрали в два раза. Это и являлось одной из причин травм в аварии, но благодаря перемещению ей удалось избежать лобового столкновения с крупногабаритной машиной, намного превосходившей по весу авганку. Джип покинул место аварии. А Аню, переместившуюся ровно посередине дороги, по невезению сбили две неизвестные машины.

Владельца джипа быстро отследил Санек по наводке Шмонта.

Машина была оставлена в какой-то подворотне, хозяин сбежал, пытался пересечь границу. Его и поймали.

Как на духу выложил солидный договор между ним и неизвестным мужчиной, заплатившим приличный аванс за аварию. Видимо, наниматель очень надеялся, что подставное лицо умрет там же на месте аварии, как и Аня, но просчитался.

Неизвестный мужчина — по описанию пока не найден, звонок с телефона водителя отслеживается.

Взяв телефон, я глубоко вдохнул воздух. Опять что-то закололо в груди, словно шип там сидел или заноза и не давал нормально дышать.

Телефон опять завибрировал. Весь день кто-то названивал, а я не брал.

Младший Барс...

Вот это мату вашу, новость, эта гнида, что продинамила перед Новым годом. Мы с ним договаривались о крупной сделке, и я от него требовал дать имена головорезов, что убили Яхонта. А эта мразь молчала.

А тот зассал в последний момент! Я забыл об этом уроде.

Открыл телефон с смс, не сразу понял, что прислали.

Фотографии всего две. Одна, на которой изображено здание со странным знаком — перекрестные шпаги. А на второй нечеткое, но достаточно понятное изображение мужчины с длинным, белым хвостом, худощавый, с проколотым ухом развернут на половину лицом к камере. Так и что это может значить?

Прокрутил еще раз. Здание со шпагами — раз. Вторая фотография — это должно быть Яхонт. Так стоп...

Пригляделся повнимательнее к первой. Рядом со значком в самом низу адрес горел. Набрал номер Польски, он занимался этим делом.

— Санек, нашли по номеру заказчика?

— Пока нет, шифруется, стер информацию, но дело времени, след от вмешательства остался, попробую по нему и пробить... Как настроение?

— Сань, проверь адрес. 35. Круинский проспект. Здание со шпагами. Кто владелец, проверь, пожалуйста? — проигнорировал вопросы о самочувствии.

— Вот это да. Я услышал от тебя пожалуйста? — удивленно — наигранно спросил Санек и хмыкнул.

— Что я никогда пожалуйста не говорю? — попытался улыбнуться в ответ, только в груди опять это шип вошел в сердце. Да почему так больно-то?

— Ты даже спасибо никогда не говоришь, а уж о слове прости и вовсе наверно не знаешь... слушай. Вот нашел. Это Баллийский город, правда его часть находится на нашей территории, но Баллийцы об этом постоянно забывают. Краевина. Тупое название. А владелиц у нас... Наш друг. Точно Трески же вечно хвалится что это его пра-пра-прадед основал Баттл. Это один из баттлов.

— Трески? — спросил, поднимая взгляд в небо. Оно было до сих пор, мрачное, темное, но дождь больше не плакал, успокоился.

Отчего-то не удивлен. Может потому что никогда не испытывал к нему теплых чувств, да и он отвечал тем же.

А теперь включим обратную прокрутку. Значит он тот, кто вставал на пути между Хаски и Вильмонт. А не знал ли он с самого начал кто такая Ананина, и по этой причине....

Макс всегда подкатывал к Ане и бесил меня, его вечные похотливые глаза следили за ней. А не меня ли он вечно раззадоривал? Или хотел нас разлучить каждый раз. Кто на яхте хватал ее за задницу передо мной? Кто взбесил до трясучки? Кто приперся ко мне в общежитие, капая на мозг? Кто хотел, чтобы я ее продал?

Если вспомнить. Снежный рай. Может быть и тогда он хотел похитить ее из отбойника. А зачем ему Аня? Или это попытка отдалить нас опять? Тогда мы только начали общаться, как люди, едва проникся к ней симпатией и уважением.

А покушения на Аню связаны? Похоже на то. Вероятно предупреждения, желание напугать или что? Насильно женить, лишь бы не на мне или Виталике? Странно, но вообще-то имело смысл.

Ведь Трески намекал, что Аня спит с ним, а потом и вовсе развел, как юнца, заставив продать ее. Самая провальная, отвратительная сделка. Из-за своей гордости потерял Аню и 5 % Колчака. Каждый раз Трески волшебным образом оказывался между нами.

Тогда почему не помешал помолвке?

И тут нашелся ответ. Да потому что Трески — охранники наравне с Польски и их прослушка напичкана почти в каждой комнате дома. Не очень мы с Аней походили на желавших быстрее пожениться и нарожать малышей. А может где-то ненароком прокололись на камеру? Все может быть. Трудно было контролировать эмоции рядом с ней.

Не зря у нас ненависть с Трески в крови, не очень я доверял всегда ему.

— Эй, Санек! — голос мой был тихим, отдающим глухой приказ. — Проверь звонок, это не от Трески ли? Если так, то вырежи мне сердечко старшего Трески, у живого — вырежи. А нашего друга Максимку, как только вернется от Баллийцев, (если решится) слови и переломай ему каждую косточку в теле. Меня так еще не делали...

— Эээ? Точно? — недоуменно поинтересовался Санек.

— Прочно, — ответил. — Прочнее некуда.

И телефон погасил.

Но почему Барс вдруг решил помочь?

Ответ получил на следующее утро, сидя в машине, не смог заставить себя вернуться в ту

квартиру, далеко от больницы не хотел уезжать, поэтому просидел вспоминая и анализируя.

По новостям обнаружил следующее послание. Барс старший скончался в результате несчастного случая, мало меня интересовал действительно это несчастный случай или нет. Поэтому... у Барса младшего оказались развязаны руки и рот. Труслив, но полезен оказался новый знакомый.

Глава 36 "Теперь"

POV Вильмонт

Был седьмой день. Седьмой в полусознательном состоянии, полусонная. Не спалось, я не знаю: спала или не спала, когда очнулась, когда проводили операцию. Хотя это не операция, каждодневная процедура огненного облучения порезов, итак еще четыре дня. А очнулась не знаю когда и на какой день, мне что-то рассказывал врач, а я не слышала или не слушала.

Сегодня противная погода — слишком яркая, солнце слепило и раздражала оболочку глаза, от этого, наверное, плакала. Подушка рядом со щекой стала влажная, противно холодная. Такое ощущение, что погода радовалась тому, что я здесь, тому что вот здесь — руку опустила на белую больничную рубашку и прислонила к животу — здесь «теперь» пусто.

Кого винить? Диму, что накричал? И что дальше? Мы постоянно ругаемся. Я люблю поспорить.

Себя? Я сняла кольцо. Я превысила на шестьдесят километров в час разрешенную скорость. Я отвлеклась от дороги на телефон. Я не поверила врачу, а ведь он намекал, может быть я беременна.

Встречную машину? Криворукого водителя?

А может свою силу перемещения? Ведь если бы я осталась в машине, там я получила только легкое сотрясение и небольшие порезы на руках от лобового стекла. И если бы не переместилась, то меня бы не протащили две машины.

А может еще кого-нибудь винить?

Всевышние силы? Дождь? КОГО ЕЩЕ!?

Но знаю одно — «теперь» не важно, кто виноват.

Смотрела на горшок с красноватым цветком на подоконнике, руку подложив под щеку в этой абсолютно белой палате на одного человека, в полной, постоянной, изматывающей тишине.

Говорили, что процедура регенерации долгая и болезненная, ведь кожа медленно затягивалась, срастались открытые порезы кожи. Сейчас на вид они неровные, концы кожи припухли и приподнимались неестественно вверх. Очень не красивые и красные.

А мне не больно было вовремя процедуры, ощущала лишь легкое желание почесать, но нельзя иначе бы молодую кожицу сдернула. Кажется, я заработала иммунитет к боли навсегда.

«Теперь» ничего не страшно.

Дверь скрипнула слегка, не раздражающе. Врач возможно, чтобы вколоть питательную смесь или витамины какие. Но едва дверь захлопнулась очень тихо и послышался отчетливый звук каблуков от туфель по плитке, я сжала подушку пальцами возле лица крепче. Эти шаги громкие, но аккуратные, и они всегда будто ходили по сердцу. Возле кровати и своей спины почувствовала легкий ветерок от его шагов и резкую остановку.

Молчание с его стороны, молчание с моей.

В окно посмотрела, оттуда он мог слегка разглядеть мои черты лица, и я его высокую, плотную фигуру в костюме. С работы? Или на работу?

Запоздало поняла, что моя левая рука лежала на бедре, местами скрытая тканью рубашку, местами уродливая, красная с запекшейся кровью, опустила ее вниз на кровать, скрывая своим телом.

— Эй... Ань... — голос едва слышный, гораздо тише, чем обычный. — Не знаю, что тебе сказать... я не особенно красноречив, ты знаешь.

Я с такой силы закусила нижнюю губу, надеясь ее прикусить, но не получалось. Боль не помогала прекратить эти постоянно льющиеся слезы, и надеюсь сбоку Хаски не видел моего позора.

— Уговор есть уговор. Я обещал тебе свободу за помощь, да? Я всегда держу обещания, правда в тот раз хотел нарушить. Ну так вот... как хотела ты свободна. И еще одно обещание от меня — Я... Тебя... Больше... Не трону, Можешь... Не Бояться... Меня.

Молчание и мне нечего было ответить. Слова пропали где-то.

Дверь со скрипом открылась, нарушив тишину между мной и им.

— Дмитрий! — прошептал демонстративно разъяренным голосом врач. — Я кому говорил, а ну оставь в покое пациентку! Она еще не прошла в себя после процедуры.

Я слышала, как отдалялись его шаги, «теперь» уже тише и тише, ступая по моему сердцу.

Я не посмела обернуться ему вслед, боялась показать свое уродство. А он ушел один из моей жизни, но об этом узнала чуть позже.

POV Хаски

Я на пятьдесят пятом острове по середине «Золотого» океана. Его так называли по причине того, что когда солнце на пике дня касалось ровной глади воды, та начинала искриться будто желтыми блестками от всевозможных водорослей, растущих на дне.

Остров небольшой, здесь много маленьких, обгорелых Баллийцев. У них и цвет кожи темнее, чем мой. И по сравнению с ними я как великан.

Пальмы и извечная жара, я снял майку и закинул на спину.

Целый месяц, что я сдыхал ежедневно. Сидел на этом странном камне, он гнида нагревался на солнце, а мне срать на всё, я его энергией охлаждал прежде чем усесться. И так проводил время, глядя на подбегавшие небольшие волны, одна за одной. Скоро мы бы с Вильмонт поженились, как я наивно распланировал. Впервые мой тщательно разработанный план и столь страстно желаемый не осуществим.

И впервые я сошел с дистанции прямо возле финишной прямой, когда увидел, что соперник подвернул ногу и упал на землю. И в тот момент понял, что соперник-то мне на самом деле не являлся таковым.

Аня — моя... моя не знаю кто.

Я говорил, что мечты — удел слабаков, так вот значит и я слабак, потому она для меня недостижимая мечта,

Я послал отца с приказом обвенчаться с Кристиной, послал наследство и «теперь» один здесь на краю света у Баллийцев прятался под предлогом, что прохожу курсы повышения квалификации.

Подумать только я с легкостью послал отца, раньше боялся, что он лишит статуса. Смешно получилось. А теперь я добровольно послал. Мне «теперь» ничто не страшно, ведь то, что сильнее жаждал я потерял. А остальное — это оказалось для меня чепухой.

Я любил ее? Неее... это не походит... я, сука, с ума по ней сходил, ловил ее дыхание на

себе, каждую ее улыбку как умалишенный заминал. Ее голос вибрировал в моем теле и в сердце. Не достаточно слова люблю. Я болел, воделел, жаждал, с ума сходил, корчился без нее, изнывал по ней, тосковал. Столько слов еще мог придумать, но всего будет мало. Не достаточно, чтобы описать всю гамму моих эмоций по отношению к Ане.

Я безумно люблю ее и даже сейчас.

Тело кололо невидимыми иголками, каждая клеточка трепетала, гнала куда-то что-то сделать, исправить и не понимал, что надо сделать. Не мог спокойно усидеть на месте.

В очередной раз подскочил с горячего камня, поправил белую футболку на плечах, тело в капельках пота, волосы даже. Да. Не похож на идеального, в белых шортах по колено ступал по горячему песку голыми ступнями. Бастард с помойки, как ни раз повторял.

Где тень? Взглядом обвел пляж и полное отсутствие народа, потому что середина дня и все на работе. Возле воды отдыхающие или смертники, желавшие сгореть от жаркого солнца Баллийцев.

Шел, песок загребал ногами. Я, блядь, деградирую. Нихера не хочу. Сидеть и нихера не делать.

Женский надсадный или испуганный голос где-то раздался. Справа дальше от линии берега возле пальм обнаружил странное скопление мужиков. Они будто что-то рассматривали.

Собственно, меня это не особенно заботит. Опять стал смотреть только вперед под ноги и жаркий песок, мало кто бы решился в пик жары по раскаленному песку ходить голыми стопами.

Женский повторный визг справа. Оглядел с любопытством. Полукругом возле девушки стояли трое мужиков и судя по смеху, и поведению в смерть пьяные.

Мне срать. Я вам не прекрасный принц, спасать и делать добрые дела не намерен.

Блядь, девочка ну хватит ломаться!?

Мужик, какой тонкий развод девушки на секс! Усмехнулся собственным мыслям. В таком темпе она ему даст в следующей жизни.

— Отпустите, пожалуйста! — машинально на голос опять оглянулся на эту компанию, проходя как раз мимо них.

Привлекла фраза.

Вильмонт вечно просила отпустить и это ее «пожалуйста» честно, как издевательство звучало. Воспитание, мать ее.

Вильмонт, да? Оглядел девчонку среди компании амбалов. Девочка — брюнетка, волосы по плечи, низкорослая.

— Да не ломайся, — один из недомужиков сграбастал девушку за талию и подтянул к себе.

— Нет! Я сказала! — почти отчаянно прозвучал вопль девушки.

Нет. Нет. Нет.

Я похоже становлюсь собакой, реагирую на команды «нет».

Ну всё блядь, я зол!

Снял футболку с плеча и рассек воздух, стукнув по ладони.

— Эй, ты недочеловек! — позвал громко, разворачиваясь на ходу. — Тебе сказали нет!

Девчонку отпустили. А три недочеловека, видимо, решили показать, что меня не боятся.

У меня на роже и теле печать стоит, что передо мной трепетать надо. Замахнулся на подходе, вбирая энергию из воздуха, раскрутил по траектории круга энергетические волны и

направил в орудиях уродов. Они что-то говорили, правда не важно что.

Торнадо подхватило три рядом стоявшие тела и выбросило в сторону деревьев.

Это так... легкое им предупреждение и попытка разозлить. Мне нужны достойные соперники, а не мясо для битья.

Оп! Корпус наклонил влево, поднырнул под зеленоватой энергией, которая едва не задела плечо с права. Не знаю, что за энергия с зеленым отсветом, что-то с травой связанное. Не уж-то связать хотели. Меня разве что стальной трос способен сдержать сейчас.

Пришлось даже стартануть резко вперед, одного опрокинуть ударом со лба в темечко, мгновенная отключка. Они пьяные, еще и драться пытались со мной.

Раз — отошел в бок, два — пригнулся, присел, ждал хоть какого-нибудь проявления нормальной бойни. Но тщетно, злости моей они не дадут выйти.

Одного второго взял за шкурки и прислонил затылки друг об друга. Ох, зазвенели черепки, сладко загудели, как гонг победы. Но я не удовлетворен, я, как и был зол.

Девушка в стороне стояла.

— Эй, ты нормально? Жива? — спросил глухо у застывшей девушке с руками возле груди. Я на зверя похож, правда? Так Вильмонт всегда говорила, что я животное рядом с ней и она боялась меня.

Девушка кивнула.

— Ддда, — ответила чуть заикаясь. Правильно, меня можно только бояться.

Поднял футболку белую с песка, упала каким-то образом, отряхнул от песчинок и пошел в том направлении, которое мне необходимо. В бунгало, на гамак и в тень. Хочу тень, холод, лед.

— Простите, пожалуйста, — услышала с опозданием и девчонке чуть на ногу не наступил и не сшиб ее бедную. Вовремя поймал за локти.

— Ты думаешь, куда летишь, я бы тебя раздавил! — грозно отчитал мелкую.

— Я, извините! — выпалила незнакомка. — Я испугалась и не поблагодарила вас. Спасибо!

— Принято, — кивнул и отнял руки от девчонки. Продолжил идти в тишину и покой.

— А вас как зовут? — опять вынырнула почти перед носом и попыталась соответствовать моему шагу. А это очень сложно у меня ноги, как две ее в длину.

— А тебе зачем, мелкая? — поинтересовался нехотя, но шаг не сбавил.

— А где вы отдыхаете? Я тоже здесь отдыхаю! — неугомонная и настырная.

Резко затормозил, на что девчонка не отреагировала и несколько шагов сделала дальше меня. Я скрестил руки под грудью, а она вернулась обратно.

— Девочка, давай уясним, мне как бы за твое спасение ничего не надо! Ноги тоже раздвигать не надо, — раскраснелась-то вся. Я всегда говорю правду. — Я был зол и мне надо было на ком-то сорваться. Поверь, я не принц! Зарубила себе на носу!

И я пошел, не смотря на ее округлившиеся серые глаза. Девочка в шоке.

— А можно я вас вечером ужином угощу? Ну как бы плата за спасение, а то мне не удобно. Вы могли пострадать? — услышал в спину неуверенное предложение.

— Ну угощай, — ответил, не разворачиваясь. — 25 домик, — добавил чуть тише.

POV Вильмонт

Уже при выписке, когда брат забирал из больницы было очень тепло, птицы пели, благоухали весенние цветы. Я сидела в машине на переднем сидении, страха не было.

Небольшое опасение, но я наступила на горлу этому чувству и залезла в прохладный мягкий салон. Я не смогу избегать машин в будущем.

Кажется Павел стал еще роднее, ближе, чем когда-либо, это он ухаживал за мной, чаще всех остальных.

Привез брат ко мне домой обратно.

Я бросила сумку где-то поблизости. Брат залез в холодильник, достал упаковку сока, нашел в шкафчике бокал и наполнил его прохладным желтоватым напитком.

— Ты не в курсе про Трески? — я покивала головой в разные стороны. — Вот шифровщики. Задача выполнена сестренка, ты опять на пять с плюсом выполнила задание. Год назад примерно мы обнаружили, что кто-то вставляет нам палки в колеса. Это обнаружил папаня наш, зацепки то тут то там. Кто-то третий подставлял нас друг перед другом. Вот они и задумали такой хитроумный план — свести вас мнимой свадьбой, надеясь, что этот третий человек вылезет наружу. Так и случилось, — брат медленно попивал с жары напиток и рассказывал, с улыбкой, с веселым настроением. — Это была идеальная ловушка. У вас же дома стояла прослушка чья? Трески. Трески занимается охранной Хаски. Они-то и узнали о твоей беременности, а дальше напуганные мнимыми наследниками W и X совершили ряд проколов. Его папаша застрелился, а Макс ныкается где-то.

Я ничего не чувствовала от этих новостей. Должна была как-то отреагировать на его рассказ, но могла думать только об одном. Пашка улыбнулся, отпив сок, на его губах желтая полоска.

— Чуть не забыл. Ты свободна, Диман просил сказать тебе. Документы на расторжение у тебя в комнате, подпиши, когда посчитаешь нужным. Диман подписал, пожелал тебе удачи и хорошего замужества.

— А где он? — вырвалось к неожиданности.

— Его нет, он к Баллийцам по делам поехал. Насколько знаю проходит курсы повышения квалификации.

Я присела на диван кожаный, черный возле окна и не знала, что сказать и сделать.

Он отпустил меня!?

Я проводила каким-то образом Пашу, не помню как. Но в тот момент почувствовала насколько одинока в этом мире. Со мной нет никого. Я одна в этой огромной, шикарной квартире. А в наших семьях напротив все наконец-то чисто и прозрачно. Мы доверяем друг другу чуть больше, чем раньше. Мы сосуществуем, как Немийцы. Наша страна крепнет.

В тот же день отправилась в пианино.

Моя ненавистная тетка хотела что-то крикнуть. Я махнула рукой, чтобы отстала, а сама побежала на третий этаж. Мимо родного коридора, утопающего в зелени цветов, бордового ковра на стенах и на полу. Уют и вот она дверь, которую всегда ненавидела.

Распахнула вход. В раскрытые настежь окна светило ярко солнце, ветер перебирал занавески своим дуновением, запах цветов с улицы и тишина.

Пошла в соседнюю дверь со входной, там коридор в наши комнаты. Зашла в свою, окинула взглядом, чувствуя как от ностальгии защемило в груди. Оттуда в ванную комнату, там я выбросила его кольцо со скорпионом. Когда дарил, сказал, что я настолько же ядовита. Куда я его выбрасывала? Не знаю зачем наклонилась к джакузи, встав на колени и поводила

рукой, пытаясь нащупать. И нащупала. Не поверила ощущению, может глюк? Вытянула руку и обнаружила зажатое в ладони мое кольцо. Мое кольцо-скорпион. С ярким темно-синим камнем.

Всем сердцем понимала, что этот дом пустовал, нет средств обихода. Нет лишней одежды, моющих средств, еды...ничего. Но все равно вошла в его комнату дальше по коридору.

Твоя комната. Мы здесь спали еще тогда давным давно в прошлой жизни. Ты обнимал мое тело, не меня, а мое тело, но я все равно сохранила это ощущение в памяти.

Заправленная кровать — огромная под балдахином белым, там мы были словно в своем мирке, закрытые ото всех вуалью.

А теперь там пусто. Не тронутое покрывало.

Последний раз оглядела его квартиру остановилась возле кухонного стола, достала из кармана шорт второе маленькое колечко и прислонила к первому. Проверяя будто насколько похожи. Идентичные два скорпиона. А затем аккуратно оба колечка положила на ровную поверхность стола.

Я и первое подаренное тобой оставила у себя, а «теперь» возвращаю. На одном — любовь, на другом — ненависть.

Меня всегда разрывало от этого двойственного ощущения.

«Теперь» хочу их вернуть ему оба.

Спустя полчаса была в общежитие, ловила улыбки, приветы от разных людей. От Аристократов в том числе, поздравления с выздоровлением. Да, жизнь немного изменилась в Немии.

— Поздравляю с выздоровлением. Мы тебе тортик испекли, — Волчица, приобняв меня за плечо, прижала к себе.

— Хочешь сказать. Машка испекла, а вы только мешались? — усмехнулась я.

— Как ты угадала! На, держи! — Кристина выхватила из рук Маши сладкое угощение на тарелочке и выдала мне с улыбкой.

Пора перевернуть страницу в жизни, последняя ночь, когда буду вспоминать Хаски. Здесь, на кровати в общежитие, глядя на желтоватые родные стены, где боялась прихода Хаски. Где получила столько жестоких уроков. Здесь я ждала его и боялась каждую ночь, пока он не забрал меня в свой дом. Всего чуть-чуть я буду помнить эти дни, а завтра с утра забуду эту страницу, как и ты... Хаски.

Пора забыть обо всем, что мне ненавистно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net